КРАТКОЕ

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ

ИСТОРІЮ ГРЕЦІИ

Лекціи

Проф. В. Бузескула.

ХАРЬКОВЪ—1910.

DF
211

098
46

Типо-Литографія М. Х. Сергѣева.—Харьковъ, Московская, 14.
1910.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Заглавіе: «Краткое введеніе въ исторію Греціи», для книги въ 250 съ лишкомъ страницъ, можетъ показаться страннымъ. Но я называю это «Введеніе» краткимъ лишь по сравненію съ тѣмъ, которое было мною выпущено въ 1903 г. (1-мъ изд.) и затѣмъ въ 1904 г. (2-мъ изд.): издаваемое теперь меньше прежняго вдвое. Тогда, «на рубежѣ истекшаго XIX и новаго XX стол.», какъ говорилъ я въ «Предисловіи» къ первому изданію, «мнѣ казалось особенно умѣстнымъ и полезнымъ обозрѣть тотъ разнообразный матеріалъ, которымъ какъ въ видѣ источниковъ, такъ и въ видѣ пособій, располагаетъ современная наука по части греческой исторіи, и, такъ сказать, подвести итогъ, — показать, что сдѣлалъ минувшій вѣкъ по разработкѣ этой исторіи, какъ мѣнялись точки зрѣнія и направленія въ ея изученіи; мнѣ хотѣлось дать очерки исторической мысли, насколько она проявилась въ обработкѣ греческой исторіи, изобразить то движеніе, которое происходило въ этой области, обозрѣть великія открытія за послѣднія десятилѣтія и проч. На подобнаго рода обзоры я смотрю не только какъ на справочную книгу, но и какъ на главы изъ исторіи нашей науки, какъ на страницы изъ исторіи умственной жизни древности и XIX в.».

Мое большое «Введеніе» встрѣчено было съ такимъ сочувствіемъ, какого я не ожидалъ: первое изданіе его разошлось въ теченіе года; второе теперь тоже уже исчерпано; Академія Наукъ удостоила его преміи имени гр. Д. А. Толстого; въ Прагѣ, при

содѣйствіи Чешской Академіи, лѣтомъ 1909 г. оно появилось въ чешскомъ переводѣ г. Веверки. Но, какъ пособіе, это «Введеніе» было слишкомъ обширно и по самому своему объему мало доступно. въ томъ матеріалѣ, который оно содержало, приступающіе къ изученію греческой исторіи нелегко разбирались. Необходимо было дать менѣе обширное и болѣе доступное пособіе.

Желаніе удовлетворить замѣчавшейся потребности, облегчить пользованіе моимъ «Введеніемъ» и сдѣлать его во всѣхъ отношеніяхъ болѣе доступнымъ и побудило меня переиздать его въ видѣ настоящей книги. Планъ, основа и самый способъ изложенія тутъ тѣ-же, что̀ и въ прежнемъ, большомъ «Введеніи». Но я, насколько могъ, тщательно пересмотрѣлъ его и то, что̀ носило характеръ слишкомъ спеціальный или казалось мнѣ второстепеннымъ, выпустилъ или сократилъ. Менѣе всего подверглись сокращенію отдѣлы о надписяхъ и о поэтахъ, философахъ, ораторахъ въ началѣ книги (такъ какъ эти отдѣлы и безъ того были довольно кратки) и послѣднія главы — о новѣйшихъ открытіяхъ и трудахъ, а въ особенности объ общемъ характерѣ современнаго научнаго движенія въ области греческой исторіи (такъ какъ болѣе подробное знакомство съ этими вопросами я считаю необходимымъ). Сокращенія коснулись главнымъ образомъ мѣстъ, гдѣ преобладала номенклатура, сухой перечень именъ, затѣмъ—многочисленныхъ примѣровъ, приводимыхъ для характеристики той или другой черты разсматриваемыхъ авторовъ, и вообще нѣкоторыхъ длиннотъ. Ничѣмъ существеннымъ, мнѣ кажется, я не пожертвовалъ. Напротивъ, это существенное, главное, здѣсь должно было бы выступить выпуклѣе, рельефнѣе, не будучи заслонено второстепенными подробностями[1]). Въ библіографическихъ ссылкахъ я тоже старался выдѣлить болѣе главное или болѣе доступное, дать не исчерпывающія, а лишь руководящія указанія. Только въ отношеніи русской литературы придерживался я иного масштаба: здѣсь указанія, по понятнымъ

[1]) Нѣкоторыя подробности, которыя я считалъ полезнымъ сохранить, выдѣлены мною: онѣ напечатаны болѣе убористо и ихъ при чтеніи можно пропускать, не нарушая связи.

причинамъ, сравнительно подробнѣе и полнѣе. Но сокращая, я въ то-же время внесъ въ это «Краткое введеніе» и немало дополненій, преимущественно въ отдѣлѣ о новѣйшихъ открытіяхъ и работахъ. Нѣкоторыя страницы написаны мною вновь, напр. объ Оксиринхскихъ отрывкахъ изъ «Греческой исторіи» (стр. 192—193; ср. стр. 72 о Кратиппѣ), о Менандрѣ (стр. 195—6), о раскопкахъ на югѣ Россіи (стр. 214—217), трудахъ по культурной исторіи Греціи послѣ Буркгардта (стр. 235), «Лекціяхъ» Р. Ю. Виппера, статьяхъ Ѳ. Ф. Зѣлинскаго (стр. 241—243), не говоря уже о другихъ, мелкихъ добавленіяхъ (напр., о трудахъ по исторіи эллинизма на стр. 139) и исправленіяхъ.

Замѣнить вполнѣ большое «Введеніе» эта книга не претендуетъ, но она, думается мнѣ, имѣетъ право на существованіе рядомъ съ нимъ. Она преслѣдуетъ нѣсколько иныя цѣли и разсчитана на нѣсколько иной кругъ читателей: то былъ курсъ болѣе спеціальный, это—курсъ болѣе общій (который собственно и послужилъ первоосновою для моего печатнаго «Введенія»). Издаваемый текстъ соотвѣтствуетъ приблизительно тому, какъ я обыкновенно читаю, давая въ началѣ курса греческой исторіи обзоръ ея источниковъ и ея разработки, и назначеніе этой книги—служить преимущественно пособіемъ для студентовъ университета и для слушательницъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Полнымъ же 3-мъ изданіемъ моего «Введенія» пока является упомянутый чешскій переводъ, для котораго мною сдѣланы необходимыя добавленія и измѣненія.

Въ заключеніе могу повторить слова, которыми заканчивалось «Предисловіе» къ 1-му изданію моего «Введенія»: «Не безъ колебаній выпускаю я въ свѣтъ свои лекціи, посвященныя изученію столь непопулярной въ нашемъ обществѣ греческой древности. Но между тѣмъ классицизмомъ или, вѣрнѣе, грамматизмомъ, который вызвалъ къ себѣ такую антипатію, и научною исторіею Греціи и Рима нѣтъ ничего общаго, и нельзя антипатіи къ первому переносить на изученіе античнаго міра вообще, тѣмъ болѣе, что именно въ настоящее время это изученіе вступаетъ какъ-бы на новый путь—разработки съ болѣе широкой исторической точки зрѣнія; въ области древне-

греческой исторіи, равно какъ и исторіи древняго Востока, совершаются такія открытія и такое движеніе, какъ ни въ одной другой сферѣ современнаго историческаго знанія, и, если мнѣ удалось дать хотя блѣдное изображеніе этого движенія, дать хотя нѣкоторое понятіе о богатствѣ новаго для насъ матеріала, о той живой, энергичной работѣ, которую ведутъ теперь въ этой области почти всѣ культурныя націи Европы и Америки, — я буду считать себя удовлетвореннымъ».

В. Бузескулъ.

Харьковъ,
24 декабря 1909 г.

Добавленія и поправки.

Стр. 7, прим. См. также В. К. Трутовскій, Нумизматика. Вып. 1. М. 1909.

Стр. 9, стр. 6 сверху. Вм. надгробія слѣдуетъ эпитафіи.

Стр. 16 Надписями интересовались еще въ эпоху гуманизма (напр. Кириакъ изъ Анконы, въ XV в.).

Стр. 31. Греческая исторіографія въ начальной стадіи своего развитія связана не только съ эпосомъ гомерическимъ, а еще болѣе съ произведеніями такъ назыв. кикликовъ, бравшихъ сюжеты изъ круга сказаній о Троянской войнѣ, съ поэмами о возвращеніи героевъ изъ-подъ Трои, такъ назыв. Νόστοι, въ которыхъ воспѣвались основанія (κτίσεις) знаменитыхъ городовъ этими героями, въ особенности же съ эпосомъ гесіодовскимъ, генеалогическими поэмами, устанавливавшими родословную боговъ и героевъ и представлявшими иногда исторію отдѣльныхъ племенъ и поколѣній, и съ эпосомъ географическаго содержанія, въ родѣ, напр., разсказа Аристея о фантастическомъ путешествіи въ страны къ сѣверу отъ Понта (Герод., IV, 13 сл.). Кромѣ того, элементомъ, изъ котораго развилась греческая исторіографія, въ ея первоначальной формѣ, служили записи и списки (побѣдителей на играхъ, должностныхъ лицъ жрецовъ или жрицъ и т. под.).

Стр. 56, стр. 11 сверху. Вм. Θукидитъ слѣд. Θукидидъ.

Стр. 93, прим. 2. Вм. des. Kritias слѣд. des Kritias.

Стр. 96, стр. 14 сверху. Вм. Дикеарху слѣд. Дикэарху. Ему принадлежитъ также очеркъ культурной исторіи Греціи, подъ заглавіемъ «Жизнь Эллады» (Βίος Ἑλλάδος), начиная съ «золотого вѣка» и до Александра Македонскаго.

Стр. 139. Къ числу трудовъ по исторіи эллинизма слѣдуетъ отнести и монографію Bouché-Leclercq, Histoire des Lagides. P. 1903—7. 4 т.

Стр. 145. Э. Курціусу принадлежитъ «іонійская» гипотеза, развитая имъ въ изслѣдованіи «Die Jonier vor der ionischen Wanderung» (1855), гдѣ онъ доказывалъ, что первоначальная родина іонянъ—М. Азія и что послѣдующая іонійская колонизація мало-азіатскаго побережья является возвращеніемъ потомковъ на родину предковъ. Гипотеза эта вызвала много споровъ и признана несостоятельною.

Стр. 159, стр. 1 прим. Вм. beschrieben. von H. Schmidt слѣд. beschrieben von H. Schmidt; въ концѣ прим. см. еще на рус. яз.—г-жа Тира Соколовская, Микенская керамика. Спб. 1904.

Стр. 181, стр. 15 сверху. Вм. Altherthum слѣд. Alterthum.

Стр. 188, стр. 13 сверху. Изслѣдованія Э. Р. ф. Штерна о вазахъ и вообще по археологіи Южной Россіи—преимущественно въ «Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.»

Стр 192, прим., стр. 3 снизу. Вм. Okyrhynchia слѣд. Oxyrhynchia

Стр. 212, стр. 4 сверху. Вм. Кинта слѣд. Кинѳа.

Стр. 243, стр. 24 сверху. Вм. напр. Вебера слѣд.: напр Ранке, Вебера.

Стр. 244, стр. 14 сверху. Въ рус. литер. важенъ трудъ кн С. Н. Трубецкого· «Метафизика въ др. Греціи». М 1890.

I.

Обзоръ источниковъ.

Arnold Schaefer, Abrisz der Quellenkunde der griechischen und römischen Geschichte. 1-te Abteilung. 4-te Aufl Leipz. 1889 (краткій, чрезвычайно сжатый обзоръ, содержащій главнѣйшія указанія, біографическія данныя и свидѣтельства древнихъ о каждомъ историкѣ); C. Wachsmuth, Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipzig, 1895 (обширный томъ, болѣе 700 стр.; немало вѣрныхъ замѣчаній, богатый матеріалъ, но нѣсколько странно и неудобно распредѣленный, безъ надлежащей системы, и, кромѣ того, непропорціонально обработанный). Обзоры и оцѣнку источниковъ можно найти и въ общихъ трудахъ по исторіи Греціи Busolt'a, Holm'a, Pöhlmann'a, Beloch'a, E. Meyer'a (особенно въ его Forschungen zur alten Geschichte. Halle. 1892—9. 2 т.). См. также Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles und Athen. Berlin. 1893, 2 т., въ особенности въ началѣ II-го тома.

Объ источникахъ вообще и о пользованіи ими, объ исторической критикѣ и ея пріемахъ см. главн. образ. Bernheim, Lehrbuch der Historischen Methode. 5-te und 6-te Aufl. Leipz. 1908 (ср. его краткое «Введеніе въ историческую науку». 1908, въ русск. пер.) и Langlois et Seignobos, Introduction aux études historiques. 2-me éd. Paris. 1899 (есть русск. перев.). Кромѣ того, Tardif, Notions élémentaires de critique historique (русск. пер Воронежъ. 1893) и ст. Ѳ. Я. Фортинскаго, Опыты систематической обработки исторической критики (изъ Кіевск. Универс. Извѣстій за 1884).

Понятіе объ источникахъ.

Всякій сколько-нибудь серьезно изучающій исторію не долженъ довольствоваться руководствами и вообще новѣйшею литературою, такъ называемыми пособіями, по интересующему его вопросу: онъ долженъ обращаться къ самымъ источникамъ, т. е. къ тѣмъ уцѣлѣвшимъ остаткамъ и памятникамъ прошлаго, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова (вещественнымъ, письменнымъ и проч.), изъ которыхъ историческая наука черпаетъ свой матеріалъ,—которые служатъ исходнымъ пунктомъ, перво-

основою нашихъ свѣдѣній по данному вопросу,— откуда свѣдѣнія эти проистекаютъ, ведутъ свое начало.

Источники бываютъ обыкновенно чрезвычайно разнообразны. Источниками греческой исторіи служатъ:

1) Языкъ.

Изученіе языка даетъ матеріалъ для своего рода «лингвистической палеонтологіи», и наукѣ «сравнительнаго языкознанія», блестяще развившейся въ XIX столѣтіи, исторія обязана немало[1]). Языкъ проливаетъ свѣтъ, напр., на происхожденіе греческаго народа, на его родство или отношеніе къ другимъ народамъ Благодаря главнымъ образомъ ему, мы знаемъ, что греки принадлежали къ индо-европейцамъ, что они родственны индусамъ и иранцамъ, ѳракійцамъ и фригійцамъ, римлянамъ, кельтамъ, германцамъ, литовцамъ и славянамъ.... Исторія греческихъ діалектовъ до нѣкоторой степени освѣщаетъ и исторію греческихъ племенъ. Языкъ, далѣе, служитъ показателемъ умственнаго развитія народа, его культуры. Изъ существованія слова для обозначенія какого-либо предмета, понятія, мы можемъ, напр., вывести заключеніе, что и самый предметъ, самое понятіе были извѣстны этому народу.

Въ языкѣ отражается характеръ и духовная жизнь народа, его міровоззрѣніе. По словамъ поэта,

> «Языкъ есть исповѣдь народа:
> Въ немъ слышится его природа,
> Его душа и бытъ родной»[2]).

Языкъ въ свою очередь продуктъ историческаго развитія и имѣетъ свою исторію, которая неразрывно связана съ исторіей самаго народа: это—организмъ, который живетъ и развивается вмѣстѣ съ послѣднимъ[3]).

---

[1]) О Шрадеръ, Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія. Спб. 1886 (пер. съ нѣм.; въ подлинникѣ имѣется 3-е изд. 1906). Ср. его-же, Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. Strassb. 1901.

[2]) Кн. Вяземскій. См. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Древн. міръ и мы. Спб. 1905, стр. 36 («Изъ жизни идей», т. II).

[3]) Какіе важные для исторіи выводы можно дѣлать на основаніи языка, показываетъ, между прочимъ, примѣръ Kretschmer'a, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen. 1886; Hoffmann, Die griechischen Dialekte in ihrem historisch. Zusamnenhange Gottingen. 1891—8. 3 т.

2) Преданія (миѳы и сказанія)[1]).

Преданія—миѳы и различнаго рода сказанія (саги, легенды и т. под.)—въ устной формѣ отъ грековъ до насъ не дошли, а сохранились въ памятникахъ искусства и въ письменной литературѣ, въ передачѣ художниковъ, поэтовъ, историковъ, философовъ и пр. Въ нихъ сказывается міросозерцаніе народа, его религіозныя и нравственныя воззрѣнія, взгляды на природу и на прошлое. Значеніе миѳовъ и сказаній

Миѳы имѣютъ отношеніе къ религіи и культу; это попытки младенческой мысли объяснить происхожденіе окружающихъ предметовъ и причину явленій природы, представляемыхъ въ различныхъ символахъ или образахъ и олицетворяемыхъ въ видѣ боговъ и героевъ. Сказанія (саги, легенды) имѣютъ болѣе или менѣе историческую основу, пріурочиваются къ историческимъ событіямъ и лицамъ; это—какъ-бы отголоски прошлаго. Но миѳъ часто соединяется со сказаніемъ, и то, что́ на первый взглядъ представляется сагой, нерѣдко въ своей основѣ имѣетъ миѳъ; затѣмъ, первоначальный смыслъ часто затемняется или постепенно измѣняется.

Въ сказаніяхъ отражается прошлое; въ основѣ ихъ лежитъ нерѣдко дѣйствительный фактъ, украшенный вымысломъ и поэтической фантазіей; это соединеніе поэзіи и дѣйствительности. Но отдѣлить вымыслъ отъ правды, извлечь изъ фантастической оболочки, изъ массы вымысловъ, зерно исторической дѣйствительности или дать надлежащее объясненіе миѳу,—дѣло нелегкое, тѣмъ болѣе, что здѣсь нужно еще считаться съ возможностью заимствованія или съ затемнѣніемъ и измѣненіемъ первоначальнаго Толкованіе ихъ

[1]) Mythographi graeci, ed. Westermann (Braunschweig. 1844) и новѣйшее изданіе Wagner-Sakolowski-Martini (въ Bibl. Teubneriana); Preller, Griechische Mythologie. Berlin. 1854 (I т.—въ новомъ изд., въ обработкѣ Robert'a); Roscher, Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Leipz. (1884 сл.); Штоль, Миѳы классической древности. Пер. съ нѣм. 2-е изд. М. 1877—80. 2 т.; Max Muller, Nouv. études de mythologie. P. 1898 (пер. съ англ.); его-же, Beiträge z wissenschaftl. Mythologie. Leipz. 1898 (пер. съ англ.); Gruppe, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte (въ коллекціи Iw. Müller'a, Handbuch d. klass. Altertumswissenschaft). 1897—1905; Wundt, Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte. Leipz. 1906. 2 т.; S. Reinach, Cultes, mythes et réligions. P. 1905—6. 2 т.; Э. Лангъ, Миѳологія. М. 1901 (перев.); Узенеръ, Что такое миѳологія? Казань. 1908, пер. съ нѣм. («Изв. Общ. Археол., Истор. и Этногр.», XXIV). Изъ старыхъ трудовъ—K. O. Müller, Prolegomena zu einer wissenschaftlich. Mythologie. 1825. Изъ журналовъ важенъ Archiv f. Religionswissenschaft.

смысла. И требуется большая осторожность, тонкій критическій анализъ и обширныя свѣдѣнія, чтобы при объясненіи сказаній или миѳовъ не впасть въ ошибку, въ натяжки или произвольныя, фантастическія толкованія. Немудрено поэтому, если здѣсь существуютъ самыя разнообразныя и противорѣчивыя теоріи [1]). Еще въ древности Евгемеръ, современникъ Александра Македонскаго и діадоховъ, считалъ миѳы лишь искаженною исторіею, а въ богахъ и миѳическихъ лицахъ видѣлъ нѣкогда жившихъ царей и вообще историческихъ дѣятелей. Есть толкованіе миѳовъ аллегорическое, этіологическое (по которому миѳы возникаютъ съ цѣлью объяснить какой-либо обычай, обрядъ, праздникъ или памятникъ); есть объясненія съ точки зрѣнія племенныхъ религій или мѣстныхъ культовъ (К. О. Мюллеръ) и т. д. Одно время господствовала солярная теорія, не оставленная еще и теперь и все сводящая къ солнцу и другимъ небеснымъ свѣтиламъ, къ ихъ движенію—восходу и закату; извѣстнѣйшимъ представителемъ ея былъ «сравнительный миѳологъ» и языковѣдъ Максъ Мюллеръ[2]). А въ настоящее время преобладаютъ теоріи анимизма, принимающая за основу культъ предковъ и духовъ умершихъ, и теорія фольклорная, привлекающая къ объясненію миѳовъ современныя народныя вѣрованія, повѣрья и воззрѣнія. Представителями этихъ теорій въ области греческой миѳологіи являются, между прочимъ, такіе ученые, какъ Роде и Узенеръ[3]). Но ни одна изъ названныхъ теорій не можетъ быть признана безусловно вѣрною.

Нужно имѣть въ виду, что преданіе въ своемъ развитіи, какъ было уже сказано, можетъ видоизмѣняться, утрачивать свой первоначальный смыслъ, а его миѳологическая основа съ теченіемъ времени—отходить на задній планъ или даже совершенно забываться. Въ сущности главная задача изслѣдователя сводится къ объясненію самаго генезиса саги.

Зато миѳы и сказанія являются драгоцѣннымъ источникомъ для знакомства съ духовнымъ міромъ греческаго народа; они показываютъ намъ, какъ этотъ народъ—на извѣстной стадіи своего развитія—смотрѣлъ на природу, какъ объяснялъ онъ окружавшія его явленія; какъ представлялъ онъ себѣ своихъ боговъ и героевъ, свое прошлое, историческія событія и дѣяте-

---

[1]) О нихъ на рус. яз.—ст. *И. В. Нетушила* въ *«Мирн. Тр.», 1902,* II, и докладъ Е. Кагарова (Одесса. 1908).

[2]) У насъ—Л. Ф. Воеводскій, Введеніе въ миѳологію Одиссеи. Одесса. 1882.

[3]) О нихъ—далѣе, во 2-й части.

лей; какъ въ отдѣльныхъ образахъ и лицахъ воплощалъ иногда цѣлые періоды своей исторіи. Съ этой точки зрѣнія сказанія грековъ могутъ имѣть для насъ во всякомъ случаѣ, если не реальную, то иную, такъ сказать, идеальную правду.

3) Памятники вещественные [1]).

Значеніе вещественныхъ памятниковъ.

Памятники вещественные, изученіемъ которыхъ занимается археологія—уцѣлѣвшіе остатки городовъ и поселеній, развалины стѣнъ и различныхъ зданій, начиная отъ дворцовъ и храмовъ и кончая простымъ жилищемъ, могилы, домашняя утварь, вазы, статуи и другія художественныя произведенія, оружіе, украшенія и проч.,—занимаютъ видное мѣсто въ ряду источниковъ греческой исторіи. И чѣмъ древнѣе эпоха, чѣмъ меньше имѣемъ мы о ней достовѣрныхъ письменныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ драгоцѣннѣе для историка подобные вещественные остатки прошлаго: они наглядно знакомятъ насъ съ культурою народа, съ его бытомъ, обычаями и погребальными обрядами, съ его культомъ и религіей, съ его искусствомъ и техникою; они переносятъ насъ въ обстановку, среди которой жили древніе; они оживляютъ наши свѣдѣнія объ общественной и частной жизни грековъ, которую, благодаря имъ, мы можемъ представить себѣ иногда до мельчайшихъ подробностей. На основаніи вещественныхъ памятниковъ мы можемъ дѣлать нерѣдко заключенія и о политическомъ строѣ, о внѣшней исторіи народа, о его сношеніяхъ съ другими странами, о постороннихъ, иноземныхъ вліяніяхъ, на него воздѣйствовавшихъ.

Самымъ яркимъ примѣромъ важности вещественныхъ памятниковъ, какъ историческаго источника, служатъ такъ назыв. троянскія и микенскія древности, открытіемъ которыхъ міръ обязанъ знаменитому Шлиману и затѣмъ его сотрудникамъ и продолжателямъ. Съ ними можно теперь сопоставить критскія древности, открытыя англичаниномъ Эвансомъ и итальянцами[2]). Можно смѣло сказать, что если мы теперь знаемъ что-либо положительное о древнѣйшемъ періодѣ греческой исторіи и о такъ называемой микенской или эгейской культурѣ, то этимъ мы обязаны почти исключительно ихъ раскопкамъ и открытымъ ими вещественнымъ памятникамъ. Благодаря этимъ

[1]) Библіографическія указанія—во 2-ой части, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

[2]) Подробнѣе объ этомъ ниже, въ очеркѣ разработки греческой исторіи.

памятникамъ, предъ нами открылся совершенно новый горизонтъ, приподнялась завѣса, скрывавшая отъ нашихъ взоровъ древнѣйшій періодъ греческой исторіи—періодъ такъ называемой микенской или эгейской культуры, о существованіи которой мы раньше и не подозрѣвали, и пролитъ свѣтъ на связи и взаимодѣйствіе, существовавшія нѣкогда между культурными странами древности, прилегавшими къ восточной половинѣ Средиземнаго моря.

Важнѣйшіе памятники

Итакъ, важнѣйшіе съ точки зрѣнія греческой исторіи вещественные памятники—это древности Трои, Микенъ, а также Тиринѳа и Крита. Къ памятникамъ микенской или эгейской эпохи относятся также могилы въ Спатѣ и Мениди (въ Аттикѣ) и въ южной Ѳессаліи. Сюда отчасти примыкаютъ и памятники Орхомена (въ Беотіи), въ родѣ «сокровищницы царя Минія»—куполообразной могилы, подобной микенскимъ; но среди орхоменскихъ памятниковъ есть и гораздо болѣе древніе, до-микенскаго періода, которые проливаютъ свѣтъ на культуру миніевъ и на связи съ Критомъ; далѣе—развалины и остатки замѣчательныхъ сооруженій, съ цѣлью осушенія, у Копаидскаго озера. Къ числу болѣе важныхъ памятниковъ принадлежатъ также развалины акрополя—среди нихъ остатки дворца микенской эпохи—и другія древности Аѳинъ—мраморы Парѳенона, статуи эпохи до греко-персидскихъ войнъ и т. под.; древности Олимпіи (напр., фронтоны храма и статуя Гермеса, произведеніе знаменитаго Праксителя), Пергама (въ особенности рельефная группа, изображающая «гигантомахію», борьбу гигантовъ и боговъ, образецъ греческаго искусства временъ эллинизма) и Дельфъ, танагрскія фигуры—терракотовыя статуэтки, наглядно знакомящія насъ съ обыденною жизнью грековъ; развалины Эфеса и его храма, Милета и Пріэны, гдѣ открыты остатки города съ его улицами, площадями и зданіями; древности острова Ѳеры (Санторина) и священнаго для грековъ Делоса, городовъ—Ольвіи, Херсонеса, Пантикапеи и другихъ черноморскихъ колоній грековъ, греческаго поселенія въ Египтѣ—Навкратиса и т. д.

Большая часть изъ названныхъ древностей (какія, конечно, можно было перенести или перевезти) находится въ различныхъ музеяхъ. Такъ, троянскія находки Шлимана, за немногими исключеніями, хранятся въ Берлинѣ, въ Этнографическомъ музеѣ, микенскія древности—въ Аѳинскомъ національномъ музеѣ, критскія—въ мѣстномъ музеѣ въ Кандіи, древности, найденныя на аѳинскомъ акрополѣ,—въ музеѣ Акропольскомъ, мраморы Парѳенона—въ Британскомъ музеѣ, пергамскія

древности—въ Берлинѣ; для древностей Олимпіи и Дельфъ построены музеи на мѣстѣ; лучшая коллекція танагрскихъ фигуръ находится въ Луврѣ, а греческія древности юга Россіи хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ мѣстныхъ музеяхъ Керчи, Херсонеса, Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и друг., не говоря о частныхъ коллекціяхъ.

Монеты[1]).

Среди вещественныхъ памятниковъ, какъ особую категорію, нужно отмѣтить монеты, изученіе которыхъ составляетъ предметъ спеціальной научной дисциплины—нумизматики.

Эти «металлическіе» источники важны во-первыхъ для исторіи экономической—для исторіи денегъ и денежнаго обращенія, торговыхъ сношеній и пр. Они имѣютъ значеніе и для политической исторіи: на основаніи монетъ можно дѣлать заключенія о взаимныхъ отношеніяхъ государствъ или городовъ, о ихъ политической зависимости или независимости—такъ какъ чеканка монеты есть актъ суверенитета—, о существованіи союзовъ и т. под. Такъ, напр., благодаря только нумизматическимъ даннымъ, мы узнаемъ о томъ, что послѣ битвы при Книдѣ между различными греческими городами заключенъ былъ союзъ: остальные наши источники объ этомъ умалчиваютъ. Монеты нерѣдко даютъ намъ портреты историческихъ дѣятелей. Такъ какъ онѣ снабжены именами, а иногда и датами, то имѣютъ большое значеніе и для хронологіи. Иногда, благодаря лишь монетамъ, мы узнаемъ о существованіи лицъ и цѣлыхъ династій, о которыхъ до насъ не дошло никакихъ другихъ свѣдѣній. Особенно это нужно сказать объ эпохѣ такъ называемаго эллинизма: по исторіи отдаленныхъ эллинистическихъ государствъ, напр. Бактры, монеты—едва-ли не единственный нашъ источникъ, изъ котораго мы черпаемъ хотя нѣкоторыя

---

[1]) Dannenberg, Grundzüge der Munzkunde, Leipz. 1891; Halke, Einleitung in das Studium der Numismatik. Berlin. 1899; Th. Reinach, L'histoire par les monnaies. P. 1902; Head, Historia nummorum. A manuel of greek numismatik. Oxford. 1887 (ср. Σβορῶνος, Ἱστορία τῶν νομισμάτων. 1898. 2 т.); Hill, Handbook of Greek and Roman Coins. Lond. 1899; Historical greek coins. Lond. 1909; Babelon, Les origines de la monnaie P. 1897; Traité des monnaies grecques et romaines. P. 1902 сл. 3 т.; Марковъ, Древн. нумизматика. Спб. 1901, т. I. Берлинскою Академіею Наукъ предпринято изданіе Corpus nummorum (1899 сл.) подъ редакціей извѣстнаго спеціалиста Imhoof-Blumer'a. См. также каталоги греческихъ монетъ, хранящихся въ музеяхъ; у насъ—труды П. О. Бурачкова, А. В. Орѣшникова и друг.

отрывочныя данныя. Монеты, благодаря имѣющимся на нихъ изображеніямъ, способствуютъ нашему знакомству съ миѳологіей грековъ, а также съ домашнею жизнью ихъ, съ одеждой, вооруженіемъ. Наконецъ, онѣ знакомятъ и съ состояніемъ искусства, такъ какъ онѣ сами—отчасти произведеніе искусства.

4) Надписи [1]) и рукописные документы.

Надписи стоятъ, такъ сказать, на рубежѣ между памятниками вещественными и собственно письменными; онѣ составляютъ какъ-бы переходъ отъ первыхъ ко вторымъ.

Надписи начертывались на стѣнахъ зданій, на подножіяхъ алтарей и статуй и вообще на различныхъ предметахъ—треножникахъ, монетахъ, вазахъ, черепкахъ (ὄστρακα), на деревянныхъ и металлическихъ доскахъ или табличкахъ; но въ громадномъ большинствѣ онѣ вырѣзывались на камняхъ—на отесанныхъ, преимущественно мраморныхъ, стелахъ, при чемъ если надписи были характера оффиціальнаго, то ихъ выставляли обыкновенно въ публичныхъ мѣстахъ, въ акрополѣ, на площадяхъ, въ храмахъ и т. д.

Размѣры надписей—различные, отъ нѣсколькихъ буквъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Такъ, напр., знаменитая Гортинская надпись состоитъ изъ 12 столбцовъ и содержитъ въ въ себѣ до 17000 буквъ, а одна дельфійская надпись II-го в. до Р. Х. имѣетъ болѣе 500 строкъ и 60000 буквъ.

Значеніе и содержаніе надписей.

Среди источниковъ греческой исторіи надписи занимаютъ чрезвычайно важное мѣсто и уже въ виду этого должны быть выдѣлены въ особую категорію. Для греческой исторіи онѣ, говоря вообще, имѣютъ то же значеніе, что̀ для новой—архивные документы. Онѣ составляютъ какъ-бы каменный музей или архивъ Эллады, и въ нѣкоторыхъ областяхъ ея, напр., въ Аттикѣ, каждый городъ, почти каждая деревушка имѣли свой подобнаго рода архивъ.

Содержаніе надписей—самое разнообразное. Онѣ представляютъ собою государственные и частные договоры, законы, постановленія народныхъ собраній, совѣта, отдѣльныхъ общинъ, фрат-

---

[1]) S. Reinach, Traité d'épigraphie grecque. Paris. 1885; Chabert, Histoire sommaire des études d'epigraphie grecque en Europe (Revue archéolog. 1905—6, и отдѣльно); Larfeld, Griechische Epigraphik. 1892 (въ Handbuch d. klassisch. Altertumswissensch., hrsg. von Iw. v. Müller, 2-te Aufl.), и его-же, Handbuch der griechischen Epigraphik. 1898 сл.; Н. И. Новосадскій, Греч. эпиграфика. Ч. I. М. 1909.

рій, гетерій, списки фороса или дани, списки жрецовъ, архонтовъ и другихъ должностныхъ лицъ, тріэрарховъ, хореговъ, павшихъ въ бою воиновъ, побѣдителей на играхъ, эфебовъ; декреты въ честь того или другого лица, о дарованіи права гражданства, о проксеніи, отпускныя на волю грамоты; контракты, долговыя обязательства, инвентари, описи и счета; посвященія и надгробія, заклинанія и проч., и проч. Такимъ образомъ, надписи обнимаютъ государственную, религіозную и частную жизнь; даютъ свѣдѣнія о внѣшнихъ отношеніяхъ и политикѣ греческихъ государствъ, о ихъ внутреннемъ положеніи и организаціи, объ ихъ администраціи, правѣ, судѣ, финансахъ, хозяйствѣ, численности населенія и т. д., и притомъ—свѣдѣнія документальныя. Онѣ дополняютъ или исправляютъ свидѣтельства древнихъ авторовъ, сообщая нерѣдко совершенно новые для насъ факты. Надписи чужды той субъективности, которая отличаетъ произведенія историковъ, даже самыхъ безпристрастныхъ; по большей части онѣ болѣе или менѣе современны событію, котораго касаются, и дошли до насъ непосредственно, не подвергаясь искаженію со стороны многочисленныхъ переписчиковъ. Одинъ спеціалистъ по изученію надписей говоритъ, что ему казалось, будто онъ снова приближается къ грекамъ и римлянамъ всякій разъ, когда онъ приближается къ ихъ мраморамъ. Нужно однако помнить, что, при всемъ своемъ значеніи, надписи не могутъ вполнѣ замѣнить литературные источники, и безъ послѣднихъ обойтись нельзя.

Недостатки надписей, какъ источника.

Какъ источникъ документальный и притомъ большею частію оффиціальный, надписи о многомъ ничего не сообщаютъ; да иногда и не могутъ сообщить по самому свойству эпиграфическаго матеріала. Онѣ надписи не познакомятъ насъ съ явленіями бытовыми, съ духовнымъ міромъ грековъ, съ міровоззрѣніемъ общества; онѣ мало скажутъ намъ о его стремленіяхъ, взглядахъ, идеалахъ, о перемѣнахъ въ нихъ, объ умственномъ движеніи. Надписи, кромѣ того, лишены, такъ сказать, индивидуальности. Въ этомъ ихъ и достоинство, и недостатокъ. Въ нихъ не выступаетъ предъ нами личность, съ ея особенностями, съ ея темными и свѣтлыми сторонами, съ мотивами и страстями: въ нихъ говоритъ обыкновенно должностное лицо, безличный государственный органъ. Самая форма и стиль надписей—шаблонны, стереотипны, не носятъ на себѣ индивидуальныхъ чертъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что даже и по отношенію къ источнику документальному, каковы надписи, необходима критика. Простой опытъ повседневной жизни и примѣры изъ исторіи другихъ эпохъ и народовъ показываютъ намъ, что не всегда

документамъ можно вѣрить безусловно: и къ нимъ должна быть приложима критика въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Надписи, напр., о многомъ могутъ съ намѣреніемъ умалчивать, утаивать, сглаживать и стушевывать факты, представлять дѣло въ нѣсколько иномъ свѣтѣ; онѣ являются иногда оффиціальною версіею, мало соотвѣтствующею дѣйствительности. О насиліяхъ и правонарушеніяхъ оффиціальный актъ ничего не скажетъ; онъ облечетъ все это, по возможности, въ законныя, приличныя формы. Не говорю уже о постановленіяхъ, напр., въ честь какого-либо лица: въ такихъ случаяхъ заслуги обыкновенно преувеличиваются.

Важнѣйшія надписи.

Къ числу древнѣйшихъ эпиграфическихъ памятниковъ [1]) принадлежитъ надпись въ Абу-Симбелѣ (въ Нубіи) [2]), начертанная греческими наемниками «царя Псамметиха» [3]) на колоссѣ, стоящемъ передъ храмомъ; въ ней перечисляются имена воиновъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи Псамметиха къ Элефантинѣ. Имѣются также древнія надписи греческихъ поселенцевъ въ Навкратисѣ. Одна изъ интереснѣйшихъ архаическихъ надписей (приблизительно VI в.)—это союзный договоръ между двумя общинами—Элидой и Гереей [4]), найденный въ Олимпіи и начертанный на бронзовой табличкѣ,—древнѣйшій греческій документъ этого рода; союзъ заключался на 100 лѣтъ, съ обязательствомъ быть заодно и въ словѣ, и въ дѣлѣ, и помогать другъ другу какъ въ другихъ случаяхъ, такъ особенно въ войнѣ, а въ случаѣ нарушенія этого—уплатить 1 талантъ «Зевсу Олимпійскому» въ видѣ вознагражденія.

VI же вѣку принадлежитъ и знаменитая Гортинская надпись [5]), впервые открытая въ 1884 г. итальянскимъ ученымъ Halbherr'омъ (по итальянскому произношенію—Альбэромъ), при содѣйствіи Фабриціуса, на стѣнѣ развалившагося античнаго

---

[1]) Обзоръ важнѣйшихъ надписей—Newton, Essay on greek inscriptions (франц. пер.—у Th. Reinach, Traité d'epigraphie grecque. P. 1885 въ началѣ; есть и нѣмецк. перев.).

[2]) Röhl, Inscript. Graecae antiquissimae, № 482; Copr. Inscript. Graec., III, № 5126; Michel, Recueil d'inscript. gr., № 1315.

[3]) I или II,—вопросъ спорный; если I, то надпись относится приблизительно къ половинѣ VII в; если II, то—къ началу VI в. до Р. Х.

[4]) C I. G., I, 11; Rohl, Inscr. Gr ant, 110; Michel, 1; ср. v. Scala, Die Staatsverträge d. Altertums. Leipz 1898 I, № 27. Франц. пер.—Th. Reinach, Traité, стр. 14—15.

[5]) Имѣется цѣлый рядъ изданій этой надписи; въ особенности см. Recueil des inscript. juridiques grecques, par Dareste, Haussoullier, Th. Reinach, 3-me fascic. (1893), гдѣ помѣщенъ текстъ, франц. переводъ и комментарій. На русск. яз. Гортинская надпись перев. С. В. Мирошниковымъ (въ «Зап Имп. Русск. Археол. Общ», III, 1888).

зданія, и представляющая цѣлый кодексъ гражданскаго права г. Гортины на островѣ Критѣ: она имѣетъ громадное значеніе для знакомства съ юридическими и соціальными отношеніями того времени, съ правомъ семейнымъ, порядкомъ наслѣдованія, положеніемъ женщины, рабовъ и проч.

Но, конечно, особенно многочисленны и важны надписи аттическія.

Въ надписяхъ, содержащихъ постановленія аѳинянъ, интересно самое вступленіе. Обычная его формула такова: «Совѣтъ и народъ рѣшилъ (ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ), въ пританію такой-то филы, такой-то былъ секретаремъ (ἐγραμμάτευε), такой-то предсѣдательствовалъ (ἐπεστάτει), такой-то сказалъ (εἶπε)», т. е. внесъ предложеніе, и затѣмъ слѣдуетъ текстъ самаго предоженія. Иногда обозначается и имя архонта-эпонима (въ самомъ началѣ или въ срединѣ вступленія). Если къ предложенію сдѣлана была поправка или добавленіе, то и онѣ вносились въ надпись, при чемъ поименовывалось лицо, ихъ внесшее. Такимъ образомъ, разъ начало надписи не обломано и его можно разобрать, то мы въ ней найдемъ данныя и для ея хронологіи.

Къ числу наиболѣе интересныхъ аттическихъ надписей, дошедшихъ до насъ, принадлежатъ постановленія, заключающія въ себѣ договоры Аѳинъ съ городомъ Эриѳрами (въ Малой Азіи) и съ Халкидой (на Евбеѣ). Оба они ярко освѣщаютъ намъ взаимныя отношенія Аѳинъ и ихъ союзниковъ, положеніе послѣднихъ, политику первыхъ. Притомъ можно сравнить эти два документа и на основаніи сравненія прійти къ любопытнымъ выводамъ о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли въ положеніи союзниковъ въ промежутокъ отъ 60-хъ до 40-хъ годовъ V в. Договоръ съ Эриѳрами [1])—памятникъ Кимоновой эпохи. Онъ касается установленія совѣта въ Эриѳрахъ, докимасіи его членовъ, требованій, которымъ должны были удовлетворять кандидаты, выборовъ въ совѣтъ; приводится текстъ клятвы, которую должны были давать его члены предъ вступленіемъ въ должность, и обязательства по отношенію къ эриѳрейскому народу, аѳинянамъ и союзникамъ и т. д. Договоръ съ Халкидой [2]) относится къ Периклову времени, именно къ тому моменту, когда возстаніе Евбеи было подавлено и съ большею частью ея городовъ, по свидѣтельству Ѳукидида (I, 114), заключены были договоры. Однимъ изъ такихъ договоровъ и является разсматриваемая надпись, най-

[1]) C. I. A., I, 9; Dittenberger, I², 8.

[2]) C. I. A., IV. 27ᵃ; Dittenberger, I², 17; Michel, 70; французъ. перев. этой надписи—въ ст. Foucart, Rev. archéol., XXXVIII, 1887.

денная въ 1876 г. вдѣланною въ южную стѣну акрополя. Аѳинскій совѣтъ и дикасты даютъ клятву отъ имени аѳинскаго народа—не изгонять халкидянъ изъ Халкиды и не разрушать города; никого не подвергать ни атиміи, ни изгнанію, ни заточенію, ни казни, ни отобранію имущества безъ суда и безъ особаго постановленія аѳинскаго народа, не пускать рѣшенія на голоса безъ предварительнаго вызова, будетъ ли дѣло идти о цѣлой общинѣ или о частномъ лицѣ; въ случаѣ прибытія халкидскаго посольства ввести его въ совѣтъ и въ народное собраніе по возможности въ теченіе 10 дней. Съ своей стороны, халкидяне клянутся въ вѣрности аѳинскому народу (приводится самый текстъ клятвы). Въ надписи говорится также о томъ, какъ приводить къ присягѣ, упоминается о заложникахъ, о чужеземцахъ, живущихъ въ Халкидѣ, и ихъ платежахъ, и, наконецъ, о процессахъ, при чемъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ допускалась аппелляція въ Аѳины «въ геліэю ѳесмоѳетовъ». Такимъ образомъ, надпись эта освѣщаетъ намъ не только взаимныя отношенія аѳинянъ и союзниковъ, но и роль аѳинской геліэи и совѣта.

Чрезвычайно важный матеріалъ для характеристики Перваго аѳинскаго союза и для знакомства съ его организаціей даютъ такъ назыв. списки дани аѳинскихъ союзниковъ[1]). Въ нихъ перечисляются города, платившіе въ Аѳины форосъ, съ обозначеніемъ размѣра фороса, платимаго каждымъ городомъ[2]). Списки эти сохранились за цѣлый рядъ годовъ, начиная съ 454 г. и до 420. Такимъ образомъ, на основаніи ихъ мы можемъ составить себѣ точное понятіе о числѣ и положеніи союзниковъ, о томъ, какъ велика была сумма обложенія и какъ она раскладывалась, какимъ колебаніямъ она подвергалась, какъ мѣнялось положеніе того или другого союзнаго города и т. д. Словомъ, для исторіи Перваго аѳинскаго союза надписи эти являются незамѣнимымъ, нашимъ главнѣйшимъ и притомъ документальнымъ источникомъ. Что можно извлечь изъ него, это прекрасно показали Келеръ и Бузольтъ[3]) своими изслѣдованіями.

---

[1]) C. I. A, I, 234 сл.

[2]) Собственно говоря, это большею частью списки не самой дани (фороса), а лишь 1/60 доли ея, отчислявшейся въ казну богини Аѳины; но, понятно, цифру фороса легко опредѣлить, помноживъ находящееся въ спискѣ число на 60.

[3]) Köhler, Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes (въ Abhandlungen d. Berlin Akad. d. Wissensch., 1869); Busolt, Der phoros d. athen. bündner (Philologus, XLI, 1882). На русск. яз.—«Замѣчанія о спискахъ дани союзниковъ аѳинскихъ» Ѳ. Ѳ. Соколова (въ «Трудахъ II Археолог Съѣзда». Спб. 1876.

Сохранилась и надпись, содержащая постановленіе объ организаціи Второго аѳинскаго союза[1]) «въ архонтство Навсиника» (какъ отмѣчается въ надписи), съ именами (въ концѣ) союзныхъ городовъ, вошедшихъ въ этотъ союзъ,—драгоцѣнное документальное свидѣтельство, изъ котораго мы узнаемъ, когда, на какихъ началахъ и условіяхъ организовался Второй союзъ, чѣмъ онъ отличался отъ Перваго, отъ чего члены новаго союза хотѣли себя гарантировать, какіе города составляли его и т. под.

Надпись объ основаніи колоніи Бреи[2]), относящаяся къ Периклову времени, показываетъ намъ, какъ устраивались тогда аѳинскія поселенія, какія обязательства возлагались на поселенцевъ и изъ какихъ имущественныхъ классовъ эти поселенцы состояли.

Для знакомства съ аѳинскими финансами, съ основнымъ характеромъ финансоваго управленія второй половины V в., очень характерна надпись, которая содержитъ постановленіе совѣта и народнаго собранія, состоявшееся по предложенію Каллія[3]): здѣсь самымъ подробнымъ образомъ опредѣляется порядокъ уплаты долга «другимъ» (т. е. кромѣ Аѳины) «богамъ»,—долга, который долженъ быть вычисленъ «въ точности»—, и полагается начало казнѣ этихъ «другихъ боговъ». Другое постановленіе, начертанное на оборотной сторонѣ того же камня и состоявшееся, вѣроятно, вскорѣ послѣ перваго, касается казны богини Аѳины и, между прочимъ, устанавливаетъ мѣры противъ поспѣшныхъ или необдуманныхъ заимствованій и расходованій изъ этой казны, которая для государства являлась какъ-бы запаснымъ фондомъ, откуда въ случаѣ нужды брались средства заимообразно, на извѣстныхъ условіяхъ, съ соблюденіемъ сложныхъ формальностей, какъ это видно изъ разсматриваемой надписи. Надписи эти свидѣтельствуютъ, въ какомъ блестящемъ состояніи находились тогда аѳинскіе финансы (въ предложеніи Каллія упоминается о томъ, что «Аѳинѣ въ акрополь внесено 3000 тал. аттическою монетою, согласно постановленію»); мы видимъ далѣе, какъ излишекъ доходовъ не тратится легкомысленно, а идетъ на покрытіе долга священной казнѣ или на устройство верфей и укрѣпленій; видимъ, какой порядокъ, строгая отчетность и гласность господствовали въ финансовой администраціи Аѳинъ въ лучшую пору ихъ демократіи. До насъ дошли и подробные инвентари предме-

[1]) C. I. A., II, 17; Dittenberger, I², 80; Michel, 86.

[2]) C. I. A., I, 31; Dittenberger, I², 19; Michel, 72.

[3]) C. I. A., I, 32; Dittenberger, I², 21; Michel, 75. По вопросу о томъ, къ какому времени относится это постановленіе (къ 419/8 г. или къ эпохи Перикла), мнѣнія расходятся.

товъ, принадлежавшихъ Аѳинѣ и «другимъ богамъ»; дошли и долговыя записи, въ которыхъ въ точности, «до послѣдней драхмы и обола», вычислялась сумма долга государства священной казнѣ, вмѣстѣ съ наросшими процентами [1]).

Сохранились и отчеты объ издержкахъ—напр., на военныя надобности, на діобелію и ѳеориконъ и на постройки, съ указаніемъ источника, откуда брались средства, и стоимости матеріаловъ и работъ. Имѣется, между прочимъ, весьма точный и детальный отчетъ коммиссіи «эпистатовъ», «согласно постановленію народа», о состояніи работъ по постройкѣ Эрехѳейона [2]), при чемъ подробно перечисляется, что̀ оказалось полуотдѣланнымъ и что̀ совершенно отдѣланнымъ.

Обращаютъ на себя вниманіе также и документы, касающіеся морского дѣла—такъ называемой тріэрархіи, снабженія судовъ, многочисленные списки кораблей (преимущественно второй половины IV в.), нерѣдко съ обозначеніемъ ихъ названій и съ отмѣткой о томъ, въ какомъ состояніи они находятся.

Иного рода интересъ представляетъ надпись, касающаяся культа элевсинскихъ богинь—Деметры и Персефоны [3]). Постановленіе это, выработанное коммиссіею συγγραφεῖς и принятое народнымъ собраніемъ, гласило, что аѳиняне и союзники должны приносить элевсинскимъ богинямъ «начатки плодовъ земныхъ» (при этомъ указывался минимумъ приношенія); во время мистерій гіерофантъ и дадухъ должны были побуждать къ этому присутствующихъ эллиновъ, а совѣтъ долженъ былъ объявить о состоявшемся рѣшеніи и «всѣмъ остальнымъ греческимъ городамъ, какимъ сочтетъ возможнымъ, но не приказывая, а только предлагая имъ посвящать богинямъ, если хотятъ, начатки жатвы, согласно обычаю и изреченію изъ Дельфъ»....

Изъ аттическихъ надписей я упомяну еще о двухъ—о договорѣ Аѳинъ съ Аргосомъ, Мантинеей и Элидой [4]) 418 г.,—документѣ, любопытномъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что есть возможность сравнить его текстъ съ текстомъ, приводимымъ Ѳукидидомъ (V, 47), и о спискѣ воиновъ Эрехѳейской филы, павшихъ въ битвахъ «на Кипрѣ, въ Египтѣ, въ Финикіи, у Галіэй, у Эгины, Мегары—въ одинъ и тотъ-же годъ» [5]) (459/8), во время той борьбы, которую вели аѳиняне въ 50-хъ годахъ V в.

---

[1]) C. I. A., I, 273; Dittenberger, I[1], 29; Michel, 561.
[2]) C. I. A., I, 322[a]; ср. 324[a] сл; Michel, 571—3.
[3]) C. I. A., IV, 27[b]; Dittenberger, I[2], 20; Michel, 71.
[4]) C. I. A., IV, 46[b].
[5]) C. I. A., I, 433; Dittenberger, I[2], 9; Michel, 597.

одновременно съ нѣсколькими противниками. Послѣдняя надпись блистательно подтверждаетъ изложеніе Ѳукидида (I, 104 сл.), котораго иначе, пожалуй, можно было бы тутъ заподозрѣть въ преувеличеніи.

Возьмемъ теперь примѣръ изъ другой области—изъ надписей греческихъ колоній въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Здѣсь мы имѣемъ такой цѣнный документъ, какъ, напр., присяга херсонесскихъ [1]) гражданъ (III в. до Р. Х.), пополняющая наши свѣдѣнія о Херсонесѣ и имѣющая значеніе и для греческихъ государственныхъ древностей вообще. Но «перломъ эпиграфическихъ документовъ» сѣвернаго побережья Чернаго моря является знаменитый декретъ города Ольвіи въ честь Протогена, относящійся, вѣроятно, къ III в. до Р. Х. [2]). Въ этой обширной надписи [3]) подробно перечисляются заслуги Протогена, тѣ его щедроты и благодѣянія, которыя онъ оказалъ городу, при чемъ упоминаются обстоятельства, при которыхъ онѣ были оказаны. Декретъ этотъ проливаетъ яркій свѣтъ съ одной стороны на богатство, благородную щедрость и патріотизмъ одного изъ ольвійскихъ гражданъ, столько разъ приходившаго на помощь родному городу среди угрожавшихъ ему внѣшнихъ опасностей и въ годину бѣдствій, а съ другой—на то печальное положеніе, въ какомъ находилась тогда уже Ольвія, на ея политическое безсиліе, ея матеріальный упадокъ.

Минуя остальныя категоріи эпиграфическихъ памятниковъ—декреты фратрій (напр. дельфійскихъ Лабіадовъ), многочисленныя надгробія, надписи посвятительныя или касающіяся чудесныхъ исцѣленій, проксеновъ, отпущенія рабовъ на волю, торговые договоры, контракты и т. д.—, я въ заключеніе этого обзора упомяну еще объ одной надписи, представляющей интересъ въ историческомъ отношеніи, но составляющей своего рода исключеніе изъ общаго типа эпиграфическихъ памятниковъ и по своему содержанію и характеру относящейся скорѣе къ литературнымъ произведеніямъ. Это—«Паросскій мраморъ» [4]) (III в. до Р. Х.),

[1]) В. В. Латышевъ, Греч. и лат. надписи, найден. въ южн. Россіи въ 1889—91 г. («Матеріалы по археологіи Россіи», изд. Имп. Археолог. Коммиссіей). Спб. 1892 (тутъ и текстъ, и переводъ, и комментарій; см. его-же Pontica. Спб. 1909. Ср. Dittenberger, II², 461; Michel, 1316.

[2]) В. В. Латышевъ, Изслѣдованія объ исторіи и государствен. строѣ г. Ольвіи. Спб. 1887, стр. 66 сл.

[3]) В. В. Латышевъ, Inscript. orae Septentrion. Ponti Euxini, I, № 16 (ср. Addenda, p. 220); Dittenberger, I² 226; Michel, 337.

[4]) K. Müller, Fragm. Histor. Graec., I, 535 сл.; C. I. G., II, 2374. Jacoby, Das Marmor Parium. Berlin. 1904.

пріобрѣтенный еще въ XVII в. агентомъ лорда Арунделя и хранящійся теперь въ Оксфордѣ. Онъ содержитъ краткую хронику событій, начиная отъ Кекропа, и важенъ для хронологіи. До насъ «Паросская хроника» цѣликомъ не дошла; на мраморѣ Арунделя текстъ обрывался 355/4 г.; но недавно найденъ новый обломокъ этой надписи [1]), обнимающій 336—329 годы.

Само собою разумѣется, что этимъ не исчерпывается число важныхъ для историка эпиграфическихъ памятниковъ. Я привелъ лишь нѣсколько примѣровъ, чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о надписяхъ и ихъ значеніи, какъ историческаго источника.

Эпиграфика. Много надписей погибло безвозвратно; немало ихъ хранится подъ грудой мусора или въ стѣнахъ зданій, такъ какъ камни, на которыхъ онѣ начертаны, въ теченіе многихъ поколѣній употреблялись, а иногда и теперь еще употребляются, въ качествѣ строительнаго матеріала, и нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ надписей найдены вдѣланными въ стѣны церквей, домовъ и другихъ построекъ. Большинство найдено на поверхности земли или благодаря раскопкамъ. Часто онѣ представляютъ лишь обломки; многія буквы и даже цѣлыя строки нерѣдко стерты или ихъ трудно разобрать. Такимъ образомъ, найденную надпись прежде всего необходимо правильно прочесть и возстановить ея текстъ, что́ является дѣломъ нелегкимъ; здѣсь необходима большая опытность, знаніе языка [2]) надписей, ихъ стиля, ихъ обычныхъ формулъ; нуженъ подчасъ даже особый даръ дивинаціи. Затѣмъ надпись надо надлежащимъ образомъ объяснить—опредѣлить ея дату, поставить въ связь съ другими свидѣтельствами и извѣстными намъ фактами, истолковать ея содержаніе, извлечь изъ разбираемаго эпиграфическаго матеріала всѣ, какія только можно, данныя. Все это составляетъ задачу эпиграфики, развившейся особенно за послѣднія сорокъ лѣтъ.

Сборники надписей. Настоящимъ основателемъ эпиграфики явился Августъ Бекъ (Böckh), авторъ извѣстнаго труда о государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ (Die Staatshaushaltung der Athener), основаннаго преимущественно на эпиграфическомъ матеріалѣ: имъ начато изданіе знаменитаго собранія греческихъ надписей—Corpus Inscriptionum Graecarum [3])—, предпринятое по порученію и на счетъ Берлинской Академіи Наукъ. Все собраніе состоитъ изъ 4 томовъ, изъ

---

[1]) Русск. перев. этого новаго отрывка см. въ «Археолог. хроникѣ» С. А. Жебелева, Филол. Обозр., XIII (1897).

[2]) По грамматикѣ надписей—Meisterhans, Grammatik d. attisch. Inschriften (3-te Aufl.). Berl. 1900.

[3]) Цитируется обыкновенно такъ: C. I. G. или CIG.

которыхъ первые 2 редактированы самимъ Бекомъ (I т. вышелъ въ 1825—8 гг.). Надписи расположены по областямъ, и ихъ текстъ сопровождается подробнымъ комментаріемъ. Такъ положено было начало первому обширному и научному собранію греческихъ надписей.

Въ виду того, что число извѣстныхъ намъ аттическихъ надписей все увеличивалось и достигло огромнаго количества, Берлинской Академіей Наукъ въ 70-хъ годахъ истекшаго вѣка предпринято было изданіе другого, не менѣе капитальнаго собранія—Corpus Inscriptionum Atticarum [1]), въ 4 т.

Два эти сборника—Corp. Inscr. Graec. и въ особенности Corp. Inscr. Attic.—самые важные и необходимые для историка.

Въ настоящее время имѣется, кромѣ того, цѣлый рядъ другихъ собраній и изданій надписей, напр. сѣверной Греціи—, въ частности Ѳессаліи—, Пелопоннеса и сосѣднихъ острововъ, острововъ Эгейскаго моря, Сициліи и Италіи, Македоніи, Сѣвернаго побережья Чернаго моря (изданы русскимъ ученымъ—В. В. Латышевымъ) [2]), Кавказа (изд. И. В. Помяловскимъ, Спб. 1881), Малой Азіи, Египта, Сиріи, греческаго Востока, отдѣльныхъ городовъ и острововъ, напр., Олимпіи, Эпидавра, Пергама, Крита, Ѳеры и т. д., и т. д. Существуютъ также особые сборники надписей древнѣйшихъ [3]), діалектическихъ [4]), юридическихъ [5]), сакральныхъ, ме-

[1]) До сихъ поръ обыкновенно цитировалось: C. I. A. или CIA. Но недавно (1903) Берлинская Академія Наукъ ввела новую нумерацію томовъ своихъ многочисленныхъ Corpora—изданій надписей, начиная съ аттическихъ,—подъ общимъ заглавіемъ Inscriptiones Graecae: т. I—III—надписи аттическія; IV—Арголиды; V—Аркадіи, Лаконіи и Мессеніи; VI—Элиды и Ахаи; VII—Мегариды и Беотіи; VIII—Дельфъ (будутъ изданы Французскою Академіею); IX—Сѣверной Греціи; X—Эпира, Македоніи, Ѳракіи и Скиѳіи; XI- Делоса (—Французскою Академіею); XII—острововъ Эгейскаго моря (кромѣ Делоса); XIII—Крита и XIV—Сициліи и Италіи.

[2]) Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae, ed. B. Latyschev. Спб. 1885—1901. 4 т. (изд. по поруч. Имп. Русс. Арх. Общ.); его-же «Дополненія и поправки» къ этому собранію—въ «Зап. Импер. Русс. Арх. Общ.», въ «Извѣст. Импер. Археолог. Коммиссіи» и проч.

[3]) Röhl, Inscriptiones Graecae antiquissimae. Berlin. 1882 (изд. Берлин. Акад.; нов. изд.—1901); его-же, Imagines inscriptionum Graecarum antiquissimarum. Berlin. 1907 (3-е изданіе),—facsimile древнѣйшихъ надписей.

[4]) Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, hrsg. von Collitz, bearb. von Baunack, Bechtel u. s. w. Cöttingen. 1888 сл. (нѣск. частей). Здѣсь, между прочимъ, и дельфійскія надписи, надписи Родоса и др.

[5]) Recueil des inscriptions juridiques grecques. Texte, traduction, commentaire, par Dareste, Haussoullier, Th. Reinach. Paris. 1891—4. Съ 1898 г. изд. нов. серія ихъ (Deuxième série).

трическихъ; надписей, извлеченныхъ изъ рукописей на черепкахъ, [1]) и проч. [2]).

При обиліи собраній, большею частью обширныхъ и мало доступныхъ по цѣнѣ, естественно явилась потребность въ такомъ изданіи, въ которомъ собраны были бы лишь наиболѣе важныя и интересныя въ историческомъ отношеніи надписи. Этой потребности удовлетворяютъ сборники: Hicks, Manual of greek historical inscriptions (нов. изд., при участіи Hill'я, 1901), въ особенности же—Dittenberger, Sylloge inscriptionum graecarum (Leipz., 2-е изд. 1898—1901, въ 3 т.)[3]) и Michel, Recueil d'inscriptions grecques (Bruxelles. 1897—1900). Сборники Диттенбергера и Мишеля во многихъ случаяхъ могутъ замѣнить такія слишкомъ обширныя и дорого стоящія собранія, какъ Corp. Inscr. Gr. Бека и Corp. Inscr. Att., и даже имѣютъ то преимущество, что они новѣе, а потому въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полнѣе и исправнѣе.[4])

Явилась надобность и въ точной регистраціи обширнаго эпиграфическаго матеріала, всѣхъ доселѣ извѣстныхъ надписей, какъ собранныхъ въ разныхъ, названныхъ выше, коллекціяхъ, такъ и разсѣянныхъ въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ. Такую регистрацію мы найдемъ въ трудѣ Larfeld'a, Handbuch der griechischen Epigraphik (Leipz. 1898 сл.)[5]). Иного рода регистрацію даетъ трудъ Kirchner'a, Prosopographia Attica (Berl. 1901—3, 2 т.): аттическія надписи содержатъ массу именъ гражданъ, какъ должностныхъ, такъ и частныхъ лицъ, и вотъ у Кирхнера собраны въ алфавитномъ порядкѣ имена всѣхъ гражданъ Аттики и получившихъ право гражданства иноземцевъ, насколько они извѣстны по надписямъ и монетамъ или изъ литературныхъ произведеній, съ краткими свѣдѣніями—если только они имѣются—о каждомъ лицѣ.

---

[1]) Wilcken, Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien. Leipz. Berlin. 1899. 2 т.

[2]) Вновь открываемыя надписи публикуются обыкновенно въ такихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ. Mitteilungen des Deutsch. Archäolog. Instituts, Bulletin de correspondance hellénique, Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich-Ungarn и замѣнившіе ихъ (съ 1898) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäolog. Instituts in Wien, Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική и др.

[3]) Продолженіемъ этого сборника служатъ «Надписи греч. Востока» (Orientis graeci inscript. selectae) того же Диттенберга.

[4]) Имѣется также и небольшой сборникъ избранныхъ надписей съ переводомъ ихъ на нѣм яз.; это—Janell, Ausgewählte Inschriften. Berl. 1906.

[5]) Вышло 2 т.; предположено 4.

Кромѣ «каменнаго архива» надписей, существовали въ Греціи и рукописные документы. Различные государственные акты, первоначальные проекты, оригиналы законовъ и псефизмъ, съ которыхъ вырѣзывались надписи, протоколы засѣданій совѣта и народныхъ собраній и т. под., хранились, напр., въ Метроонѣ, этомъ государственномъ архивѣ Аѳинъ. Но подобнаго рода рукописные документы непосредственно до насъ не дошли: отрывки изъ нихъ сохранились въ рѣчахъ ораторовъ[1]), часто ихъ цитирующихъ, и въ передачѣ и цитатахъ историковъ, притомъ иногда изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. **Рукописные документы.**

Зато въ Египтѣ сохранилось много папирусовъ, въ томъ числѣ и греческихъ[2]). Имѣются цѣлыя коллекціи ихъ; напр.—коллекція эрцгерцога Райнера въ Вѣнѣ; папирусы Флиндерса Петри, хранящіеся въ Дублинѣ; папирусы изъ Оксиринха, изъ Тебтуниса и многіе другіе, хранящіеся въ Оксфордѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Парижѣ, Женевѣ, Петербургѣ и т. д Многіе изъ этихъ папирусовъ содержатъ самый разнообразный документальный матеріалъ—преимущественно изъ временъ Птолемеевъ, напр.: счета, квитанціи, завѣщанія, контракты, письма, приказы, донесенія, прошенія, иски, жалобы, судебные приговоры и т. под., такъ-что благодаря этому матеріалу мы во всѣхъ подробностяхъ знакомимся съ государственнымъ правомъ и устройствомъ, администраціей, податною системою (интересенъ, напр., податной уставъ Птолемея Филадельфа, 259/8 г. до Р. Х.), хозяйствомъ и вообще внутреннимъ положеніемъ страны фараоновъ въ Александрійскую эпоху. **Папирусы.**

5) Литературныя произведенія.

Но какъ ни важны для современнаго историка Греціи вещественные памятники и надписи, все-же главнымъ источникомъ для него являются памятники литературные[3]),—конечно, въ **Значеніе литературныхъ произведеній, какъ историческаго источника.**

[1]) Вопросъ о подлинности документовъ, цитируемыхъ ораторами, рѣшавшійся нѣкогда въ отрицательномъ смыслѣ, теперь рѣшается въ болѣе положительномъ.

[2]) О папирусахъ подробности—во 2-ой части; тамъ и библіографія.

[3]) Произведенія греческихъ авторовъ собраны въ коллекціи Didot (Scriptor. Graecor. Bibliotheca. Paris), съ латинск. пер., и Teubner'a (Bibliotheca Teubneriana Leipzig); нѣм. перев.—въ коллекціяхъ Osiander'a и Schwab'a (Griechische Prosaiker и Griechische Dichter. Stuttgart), Reclam'a и друг. Указаніе на русск. пер. см. у П. И. Прозорова, Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи. Спб. 1898. Лучшее новѣйшее пособіе по исторіи греч. лит.—Christ, Gesch. d. griech. Litera-

самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. разумѣя не только произведенія поэтическія, но и философскія, историческія и проч. Они даютъ намъ самый богатый и разнообразный матеріалъ. Въ литературѣ «народъ, въ теченіе вѣковъ, послѣдовательно выражаетъ свои понятія и убѣжденія, радости и печали, вѣрованія и надежды и вообще всѣ задушевные интересы своей нравственной жизни» (Ѳ. И. Буслаевъ), и ничто, никакая надпись не познакомитъ насъ такъ съ настроеніемъ, идеалами, запросами эпохи, какъ произведенія литературныя. По справедливому замѣчанію Тэна, литературное произведеніе—не простая игра воображенія или изолированный капризъ пылкой головы; это—снимокъ окружающихъ нравовъ и признакъ извѣстнаго состоянія умовъ. Помощью литературныхъ памятниковъ можно воскресить міровоззрѣніе, какимъ руководились люди, жившіе нѣсколько столѣтій тому назадъ. Не говорю уже о фактическихъ свѣдѣніяхъ, содержащихся въ литературныхъ произведеніяхъ, въ особенности историческихъ.

Гомерическій эпосъ.

Знакомствомъ съ такъ назыв. гомерической эпохой и ея бытомъ мы обязаны произведеніямъ поэтическимъ—Иліадѣ и Одиссеѣ[1]). Но для правильной оцѣнки эпоса, какъ историческаго источника, и для надлежащаго пользованія имъ необходимо имѣть въ виду, какъ возникъ этотъ эпосъ[2]).

---

tur, 5-te Aufl. München. 1908 (въ коллекціи Iw. v. Müller'a, Handbuch der klass. Altertumswissenschaft); краткій, но блестящій очеркъ—Wilamowitz-Mollendorff'a въ многотомной Die Kultur der Gegenwart, изд. Hinneberg'омъ (Berl.-Leipz 1907, 2-е изд.); на франц. яз.—Croiset (Paris. 1887—1899, 5 т.), на англ.—Mahaffy (есть русск. пер. «Исторія классич. періода греч. литературы». М. 1882—3. 2 т.) и Jebb (русск. пер. М. 1891). Изъ монографій см. Ivo Bruns, Das literarische Portrat d. Griechen. Berl. 1896.

[1]) См. Джеббъ, Введеніе въ Иліаду и Одиссею. Спб. 1892 (пер. съ англ.); Buchholtz, Die Homerischen Realien. Leipz. 1871—85, 3 т.; Helbig, Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. 2-te Aufl. Leipz. 1887; Fanta, Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck. 1882; Reichel, Über Homerische Waffen. Wien. 1894; Nägelsbach, Homerische Theologie. 3-te Aufl. Nürnberg. 1884, Drerup, Homer. Münch. 1903; Finsler, Homer Berl.-Leipz. 1908; Seymour, Life in the Homeric age. Lond. 1907; Д. М. Петрушевскій, Общество и госуд. у Гом. М 1896; а изъ общихъ трудовъ по исторіи Греціи слѣдуетъ въ особенности отмѣтить Griech. Alterth. Шемана, гдѣ имѣется превосходный очеркъ гомерической эпохи. Напомнимъ, что на русск. яз, кромѣ Гнѣдича, есть новый переводъ Иліады—г. Минскаго (М. 1896), а Одиссея переведена Жуковскимъ.

[2]) Важнѣйшіе труды по этому вопросу: Wolf, Prolegomena ad Homerum. Halle. 1795 (и нов. изд.); Lachmann, Betrachtungen über Homers Ilias. Berl. 1847; G. Hermann, De interpolationibus Homeri. Leipz 1832; G. W. Nitzsch, Meletemata de historia Homeri. 1830; Sagenpoesie der

«Гомерическій вопросъ» поднятъ въ концѣ XVIII стол. нѣмецкимъ ученымъ Фр. Авг. Вольфомъ, который, указывая на противорѣчія, встрѣчающіяся въ поэмахъ, и отвергая существованіе письменности у грековъ во время Гомера, доказывалъ, что древнія пѣсни о Троянской войнѣ передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію устно, хранились въ памяти пѣвцовъ, и что впервые онѣ были записаны, собраны и приведены въ порядокъ лишь позднѣйшими редакторами при Писистратѣ. Послѣдователемъ Вольфа и крайнимъ представителемъ «теоріи пѣсенъ» (Liedertheorie) былъ Лахманъ; съ особенною яркостью выставлялъ онъ противорѣчія и недостатокъ связи въ Иліадѣ и полагалъ, что Иліада—конгломератъ первоначально отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ пѣсенъ. Противъ «вольфіанцевъ» выступили «унитаріи» (напр. Нитчъ), отстаивавшіе единство плана и основной темы поэмъ, принадлежность ихъ Гомеру и существованіе письменности у грековъ въ тѣ времена, а противорѣчія и недостатокъ связи, на которыя указывали послѣдователи Вольфа, нерѣдко объяснялись ингерполяціями, благодаря которымъ первичныя Иліада и Одиссея, поэмы небольшого объема, могли постепенно разрастись (Г. Германъ). Англійскій историкъ Гротъ занялъ какъ-бы среднее положеніе между обоими лагерями: въ виду явныхъ признаковъ связи и единства въ гомерическихъ поэмахъ, онъ не могъ допустить, чтобы подобныя произведенія возникли изъ отдѣльныхъ атомовъ,—изъ пѣсенъ, первоначально ничего общаго между собою не имѣвшихъ; и онъ отстаивалъ въ общемъ единство Одиссеи, но въ Иліадѣ различалъ двѣ главныя составныя части—первоначальную поэму Ахиллеиду (п. I, VIII, XI—XXII) и присоединенную къ ней собственно Иліаду (п. II—VII); пѣсни же IX и XXIII—XXIV считалъ позднѣйшими вставками или добавленіями. Не буду касаться другихъ теорій по «гомерическому вопросу»[1]). Отмѣчу только еще мнѣніе, по которому

Griechen. Braunschw. 1852; Beiträge zur epischen Poesie der Griechen. Leipz. 1862; Grote, History of Greece, т II; Kirchhoff, въ изд. Одиссеи (2-te Aufl. Berl. 1879); B. Niese, Die Entwickelung der homerischen Poesie. Berl. 1882; Wilamowitz-Möllendorff, Homerische Untersuchungen (въ Philolog. Untersuchungen. Berl. 1881, т. VII); Erhardt, Die Entstehung der homerischen Gedichte. Leipz. 1894; P. Cauer, Grundfragen der Homerkritik. Leipz. 1909 (2-е изд.). На русск. яз.—Ѳ. Ѳ. Соколовъ, Гомеровскій вопросъ (Ж. М. Н. Пр., 1868); С. П. Шестаковъ, О происхожд. поэмъ Гомера. Каз. 1892—1900, 2 т. (ср. ст. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, Стар. и нов. пути въ гомер. вопросѣ, Ж. М. Н. Пр., 1900, май).

[1]) Между новѣйшими оригинальными гипотезами обращаютъ на себя вниманіе мнѣнія Bérard (Les Phéniciens et l' Odyssée. 2 т.), по

поэмы эти—продуктъ не индивидуальнаго, единоличнаго творчества, а творчества народнаго: это—эпосъ народный, подобно Нибелунгамъ или финской Калевалѣ; онъ слагался постепенно и создателемъ его можетъ считаться весь греческій народъ (Erhardt).

Вообще же крайности въ воззрѣніяхъ обоихъ лагерей, вольфіанцевъ и ихъ противниковъ, унитаріевъ, съ теченіемъ времени значительно сгладились и съ обѣихъ сторонъ сдѣланы большія уступки. Оказалось, что въ гомерическихъ поэмахъ есть извѣстное единство плана и темы и въ то-же время—отступленія и противорѣчія; есть общія рамки, но въ предѣлахъ ихъ болѣе или менѣе самостоятельное развитіе отдѣльныхъ частей и эпизодовъ.

Но какъ бы ни рѣшался вопросъ собственно о Гомерѣ, для насъ въ данномъ случаѣ важно то, что съ точки зрѣнія современной теоріи, если и допускать здѣсь въ концѣ концовъ участіе и всю важность роли единоличнаго, индивидуальнаго творчества пѣвца или поэта, въ родѣ Гомера, все-таки оказывается несомнѣннымъ, что гомерическій эпосъ имѣетъ въ своей основѣ народныя сказанія и пѣсни, пѣтыя пѣвцами-аэдами, и является продуктомъ долгаго, многовѣкового послѣдовательнаго развитія. Поэтому въ немъ отразились черты не одной какой-либо тѣсно ограниченной эпохи; предъ нами тутъ воззрѣнія не одного какого-либо поколѣнія. Иліада нѣсколько древнѣе Одиссеи: первую, въ главныхъ ея частяхъ, можно отнести къ IX в. до Р. Х., вторую—къ VIII-му. Къ сравнительно новымъ частямъ принадлежатъ «Каталогъ кораблей» въ Иліадѣ и первыя пѣсни («Телемахія») въ Одиссеѣ. Вообще же въ той и другой обнаруживается нѣсколько наслоеній, есть элементы болѣе древніе и болѣе новые. Такія черты, напр., и подробности, какъ упоминаніе о храмѣ, о статуѣ, о талантахъ золота; указанія на вредъ многовластія, на могущество знати, зарождающуюся оппозицію демоса; каррикатурное изображеніе Θерсита,—все это характеризуетъ уже сравнительно позднюю эпоху. Эпосъ воспѣваетъ дѣянія давно минувшаго времени, подвиги и приключенія прежняго поколѣнія—поколѣнія героевъ, которыхъ онъ отличаетъ отъ людей, ему современныхъ, болѣе слабыхъ и мелкихъ; онъ различаетъ прошедшее и настоящее; традиція и условный, «конвен-

которому описаніе странствованій Одиссея есть переводъ, переложенный въ стихи, съ финикійскаго Перипла, и Butler, The autoress of the Odyssey. 1897, гдѣ доказывается, что Одиссея есть произведеніе женщины и что въ ней описывается плаваніе вокругъ Сициліи.

ціонный» элементъ въ немъ сильны; въ немъ отразились воспоминанія о микенской эпохѣ и затѣмъ о колонизаціи эолянъ. Но съ чертами болѣе древняго времени невольно смѣшиваются и черты болѣе новаго: окружающая дѣйствительность не могла не оказать вліянія, не могла не отразиться въ эпосѣ, и онъ воспроизводитъ преимущественно ея черты, даетъ картину греческой жизни и быта за X—VIII в.в. до Р. Х., т. е. въ теченіе періода, который теперь нѣкоторые историки склонны называть «греческимъ средневѣковьемъ».

Гесіодъ.

Не малое значеніе для историка имѣетъ и эпосъ Гесіода (приблизительно за VII в. до Р. Х.). Его «Θеогонія» [1]), попытка привести въ систему греческій пантеонъ,—важна для знакомства съ миѳологіей и космогоніей грековъ, а «Труды и дни» (Ἔργα καὶ ἡμέραι) [2]) интересны не только, какъ нравоучительная поэма, какъ кодексъ нравственныхъ правилъ: здѣсь изображается реальная жизнь съ ея трудами и заботами; по этой поэмѣ мы знакомимся съ положеніемъ сельскаго класса лѣтъ за 700 до Р. Х., съ первыми зачатками послѣдующей соціальной и политической борьбы, съ признаками зарождающейся оппозиціи и недовольства.

Лирика

Такіе лирики конца VII и VI в., какъ Солонъ, Θеогнидъ, Алкей, освѣщаютъ намъ дальнѣйшую борьбу общественныхъ классовъ въ Греціи въ эпоху тираніи и возникновенія демократіи. Ихъ произведенія—элегіи и пѣсни—, изъ которыхъ сохранились далеко не всѣ и притомъ нерѣдко лишь въ отрывкахъ [3]), имѣютъ политическій характеръ и касаются современныхъ имъ событій. Стихотворенія Солона—нашъ главный, наиболѣе достовѣрный источникъ для знакомства съ личностью великаго законодателя Аѳинъ, его программой, его воззрѣніями и стремленіями, съ отношеніемъ къ нему партій и т. под. Θеогнидъ раскрываетъ истинный характеръ той ожесточенной борьбы партій, которая происходила въ Мегарѣ. А лирикъ Тиртей—древнѣйшій нашъ свидѣтель касательно Спарты. Знаменитые лирики V вѣка—Симонидъ, воспѣвавшій побѣдителей при Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеѣ, авторъ извѣстной «эпиграммы» (въ древне-греческомъ смыслѣ слова) въ честь павшихъ при Ѳермопилахъ, Пиндаръ и Баккхилидъ, оды и баллады котораго

---

[1]) Нѣкоторые отвергаютъ принадлежность ея Гесіоду.

[2]) Русск. пер. Г. К. Властова (Спб. 1885).

[3]) Bergk, Poëtae lyrici graeci. Leipz 1878, 3 ч. Недавно предпринято изд. Poëtarum Graecorum Fragmenta, подъ ред. Wilamowitz-Möllendorff'a. Стихотворенія Солона имѣются въ нѣм. перев. Peppmüller'a (Strals. 1904).

недавно открыты —, лучшіе свидѣтели и выразители того высокаго, приподнятаго настроенія, того подъема духа, которые обнаружились въ Греціи послѣ торжества надъ персами, не говоря уже объ указаніяхъ и намекахъ на историческія лица и событія или на преданія и миѳы, встрѣчающіеся въ произведеніяхъ этихъ поэтовъ.

Трагики. Произведенія трагиковъ [1])—цѣлая сокровищница по части греческой миѳологіи и легендарной исторіи. Но, кромѣ воспроизведенія миѳовъ и сказаній, нерѣдко въ различныхъ версіяхъ, въ нихъ найдемъ мы богатый матеріалъ для характеристики общаго міросозерцанія грековъ, ихъ идеаловъ, въ особенности ихъ этическихъ воззрѣній [2]). Но отъ воззрѣній народа, отъ народной этики, нужно отличать, конечно, элементъ индивидуальный, что̀ принадлежитъ собственно поэту, составляетъ его личное воззрѣніе,—и то, что̀ онъ влагаетъ въ уста выводимымъ имъ дѣйствующимъ лицамъ, какъ слова и мысли, свойственныя ихъ положенію, характеру или роли въ драмѣ.

Нечего и говорить, что трагики являются яркими представителями своей эпохи [3]): Эсхилъ (524—456)—поры только-что пережитой побѣдоносной борьбы съ персами и времени Кимона, Софоклъ (496—406)—«Периклова вѣка», Еврипидъ (ок. 480—406) —эпохи умственнаго перелома и своего рода разлада, сомнѣній, столкновенія вѣры и разума, развитія раціонализма и скептицизма, эпохи господства крайней демократіи. Ихъ произведенія [4]) отра-

[1]) Прекрасные комментаріи и переводы (на нѣм. яз.)—Wilamowitz'a (напр. Еврипидова «Геракла»); популярное изд—Griechische Tragodien въ его переводѣ (Berlin. 1899 сл.).

[2]) А. Н. Деревицкій. Изъ исторіи греческой этики. Харьк. 1886 (изъ журн. «Вѣра и Разумъ»).

[3]) См., напр., Б. В. Варнеке, Политич. роль античн. театра. Воронежъ. 1905 (Изъ «Филолог. Зап.»); Ѳ. Г. Мищенко, Отношеніе трагедій Софокла къ современ. поэту дѣйствит. жизни въ Аѳинахъ. Кіевъ 1874, и его-же, Опытъ по ист. раціонализма въ древн Греціи. Кіевъ. 1881.

[4]) Изъ трагедій Эсхила до насъ дошло 7 («Прометей», «Персы», «Семь противъ Ѳивъ», «Просительницы» и трилогія «Орестія», въ составъ которой входятъ «Евмениды»), Софокла—тоже 7 («Эдипъ-царь», «Эдипъ въ Колонѣ», «Антигона», «Электра», «Аяксъ», «Филоктетъ», «Трахинянки»), Еврипида—19, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: «Медея», «Ипполитъ», «Ифигенія въ Тавридѣ», «Алкестида», «Электра», «Гераклъ», «Гераклиды», «Іонъ», «Просительницы», «Вакханки»; недавно найденъ большой отрывокъ изъ «Ипсипилы» (Ѳ. Ф. Зѣлинскій, «Царица-прислужница», Вѣстн. Евр., 1909, іюль—авг.). Многія трагедіи имѣются въ рус. пер Водовозова, Д. С. Мережковскаго, И. Ѳ. Анненскаго и друг. И. Ѳ. Анненскій предпринялъ полный переводъ Еврипида въ 3 т. («Театръ Еврипида». Спб. Пока вышелъ 1 т.).

жаютъ общій характеръ времени. Кромѣ того, они имѣютъ и болѣе прямую связь съ окружающею дѣйствительной жизнью: въ нихъ есть указанія на современныя поэту событія и явленія, на его отношеніе къ нимъ. Это нужно сказать даже о такомъ далеко стоящемъ отъ современности и отъ ея «злобы дня» трагикѣ, какъ Эсхилъ. Въ своихъ «Персахъ» онъ описываетъ, между прочимъ, Саламинскую битву, и въ данномъ случаѣ это—лучшій нашъ источникъ, какъ свидѣтельство очевидца и участника сраженія. Въ его «Евменидахъ» есть стихи, въ которыхъ можно видѣть намеки и указанія на политическія событія того времени, союзъ Аѳинъ съ Аргосомъ, борьбу изъ-за реформы ареопага.

Но несравненно ближе къ современной ему жизни и къ «злобамъ дня» стоялъ Еврипидъ. Его дѣйствующія лица, хотя и носятъ имена героевъ, но это—не титаны и герои, подобные Эсхиловымъ или даже Софокловымъ; это — простые смертные, съ ихъ страстями, ихъ страданіями, ихъ воззрѣніями и сомнѣніями. Еврипидъ — не представитель «чистаго искусства», а проповѣдникъ новыхъ идей, истый поэтъ греческаго «Просвѣщенія», писатель тенденціозный. Для историка онъ особенно интересенъ. Отъ воззрѣній общенародныхъ, отъ этики народной Еврипидъ, правда, далекъ—гораздо дальше Эсхила и Софокла; онъ—крайне субъективный авторъ, съ рѣзко выраженною индивидуальностью. Но зато онъ отзывался на самые животрепещущіе для тогдашняго образованнаго общества темы и вопросы. Это былъ «сценическій философъ», и его произведенія чрезвычайно важны для характеристики умственной жизни того времени: философскіе взгляды, софистическое направленіе, вообще движеніе въ области религіозной и философской мысли, развитіе гуманности—все это нашло себѣ отраженіе въ трагедіяхъ Еврипида. Его произведенія важны и для характеристики политическихъ стремленій второй половины V в.; Еврипидъ касается положенія различныхъ классовъ населенія, борьбы политическихъ и соціальныхъ партій, даже внѣшней политики, напр. отношенія къ Спартѣ, положенія Аѳинъ въ Греціи [1]).

Комедія.

Еще болѣе близкое, непосредственное отношеніе къ тогдашней дѣйствительности, къ историческимъ дѣятелямъ и событіямъ имѣютъ произведенія комиковъ—Кратина, Евполида, Телеклида, Гермиппа (V в.), отъ комедій которыхъ сохранились, къ

[1]) Д. Ѳ. Бѣляевъ, Къ вопросу о міровоззрѣніи Эврипида. Каз. 1878, и его-же ст., Воззрѣнія Еврип. на сословія и состоянія, внутр. и внѣшн. полит. Аѳ. (въ Ж. М. Н. Пр. 1882—3); Nestle, Euripides, der Dichter d. griech. Aufklärung. Stuttg. 1901.

сожалѣнію, лишь немногіе жалкіе отрывки [1]), и въ особенности Аристофана (ок. 450—385 г.) [2]), выступившаго на литературное поприще въ 427 г. Аттическая комедія V-го вѣка была комедіей по-преимуществу политической. Война и миръ («Ахарняне», «Миръ», отчасти «Лисистрата»), демократія съ ея вождями и демагогами, подобными Клеону («Всадники»), аѳинскій судъ присяжныхъ и его темныя стороны («Осы»), своего рода «женскій вопросъ« [3]) и стремленія къ коммунизму, не чуждыя уже той эпохѣ («Лисистрата», «Женское народное собраніе»), тогдашнія соціальныя отношенія, борьба бѣдныхъ и богатыхъ («Богатство»), столкновеніе старыхъ и новыхъ направленій въ литературѣ («Лягушки», «Женщины на праздникѣ ѳесмофорій»), софистика («Облака»)—, всего этого касается Аристофанъ, у котораго, кромѣ того, разсѣяно множество намековъ на историческія лица и событія. Даже такая фантастическая, «утопическая» комедія, какъ «Птицы», не совсѣмъ чужда дѣйствительности и рисуетъ нѣкоторыя черты тогдашней аѳинской демократіи и аѳинской жизни.

Произведенія комиковъ представляютъ для историка интересъ еще и въ другомъ отношеніи: они знакомятъ съ внутреннимъ состояніемъ и бытомъ Аѳинъ; они выводятъ не героевъ, а заурядныхъ гражданъ; они изображаютъ наглядно и ярко обыденную жизнь, съ ея повседневными интересами и заботами. Словомъ, комедія — отраженіе, хотя бы и каррикатурное, тогдашней дѣйствительности. Самые намеки комиковъ по поводу той или другой исторической личности, того или другого явленія должны имѣть хоть отдаленную связь съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ происшествіемъ или, по крайней мѣрѣ, съ толками и сплетнями, ходившими тогда въ Аѳинахъ; иначе бы такіе намеки не имѣли смысла и не были понятны для зрителей.

Но всѣ эти шутки, подчасъ грубыя, всѣ эти личныя нападки, отзывающіяся нерѣдко сплетней, клеветой и каррикатурой—, принимать за чистую монету, на нихъ основываться при оцѣнкѣ

---

[1]) Meineke, Fragmenta Comicorum Graec. Berl. 1839, 5 т.; Kock, Comicorum atticorum fragm. Leipz. 1880—8, 3 т. Новѣйшее изд —Comicorum Graecorum Fragmenta, ed. Kaibel (1899), въ Fragm. Poët. Graec. Отрывки изъ комедій можно найти и въ коллекціи Didot.

[2]) Müller-Strubing, Aristophanes und die historische Kritik. Leipz. 1873; Couat, Aristophane et l'ancienne comédie attique. P. 1889; M. Croiset, Aristophane et les partis à Athènes P. 1906. Прекрасный нѣмецкій перев. Аристофана—Droysen'a.

[3]) См. мою ст. «Женскій вопросъ въ древн. Греціи», въ сборн. «Къ свѣту», Спб. 1904 (и отдѣльно); Б. В Варнеке, Женск. вопр. на аѳ. сценѣ. Каз 1905.

историческаго дѣятеля никоимъ образомъ нельзя. Какое, напр., превратное представленіе было бы у насъ о Сократѣ, полагайся мы на одного Аристофана и его «Облака» и не имѣй мы другихъ источниковъ! Вообще пользованіе комедіей требуетъ большой осмотрительности: это—хотя и важный источникъ, но все-же довольно мутный. Нельзя упускать изъ виду, что комикъ—не историкъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ поэтическимъ, что Аристофанъ, напр., прежде всего—комическій поэтъ, цѣль котораго заставить зрителей смѣяться. Но этого мало: древняя аттическая комедія—не только произведеніе поэтическое, но и политическое, тенденціозное. Передъ нами тутъ выраженіе духа партіи, иногда въ самой рѣзкой, безпощадной формѣ. Это—голосъ оппозиціи. Всѣ комики—враги аѳинской демократіи. Такое отношеніе комиковъ къ демократіи едва-ли можетъ быть объяснено однимъ лишь разсчетомъ съ ихъ стороны (такъ какъ отъ аристократовъ и вообще людей богатыхъ зависѣла удачная постановка ихъ пьесъ). Скорѣе это объясняется самою природою и назначеніемъ комедіи: она должна была стоять въ оппозиціи вообще по отношенію къ существующему; комики должны были осмѣивать господствующіе нравы, порядки и т. под., а такимъ порядкомъ тогда въ Аѳинахъ была именно демократія.

Обратимся къ прозаической литературѣ Греціи. Оставляя историковъ пока въ сторонѣ, я коснусь здѣсь прежде всего произведеній философскихъ и ораторскихъ.

Философы.

Первыя [1]) являются нашимъ источникомъ не потому лишь, что служатъ выразителями умственныхъ теченій и свидѣтельствуютъ о степени умственнаго прогресса въ древности, показывая, до какой широты и глубины доходила философская мысль грековъ въ лицѣ ихъ величайшихъ умовъ, какія проблемы ставились ими и какъ онѣ рѣшались; и не потому только, что какъ бы ни былъ

[1]) Въ коллекціяхъ Didot и Teubner'a; Diels, Die Fragmente d. Vorsokratiker. Berl 1906—7. 2 т. (2-е изд.). Главнѣйшія пособія по исторіи греч. философіи—Zeller (нѣск. изд.), Windelband (въ коллекціи Iw. v. Müller'a, 2 изд.; есть рус. пер. «Исторія древн. философіи». 4-е изд. Спб. 1908); Gomperz (Griechische Denker. Leipz. 1896—1909. 3 т.; есть 2-е изд.); кн. С. Н. Трубецкой, Исторія древн. философіи. М. 1906—8. 2 т. На рус. яз. см., кромѣ того, Б. Н. Чичеринъ, Ист. политич. ученій. М. 1869, т. I (и въ «Библіотекѣ для самообразованія», подъ заглав. «Политич. мыслители древн. и нов. врем.». М. 1897, вып. 1); П. Г. Рѣдкинъ, Изъ лекцій по исторіи философіи права. Спб. 1889 сл. 7 т.; Н. М. Коркуновъ, Ист. философіи права. Спб. 1898 (нѣсколько изд.).

великъ и своеобразенъ философскій геній отдѣльнаго мыслителя, какъ бы ни была метафизична и, казалось, лишена реальной основы его философія, все-же его воззрѣнія такъ или иначе имѣютъ связь съ характеромъ и исторіей народа, съ современной ему эпохой, такъ какъ никакой мыслитель не можетъ совершенно отрѣшиться отъ міра реальнаго, отъ окружающей дѣйствительности. Произведенія философовъ являются нашимъ источникомъ и въ болѣе прямомъ смыслѣ· они нерѣдко содержатъ фактическія сообщенія и наблюденія надъ историческою жизнью, надъ современнымъ философу порядкомъ; въ нихъ трактуются, напр., вопросы о государствѣ, его цѣли и задачахъ, о его наилучшемъ устройствѣ; на основаніи опыта исторической жизни высказываются политическіе идеалы, приводятся примѣры изъ прошлаго, характеризуется аѳинская демократія и ея вожди и т. д.

Въ особенности это нужно сказать объ Аристотелѣ и Платонѣ. Аристотель, какъ реалистъ, исходитъ въ своей «Политикѣ» постоянно отъ фактовъ и наблюденій надъ прошлымъ и надъ современною ему дѣйствительностью, и его «Политика»—драгоцѣннѣйшій источникъ для историка; но такъ какъ она тѣсно связана съ другимъ, чисто историческимъ, произведеніемъ великаго философа—его «Политіями», то объ Аристотелѣ я скажу далѣе, въ отдѣлѣ объ историкахъ. Что касается Платона [1]), то, не смотря на весь «идеализмъ» его философіи, не говоря уже объ «Апологіи» и вообще его отношеніи къ Сократу и софистамъ [2]), такіе діалоги, какъ, напр., «Горгій», «Менексенъ» [3]), и особенно «Государство» и «Законы», содержатъ богатый матеріалъ для харак-

---

[1]) Кромѣ Didot и Teubner'a, слѣдуетъ отмѣтить капитальное изданіе Stallbaum'a (Leipz. 1821 сл.) въ 10 т., съ коммент., а изъ болѣе новыхъ—Schanz'a (Leipz. 1875 сл.), еще не окончен.; изъ переводовъ Платона—нѣм пер. Schleiermacher'a, съ введеніями (1804 сл., 3-е изд.—München. 1861), русск.—Карпова (М 1867—79, въ 6 т.) и начатый Вл. Соловьевымъ («Творенія Платона», I т. М. 1899; II т.—въ пер. М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого, 1903); «Законы»—въ переводѣ г Янчевецкаго, въ приложеніи къ «Гимназіи› за 1898 г. О Платонѣ см. книжку Н. Я. Грота, Очеркъ философіи Платона М. 1896, и Windelband'a, Plato (русск. пер. Спб. 1900); Natorp, Platons Ideenlehre. Leipz. 1903.

[2]) Здѣсь возникаетъ вопросъ. 1) гдѣ граница между воззрѣніями выводимаго Платономъ Сократа и воззрѣніями самого Платона и 2) насколько Платоновъ Сократъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному, историческому Сократу.- На рус. яз. см. А. Н. Гиляровъ, Платонъ, какъ истор. свидѣтель Кіевъ. 1891.

[3]) Принадлежность Платону этого діалога, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ, подвергается сомнѣнію. Вообще вопросъ о подлинности и времени написанія Платоновыхъ діалоговъ—одинъ изъ самыхъ спорныхъ.

теристики демократіи (преимущественно темныхъ ея сторонъ), тѣхъ внутреннихъ недуговъ, которыми страдалъ общественный строй Эллады въ ту эпоху, ненормальныхъ соціально-экономическихъ отношеній и соціальнаго вопроса въ Греціи. VIII кн. его «Государства»—жестокій обвинительный актъ противъ господства матеріальныхъ интересовъ какъ у тогдашнихъ плутократовъ, такъ и у охлократовъ. Его собственная теорія—это естественная реакція противъ крайностей тогдашняго индивидуализма: противъ индивидуализма Платонъ выдвинулъ соціализмъ и коммунизмъ [1]). Конечно, къ отзывамъ Платона слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою осторожностью и не принимать ихъ безусловно на вѣру. Онъ судитъ, напр., объ аѳинской демократіи и ея вождяхъ слишкомъ ужъ строго и не вполнѣ объективно. Уже какъ ученикъ Сократа, Платонъ долженъ былъ относиться къ демократіи съ антипатіей, бо́льшимъ или меньшимъ презрѣніемъ. Подъ вліяніемъ печальныхъ явленій окружавшей дѣйствительности, послѣ рокового для аѳинянъ исхода Пелопоннесской войны, утратилась вѣра въ благотворность и цѣлесообразность демократическаго строя; въ немъ усматривали главную причину и источникъ всѣхъ бѣдствій и упадка. По демократіи IV в. судили и о демократіи V в., Периклова времени. Платонъ—противъ всего того направленія, которое приняла исторія Аѳинъ, противъ всего ея хода и исторически сложившагося аѳинскаго строя, и на отзывъ и оцѣнку Платона мы не можемъ всецѣло полагаться; это—голосъ не совсѣмъ безпристрастнаго и—добавлю—далеко не точнаго свидѣтеля.

Ораторы.

Въ рѣчахъ ораторовъ [2]), кромѣ цитатъ изъ законовъ и вообще документовъ [3]), находимъ данныя относительно аѳинскаго права—уголовнаго и гражданскаго—, суда присяжныхъ, судопроизводства и порядка законодательства и матеріалъ для характеристики нравовъ, имущественныхъ и соціальныхъ отношеній. Въ нихъ же найдемъ богатый матеріалъ и для исторіи политической, такъ какъ многія рѣчи имѣютъ характеръ политическій. Такъ, рѣчь Андокида о мистеріяхъ, наряду съ Ѳукидидомъ,—

[1]) Pöhlmann, Geschichte d. antiken Kommunismus und Sozialismus. München. 1893, I.

[2]) Кромѣ неразъ уже названныхъ общихъ коллекцій Teubner'a и Didot, спеціальныя изданія—Bekker'a (Berl. 1823—4. 5 т.), Dobson'a (London. 1828. 16 т.), Baiter-Sauppe (1838—50. 9 fasc.), съ критическими примѣчаніями, фрагментами и схоліями, и друг. Монографія объ ораторахъ—Blass, Die attische Beredsamkeit. 2-te Aufl. Leipz. 1887—98. 3 Abth. На русск. яз.—А. И. Покровскій, О краснорѣчіи у древн. эллиновъ. Нѣжинъ. 1903.

[3]) Относительно ихъ подлинности см. прим. 1 на стр. 19.

главный нашъ источникъ для знакомства съ положеніемъ и происками партій въ Аѳинахъ подъ конецъ Пелопоннесской войны и съ эпизодомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «процесса гермокопидовъ»; а рѣчи Лисія (напр. противъ Эратосѳена и противъ Агората)—одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи времени «Тридцати» и возстановленія въ Аѳинахъ демократіи, въ частности—для характеристики Ѳерамена. Ораторы нерѣдко были своего рода публицистами того времени. Исократа, по крайней мѣрѣ, можно смѣло назвать аѳинскимъ публицистомъ IV вѣка. Его рѣчи—большею частью политическіе памфлеты. Фактической достовѣрности мы въ нихъ не найдемъ; но по нимъ мы знакомимся съ общественнымъ настроеніемъ Греціи въ эпоху ея упадка, съ политическими идеалами и программой той партіи, которая мечтала о взаимномъ примиреніи грековъ, о соединеніи ихъ хотя-бы подъ эгидою Македоніи и о національной борьбѣ съ Персіей. Въ этомъ отношеніи интересенъ Исократовъ «Филиппъ». Въ своемъ «Ареопагитикѣ» Исократъ прославлялъ «доброе старое время», старинный строй, πάτριος πολιτεία. Рѣчь полна фактическихъ ошибокъ, анахронизмовъ и неточностей; но она показываетъ, какъ смотрѣли на старину въ IV в. въ Аѳинахъ лица, подобныя Исократу, и какіе политическіе идеалы выставляли они. Другія рѣчи Исократа («Панегирикъ», «Панаѳинейская», «О мирѣ») тоже имѣютъ отношеніе къ событіямъ IV в. и содержатъ въ себѣ нѣкоторыя историческія указанія.

Но особенно важны рѣчи Демосѳена[1]). Онѣ—главнѣйшій источникъ для исторіи Филиппа Македонскаго, борьбы съ нимъ грековъ и паденія независимости Эллады. Если этотъ періодъ греческой исторіи извѣстенъ намъ такъ, какъ ни одинъ другой, если мы можемъ прослѣдить весь ходъ борьбы аѳинянъ съ Филиппомъ шагъ за шагомъ, всѣ ея перипетіи, то это благодаря именно ораторамъ и болѣе всего—Демосѳену. Нѣкоторые моменты представляются намъ съ рѣдкою наглядностью и живостью; вспомнимъ, напр., то извѣстное мѣсто въ рѣчи Демосѳена «О вѣнкѣ», гдѣ описывается впечатлѣніе, произведенное на аѳинянъ вѣстью о занятіи Филиппомъ Элатеи. Вообще Демосѳенъ говоритъ, какъ очевидецъ и участникъ въ борьбѣ противъ Македоніи, да и самыя его рѣчи—одинъ изъ актовъ этой борьбы.

---

[1]) Изданія Dindorf'a (1846—51. Oxon. 9 т.), съ примѣч. и схоліями, и Weil'я, Les harangues et les plaidoyers politiques. P. 1881—3 (тоже съ примѣч.). Монографія—Arn. Schäfer'a, Demosthenes und seine Zeit. 2-te Aufl. 1889. 3 т.

Но полагаться безусловно на свидѣтельство ораторовъ и въ частности Демосѳена, разумѣется, нельзя. При пользованіи ихъ рѣчами, какъ историческимъ источникомъ, нужно помнить, что ораторы большею частью говорятъ cum ira et studio. Здѣсь мы имѣемъ предъ собою крайне субъективную окраску, невѣрное освѣщеніе, иногда даже искаженіе фактовъ. Въ намѣреніе оратора входитъ произвести на слушателей извѣстное впечатлѣніе во что бы то ни стало, нерѣдко очернить противника, и онъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства, лишь бы доставить торжество отстаиваемому имъ дѣлу. Нельзя, напр., вѣрить на-слово Демосѳену, когда онъ говоритъ объ Эсхинѣ, о его безчестности и продажности, или о Филиппѣ. Рѣчи Демосѳена надо сопоставлять съ рѣчами Эсхина, его противника, и Гиперида, большею частью его союзника.

Такимъ образомъ, при пользованіи произведеніями ораторовъ необходимы, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, осторожность, критическая провѣрка и анализъ.

Историки[1]).

Если вообще памятники греческой литературы важны, какъ историческій источникъ, то тѣмъ болѣе труды историковъ, ибо они являются для насъ источникомъ, такъ сказать, вдвойнѣ: они не только отражаютъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, современную имъ эпоху, но и содержатъ изложеніе самой исторіи (насколько удовлетворительное и достовѣрное, это, конечно, другой вопросъ).

Греческая исторіографія, въ начальной стадіи своего развитія, тѣсно связана съ эпосомъ. Эпическія поэмы и были въ сущности древнѣйшею исторіею для грековъ. Греки долго вѣрили въ существованіе героевъ, подвиги которыхъ воспѣвались, въ дѣйствительность всего того, о чемъ разсказывалось въ эпосѣ. Гомеръ былъ для нихъ историческимъ свидѣтелемъ.

---

[1]) Creuzer, Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung. Leipz. 1803 (2-е изд.—1845); Ulrici, Charakteristik der antiken Historiographie Berlin. 1833 (оба соч. довольно устарѣли); Arn. Schafer, Abrisz der Quellenkunde der griech. Gesch. 4-te Aufl. Leipz. 1889; C. Wachsmuth, Einleitung in das Studium der alten Ceschichte. Leipz. 1895; O. Seeck, Die Entwicklung der antiken Geschichtsschreibung. Berl. 1898; Bury, The ancient greek historians. Lond. 1909. Много наблюденій и замѣчаній у Wilamowitz-Moellendorff, Aristoteles und Athen. Berl. 1893. 2 т. На русск. яз., въ особенности подробно о логографахъ,— у М. С. Куторги, Собраніе сочиненій. Спб. 1896. т. I. (нѣсколько устарѣло).

Логографы [1]).

Родина греческой исторіографіи—тамъ же, гдѣ и родина греческой науки вообще, философіи, эпоса и лирики—, колоніи по мало-азіатскому побережью, преимущественно Іонія, и близъ лежащіе острова. До V в. это былъ центръ политической, умственной и художественной жизни грековъ, и тутъ были благопріятныя условія для возникновенія и развитія исторической литературы. Рядъ политическихъ перемѣнъ, паденіе монархіи, утвержденіе аристократіи, ростъ демократіи и борьба съ нею,—все это совершалось прежде всего въ мало-азіатскихъ колоніяхъ. Здѣсь умственный кругозоръ былъ шире; греческій міръ соприкасался съ міромъ восточнымъ; греки сталкивались или сближались не только другъ съ другомъ, но и съ другими народами, знакомились съ ихъ строемъ, ихъ культурой. Здѣсь развивалась торговля и завязывались сношенія съ различными странами, иногда весьма отдаленными,—съ понтійскими берегами, Египтомъ, далекимъ Западомъ. И здѣсь именно должны были пробудиться индивидуализмъ и потребность въ самосознаніи, въ изученіи прошлаго, въ ближайшемъ ознакомленіи съ различными странами и городами и въ описаніи ихъ ....

Первыхъ греческихъ историковъ, предшественниковъ Геродота, принято называть логографами [2]), и хотя противъ такого термина въ примѣненіи къ древнѣйшимъ эллинскимъ историкамъ иногда возражаютъ, но мы для удобства можемъ его удержать, помня однако, что въ сущности между «логографами» и «отцомъ исторіи», Геродотомъ, нѣтъ непроходимой бездны и коренного различія, а напротивъ—существуетъ связь, такъ-что и въ данномъ случаѣ наблюдается извѣстная постепенность развитія и перехода одной формы въ другую.

Характеристика логографовъ. Сочиненія логографовъ цѣликомъ не сохранились; они дошли до насъ лишь въ фрагментахъ, въ видѣ ссылокъ и цитатъ другихъ, болѣе позднихъ авторовъ. Это—произведенія историко-миѳологическаго и географическаго содержанія, представляющія

---

[1]) Сохранившіеся отрывки см въ Fragmenta Historicorum Graecorum, издан Карломъ Мюллеромъ (въ коллекціи Didot). В. А. Шефферъ, Очерки греческой исторіографіи (изъ «Кіев. Унив. Изв», за 1893—4 г.), гдѣ можно найти переводъ отрывковъ 5 логографовъ и подробный комментарій.

[2]) Такъ называетъ Ѳукидидъ своихъ предшественниковъ (I, 21). Это слово означало вообще прозаиковъ; затѣмъ (напр. въ IV в.) оно служило техническимъ выраженіемъ для обозначенія тѣхъ, кто за деньги писалъ для другихъ судебныя рѣчи.

мѣстныя хроники, сказанія объ основаніи городовъ, генеалогіи героевъ и героическихъ родовъ и описаніе земель. Въ нихъ мы можемъ найти исторію какъ греческую, такъ и варварскую, но не въ связи, а отдѣльно по странамъ и народамъ. Центръ тяжести изложенія у логографовъ падаетъ на времена миѳическія; они не умѣли еще отдѣлять исторію отъ миѳа. Но замѣчается и шагъ впередъ по сравненію съ эпосомъ, съ которымъ ихъ произведенія имѣютъ много общаго. Важно уже было то, что это были произведенія прозаическія, первые образцы исторической прозы. Далѣе, воспроизводя миѳы и съ особенною подробностью останавливаясь на временахъ миѳическихъ, логографы затѣмъ переходили нерѣдко и къ событіямъ позднѣйшимъ, доводя изложеніе до своего времени, касались, слѣдовательно, событій чисто историческихъ. Они интересовались исторіей не только греческою, но и иноземною, міромъ варварскимъ, обращали вниманіе на этнографію, на черты бытовыя, на мѣстныя сказанія, памятники и т. под. Многіе изъ логографовъ предпринимали путешествія, иногда далекія, такъ какъ это было лучшимъ способомъ почерпнуть необходимыя свѣдѣнія о странахъ и народахъ. Въ ту пору исторія находилась въ неразрывной связи съ географіей: онѣ шли и развивались рука объ руку, и такіе логографы, какъ Гекатей, были въ то же время и географами. Нѣкоторые логографы пытались установить точную хронологію и наряду съ миѳами, эпосомъ и сказаніями обращались къ хроникамъ отдѣльныхъ городовъ и матеріалу документальному, въ то время, правда, еще очень скудному,—къ спискамъ жрецовъ или жрицъ, сановниковъ и т. д. Наконецъ, у наиболѣе выдающихся логографовъ замѣчаются и первыя попытки критическаго отношенія къ матеріалу, первые проблески исторической критики и раціонализаціи ходячихъ миѳовъ и сказаній.

Первымъ логографомъ, по свидѣтельству древнихъ, былъ Кадмъ изъ Милета (во второй половинѣ VI в.). Но еще въ древности высказывались сомнѣнія въ принадлежности ему ходившаго подъ его именемъ сочиненія, а въ наше время многіе признаютъ самую личность Кадма, перваго логографа, миѳическою. Наиболѣе выдающіеся логографы—Гекатей и Гелланикъ.

Гекатей былъ современникомъ Іонійскаго возстанія (котораго онъ совѣтовалъ не подымать) и въ тогдашнихъ событіяхъ игралъ довольно видную роль. Онъ былъ не только историкомъ, но и географомъ: ему принадлежитъ историческій трудъ подъ заглавіемъ «Генеалогіи» или «Исторіи» (въ 4 книг.) и «Землеописаніе». Въ Милетѣ, одномъ изъ тогдашнихъ центровъ міровой

Гекатей.

торговли и греческой культуры, онъ могъ добыть немало свѣдѣній о чужихъ краяхъ отъ купцовъ и моряковъ. Но онъ и самъ много путешествовалъ. Несомнѣнно, напр., что Гекатей лично побывалъ въ Египтѣ.

У Гекатея замѣчается уже нѣкоторый раціонализмъ, и у него мы встрѣчаемъ первые опыты исторической критики. Въ этомъ отношеніи знаменательны слова, которыми онъ начинаетъ свою «Исторію»: «Я пишу, что̀ считаю истиннымъ, ибо у эллиновъ существуетъ много разсказовъ и, какъ мнѣ кажется, смѣшныхъ» (fr. 332). И Гекатей старается, по возможности, устранить элементъ сверхъестественный, сдѣлать миѳы и сказанія правдоподобными. Такъ, по его объясненію, Церберъ, доставленный Геракломъ Еврисѳею,—страшная змѣя, обитавшая у Тенара и названная псомъ Ада потому, что укушенный ею немедленно умиралъ отъ ея яда (fr. 346). Гераклъ похитилъ стада у Геріона вовсе не на островѣ Эриѳеѣ по ту сторону великаго моря. Геріонъ былъ царемъ на материкѣ близъ Амбракіи и Амфилоховъ, и отсюда-то Гераклъ увелъ коровъ, да и это, по мнѣнію Гекатея, подвигъ немалый (fr. 349). Египетъ самъ вовсе не являлся въ Аргосъ, а такъ называется мысъ, гдѣ аргивяне производятъ судъ (fr. 357). Все это не мѣшало однако Гекатею выводить свой родъ въ 15-мъ колѣнѣ отъ божества (Герод., II, 143)! Какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, критика Гекатея—чисто субъективная: критеріемъ для него служитъ правдоподобное, возможное, естественное, да и этотъ принципъ не проводится послѣдовательно: вспомнимъ его собственную родословную! Но все-же, по сравненію съ господствовавшею еще наивною вѣрою въ боговъ и героевъ, какъ изображали ихъ миѳы и сказанія, въ сверхъестественное и чудесное, это являлось крупнымъ шагомъ въ развитіи греческой критической мысли.—Гекатей же пытался внести въ свою исторію нѣкоторый хронологическій порядокъ, считая по поколѣніямъ и полагая на каждое поколѣніе по 40 лѣтъ.—Наконецъ, у него наблюдаемъ уже какъ-бы переходъ отъ чисто мѣстной исторіи къ болѣе общей.

Гелланикъ

Гелланикъ Митиленскій—послѣдній по времени изъ логографовъ. Собственно говоря, онъ можетъ быть къ нимъ причисленъ лишь съ оговоркою: онъ не предшественникъ, а скорѣе младшій современникъ Геродота; жилъ онъ долго и былъ свидѣтелемъ послѣднихъ лѣтъ Пелопоннесской войны. Въ числѣ его произведеній была и Ἀτθίς, «Аттида», т. е. исторія или хроника Аттики, первый опытъ въ этомъ родѣ. Такимъ образомъ, Гелланикъ, заканчивая собою какъ-бы эпоху логографовъ, съ

другой стороны, открываетъ собою довольно длинный рядъ такъ назыв. «аттидографовъ». Это—одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ греческихъ историковъ.

Въ изложеніи Гелланика главное мѣсто занимали миѳы и миѳическій періодъ; исторія же Греціи отъ вторженія дорянъ до Греко-Персидскихъ войнъ излагалась кратко. Все это сближаетъ Гелланика съ прочими логографами и даетъ намъ право причислять его къ нимъ. Гелланикъ оказалъ большое вліяніе на послѣдующее отношеніе къ миѳической исторіи Греціи. Онъ собралъ, привелъ въ связь и систему массу матеріала по этой исторіи. Миѳы и саги въ его изложеніи, сухомъ и прозаическомъ, утратили, разумѣется, всякую поэзію; боги и герои превращались въ обыкновенныхъ царей; чудесный элементъ устранялся, а для примиренія и сглаживанія противорѣчій пускались въ ходъ иногда слишкомъ насильственныя средства: однимъ изъ обычныхъ пріемовъ было превращеніе одной личности въ нѣсколько одноименныхъ.

Гелланикъ замѣчателенъ, какъ авторъ первой Аттиды, въ которой, повидимому, находились и извѣстія, касающіяся политическихъ правъ и строя аѳинянъ, и какъ хронологъ, своимъ стремленіемъ къ точной, опредѣленной системѣ: онъ пользовался списками жрицъ Геры въ Аргосѣ и побѣдителей на карнейскихъ играхъ, обрабатывалъ ихъ, а въ своей «Аттидѣ» велъ счетъ по архонтамъ.

Геродотъ [1]).

Уже у нѣкоторыхъ логографовъ замѣчается переходъ отъ мѣстной миѳической исторіи къ болѣе общей и современной имъ. Но ни за однимъ изъ нихъ не утвердилось названіе «отца исторіи». Это имя остается за Геродотомъ, котораго назвалъ такъ еще Цицеронъ (De leg., I, 1, 5). На чемъ же основываются права Геродота на такой почетный титулъ?

[1]) Лучшія комментированныя изданія—Bähr'a (4 т.), Stein'a (5 т.) и Abicht'a (5 т.); всѣ они переиздавались нѣсколько разъ. Macan издалъ IV—IX кн. (Lond. 1895—1908), съ обширнымъ введеніемъ, комментаріями и критическими экскурсами въ приложеніяхъ (на англ. яз.); извѣстія Геродота, касающіяся Скиѳіи и Кавказа, собраны и снабжены русскимъ переводомъ въ сборникѣ В. В. Латышева, Scythica et Caucasica. Спб. 1893, т. I, в. 1. (Прилож. къ «Зап. Импер. Русск. Археолог. Общества»). Русскій пер. Геродота—Ѳ. Г. Мищенка (2-е изд. М. 1888, 2 т.). О Геродотѣ, кромѣ общихъ трудовъ, названныхъ раньше, и введеній къ только-что упомянутымъ изданіямъ (въ особенности предисловій Ѳ. Г. Мищенка къ его переводу),—Hauvette, Hérodote, historien des guerres médiques. P. 1894; Ed. Meyer, Forschungen zur alten Geschichte. Halle. 1892—9, 2 т. и рядъ статей Ѳ. Г. Мищенка, преимущественно въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» и «Филол. Обозр.».

Геродотъ и логографы.

Непроходимой грани между Геродотомъ и логографами въ сущности нѣтъ, и разница между нимъ и его предшественниками едва-ли больше, чѣмъ между Ѳукидидомъ и нимъ. У «отца исторіи» найдется немало точекъ соприкосновенія съ логографами. Его произведеніе до нѣкоторой степени имѣетъ характеръ эпическій; оно стоитъ на рубежѣ между поэзіей и исторіей; во многихъ отношеніяхъ это—какъ-бы эпосъ въ прозѣ. Можно найти въ немъ сходныя черты и съ греческой драмой. Геродотъ, по выраженію К. О. Мюллера, столько-же поэтъ и теологъ, сколько и историкъ. Но Геродота отличаетъ отъ логографовъ прежде всего историчность, грандіозность и единство его главной темы. Логографы занимались преимущественно миѳическимъ періодомъ; у Геродота же, хотя онъ и дѣлаетъ экскурсы въ эту область, главная тема все-же чисто историческая—борьба грековъ съ персами, исторія времени, къ нему близкаго, и притомъ исторія не одного какого-либо города или народа, отдѣльно взятая, а эллиновъ и варваровъ, Европы и Востока, тѣсно связанная. Именно Греко-Персидскія войны, какъ событіе, касавшееся болѣе или менѣе всѣхъ грековъ, персовъ и подвластныхъ имъ народовъ, взволновавшее почти весь тогдашній историческій міръ, могли дать содержаніе и единство широкому историческому труду, впервые помогли возвыситься надъ мѣстною исторіею и стать на болѣе универсальную точку зрѣнія, связать въ одно цѣлое исторію Европы и Азіи, міра греческаго и міра персидскаго... И у Геродота, не смотря на всѣ его отступленія и эпизоды, есть единый, общій планъ, есть, наконецъ, общія руководящія идеи, проникающія весь его трудъ, своя, такъ сказать, философія исторіи... Въ этомъ его основное отличіе отъ его предшественниковъ и право на наименованіе «отца исторіи», конечно, въ извѣстномъ смыслѣ, съ нѣкоторыми оговорками.

Біографія Геродота.

Родиной Геродота былъ Галикарнассъ,[1]) дорійскій городъ на карійскомъ побережьѣ, на рубежѣ между міромъ греческимъ и варварскимъ, съ господствовавшимъ іонійскимъ діалектомъ и іонійскою культурой, съ довольно обширными торговыми связями; все это—условія, которыя должны были благопріятствовать расширенію умственнаго кругозора «отца исторіи», способствовать отрѣшенію отъ какой-либо узкой племенной точки зрѣнія и усвоенію болѣе универсальной. По обстоятельствамъ своей жизни,

[1]) Если у нѣкоторыхъ древнихъ Геродотъ называется «ѳурійцемъ», то не потому, чтобы онъ родился въ Ѳуріяхъ (которыя основаны были лишь въ 444/3 г.), а потому, что для него Ѳуріи сдѣлались какъ-бы второю родиною.

по своимъ интересамъ, Геродотъ—скорѣе представитель всего греческаго міра, нежели одного какого-либо города или племени, и какъ-бы посредникъ между Азіею и Европою, Персіей и Греціей. Родился Геродотъ незадолго до нашествія Ксеркса на Грецію (приблизительно въ 484 году), дожилъ до первыхъ лѣтъ Пелопоннесской войны и умеръ, вѣроятно, около 425 г. Слѣдовательно, онъ былъ современникомъ того періода греческой исторіи, который носитъ названіе «Пятидесятилѣтія» (отъ Платейской битвы до Пелопоннесской войны); его дѣтскіе годы совпали съ героическою борьбою грековъ противъ персовъ, а зрѣлый возрастъ—съ блестящимъ вѣкомъ Перикла, съ расцвѣтомъ аѳинской демократіи, умственной и художественной жизни Греціи. Происходилъ Геродотъ изъ знатнаго рода и, если вѣрить свидѣтельству лексикографа Свиды, въ молодости принималъ дѣятельное участіе въ политической жизни родного города, въ борьбѣ противъ господствовавшаго въ немъ тиранна; но потомъ покинулъ навсегда родину. Онъ жилъ нѣкоторое время въ Аѳинахъ, тогдашнемъ центрѣ умственной и художественной жизни, «школѣ Эллады». Когда основывались Ѳуріи въ южной Италіи, Геродотъ отправился туда въ качествѣ колониста.

Извѣстно, что Геродотъ совершилъ рядъ далекихъ путешествій; не говоря уже о мало-азіатскомъ побережьѣ, островахъ Эгейскаго моря и Элладѣ, онъ путешествовалъ по Египту и доходилъ до острова Элефантины; былъ въ Тирѣ, Палестинской Сиріи и сѣверной Аравіи, въ Вавилонѣ и, повидимому, въ окрестностяхъ Сузъ, а, быть можетъ, и въ Экбатанѣ; посѣтилъ сѣверные берега Понта и Колхиду, Ѳракію и Македонію, Кирену и, вѣроятно, Сицилію. Но къ какому времени относится большая часть этихъ путешествій, сказать трудно [1]).

Содержаніе его труда.

Во вступленіи Геродотъ такъ опредѣляетъ цѣль своего труда: онъ представляетъ свои «разысканія» (ἱστορίης ἀπόδεξις), «дабы отъ времени не изгладились изъ памяти дѣянія людей и не преданы были забвенію великіе и достойные удивленія подвиги, совершенные какъ эллинами, такъ и варварами, въ особенности же—причина, по какой они вступили въ войну между собою» (I. 1).

Геродотъ говоритъ сначала о столкновеніяхъ между Европою и Азіею, которыя предшествовали борьбѣ грековъ съ персами и какъ-бы являлись ея прецедентами, излагаетъ затѣмъ исторію

[1]) Спорный вопросъ о томъ, гдѣ и когда именно или въ какомъ порядкѣ писалъ Геродотъ свой трудъ,—вопросъ, по которому есть двѣ различныя гипотезы (Кирхгофа и Ад. Бауэра), для опредѣленія значенія Геродота, какъ источника, не имѣетъ большой важности.

Лидіи, Мидіи и Кира, при чемъ касается и Вавилона (I кн.)[1]). По поводу египетскаго похода Камбиза онъ подробно останавливается на Египтѣ (вся II-я кн.); потомъ возвращается къ Камбизу, разсказываетъ о Лжесмердизѣ и Даріи Гистаспѣ, объ организаціи Персидской монархіи и тутъ же посвящаетъ обширный экскурсъ исторіи Самоса (III кн.). По поводу похода Дарія на скиѳовъ онъ сообщаетъ подробности о Скиѳіи и о народахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Понта, и о самомъ походѣ, а затѣмъ переходитъ къ Киренѣ и Ливіи (IV кн.), и только съ V книги Геродотъ приступаетъ къ главной своей темѣ—къ исторіи Греко-Персидскихъ войнъ, начиная съ Іонійскаго возстанія и кончая битвою при Микале и осадою Сеста (кн. V—IX).

Таково содержаніе труда Геродота лишь въ главныхъ чертахъ. Попутно «отецъ исторіи» дѣлаетъ постоянно отступленія, вставляя цѣлый рядъ эпизодовъ и экскурсовъ, останавливаясь на самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Онъ самъ заявляетъ, что его изложеніе охотно допускаетъ подобныя отступленія (IV, 30). Его интересовало все «достопримѣчательное». Исторія и географія описываемыхъ странъ, лица и событія, памятники и преданія, чудеса и предзнаменованія, природа и животныя, жители, ихъ вѣрованія, нравы и обычаи, жилища и одежда,—все это привлекало вниманіе любознательнаго и словоохотливаго «отца исторіи» и обо всемъ этомъ онъ говоритъ съ эпическими подробностями, съ любовью останавливаясь на деталяхъ, на чертахъ чисто анекдотическихъ.

Надъ всѣмъ этимъ матеріаломъ и подробностями господствуетъ однако нѣсколько общихъ руководящихъ идей.

Міровоззрѣніе. Одна изъ нихъ, красною нитью проходящая чрезъ весь трудъ Геродота,—убѣжденіе въ «завистливости божества». «Божество завистливо»; «людскія несчастья доставляютъ наслажденіе богамъ»; человѣкъ не долженъ превозноситься, высоко мнить о себѣ, ибо всякое высокомѣріе постигаетъ кара,—это Геродотъ повторяетъ много разъ и отъ себя, и устами выводимыхъ имъ лицъ. Божество, говоритъ у него персъ Артабанъ, мечетъ перуны въ самыя высокія зданія и деревья, ибо оно любитъ сокрушать все выдающееся; оно не дозволяетъ никому другому, кромѣ самого себя, высоко мнить о себѣ (VII, 10). Въ дѣйствіяхъ Ксеркса Геродотъ усматриваетъ преимущественно высокомѣріе и всю исторію Ксерксова похода излагаетъ главнымъ

[1]) Дѣленіе на книги и заглавіе «Музы» принадлежитъ не самому Геродоту, а болѣе позднему времени—александрійскимъ грамматикамъ.

образомъ съ той точки зрѣнія, что всякое непомѣрное возвышеніе влечетъ за собою наказаніе.

Міросозерцаніе грековъ мы привыкли представлять себѣ чрезвычайно жизнерадостнымъ. Едва-ли однако такое мнѣніе безусловно вѣрно; во всякомъ случаѣ оно требуетъ большого ограниченія. Знаменательно, по крайней мѣрѣ, то, что Геродотъ, этотъ представитель, быть можетъ, лучшей поры въ исторіи Греціи, проникнутъ если и не безысходнымъ пессимизмомъ [1]), то все-же сознаніемъ измѣнчивости всего человѣческаго, непостоянства земного счастья и величія, и грустная нота слышится по временамъ въ его словахъ. «Полнаго счастья не существуетъ для людей», говоритъ онъ устами того-же Артабана (VII, 49). Земное счастье скоропреходяще, жизнь кратка, но вслѣдствіе несчастій и болѣзней и она можетъ показаться даже долгою, а самая смерть—явиться желаннымъ пристанищемъ (VII, 46). Никто не можетъ назвать себя счастливымъ раньше смерти, говоритъ у Геродота Солонъ Крезу. Вообще человѣкъ подверженъ превратностямъ, и не только отдѣльныя лица, но и цѣлые народы (I, 32). Круговращеніе человѣческихъ дѣлъ не дозволяетъ, чтобы постоянно одни и тѣ-же лица были счастливы (I, 207). Великое въ древности стало теперь малымъ, а великое теперь было раньше малымъ. Вотъ почему Геродотъ отводитъ въ своемъ изложеніи мѣсто не только большимъ городамъ, но и малымъ (I, 5). Даже такой періодъ, какъ эпоха Греко-Персидскихъ войнъ и Пятидесятилѣтія, Геродоту представляется періодомъ величайшихъ бѣдствій (VI, 98).

Въ мірѣ дѣйствуетъ немезида; за тяжкими неправдами слѣдуютъ и тяжкія наказанія. Клятвопреступленіе, напр., преслѣдуютъ боги; это выражено образно словами оракула: «у клятвы есть дѣтище безымянное, и безъ рукъ, и безъ ногъ; но клятвопреступника оно преслѣдуетъ съ ожесточеніемъ, пока не настигнетъ его и не погубитъ всего его потомства и дома» (VI, 86). Гнѣвъ разгнѣваннаго божества обрушивается и на потомковъ (VII, 134 сл.).

Все подчинено року. Въ иныхъ случаяхъ у Геродота рокъ отождествляется съ божествомъ: «что по опредѣленію божества должно случиться, того человѣкъ не въ силахъ предотвратить», говоритъ у него одинъ персъ въ предвидѣніи гибели Мардонія и его войска (IX, 16). Въ другихъ случаяхъ высказывается мысль, что и само божество не можетъ избѣжать опредѣленія судьбы (I, 91): боги безсильны предотвратить ея велѣнія; они могутъ лишь нѣсколько замедлить исполненіе того, что суждено.

---

[1]) См. Burckhardt, Griech. Kulturgeschichte. Berlin. II, 373 сл.

Геродотъ—представитель теоріи провиденціализма, которую—конечно, mutatis mutandis—мы неразъ встрѣчаемъ потомъ въ разныхъ видахъ и въ средніе, и даже новые вѣка, хотя бы, напр. у Боссюэта. По Геродоту, въ исторіи дѣйствуетъ мудрый божественный промыслъ (III, 108), направляющій судьбы людей, цѣлыхъ народовъ и государствъ. Божественное устроеніе человѣческихъ дѣлъ, по его словамъ, явствуетъ изъ многихъ примѣровъ (IX, 100).

Геродотъ допускаетъ непосредственное вмѣшательство божества въ ходъ этихъ дѣлъ. Онъ вѣритъ въ чудеса, въ оракулы и предсказанія, въ видѣнія и сны, вообще въ предзнаменованія событій. Изреченіямъ оракуловъ онъ вообще отводитъ очень видное мѣсто въ своемъ повѣствованіи; у него они обыкновенно сбываются или толкуются въ благопріятномъ для оракула смыслѣ; въ крайности всегда находится какой-либо выходъ или оправданіе (напр. I, 159). Сообразно такому воззрѣнію Геродотъ часто отдаетъ предпочтеніе версіямъ съ чудеснымъ, сверхъестественнымъ элементомъ. Подъ вліяніемъ своихъ излюбленныхъ идей онъ иногда дѣлаетъ даже фактическія ошибки, искажаетъ или передвигаетъ хронологическія даты. Напр., затменіе, бывшее на самомъ дѣлѣ въ 478 г., онъ пріурочиваетъ ко времени Ксерксова похода и изъ частнаго превращаетъ въ полное (VII, 37), ибо видитъ въ немъ предзнаменованіе. Къ лицамъ миѳическимъ, богамъ и героямъ, онъ относится большею частью какъ къ историческимъ и современнымъ ему дѣятелямъ.

Таково міровоззрѣніе «отца исторіи». Многіе изъ отмѣченныхъ взглядовъ составляютъ въ сущности общую принадлежность грековъ и въ частности тогдашней эпохи. Аналогичныя идеи о рокѣ, о томъ, что никто раньше смерти не можетъ назвать себя счастливымъ,—мы встрѣчаемъ и у трагиковъ, напр. у Софокла (Эдипъ) и даже Еврипида. А въ отношеніи къ оракуламъ и сновидѣніямъ, предзнаменованіямъ и чудесамъ Геродотъ является представителемъ скорѣе народныхъ вѣрованій: тутъ онъ шелъ не впереди своего вѣка, не во главѣ движенія критической мысли, а скорѣе—позади. Но міровоззрѣніе Геродота не отличалось цѣльностью и строгою опредѣленностью. Дѣло въ томъ, что «отецъ исторіи» стоялъ на рубежѣ двухъ эпохъ—эпохи вѣры, благоговѣйнаго отношенія къ унаслѣдованному отъ предковъ, и эпохи начинающагося раціонализма, смѣлой критики, софистическаго движенія, вѣка «просвѣщенія» (Ѳ. Г. Мищенко, I, 1 сл.). Набожность и легковѣріе у него борется или сочетается съ зачатками раціонализма и стремленіемъ объяснить факты естественнымъ

путемъ. Въ результатѣ—подчасъ колебанія, нѣкоторая непослѣдовательность и противорѣчія: рядомъ съ вѣрой въ оракула, предзнаменованія и непосредственное вмѣшательство божества у Геродота обнаруживается раціонализмъ и даже скептицизмъ.

Примѣры раціонализма.

Въ этомъ отношеніи характерны его замѣчанія о происхожденіи Темпейской долины. Ѳессалійцы говорили, что ее сдѣлалъ Посейдонъ, и, по мнѣнію Геродота, говорили справедливо: ибо кто вообще полагаетъ, что Посейдонъ потрясаетъ землю и что подобныя ущелья—дѣло этого бога, тотъ и въ данномъ случаѣ скажетъ, что ее сдѣлалъ Посейдонъ, такъ какъ для Геродота ясно, что эта долина—результатъ землетрясенія (VII, 129). Или, наоборотъ, послѣ здравыхъ и основательныхъ критическихъ замѣчаній по поводу разсказа о томъ, какъ египтяне хотѣли было принести Геракла въ жертву, разсказа, называемаго имъ «нелѣпою баснею», онъ вдругъ прибавляетъ въ концѣ: «впрочемъ, да будутъ къ намъ милостивы боги и герои, что мы столько наговорили о нихъ» (II, 45).—Геродотъ до нѣкоторой степени сознаетъ противорѣчія въ изреченіяхъ предсказателей и поэтому однимъ онъ вѣритъ, другимъ не вѣритъ (VIII, 77). Или, напр., «бурю у Сепіада усмирили маги при помощи жертвъ и заклинаній», «а можетъ быть», прибавляетъ Геродотъ, «она сама по себѣ унялась» (VII, 191). Происхожденіе сновидѣній, которымъ онъ придавалъ такое значеніе, въ одномъ мѣстѣ онъ объясняетъ естественнымъ путемъ: во снѣ, говоритъ у него упомянутый уже Артабанъ, въ видѣ призраковъ предъ нами является то, о чемъ мы думаемъ днемъ (VII, 16). Геродотъ не берется рѣшать, явилась ли психическая болѣзнь Камбиза, какъ наказаніе за его поступокъ съ Аписомъ, или по какой-либо другой причинѣ, но полагаетъ, что такъ какъ Камбизъ съ самаго рожденія страдалъ серьезною болѣзнью, называемою священною (т. е. эпилепсіей), то естественно, что и умъ его не былъ здоровъ (III, 33). Интересны попытки «отца исторіи» раціонализировать миѳы или невѣроятные разсказы. Додонскія жрицы разсказывали, будто голубка, прилетѣвъ въ Додону, человѣческимъ языкомъ возвѣстила, что здѣсь должно быть основано прорицалище. По объясненію Геродота, эта голубка – на самомъ дѣлѣ женщина-чужеземка, которая говорила сначала на непонятномъ языкѣ, т. е. какъ-будто по-птичьи, а потомъ заговорила по-человѣчески, т. е. понятно для туземцевъ (послѣ того, какъ выучилась ихъ языку); «ибо иначе какимъ же образомъ», недоумѣваетъ Геродотъ, «голубка могла бы говорить на человѣческомъ языкѣ?» (II, 57).

Политическія симпатіи Геродота

Не безъ вліянія на изложеніе Геродота были его политическія воззрѣнія и симпатіи.

Симпатіи Геродота—почти всецѣло на сторонѣ аѳинянъ и ихъ демократіи, съ ея «исономіей» и «исегоріей». Сказавъ о Клисѳенѣ и о той борьбѣ, какую пришлось выдержать вновь установленной аѳинской демократіи противъ цѣлой коалиціи, онъ замѣчаетъ (V, 78), что «не только изъ этого примѣра, но вообще ясно, какая хорошая вещь равноправіе», «что пока аѳиняне управлялись тираннами, они въ военномъ дѣлѣ не превосходили никого изъ своихъ сосѣдей, а свергнувъ тирановъ, они стали далеко первые», и какъ-бы забываетъ, что именно при Писистратѣ аѳиняне достигли большого внѣшняго могущества. Въ исторіи Греко-Персидскихъ войнъ Геродотъ выдвигаетъ аѳинянъ на первый планъ, почти вездѣ отводитъ имъ главную роль и ярко выдвигаетъ ихъ заслуги. Онъ открыто высказываетъ свое мнѣніе, «ненавистное», правда, большинству грековъ, но ему кажущееся истиннымъ, именно, что отъ аѳинянъ зависѣлъ исходъ борьбы, и «кто сказалъ бы, что они явились спасителями Эллады, тотъ не погрѣшилъ бы противъ истины» (VII, 139). Что касается отдѣльныхъ лицъ, то Геродотъ, напр., изображаетъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ личность Ѳемистокла и, очевидно, преклонялся предъ Перикломъ (VI, 131). Нельзя однако сказать, чтобы Геродотъ былъ проникнутъ враждою къ Спартѣ; напротивъ, у него неразъ встрѣчаются отзывы о спартанцахъ, болѣе или менѣе благопріятные (напр. VII, 102, 104; IX, 71). Гораздо хуже относится Геродотъ къ коринѳянамъ, а тѣмъ болѣе къ ѳиванцамъ, измѣна коихъ дѣлу грековъ и союзъ съ персами выставляются особенно на видъ, безъ всякихъ смягченій, что̀ составляетъ контрастъ съ снисходительнымъ отношеніемъ его къ поведенію Аргоса. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду очевидное пристрастіе его къ дельфійскому оракулу.

Отношеніе къ варварамъ

«Отцу исторіи», не смотря на весь его эллинскій патріотизмъ, чужды національная исключительность и презрѣніе къ варварамъ, отъ котораго не совсѣмъ свободенъ былъ даже такой умъ, какъ Аристотель. У Геродота тамъ, гдѣ онъ говоритъ о варварахъ, сказывается гуманное отношеніе къ нимъ. Плутархъ, съ оттѣнкомъ упрека, называлъ его φιλοβάρβαρος. Исторія, нравы и обычаи какъ культурныхъ народовъ древняго Востока, такъ и нецивилизованныхъ племенъ, подобныхъ, напр., скиѳамъ, живо интересовали Геродота. Человѣчное отношеніе къ варварамъ обнаруживается у него и въ другихъ случаяхъ, въ характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ. Вспомнимъ, напр., его Креза, которымъ овла-

дѣваетъ чувство жалости и состраданія даже къ убійцѣ—правда, невольному—его сына (I, 45). Вообще разсказъ о Крезѣ—одинъ изъ самыхъ трогательныхъ эпизодовъ въ «Исторіи» Геродота. Даже въ отношеніи къ такому врагу Греціи, какъ Ксерксъ, мы не аамѣтимъ у него чувства злобы: и этому персидскому царю въ изображеніи Геродота не чужды великодушіе и гуманныя черты (VII, 136). Конечно, выводимыхъ имъ персовъ, лидійцевъ и вообще варваровъ «отецъ исторіи» слишкомъ эллинизируетъ: они у него обыкновенно лишены національныхъ чертъ и очень ужъ похожи на грековъ.

Степень достовѣрности Геродота въ значительной мѣрѣ зависитъ, разумѣется, отъ его источниковъ[1]). **Источники.**

Источникомъ для Геродота служили, во-первыхъ, его личныя наблюденія, заключенія и разысканія (II, 99). Для оцѣнки Геродота, какъ историческаго свидѣтеля, важно было бы опредѣлить въ точности, какія именно страны посѣтилъ онъ лично. Къ сожалѣнію, это приходится рѣшать лишь на основаніи собственныхъ его словъ и указаній, заключающихся въ его трудѣ. А при этомъ нерѣдко могутъ возникнуть сомнѣнія, говоритъ ли Геродотъ на основаніи личныхъ, непосредственныхъ наблюденій, или же со словъ другихъ, черпая, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ, даже тогда, когда рѣчь идетъ о мѣстностяхъ, которыя онъ посѣщалъ? Слова Геродота, что такой-то памятникъ или обычай уцѣлѣлъ «до него», «до его времени», не всегда слѣдуетъ понимать такъ, что онъ видѣлъ или наблюдалъ его лично. Также, когда Геродотъ ссылается на свидѣтельство туземцевъ, какъ на свой источникъ, это еще не значитъ, что сообщаемыя свѣдѣнія онъ получилъ на мѣстѣ: онъ могъ получить ихъ инымъ путемъ, чрезъ вторыя и третьи руки, или хотя и отъ туземцевъ, но встрѣченныхъ имъ не на ихъ родинѣ, а въ другомъ какомъ-нибудь пунктѣ.

Но главный источникъ Геродота—устная традиція[2]): разсказы различныхъ лицъ—жрецовъ, переводчиковъ и проводниковъ, очевидцевъ и участниковъ событій, ихъ потомковъ или родственниковъ—, народныя преданія и легенды, ходячіе анек-

[1]) Gutschmid, Index fontium Herod. (Kl. Schriften, IV, 145 сл.); Ad. Bauer, Themistokles. Studien und Beiträge z. griech. Historiographie und Quellenkunde. Merseb. 1881.

[2]) K. W. Nitzsch, Über Herodots Quellen für die Gesch. d. Perserkriege (Rhein. Mus., 27 т., 1872); Wecklein, Ueber die Tradition der Perserkriege (Sitz.-ber. d. philos.-philol. und histor. Classe der bayer. Akad. d. Wissensch. München. 1876); Delbrück, Die Perserkriege und die Burgunderkriege. Leipz. 1887.

доты, рѣчи, въ которыхъ вспоминались подвиги былого времени, и т. под. Такъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ для насъ отдѣловъ труда Геродота—исторія Греко Персидскихъ войнъ—изложенъ преимущественно на основаніи традиціи устной, и это необходимо принимать въ соображеніе при пользованіи Геродотомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Геродотъ прямо называетъ своихъ свидѣтелей по имени [1]).

Въ основѣ многихъ разсказовъ Геродота лежатъ въ сущности такъ назыв. новеллы, родъ произведеній, не чуждый тому періоду греческой исторіи, который нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи не безъ основанія сравниваютъ съ западно-европейскимъ средневѣковьемъ [2]). Таковы разсказы въ особенности о тираннахъ—Кипселѣ и Періандрѣ, о свадьбѣ Агаристы (дочери Клисѳена Сикіонскаго), о Поликратовомъ перстнѣ и проч.

Геродотъ пользовался и письменными источниками. Немало онъ обязанъ своимъ предшественникамъ—логографамъ, въ особенности Гекатею. Послѣдняго въ одномъ мѣстѣ (V, 137) онъ прямо цитируетъ; въ другихъ случаяхъ полемизируетъ съ нимъ, не называя по имени, но рѣзко, съ насмѣшкой и пренебреженіемъ (IV, 36; II, 21). И тѣмъ не менѣе Геродотъ многое почерпнулъ у Гекатея, преимущественно въ отдѣлѣ объ Египтѣ. Одинъ изъ самыхъ любимыхъ источниковъ Геродота — изреченія оракуловъ, преимущественно дельфійскаго, и разныхъ предсказателей, хресмологовъ, подобныхъ Бакиду и Мусею. Нѣкоторыя свѣдѣнія Геродотъ, очевидно, почерпнулъ и изъ письменныхъ памятниковъ болѣе или менѣе документальнаго характера, оффиціальныхъ [3]) или, по крайней мѣрѣ, довольно точныхъ записей современниковъ. Сюда относятся, напр., перечисленіе персидскихъ сатрапій и ихъ податей (III, 89 сл.), описаніе царской дороги изъ Сардъ въ Сузы (V, 52—53), перечисленіе народностей, входившихъ въ составъ Ксерксова войска (VII, 51 сл.), съ именами начальниковъ отдѣльныхъ контингентовъ и эскадръ (за исключеніемъ эпизодическихъ подробностей и цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ, конечно, не изъ этого источника). Неразъ цитируетъ Геродотъ и надписи, напр., на стелахъ, статуяхъ, изображеніяхъ или иныхъ предметахъ [4]) (между

[1]) Напр. IX, 16; VIII, 65; III, 55; IV, 76; VI, 105, 177; II, 55.

[2]) Erdmannsdörffer, Das Zeitalter der Novelle in Hellas (Preuss. Jahrb. XXV, 1869) О сказочныхъ мотивахъ въ исторіи Геродота—см. работу г. Клингера. Кіевъ. 1903 (изъ Кіевск. Унив. Изв.).

[3]) Геродотъ упоминаетъ о царскихъ писцахъ или секретаряхъ при войскѣ Ксеркса (XII, 100; VIII, 90).

[4]) II, 125, 141; IV, 87, 88, 91; V, 77; VI, 14; VII, 228.

ними иногда не подлинныя). Вообще онъ пользовался и вещественными памятниками, остатками зданій и сооруженій, дарами, хранившимися въ различныхъ храмахъ, и т. д., какъ источникомъ.

Что касается приводимыхъ Геродотомъ рѣчей, то онѣ, разумѣется, не подлинны и въ большинствѣ случаевъ проникнуты морализирующею тенденціей, изукрашены вымысломъ, частью заимствованы изъ преданія, частью являются плодомъ творчества самого историка; но опредѣлить, что̀ въ нихъ принадлежитъ выводимому лицу, что̀—самому Геродоту и что̀—его источнику, очень трудно.

Какъ же относится Геродотъ къ самому матеріалу? **Историческая критика у Геродота.**

Говоря вообще, онъ различалъ то, что̀ видѣлъ самъ, отъ того, что̀ лишь слышалъ, подлинно извѣстное ему отъ не вполнѣ, по его мнѣнію, достовѣрнаго, результаты собственныхъ наблюденій и заключеній отъ свѣдѣній, полученныхъ путемъ разспросовъ (II, 99; I, 183, 140; II, 53, 148); но въ частности нелегко рѣшить, гдѣ оканчивается его автопсія и гдѣ начинаются показанія свидѣтелей, со словъ коихъ онъ говоритъ; да и самъ онъ сознается, что къ слышанному отъ другихъ присоединялъ и свои собственныя наблюденія (напр. II, 99). Геродотъ передаетъ слышанное, но это не значитъ, что онъ ручается за его достовѣрность: «я обязанъ передавать то, что̀ говорятъ, но вѣрить всему не обязанъ, и это мое заявленіе относится ко всему моему изложенію», предупреждаетъ онъ (VII, 152). Очень часто Геродотъ приводитъ нѣсколько версій, иногда прямо говоря, какой изъ нихъ онъ отдаетъ предпочтеніе и почему именно (III, 9, 56; II, 12; VIII, 119 сл.), а иногда предоставляетъ самому читателю сдѣлать выборъ (напр. III, 122; ср. II, 146). Въ другихъ случаяхъ, приводя одинъ какой-либо разсказъ, какъ болѣе правдоподобный по его мнѣнію, онъ отмѣчаетъ, что существовали и иныя версіи (напр. I, 214).

У Геродота мы видимъ немало примѣровъ критическаго отношенія къ матеріалу: онъ не вѣритъ многому изъ того, что̀ слышалъ и что̀ считаетъ своимъ долгомъ передать. Нѣкоторые разсказы Геродотъ прямо называетъ выдумками праздными или нелѣпыми и по поводу ихъ дѣлаетъ замѣчанія и возраженія, иногда очень основательныя,—любопытные опыты тогдашней исторической критики. На основаніи противорѣчій между Иліадой и «Кипрской поэмой» онъ, напр., отвергаетъ принадлежность послѣдней Гомеру (II, 117). Разсказъ о дочери Микерина и статуяхъ служанокъ, изображенныхъ съ отрубленными будто-бы руками,

Геродотъ считаетъ «пустою болтовнею»: «мы сами видѣли», говоритъ онъ, «что руки колоссовъ отвалились отъ времени и еще въ мое время лежали тутъ-же, у ногъ ихъ» (II, 131). Иногда критицизмъ Геродота заходитъ даже слишкомъ далеко, оказывается неумѣстнымъ, а его собственныя соображенія—неудачны. Напр., онъ не вѣритъ, чтобы существовали люди, пребывающіе во тьмѣ цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ, или чтобы финикіяне, плывя вокругъ Африки изъ Краснаго моря, имѣли солнце съ правой стороны; смѣется надъ мнѣніемъ Гекатея, что земля окружена океаномъ и т. д.

Недостатки Геродота и ихъ объясненіе

Еще въ древности мы встрѣчаемъ часто неблагопріятные отзывы о Геродотѣ. Плутархъ, въ качествѣ беотійца особенно обиженный отношеніемъ Геродота къ ѳиванцамъ, написалъ цѣлый трактатъ «О злостности Геродота», въ которомъ онъ старается уличить его въ пристрастіи. Въ новѣйшее время «отецъ исторіи» тоже неразъ подвергался нападкамъ или слишкомъ строгому суду. Его сравнивали съ Марко-Поло и Де-Фоэ, упрекали въ «плагіатѣ», въ «вопіющей недобросовѣстности» (Сэйсъ), видѣли въ немъ подкупленнаго аѳинянами свидѣтеля или апологета дельфійскаго оракула. И нельзя отрицать· у Геродота немало недостатковъ. Онъ очень часто обнаруживаетъ легковѣріе и склонность къ анекдотамъ; въ его трудѣ мы встрѣчаемъ много баснословныхъ, нелѣпыхъ разсказовъ; истина у него смѣшана съ вымысломъ и неправдой. Мы найдемъ у Геродота немало ошибокъ. Паказанія, напр., о численности Ксерксовыхъ полчищъ и вообще персидскихъ войскъ, очевидно, невѣрны и преувеличены [1]). Описанія военныхъ дѣйствій вызываютъ рядъ сомнѣній и недоумѣній и иногда оказываются неправдоподобными. Онъ не оцѣнилъ должнымъ образомъ Ѳемистокла и своими сообщеніями набрасываетъ на него тѣнь. Геродотъ—почитатель дельфійскаго оракула; онъ—явно на сторонѣ аѳинянъ; мотивы и поведеніе спартанцевъ у него представлены, быть можетъ, не всегда согласно съ дѣйствительностью; ѳиванцевъ и коринѳянъ онъ судитъ слишкомъ строго и во всякомъ случаѣ прилагаетъ къ нимъ иной масштабъ, нежели, напр., къ аргивянамъ и ѳессалійцамъ. Геродотъ несправедливъ по отношенію къ своему предшественнику Гекатею, глумится надъ его сообщеніями и соображеніями, а самъ пользуется имъ, не всегда называя свой источникъ; онъ—подчасъ преувеличеннаго мнѣнія о точности своихъ наблюденій и свѣдѣній и т. д.

[1]) Объ этомъ см. главн. обр. Delbrück, Die Perserkriege und die Burgunderkriege, и новѣйшій его трудъ—Geschichte der Kriegskunst. Berlin. 1900.

Но не будемъ слишкомъ строги къ «отцу исторіи» [1]): мы должны судить о немъ не съ точки зрѣнія современной науки, а съ точки зрѣнія условій его времени. Слѣдуетъ различать желаніе, стремленіе Геродота узнать истину и возможность достичь этого,—средства, находившіяся въ его распоряженіи. Его желаніе разыскать истину не подлежитъ сомнѣнію; кругъ интересовавшихъ его явленій—очень широкъ, и нельзя не удивляться любознательности Геродота. Онъ предпринимаетъ далекія путешествія, не смотря на всю затруднительность тогдашнихъ путей сообщенія. Онъ обращается съ разспросами къ мѣстнымъ жителямъ, осматриваетъ памятники, самъ производитъ измѣренія, на полѣ битвы при Пелусіи сличаетъ черепа павшихъ въ бою... Добросовѣстность Геродота видна и изъ того, что онъ считаетъ долгомъ сообщить слышанное и даже такія версіи, которымъ не вѣритъ и которыя противорѣчатъ высказанному имъ взгляду. Многія ошибки и неточности «отца исторіи» невольны или вполнѣ понятны и неизбѣжны. Виною другихъ былъ не столько онъ самъ, сколько условія его дѣятельности, какъ историка,—тогдашнее младенческое состояніе исторической мысли, дѣлавшей лишь первые свои шаги; самыя средства къ отысканію истины были еще крайне несовершенны, пріемы не были выработаны, а источники, находившіеся въ распоряженіи Геродота,—большею частью ненадежны. Геродотъ могъ быть прекраснымъ наблюдателемъ внѣшнихъ фактовъ, но въ чужихъ странахъ, подобныхъ Египту, ему приходилось полагаться, напр., на проводниковъ или переводчиковъ, дѣлаться жертвою ихъ невѣжества или обмана, тѣмъ болѣе, что языка этихъ странъ онъ не зналъ. Въ исторіи Греко-Персидскихъ войнъ та устная традиція, которая давала Геродоту главный матеріалъ, являлась тоже источникомъ далеко не совершеннымъ. На эту традицію вліяло желаніе представить прошлое въ возможно болѣе величественномъ и славномъ видѣ, преувеличить размѣры борьбы, затушевать все, что̀ могло казаться пятномъ для грековъ. Вліяли на нее и мѣстныя симпатіи и антипатіи, счеты и раздоры греческихъ государствъ между собою, наконецъ—любовь ко всему анекдотическому. Не говорю уже о томъ видоизмѣненіи, которому должна была подвергнуться традиція въ теченіе приблизительно полувѣка, протекшаго отъ отраженія персовъ до момента, когда Геродотъ обработалъ свой трудъ.

---

[1]) Оправданіе Геродота—см. преимущественно у Ѳ. Г. Мищенка, Предисловіе къ I и II т.

Пристрастія Геродота не слѣдуетъ преувеличивать. Не смотря на свое сочувствіе къ аѳинянамъ, Геродотъ въ иныхъ случаяхъ воздавалъ спартанцамъ должное (см. выше, стр. 42). Въ сущности мнѣніе Геродота о заслугахъ аѳинянъ въ дѣлѣ борьбы съ персами есть лишь справедливая оцѣнка, констатированіе факта.

Значеніе труда Геродота.

Въ общемъ значеніе труда Геродота для насъ чрезвычайно велико. Геродотъ сохранилъ отъ забвенія массу всевозможнаго матеріала по политической и культурной исторіи, по фольклору, географіи[1]) и энтографіи почти всѣхъ народовъ древняго міра. Его произведеніе—своего рода историко-географическая и этнографическая энциклопедія; это —«неисчерпаемая сокровищница свѣдѣній относительно прошлыхъ временъ». Не будь Геродота, наши свѣдѣнія о древнихъ народахъ и въ частности о грекахъ и борьбѣ ихъ съ персами во многихъ отношеніяхъ были бы скудны и ограничены, не смотря на всѣ блестящіе результаты новѣйшихъ археологическихъ открытій. И мы должны быть признательны ему за то, что онъ не строго соблюдалъ единство темы и стройность плана, за его многочисленныя отступленія, благодаря чему сохранилось столько драгоцѣнныхъ извѣстій, и за то, что онъ передавалъ видѣнное и слышанное, большею частью «не мудрствуя лукаво», не отвергая, какъ негодный матеріалъ, доходившіе до него разсказы, какъ бы невѣроятны они ни были даже въ его глазахъ, и не подвергая ихъ предварительно слишкомъ строгому критическому разбору или раціоналистической передѣлкѣ. Многое изъ сообщеній Геродота новѣйшими изслѣдованіями опровергнуто, но многое и подтвердилось. Можно даже сказать, что чѣмъ дальше идетъ изученіе исторіи древней Эллады и Востока, тѣмъ больше обнаруживается добросовѣстность гуманнаго и словоохотливаго, подчасъ наивнаго «отца исторіи».

Но каково бы ни было въ общемъ наше мнѣніе о достовѣрности Геродота и объ его источникахъ, необходимо изслѣдовать степень достовѣрности и происхожденіе его извѣстій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ какъ достоинство его сообщеній неодинаково въ различныхъ частяхъ и даже главахъ его труда.

---

[1]) О географическихъ свѣдѣніяхъ Геродота—Berger, Gesche der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipz. 1903 (2-е изд.).

Θукидидъ [1]).

Главнымъ источникомъ для исторіи слѣдующаго за отраженіемъ персовъ «Пятидесятилѣтія» и въ особенности Пелопоннесской войны, до зимы 411 г., служитъ знаменитѣйшій историкъ древности—Θукидидъ.

Θукидидъ и Геродотъ.

Геродотъ старше Θукидида всего на 25—30 лѣтъ, а между тѣмъ какъ-будто цѣлое столѣтіе отдѣляетъ ихъ! они кажутся представителями совершенно различныхъ, далекихъ одна отъ другой эпохъ умственной жизни Греціи, и съ трудомъ представляешь себѣ, что въ сущности они почти современники. Геродотъ—представитель старшаго, а Θукидидъ—младшаго поколѣнія Периклова вѣка. Такая разница между ними въ воззрѣніяхъ и въ пріемахъ; такой громадный шагъ совершила въ короткій промежутокъ греческая историческая мысль въ лицѣ Θукидида. Дѣло въ томъ, что въ умственной жизни Греціи во вторую половину V вѣка совершился вообще крупный переломъ. Наступила эпоха, которая, подобно XVIII в. во Франціи, называется эпохой «Просвѣщенія»,—пора новаго философскаго движенія, критической мысли и раціонализма, отрѣшенія отъ старыхъ вѣрованій и преданій, пора начинающагося индивидуализма. Аѳины стали центромъ этой новой умственной жизни, «школой Эллады», и аѳинянинъ Θукидидъ—одна изъ характерныхъ личностей эпохи «Просвѣщенія»: онъ—представитель вѣка разума и философіи, современникъ Еврипида, софистовъ и Сократа.... Геродота мы можемъ называть лишь съ нѣкоторыми оговорками «отцемъ исторіи». Въ сущности же, если подъ послѣднею разумѣть науку и нѣчто большее, нежели повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ, то ея отцемъ съ полнымъ правомъ слѣдовало бы признать только Θукидида. Онъ, можно сказать,

[1]) Лучшія изданія—Poppo, Krüger'a, Stahl'я, Croiset и въ особенности Classen'a, а также Hude (у Teubner'a); русскій перев.—Θ. Г. Мищенка (2 т. М. 1887—8). Общія монографіи о Θукидидѣ: Roscher, Leben, Werk und Zeitalter des Thukydides. Göttingen. 1842 (другое заглавіе: Klio.—Beiträge zur Geschichte der historischen Kunst I-er B.); Welzhofer, Thukydides und sein Geschichtswerk. München. 1878; Girard, Essai sur Thucydide. P. 1884; работы Müller-Strübing'a (Aristophanes und die histor. Kritik. Leipz. 1873; Thukydideische Forschungen. Wien. 1881 и ст. въ Neue Jahrb. f. Phil., 1883, 1885, 1886), Θ. Г. Мищенка, «Предисловіе» и «Послѣсловіе къ переводу» (вышедшее отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: «Θукидидъ и его сочиненіе», вып. II М. 1888; ср. его-же «Опытъ по исторіи раціон. въ древн. Греціи». К. 1881), E Meyer, Forschungen z alten Geschichte. Halle. 1899. II, и Busolt, Griech. Gesch., III, 2.

положилъ начало исторіи, какъ наукѣ, и создалъ истинную историческую критику. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ уже близко къ исторіографіи XIX в.

Біографія Ѳукидида

Ѳукидидъ родился около 460—455 до Р. Х. Онъ самъ говоритъ, что въ началѣ Пелопоннесской войны онъ былъ уже въ вполнѣ зрѣломъ возрастѣ и могъ понимать и наблюдать совершающіяся событія (V, 26; ср. I, 1). Такимъ образомъ, онъ былъ современникомъ и очевидцемъ Периклова правленія и самой войны. Принадлежалъ онъ къ богатой и знатной фамиліи ѳракійскаго происхожденія. Ѳукидидъ обладалъ матеріальными средствами, независимымъ положеніемъ и близокъ былъ къ выдающимся и вліятельнымъ лицамъ. Онъ, какъ это видно изъ его труда, получилъ прекрасное образованіе, стоялъ на высотѣ тогдашняго умственнаго развитія и былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ и характерныхъ представителей греческой мысли того времени. Ѳукидидъ былъ самъ стратегомъ, и въ его описаніяхъ битвъ виденъ опытный полководецъ. Какъ аѳинянинъ и аѳинскій стратегъ, онъ близко зналъ положеніе дѣлъ въ Аѳинахъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ обширныя связи и вліяніе во Ѳракіи, гдѣ ему принадлежали золотые пріиски въ окрестностяхъ Амфиполя. Первые годы войны Ѳукидидъ жилъ въ Аѳинахъ и самъ перенесъ ту страшную болѣзнь, которая тогда свирѣпствовала тамъ и которую онъ описалъ съ такою поразительною силою и ясностью. Но послѣ перехода Амфиполя въ руки Брасида (424 г.) Ѳукидидъ, командовавшій эскадрой у береговъ Ѳракіи и не успѣвшій воспрепятствовать этому переходу, принужденъ былъ отправиться въ изгнаніе и поселился въ своемъ ѳракійскомъ помѣстьѣ. Это изгнаніе однако явилось въ свою очередь благопріятнымъ моментомъ для Ѳукидида, какъ историка: оно дало ему досугъ, необходимый для составленія и обработки его труда, и возможность спокойно, въ качествѣ зрителя, наблюдать за обѣими воюющими сторонами, въ особенности—ближе стать къ пелопоннесцамъ (V, 26). По окончаніи войны Ѳукидидъ вслѣдствіе амнистіи получилъ возможность возвратиться на родину, но вскорѣ умеръ (ок. 399—396 г.); есть извѣстіе, что онъ погибъ насильственною смертью.

Какъ заявляетъ самъ Ѳукидидъ, онъ началъ свой трудъ тотчасъ по возникновеніи войны, будучи заранѣе увѣренъ въ ея важномъ значеніи (I, 1). Но Пелопоннесская война не велась безпрерывно: первый ея періодъ (такъ назыв. Архидамова война) закончился Никіевымъ миромъ. Спрашивается, Ѳукидидъ имѣлъ ли тутъ въ виду одну лишь Архидамову войну, продолжавшуюся

только 10 лѣтъ, или же всю 27-лѣтнюю? и къ какому времени относится составленіе и обработка его труда? На вопросъ этотъ[1]), поднятый въ срединѣ 40-хъ годовъ XIX в. (Ульрихомъ), даютъ разные отвѣты. Но какъ бы ни рѣшался онъ, съ точки зрѣнія историка, интересующагося Ѳукидидомъ, какъ источникомъ, онъ не представляетъ большого значенія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, въ виду категорическаго заявленія самого Ѳукидида, что подготовлять свой трудъ и собирать свѣдѣнія онъ началъ тотчасъ по возникновеніи войны (I, 1); что событія 27-лѣтняго періода, съ 431 г. по 404, онъ считалъ за нѣчто цѣльное, за одну войну, и даже возражалъ противъ иного мнѣнія (V, 26); что, выясняя причины столкновенія между Спартою и Аѳинами, онъ имѣлъ въ виду всю Пелопоннесскую войну, а не одну только Архидамову и что Ѳукидидъ оставилъ свой трудъ неоконченнымъ: онъ останавливается на 411 г. Нѣкоторыя части этого труда, повидимому, не вполнѣ отдѣланы. Такова, по общепринятому мнѣнію, VIII-я книга.

Источники Ѳукидида.

Ѳукидидъ писалъ, какъ историкъ-очевидецъ, и его главный источникъ—видѣнное имъ самимъ или слышанное отъ другихъ лицъ, близко стоявшихъ къ событіямъ и заслуживавшихъ, по его мнѣнію, довѣрія (I, 22). Матеріаломъ служили ему и документы, напр. текстъ договоровъ (IV, 118; V, 18, 47; VIII, 18, 37, 58), надписи и вещественные памятники (I, 132, 133; VI, 55, 59), культурныя переживанія, обычаи и одежда, устныя преданія, свидѣтельства поэтовъ и т. под. Ѳукидидъ пользовался и трудами своихъ предшественниковъ, когда касался прошлаго. Онъ упоминаетъ о логографахъ (I, 21), о Гелланикѣ, которому, ставитъ въ упрекъ неточность его хронологіи (I, 97). Геродота онъ прямо не называетъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ знакомъ съ его произведеніемъ: онъ вступаетъ съ нимъ въ скрытую полемику,—опровергаетъ нѣкоторыя сообщенія, которыя принадлежатъ именно Геродоту, и вноситъ свои поправки (I, 20, 126). Для древней исторіи Сициліи (до 424 г.) главнымъ источникомъ Ѳукидиду служитъ сочиненіе Антіоха Сиракузскаго.

Характеристика его труда.

Тема Ѳукидида—исторія Пелопоннесской войны. Въ началѣ, въ видѣ введенія, онъ даетъ краткій очеркъ древнѣйшей греческой исторіи и «Пятидесятилѣтія». Цѣль Ѳукидида—отысканіе истины (I, 20). Онъ врагъ анекдотовъ, вымысловъ и поэтическихъ прикрасъ; онъ не стремится ко внѣшнему эффекту и занимательности. Онъ самъ категорически противополагаетъ свое отношеніе къ древнѣйшимъ событіямъ и вообще свой трудъ про-

[1]) О немъ см. у Ѳ. Г. Мищенка, въ его «Предисловіи» къ переводу.

изведеніямъ какъ поэтовъ, съ ихъ преувеличеніями и прикрасами, такъ и «логографовъ» (I, 21). Ѳукидидъ зналъ, что вслѣдствіе отсутствія баснословнаго элемента его изложеніе покажется менѣе занимательнымъ и пріятнымъ; но онъ считалъ достаточнымъ, если его трудъ «найдутъ полезнымъ тѣ, кто пожелаетъ имѣть ясное и вѣрное представленіе о прошломъ, въ виду того, что, по свойствамъ человѣческой природы, и въ будущемъ когда-нибудь можетъ произойти нѣчто подобное». Онъ смотрѣлъ на свое произведеніе не какъ на временную забаву для слушателей, а какъ на достояніе навѣки (κτῆμά τε ἐς ἀεί, I, 22).

Критика и пріемы.

Ѳукидидъ самъ говоритъ, что онъ стремился къ точному знанію (V, 26) и излагаетъ не такъ, какъ ему казалось или какъ сообщалъ первый встрѣчный, а въ качествѣ очевидца или на основаніи свѣдѣній, хотя и добытыхъ отъ другихъ, но подвергнутыхъ возможно тщательной и точной провѣркѣ (I, 22). Трудности, сопряженныя съ подобнаго рода разысканіями, не укрывались отъ Ѳукидида: онъ самъ сознается, что узнавать правду было трудно, такъ какъ свидѣтели-очевидцы говорили объ одномъ и томъ-же не одинаково, а подъ вліяніемъ пристрастія или памяти. Такимъ образомъ, основные пріемы исторической критики впервые, можно сказать, открыты и примѣнены Ѳукидидомъ.

Ѳукидидъ первый надлежащимъ образомъ оцѣнилъ важность документовъ и нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ внесъ въ свою исторію, напр. текстъ перемирія 423 г., Никіева мира, договора аѳинянъ съ Аргосомъ, Мантинеей и Элидой и проч. До насъ, какъ мы видѣли (стр. 14), дошелъ подлинный текстъ послѣдняго въ видѣ надписи. Изъ сличенія оказывается, что договоръ Ѳукидидомъ переданъ точно; встрѣчаются лишь незначительныя измѣненія; они ограничиваются пропускомъ малозначащихъ словъ, небольшою иногда перестановкою и замѣной одной формы или выраженія другими, близкими; да и эти измѣненія отчасти могутъ быть отнесены насчетъ неисправности нашего рукописнаго текста.

Не пренебрегъ Ѳукидидъ, какъ было упомянуто, и свѣдѣніями, даваемыми надписями. Онъ умѣлъ воспользоваться и миѳомъ, и народнымъ преданіемъ, объяснить болѣе или менѣе правдоподобно самое происхожденіе того или иного разсказа, даже невѣрной версіи. Такъ, въ его время большинство было увѣрено, что не Гиппій, а Гиппархъ получилъ власть по смерти Писистрата (VI, 54 сл.). Ѳукидидъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ это ходячее мнѣніе, а то, что преданіе выдвигаетъ на первый планъ Гиппарха, онъ объясняетъ тѣмъ, что

именно Гиппархъ палъ отъ руки Гармодія и Аристогитона и вслѣдствіе этого его имя пріобрѣло бо́льшую извѣстность (VI, 55).

Но особенно интересны съ точки зрѣнія пріемовъ тѣ началь- Методъ реконструкціи.
ныя главы, въ которыхъ Ѳукидидъ пытается дать реконструкцію важнѣйшихъ моментовъ древнѣйшей греческой исторіи. Правда, здѣсь онъ впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки, напр. говоритъ о миѳическихъ или легендарныхъ личностяхъ, подобныхъ Агамемнону, какъ о чисто историческихъ дѣятеляхъ, и представляетъ себѣ прошлое слишкомъ бѣднымъ и ничтожнымъ, что̀ опровергается новѣйшими археологическими открытіями; но виною тому не методъ, а свойственное всей древности неумѣнье отличать миѳъ и легенду отъ историческаго факта и—главное—недостаточность фактическихъ данныхъ, при помощи которыхъ приходилось оперировать тогдашней исторической наукѣ. Со стороны же метода эти главы—одно изъ самыхъ яркихъ доказательствъ глубины и силы ума Ѳукидида и вообще одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій греческой мысли. Здѣсь Ѳукидидъ широко примѣняетъ методъ обратнаго заключенія—отъ настоящаго къ прошлому, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, при чемъ основаніемъ для его заключеній и комбинацій служатъ свидѣтельства эпоса, топографическія данныя, вещественные памятники, бытъ болѣе отсталыхъ въ культурномъ отношеніи греческихъ племенъ и варваровъ, сохранившіяся названія, обычаи, празднества и обряды,—словомъ то, что̀ мы теперь называемъ культурными переживаніями.

Въ очеркѣ древнѣйшей исторіи Ѳукидидъ придаетъ большое значеніе экономическимъ отношеніямъ и матеріальнымъ средствамъ. Накопленіе богатствъ у него является важнымъ факторомъ историческаго развитія (напр. I, 8). Такія явленія, какъ переселенія, завоеванія, ростъ внѣшняго могущества народовъ, онъ ставитъ въ тѣсную связь съ бытовыми и хозяйственными условіями (I, 2). Обычай ношенія оружія у нѣкоторыхъ греческихъ народовъ—локрянъ, этолянъ, акарнановъ—въ его глазахъ служитъ свидѣтельствомъ существованія въ древности такого обычая у всѣхъ эллиновъ (I, 5): Ѳукидидъ видѣлъ въ немъ «культурное переживаніе» – остатокъ еще того времени, когда господствовали разбои и на сушѣ, и объяснялъ его происхожденіе условіями тогдашней жизни—отсутствіемъ безопасности. Вообще тотъ бытъ, которымъ жили этоляне и акарнаны, эта жизнь въ неукрѣпленныхъ городахъ и деревняхъ, по мнѣнію Ѳукидида, нѣкогда были общими для всѣхъ эллиновъ (I, 6). Природнымъ условіямъ и географическому положенію Ѳукидидъ придаетъ тоже большое значеніе: по его словамъ, подвергались перемѣнѣ населенія вслѣд-

ствіе нападеній всегда лучшія и плодороднѣйшія области Эллады (I, 2); скудость почвы являлась условіемъ безопасности Аттики отъ иноземныхъ вторженій и способствовала усиленію Аѳинъ, увеличивая ихъ населеніе, такъ какъ сюда стекались мирные переселенцы изъ всей Эллады (ibid.). Развитіе морскихъ силъ и богатства Коринѳа—результатъ его положенія на перешейкѣ и его роли, какъ эмпоріума Греціи (I, 13).

Что акрополь и прилегающая къ нему часть составляли древній городъ въ Аѳинахъ, Ѳукидидъ выводитъ изъ того, что въ акрополѣ и у его подножія расположены древнѣйшія храмы и святилища, источникъ Каллироя, которымъ аѳиняне пользуются въ торжественныхъ случаяхъ, и что «понынѣ еще» акрополь у аѳинянъ называется просто «городъ», πόλις (II, 15). Видъ и кладка стѣны вокругъ Аѳинъ служатъ у него подтвержденіемъ того, съ какою поспѣшностью возводились постройки послѣ нашествія персовъ (I, 93).—Широкое распространеніе карійцевъ по островамъ доказывается ссылкой на гробницы, открытыя при очищеніи острова Делоса и оказавшіяся на половину принадлежащими именно карійцамъ (I, 8), и т. д.

Мы видимъ у Ѳукидида пріемы, напоминающіе пріемы современныхъ изслѣдователей. Его «методъ обратнаго заключенія» есть въ то же время методъ сравнительный. Ѳукидидъ подмѣчаетъ аналогію между бытомъ и явленіями міра греческаго, на извѣстной ступени его развитія, и міра варварскаго (I, 3, 6). Въ образѣ жизни древніе эллины, по его словамъ, походили на современныхъ ему варваровъ. Слѣдовательно, Ѳукидиду не чужда уже идея постепеннаго развитія. Древнѣйшая баснословная старина у него лишь одинъ изъ фазисовъ въ развитіи греческаго общества. Наиболѣе культурные народы Эллады прошли, по Ѳукидиду, чрезъ ту же стадію, на которой въ его время еще находились менѣе цивилизованныя греческія племена и варвары.

Рѣчи. Однимъ изъ излюбленныхъ пріемовъ Ѳукидида, какъ и вообще античной исторіографіи, являются рѣчи, влагаемые въ уста дѣйствующимъ лицамъ. Но спрашивается, насколько эти рѣчи воспроизводятъ дѣйствительно сказанное? [1]). Самъ Ѳукидидъ заявляетъ, что ему трудно было запомнить въ точности все сказанное, что, воспроизводя рѣчи, онъ держался какъ можно ближе лишь общаго смысла и передавалъ такъ, какъ, по его мнѣнію, сообразно обстоятельствамъ, долженъ былъ говорить ораторъ (I, 22). Но, безъ сомнѣнія, рѣчи эти—въ значительной

[1]) С. П. Шестаковъ, Краснорѣчіе у древн. грековъ въ его вліяніи на ихъ историч. литературу. Каз. 1901.

мѣрѣ композиція самого историка: онъ въ нихъ привносилъ немало своего и такимъ образомъ въ этомъ случаѣ отступалъ въ сущности отъ той точности, къ которой вообще такъ стремился. Въ употребленіи рѣчей сказались то направленіе и та склонность къ ораторскому искусству, которыя начинали господствовать въ тогдашней жизни и литературѣ Аѳинъ. Посредствомъ этого пріема историкъ изображалъ мотивы дѣйствующихъ лицъ, представлялъ доводы pro и contra, знакомилъ съ общими условіями и обстоятельствами, при которыхъ происходило дѣйствіе, и проч.

Такъ, рѣчь коринѳскихъ пословъ на первомъ собраніи въ Спартѣ (I, 68 сл.) представляетъ мастерскую сравнительную характеристику спартанцевъ и аѳинянъ; отвѣтная рѣчь аѳинскихъ пословъ (I, 72 сл.) есть не что иное, какъ доказательство права Аѳинъ на господство, на то положеніе, которое занимали онѣ въ ряду греческихъ государствъ, и оправданіе ихъ поведенія по отношенію къ ихъ союзникамъ. Знаменитая рѣчь Перикла надъ павшими воинами (II, 35 сл.)—надгробное слово надъ сошедшими навѣки въ могилу, вмѣстѣ съ паденіемъ Аѳинъ, идеалами; тутъ передъ нами апоѳеозъ Аѳинъ какъ-разъ наканунѣ тяжкихъ, роковыхъ бѣдствій, постигшихъ ихъ, идеализація всѣхъ свѣтлыхъ сторонъ аѳинской демократіи. Въ рѣчахъ Клеона и Діодота (III, 37 сл.), по поводу наказанія возставшихъ митиленянъ, трактуется главнымъ образомъ вопросъ о томъ, можетъ ли страхъ служить сдерживающимъ началомъ, при чемъ въ рѣчи, влагаемой историкомъ въ уста Діодота, проводится замѣчательная для того времени мысль о нецѣлесообразности смертной казни, ибо страхъ наказанія не удерживаетъ отъ преступленія, и т. д. Кромѣ рѣчей, есть у Ѳукидида еще обширный діалогъ—между жителями острова Мелоса и аѳинянами (V, 85 сл.). Это—столкновеніе слабаго и сильнаго, правды и насилія. Жители Мелоса опираются на свою правоту; въ отвѣтъ аѳиняне ссылаются на право сильнѣйшаго, какъ на законъ природы, который не они первые установили и который будетъ существовать вѣчно (V, 105).

Идея причинности и законосообразности

Ѳукидиду присуща идея причинности, при чемъ онъ умѣетъ отличать общія, основныя причины отъ поводовъ и случайныхъ обстоятельствъ. Онъ прекрасно понимаетъ, напр., что событія въ Эпидамнѣ и Потидеѣ, жалобы Мегары и Эгины—все это лишь поводы и предлоги къ войнѣ; истинная же причина ея скрывалась въ возвышеніи аѳинскаго могущества, возбуждавшаго въ лакедемонянахъ страхъ и зависть (I, 23; II, 8).

У Ѳукидида мы уже встрѣчаемъ сознаніе законосообразности историческихъ явленій и рядъ своего рода обобщеній,

основанныхъ на убѣжденіи въ томъ, что одинаковыя причины и условія вызываютъ одинаковыя слѣдствія: по его мнѣнію, пока не измѣнится человѣческая природа, до тѣхъ поръ будутъ происходить явленія, подобныя тѣмъ, которыя онъ описываетъ. Въ особенности эта мысль выражена тамъ, гдѣ онъ, по поводу борьбы партій на островѣ Керкирѣ, даетъ поразительное по глубинѣ анализа изображеніе, такъ сказать, патологическихъ явленій—извращенія понятій, одичанія и деморализаціи греческаго общества, какъ пагубнаго и необходимаго послѣдствія ожесточенной междоусобной войны (III, 82—83). «Вслѣдствіе междоусобицъ», говоритъ здѣсь Ѳукидитъ, «множество тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государства,—бѣдъ, какія обыкновенно бываютъ и всегда будутъ, пока человѣческая природа остается тою-же», но только въ большей или меньшей степени и различныя по формамъ, сообразно обстоятельствамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Раціонализмъ.

Понятно послѣ этого, что Ѳукидидъ объясняетъ историческія событія, не вводя сверхъестественнаго элемента и непосредственнаго вмѣшательства божества. У Геродота, напр., гибель спартанскихъ пословъ въ Аѳинахъ (VII, 137) объясняется сверхъестественными причинами—карой разгнѣваннаго божества; Ѳукидидъ же этотъ мотивъ совершенно устраняетъ и на его мѣсто выдвигаетъ иной—месть аѳинянъ лакедемонянамъ за умерщвленіе аѳинскихъ и союзныхъ купцовъ (II, 67). У Ѳукидида упоминается о случаѣ или судьбѣ, и самъ онъ, повидимому, допускаетъ извѣстную долю ихъ вліянія; но это совсѣмъ не то, что рокъ у Геродота: по Ѳукидиду, это—скорѣе лишь «совпаденіе», стеченіе обстоятельствъ. Ѳукидидъ долженъ былъ отрицательно относиться и къ различнымъ оракуламъ и предзнаменованіямъ. Онъ признаетъ фактъ ихъ вліянія на массу; онъ отмѣчаетъ напр. (II, 8), что въ виду войны общество, тревожно настроенное, особенно воспріимчиво было въ этомъ отношеніи, особенно искало и вѣрило изреченіямъ и предзнаменованіямъ; но самъ историкъ такой вѣры, очевидно, не раздѣлялъ. Нѣкоторыя изреченія вызвали со стороны Ѳукидида очень мѣткія критическія замѣчанія. Такъ, въ началѣ войны, въ виду вторженія пелопоннесцевъ, аѳиняне заняли такъ назыв. «Пеласгикъ», вопреки грозившему за то проклятію и запрещенію оракула, по которому «Пеласгику лучше было быть незанятымъ». По мнѣнію Ѳукидида, оракулъ исполнился, но въ обратномъ смыслѣ: несчастье постигло Аѳины не потому, что Пеласгикъ былъ заселенъ, но самая нужда въ заселеніи возникла вслѣдствіи войны; оракулъ войны не называлъ, но предвидѣлъ, что при счастливыхъ обстоятельствахъ мѣстность эта никогда

не будетъ занята (II, 17). Или, напр., когда чума свирѣпствовала внутри Аѳинъ, а внѣ ихъ непріятель опустошалъ поля, аѳиняне вспоминали о предсказаніи, гласившемъ, что «придетъ дорянская война и чума (λοιμός) вмѣстѣ съ нею». Былъ споръ: говорили, что древніе употребляли слово не λοιμός (чума), а λιμός (голодъ), но теперь восторжествовало первое мнѣніе; ибо люди, замѣчаетъ Ѳукидидъ, свои воспоминанія приспособляли къ тому, что̀ претерпѣли, и «я думаю, что если когда-нибудь настанетъ другая дорянская война и съ нею совпадетъ голодъ (λιμός), то, по всей вѣроятности, такъ и будутъ произносить» (II, 54).

Ѳукидидъ отрицательно относился къ анекдотическому элементу. У него анекдоты совершенно отсутствуютъ. Въ этомъ опять выразились его критицизмъ и серьезность; подобнаго рода черты и подробности онъ, очевидно, считалъ малодостовѣрными, а главное—слишкомъ неважными, мелкими, недостойными труда, который долженъ былъ служить «достояніемъ навѣки».

Политическія воззрѣнія.

Уже по самому происхожденію и соціальному положенію Ѳукидидъ принадлежалъ не къ демосу, а къ аристократамъ. О демосѣ онъ нелестнаго мнѣнія. Мы неразъ встрѣчаемъ у него презрительные отзывы объ измѣнчивости и непостоянствѣ толпы. Правда, самыя рѣзкія и наименѣе лестныя сужденія объ аѳинскомъ демосѣ вложены Ѳукидидомъ въ уста Клеона, но въ сущности они сходятся съ собственными замѣчаніями историка. А устами Алкивіада Ѳукидидъ отзывается о демократіи, какъ о такой формѣ правленія, которой люди мыслящіе знали цѣну, и называетъ ее «общепризнаннымъ безумiемъ»,о которомъ нельзя и сказать ничего новаго (VI, 89). Демагоги ему антипатичны. Стоитъ только вспомнить его отношеніе къ Клеону. По поводу сверженія олигархіи Четырехсотъ и возстановленія очень умѣренной демократіи, съ передачей власти 5000 гражданамъ, къ которымъ принадлежали всѣ имѣвшіе тяжелое вооруженіе, т. е. болѣе состоятельные, съ отмѣной платы за службу государству и т. д., онъ открыто и вполнѣ категорически заявляетъ, что это была лучшая форма правленія изъ существовавшихъ въ его время, ибо являлась умѣреннымъ соединеніемъ олигархіи и демократіи. Итакъ, крайне умѣренная демократія Пяти тысячъ,—вотъ что наиболѣе соотвѣтствовало политическому идеалу знаменитѣйшаго историка древности. Характеризуя Перикла, онъ отмѣчаетъ преимущественно то, что Периклъ правилъ умѣренно, сдерживалъ демосъ, не льстилъ и не подчинялся толпѣ; то, что при немъ только по имени была демократія, на дѣлѣ же господство лучшаго мужа; послѣдующимъ же вождямъ Ѳукидидъ ста-

витъ въ упрекъ именно то, что они въ угоду демосу стали предоставлять ему всѣ дѣла. Историкъ сочувствуетъ Периклу именно потому, что при немъ демократія существовала лишь номинально, что въ дѣйствительности она превратилась въ нѣчто другое— въ своего рода монархію, въ «правленіе лучшаго» [1]).

Объективность.

Θукидидъ рѣдко высказываетъ свои личныя мнѣнія; обыкновенно онъ избѣгаетъ говорить отъ себя: онъ заставляетъ говорить самые факты. Но, конечно, Θукидидъ не могъ быть совершенно свободенъ отъ мотивовъ субъективныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ современникомъ большей части описываемыхъ имъ событій; онъ стоялъ среди борьбы партій, писалъ о людяхъ, съ которыми вступалъ въ тѣ или другія отношенія, и у него, разумѣется, были свои симпатіи и антипатіи. Напр., онъ, очевидно, враждебно относится къ Клеону, говоритъ о немъ съ презрѣніемъ или негодованіемъ: демократическая натура и, такъ сказать, «плебейство» Клеона были ему глубоко антипатичны, и потому къ нему онъ могъ быть слишкомъ строгъ, не говоря уже о высказываемомъ нѣкоторыми историками предположеніи, что именно Клеонъ былъ главнымъ виновникомъ его изгнанія и что Θукидидъ въ отношеніи къ нему руководился личной злобой. И все-таки по объективности, безпристрастію Θукидидъ стоитъ вообще чрезвычайно высоко. Его добросовѣстность въ изложеніи фактовъ такова, что съ помощью имъ же сообщаемыхъ данныхъ можно иногда провѣрить и даже опровергнуть его взглядъ или отзывъ. Такъ, на основаніи свѣдѣній, которыми мы обязаны Θукидиду же, мы можемъ составить себѣ нѣсколько иное представленіе о Клеонѣ. Аристократъ по происхожденію и по положенію, далеко не сторонникъ крайней демократіи, Θукидидъ не скрываетъ дурныхъ поступковъ олигарховъ и устами Перикла рисуетъ величественный идеалъ аѳинской демократіи. Самъ аѳинянинъ, онъ высоко цѣнитъ и ярко выставляетъ заслуги ихъ врага, защитника Сиракузъ, Гермократа, и относится съ полнымъ безпристрастіемъ къ спартанцамъ. Ему одинаково чужды и то отвращеніе, которое питали къ Спартѣ его демократическіе современники, и то пристрастіе, та «лакономанія», которыми отличались послѣдующіе аѳинскіе философы и историки. Вынужденный удалиться въ изгнаніе, Θукидидъ не относится однако съ ненавистью и злобой къ своему родному городу. Вообще, тамъ, гдѣ историкъ говоритъ о своей неудачѣ подъ Амфиполемъ,

[1]) Θ. Г. Мищенко, вопреки обычному мнѣнію, старался доказать «демократизмъ Θук. въ политикѣ» (кромѣ «Послѣсловія», см ст. въ Ж. М. Н. Пр., 1890, авг.). Возраженія—въ моей ст. ibid. дек.

ярче и рельефнѣе всего обнаруживается его объективность: то спокойствіе, та простота и краткость, съ которыми говоритъ Ѳукидидъ о себѣ и о своей неудачѣ, бросаетъ яркій свѣтъ и на его личность: человѣкъ заурядный на его мѣстѣ старался бы всячески оправдать и выгородить себя, излилъ бы свой гнѣвъ и злобу на своихъ «неблагодарныхъ» соотечественниковъ. Ничего подобнаго мы не видимъ у Ѳукидида!

Ѳукидидъ и современная критика.

Послѣ всего этого неудивительно, если мы встрѣчаемъ самые хвалебные отзывы о Ѳукидидѣ. Еще Кантъ называлъ Ѳукидида основателемъ истинной исторіи. Новѣйшій выдающійся историкъ, Э. Мейеръ въ своемъ трактатѣ по теоріи и методикѣ исторіи[1]) приходитъ къ заключенію, что «есть и всегда будетъ только одинъ типъ исторіи и одинъ методъ изслѣдованія историческихъ проблемъ—тотъ, совершенный и до сихъ поръ не превзойденный, образецъ котораго представилъ аѳинянинъ Ѳукидидъ». Вообще долгое время господствовало преклоненіе предъ авторитетомъ величайшаго историка древности, и читатель, принимаясь за Ѳукидида, по выраженію одного нѣмецкаго ученаго, «чувствовалъ себя, можно сказать, столь же покойнымъ, какъ на лонѣ Авраамлемъ». Тѣмъ не менѣе уже въ 30-хъ годахъ истекшаго столѣтія встрѣчаются нападки на Ѳукидида. Настоящій же часъ строгой, безпощадной критики для Ѳукидида насталъ съ 70-хъ годовъ XIX в., со времени появленія трудовъ Мюллера-Штрюбинга. [2]) Но неосновательность большей части этихъ нападеній въ настоящее время достаточно уже обнаружена [3]). Мюллеръ-Штрюбингъ такъ далеко увлекался смѣлою фантазіею, что даже историки, относившіеся къ Ѳукидиду съ большимъ или меньшимъ недовѣріемъ, и тѣ не находили возможнымъ слѣдовать за нимъ.

Однако, возставая противъ крайностей гиперкритическаго направленія въ оцѣнкѣ Ѳукидида, мы должны быть далеки и отъ вѣры въ его непогрѣшимость, отъ того культа, отъ котораго предостерегалъ Мюллеръ-Штрюбингъ: признаніе достоинствъ Ѳукидида не исключаетъ возможности и даже необходимости критики. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эта критика должна быть примѣнена и къ нему, какъ и къ Геродоту, и ко всякому другому источнику.

---

[1]) Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Halle. 1902 (рус. пер. «Теоретич. и методологич. вопросы исторіи». М. 1904).

[2]) Ср. теперь Cornford, Thucydides mythistoricus. Lond. 1907.

[3]) Ѳ. Г. Мищенко, Послѣсловіе, стр. CCXIV сл.; В. Бузескулъ, Периклъ, стр. 404 сл.

У Θукидида, конечно, есть отдѣльные, частные промахи, ошибки и неточности. Но не смотря на это,—если безпристрастно и всесторонне оцѣнивать его, принимая въ соображеніе время его жизни и тогдашнее состояніе науки,—въ общемъ онъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ въ глазахъ даже такихъ великихъ авторитетовъ въ области исторической критики, какъ Нибуръ и Ранке, т. е. однимъ изъ величайшихъ историковъ и источникомъ достовѣрнымъ настолько, насколько вообще можетъ быть достовѣрно произведеніе человѣка [1]). Большинство изъ тѣхъ промаховъ, невѣрныхъ показаній и неточностей, въ которыхъ можетъ быть уличенъ Θукидидъ, относится къ категоріи ошибокъ невольныхъ. Многія извѣстія Θукидида подтверждаются надписями. Знатокъ географіи и исторіи Сициліи, Гольмъ говоритъ, что онъ прослѣдилъ на мѣстѣ большую часть сообщеній VI и VII кн. Θукидида—слѣдовательно, почти четверти всего сочиненія—и пришелъ къ заключенію, что чѣмъ точнѣе взвѣшиваешь слова Θукидида и чѣмъ точнѣе изучаешь мѣстность, тѣмъ яснѣе становится и текстъ, и самый ходъ событій. Сличая разсказъ Θукидида объ олигархическомъ переворотѣ 411 г. съ изложеніемъ Аристотеля въ «Аѳинской Политіи», мы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдадимъ предпочтеніе первому. Описаніе чумы, по словамъ Литре, даетъ полную возможность опредѣлить свойство этой болѣзни.—Θукидидъ обнаруживаетъ прекрасное знаніе государственныхъ и военныхъ дѣлъ. Его описаніе битвы у Пилоса, по отзыву Ранке,—перлъ исторіографіи. Разсказъ о Сицилійской экспедиціи извѣстный англійскій историкъ Маколей находилъ chef-d'oeuvre'омъ,—совершеннѣйшимъ, что̀ когда-либо создавала историческая проза. Глубина и мѣткость его замѣчаній по поводу аналогіи между греками—на извѣстной ступени развитія—и варварами признается не только присяжными классиками, которыхъ Мюллеръ-Штрюбингъ упрекалъ въ излишнемъ, слѣпомъ преклоненіи предъ великимъ историкомъ, а изслѣдователями въ другой области, болѣе безпристрастными, напр. О. Шрадеромъ, авторомъ «Сравнительнаго языковѣдѣнія и первобытной исторіи». Въ общемъ «Введеніе» Θукидида, по выраженію Э. Мейера,—«одна изъ удивительнѣйшихъ манифестацій человѣческаго духа». Не говорю уже о замѣчательномъ анализѣ слѣдствій междоусобной борьбы въ III кн. 82—83 гл., о которомъ выше упоминалось уже.

---

[1]) Вѣрную оцѣнку Θукидида представилъ Ѳ. Г. Мищенко въ своемъ «Послѣсловіи».

Θукидидъ и историческая наука XIX вѣка.

У Θукидида можно найти немало чертъ, которыя сближаютъ его съ современною исторіографіею [1]).

Въ началѣ XIX стол. историко-критическая школа, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, Нибура и затѣмъ Ранке, въ противоположность антиисторическимъ построеніямъ XVIII в., провозгласила, что главная цѣль исторіи отыскать и представить истину. Въ первомъ своемъ трудѣ, положившемъ начало его извѣстности, Ранке, напр., по его собственнымъ словамъ, желалъ «просто показать, какъ оно собственно было, wie es eigentlich gewesen»; «ибо», замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «идеалъ всегда въ томъ, чтобы представить міру историческую правду». Въ сущности къ тому-же стремился и Θукидидъ: вспомнимъ, какъ упрекаетъ онъ своихъ предшественниковъ за то, что они мало заботились объ «отыскании истины», и какъ говоритъ о своемъ стремленіи къ точному знанію; вспомнимъ его отзывъ о поэтахъ и логографахъ, его отношеніе къ анекдотамъ, прикрасамъ и вымысламъ, къ внѣшней занимательности и баснословному элементу.

Все это чрезвычайно сближаетъ Θукидида преимущественно съ историко-критическимъ направленіемъ. На изученіе источниковъ, на критику и пріемы изслѣдованія историко-критическая школа обратила особенное вниманіе. Но нельзя сказать—какъ это иногда говорятъ—, будто она впервые создала критическій методъ и его пріемы: мы видѣли, что основныя начала исторической критики въ сущности открыты и примѣнены были Θукидидомъ; его пріемы тутъ мало чѣмъ отличаются отъ пріемовъ современныхъ изслѣдователей. Отношеніе Θукидида къ документамъ опять-таки сближаетъ его съ современною исторіографіею, главнымъ образомъ съ Ранке и его школой: именно Ранке далъ иное направленіе изученію новой исторіи, обратившись преимущественно къ подлиннымъ документамъ, нетронутому архивному матеріалу, и съ тѣхъ поръ это, такъ сказать, документальное, «архивное» направленіе надолго заняло преобладающее положеніе. Что касается «культурныхъ переживаній», которыми пользуется Θукидидъ, то едва-ли нужно напоминать, какую роль играютъ они въ настоящее время въ качествѣ матеріала въ рукахъ какъ историковъ и соціологовъ, такъ и изучающихъ «фольклоръ».— Этотъ методъ возсозданія прошлаго по его обломкамъ и при помощи аналогій, примѣненіе котораго мы видѣли у Θукидида,

[1]) Подробнѣе—въ моей статьѣ: «Θук. и истор. наука XIX в.», Ж. М. Н. Пр., 1901, авг. (и Сборникъ въ честь П. В. Никитина); ср. и ст. «Истор. процессъ по воззр. греч. историк.» («Образованіе», 1902, ноябрь).

преимущественно въ знаменитомъ его «Введеніи»,—вполнѣ современенъ; къ нему неразъ прибѣгалъ и Нибуръ въ своей «Римской исторіи».—Извѣстно, какое значеніе пріобрѣлъ въ XIX в. сравнительный методъ, нашедшій широкое примѣненіе въ разныхъ областяхъ научнаго знанія, начиная съ языковѣдѣнія и кончая науками общественными. Зародыши его, первые опыты оперированія при помощи его, мы встрѣчаемъ уже у Ѳукидида. Здѣсь же, хотя и смутно, проглядываетъ у него идея, которая характеризуетъ новѣйшую науку,—идея постепеннаго развитія, эволюціи. Другая идея, присущая современной наукѣ вообще и въ частности исторіи настолько, что безъ нея и самая наука немыслима,—идея причинности и законосообразности явленій. Ее высказываетъ и Ѳукидидъ, и притомъ совершенно ясно и опредѣленно.

Мы можемъ найти нѣкоторыя—правда, немногія—отдѣльныя точки соприкосновенія между Ѳукидидомъ и тѣми направленіями въ новѣйшей исторіографіи, которыя явились частью на смѣну, частью на ряду съ «историческою школою». Между прочимъ, одно время выдвинуты были въ качествѣ важнѣйшаго фактора въ развитіи цивилизаціи природныя условія; ихъ вліянію придавалось чрезмѣрное значеніе, а указаніе на это вліяніе выставлялось, какъ великое открытіе, посредствомъ котораго исторію пытались «возвести въ рангъ естественныхъ наукъ» (Бокль). Но связь между исторіей народа и окружающею его природой подмѣчена давно; она извѣстна была уже древнимъ, напр. Гиппократу, Аристотелю; и Ѳукидидъ, какъ было уже упомянуто, тоже признаетъ значеніе природныхъ условій и географическаго положенія.

Въ современномъ направленіи исторической науки сказывается стремленіе, во-первыхъ, умалить значеніе отдѣльной личности въ исторіи, роль «великихъ людей», и сосредоточить вниманіе на массѣ, обществѣ, и, во-вторыхъ, выдвинуть экономическія причины и отношенія, какъ важнѣйшій, основной факторъ развитія. Ѳукидидъ ближе стоитъ къ прежнему направленію. Въ своемъ изложеніи, если исключить начальныя главы и отдѣльныя замѣчанія въ дальнѣйшемъ, онъ сосредоточиваетъ вниманіе не на состояніи, а на событіяхъ, и притомъ военныхъ. Нельзя сказать, чтобы онъ считалъ роль личности въ историческомъ процессѣ ничтожною, но онъ не сводилъ исторію къ разсказу о дѣяніяхъ великихъ людей. Онъ сознавалъ значеніе экономическихъ факторовъ, хотя, конечно, не впадалъ въ ту крайность и односторонность, которыя характеризуютъ приверженцевъ современнаго «экономическаго матеріализма».

Я не имѣю въ виду исчерпать вопросъ объ отношеніи между Ѳукидидомъ и новѣйшею исторіографіею, и не буду останавливаться на тѣхъ особенностяхъ, которыя существеннымъ образомъ отличаютъ древняго историка отъ современныхъ—достаточно вспомнить хотя бы о рѣчахъ у Ѳукидида. Мнѣ хотѣлось только на нѣсколькихъ примѣрахъ показать, насколько близко подошелъ величайшій историкъ древности къ тѣмъ задачамъ, пріемамъ и воззрѣніямъ, которые выдвинуты наукою XIX в. Отмѣченныя черты, я думаю, служатъ достаточною иллюстраціею культурнаго родства и преемства между античнымъ міромъ и современностью, въ частности—между античною исторіографіею, особенно въ лицѣ ея величайшаго представителя, и новѣйшею историческою наукою.

Ксенофонтъ [1]).

Біографія Ксенофонта.

Непосредственный продолжатель Ѳукидида—Ксенофонтъ. Ксенофонтъ принадлежалъ, по всей вѣроятности, къ классу всадниковъ и родился около 430 г. Молодые годы его совпали съ дѣятельностью Сократа и съ политическимъ упадкомъ аѳинской демократіи. То было время, когда подъ вліяніемъ катастрофы въ Сициліи и неудачнаго исхода Пелопоннесской войны, при видѣ агитаціи демагоговъ и сикофантовъ, многіе извѣрились въ спасительности и цѣлесообразности демократіи, видѣли въ ней главную причину бѣдствій и обращали свои взоры на олигархическую Спарту, какъ на образецъ, достойный подражанія, какъ на идеалъ государственнаго порядка. Въ аѳинскомъ обществѣ замѣтно начала распространяться лакономанія. И Ксенофонтъ былъ ученикомъ Сократа, противникомъ аѳинской демократіи и поклонникомъ Спарты... Это—представитель реакціи, которая съ такой силою обнаружилась въ Аѳинахъ, начиная съ конца Пелопоннесской войны. Ксенофонтъ принималъ участіе въ экспедиціи Кира Младшаго, которую онъ описалъ впослѣдствіи въ «Анабасисѣ»; въ отрядѣ Кира, въ качествѣ добровольца, проникъ онъ въ глубь Персидскаго царства, до окрестностей Вавилона, а во время знаменитаго отступленія 10000 грековъ, послѣ битвы при Кунаксѣ и гибели греческихъ вождей, Ксенофонту выпала

[1]) Изданія—Dindorf'a (Oxford. 1853), Sauppe (Leipz. 1867—70. 5 т.); русскій переводъ—Г. А. Янчевецкаго, въ 5 вып. (нѣск. изд.); кромѣ того, «Анабасисъ» и «Воспоминанія о Сократѣ» имѣются въ перев. И. Е. Тимошенка (Кіевъ. 1874, 1883). О Ксенофонтѣ вообще см. Ed. Schwartz, Quellenuntersuchungen zur griech. Gesch. (Rh. Mus., N. F., 44 т., 1889); Croiset, Xénophon, son caractère et son talent P. 1873.

на долю выдающаяся роль, хотя, вѣроятно, и не столь рѣшающая и вліятельная, какъ выходитъ по его словамъ. По возвращеніи къ берегамъ Ѳракіи и Геллеспонта онъ съ частью «кировцевъ» примкнулъ къ спартанцамъ, въ то время открывшимъ уже военныя дѣйствія противъ персовъ, а когда въ Малую Азію явился Агесилай, то Ксенофонтъ сблизился съ нимъ, и Агесилай навсегда остался для него излюбленнымъ героемъ. Вмѣстѣ съ нимъ возвратился онъ въ Грецію и находился въ его лагерѣ во время битвы при Коронеѣ, гдѣ спартанцы сражались не только противъ ѳиванцевъ, но и противъ его соотечественниковъ. Если уже участіе Ксенофонта въ экспедиціи Кира, врага аѳинянъ, вызвало противъ него неудовольствіе и негодованіе послѣднихъ, то теперь разрывъ съ родиною былъ полный, и тѣмъ тѣснѣе Ксенофонтъ примкнулъ къ Агесилаю и Спартѣ. Онъ поселилса въ подаренномъ ему спартанцами помѣстьѣ близъ Олимпіи, гдѣ и провелъ цѣлый рядъ лѣтъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, охотой и литературными трудами. Постановленіе объ его изгнаніи было впослѣдствіи отмѣнено, но Ксенофонтъ, если и бывалъ въ Аѳинахъ, то неподолгу, и умеръ на чужбинѣ, въ Коринѳѣ, въ глубокой старости, послѣ 355 г. до Р. Х.

Hellenica. Продолжателемъ Ѳукидида Ксенофонтъ является въ своихъ Ἑλληνικά,—исторіи Греціи съ 411 г. до битвы при Мантинеѣ (включительно), т. е. до 362 г., въ 7 книгахъ. Helleniса распадаются на двѣ различныя по характеру, тону и времени составленія части. Гранью между ними служитъ Ѳераменовъ миръ (I, 1, 1—II, 3, 10). Написаны Helleniса, очевидно, не въ одинъ, а въ нѣсколько пріемовъ, въ разное время. Въ первой части изложеніе сравнительно объективное; но во второй обнаруживается большое пристрастіе автора къ Спартѣ, въ особенности къ столь чтимому имъ Агесилаю, и враждебное отношеніе къ Ѳивамъ. Исторія Греціи превращается, въ сущности, въ исторію Спарты. Здѣсь мы видимъ отсутствіе исторической перспективы, неравномѣрность, удивительныя умолчанія или пробѣлы. Напр., Ксенофонтъ молчитъ о такомъ фактѣ, какъ возникновеніе Второго аѳинскаго союза. О побѣдѣ Конона при Книдѣ, имѣвшей столь важный результатъ, онъ не считаетъ нужнымъ подробно расказывать: о ней онъ упоминаетъ лишь мимоходомъ. Не расказываетъ онъ ни объ основаніи Мегалополя и Мессены, ни о возстановленіи свободы Мессеніи; только изъ дальнѣйшаго его изложенія мы узнаемъ о независимости Мессеніи, какъ совершившемся фактѣ. О роли Пелопида въ дѣлѣ освобожденія Ѳивъ умалчивается; а говоря о

битвѣ при Левктрахъ, Ксенофонтъ не упоминаетъ не только о немъ, но и объ Эпаминондѣ. Имя Эпаминонда въ Hellenica въ первый разъ мы встрѣчаемъ лишь въ послѣдней книгѣ (VII, 1, 41), по поводу его третьяго похода въ Пелопоннесъ, и если бы мы не имѣли другихъ источниковъ, мы бы и понятія не имѣли о блестящей дѣятельности обоихъ великихъ ѳиванцевъ, о ихъ роли въ тогдашнихъ событіяхъ; да и вообще наше знаніе греческой исторіи того времени было бы крайне недостаточное, одностороннее, и представленіе даже о самыхъ крупныхъ фактахъ—невѣрное.

Вопросъ о пристрастіи Ксенофонта.

Многое объясняется, конечно, личною точкою зрѣнія, симпатіями и пристрастіемъ Ксенофонта: о нѣкоторыхъ лицахъ и событіяхъ онъ вовсе не имѣлъ желанія распространяться. Но пристрастіемъ нельзя всего объяснить. Защитники Ксенофонта[1]) не безъ основанія доказываютъ, что хотя у него и есть умолчанія, но до сознательнаго извращенія фактовъ онъ не доходитъ и разъ что-нибудь сообщаетъ, его сообщеніе болѣе или менѣе вѣрно; сравненіе его извѣстій съ извѣстіями другихъ источниковъ, въ особенности Лисія, оказывается въ его пользу; его версіи нерѣдко заслуживаютъ предпочтенія (напр. относительно заключенія Ѳераменова мира); его свидѣтельство, какъ современника и очевидца, во всякомъ случаѣ имѣетъ большую цѣну и его Hellenica являются важнымъ источникомъ. Если мы всмотримся ближе въ отношеніе Ксенофонта къ Спартѣ, Аѳинамъ и Ѳивамъ, въ частности къ Эпаминонду, то увидимъ, что не всегда подробно говоритъ онъ и о фактахъ, пріятныхъ для Спарты, особенно въ первой части Hellenica. Въ Hellenica есть сообщенія и неблагопріятныя для Спарты. Ксенофонтъ не всегда скрываетъ темныя стороны спартанской политики (напр. VI, 3, 7 сл.; ср. III, 5, 12). Онъ неразъ выставляетъ на видъ насилія спартанскихъ полководцевъ и гармостовъ и порицаетъ ихъ (III кн., а также VI, 2, 6, 15, 19). Въ захватѣ Ѳивъ онъ видитъ преступленіе, нарушеніе со стороны лакедемонянъ клятвы предоставить городамъ автономію и полагаетъ, что они понесли справедливое наказаніе отъ тѣхъ, кому причинили несправедливость (V, 4, 1). Даже дѣйствія Агесилая, предъ которымъ онъ такъ преклонялся, Ксенофонтъ не всѣ одобряетъ: онъ находитъ, что одинъ изъ употребленныхъ имъ маневровъ въ битвѣ при Коронеѣ, хотя и свидѣтельствуетъ о мужествѣ, но рискованъ (IV, 3, 19). Не

[1]) См. главн. образ. «Введенія» Breitenbach'a къ его изданію Hellenica; Stern, Gesch. d. spart. und theban. Hegem. Dorp. 1884; Holm, Griech. Gesch. (напр. III, 15—16).

смотря на антипатію къ демократіи, Ксенофонтъ указываетъ, что аѳинскій демосъ, по низложеніи Тридцати въ 403 г., остался вѣренъ клятвѣ. Къ Аѳинамъ подъ конецъ онъ относится вообще скорѣе сочувственно, нежели враждебно, что̀, впрочемъ, понятно: отношенія Аѳинъ къ Спартѣ въ то время измѣнились и изъ враждебныхъ сдѣлались дружественными; завѣтная мысль Ксенофонта о необходимости союза между Аѳинами и Спартой, казалось, осуществлялась; самъ Ксенофонтъ уже тогда примирился съ родиною, его сынъ Гриллъ палъ въ схваткѣ у Мантинеи, сражаясь въ рядахъ аѳинской конницы. Ксенофонтъ не разсказываетъ обстоятельно о битвѣ при Книдѣ и объ освобожденіи Мессеніи, тѣмъ не менѣе самыхъ фактовъ онъ не скрываетъ. Очевидно, онъ относится къ Ѳивамъ враждебно; но тутъ есть «смягчающія обстоятельства» и его вражда не лишена основанія: возвышеніе Ѳивъ, блестящая дѣятельность Эпаминонда, въ концѣ концовъ принесли скорѣе отрицательный результатъ—ниспроверженіе установившагося въ Элладѣ порядка, уничтоженіе гегемоніи Спарты, но въ замѣнъ ничего прочнаго, положительнаго не дали. Ксенофонтъ могъ не сочувствовать имъ не только въ качествѣ друга Спарты, но и съ панэллинской точки зрѣнія. Самому Эпаминонду Ксенофонтъ отдаетъ должную, хотя нужно сознаться, очень запоздалую, дань удивленія (VII, 5, 8).

Такимъ образомъ, объясненія недостатковъ Helleniса слѣдуетъ искать не въ одномъ только пристрастіи Ксенофонта, но и въ другихъ причинахъ. Указываютъ, напр., на то, что трудъ его не вполнѣ законченъ и отдѣланъ, что Ксенофонтъ многое предполагалъ извѣстнымъ и писалъ по личнымъ воспоминаніямъ, больше какъ авторъ мемуаровъ, останавливаясь на событіяхъ по мѣрѣ личнаго участія или личнаго интереса къ нимъ, подробнѣе говоря о томъ, что̀ лучше зналъ. Не безъ вліянія была и извѣстная склонность Ксенофонта къ практической морали, къ назиданію.

Ксенофонтъ, какъ историкъ.

Чѣмъ бы ни объяснять особенности Helleniса, онѣ во всякомъ случаѣ не говорятъ въ пользу Ксенофонта, какъ историка. Онъ—прекрасный авторъ мемуаровъ, и, какъ таковой, онъ внесъ новый элементъ въ греческую исторіографію. Ксенофонтъ былъ очень плодовитъ и писалъ на самыя разнообразныя темы, начиная съ исторіи и философіи и кончая хозяйствомъ, лошадьми и охотой. Но его воззрѣнія не отличались глубиной. Его называли въ древности «аттическою пчелою» за пріятность слога; но, какъ историкъ, онъ несравненно ниже двухъ своихъ великихъ предшественниковъ, Геродота и Ѳукидида. Онъ не проникаетъ въ

глубь явленій, въ ихъ внутреннюю связь и смыслъ; онъ не всегда умѣетъ отличить существенное отъ несущественнаго. Оттого и нѣтъ у него надлежащей исторической перспективы; оттого находитъ онъ возможнымъ въ «Греческой исторіи» игнорировать или обходить молчаніемъ факты, имѣвшіе крупное, рѣшающее значеніе.

Ксенофонтъ признаетъ непосредственное вмѣшательство божества въ ходъ событій. Онъ очень благочестивъ, но это не та простодушная вѣра, которую мы видимъ у Геродота; это—скорѣе благочестіе практическаго человѣка, разсчитывающаго получить пользу и выгоды, по правилу: do ut des, благоразумно старающагося заранѣе, на всякій случай, расположить въ свою пользу боговъ и заручиться ихъ поддержкой. Въ иныхъ случаяхъ Ксенофонтъ не прочь прибѣгнуть даже къ уловкѣ. Напр., Сократъ совѣтовалъ ему спросить дельфійскаго оракула, принимать ли участіе въ экспедиціи Кира? Ксенофонтъ дѣйствительно обратился въ Дельфы, но, чтобы избѣгнуть возможнаго отрицательнаго отвѣта, для него нежелательнаго, онъ спрашиваетъ оракула не о томъ, принимать ли ему участіе въ экспедиціи, а о томъ, какимъ богамъ принести жертву, чтобы благополучно возвратиться. Ксенофонтъ не только благочестивъ, но и суевѣренъ. Различнымъ гаданіямъ и предзнаменованіямъ, благопріятнымъ или неблагопріятнымъ жертвамъ, снамъ,—всему этому онъ придаетъ громадное значеніе. Вспомнимъ, сколько разъ говорится въ Анабасисѣ о благопріятныхъ или неблагопріятныхъ жертвахъ.

«Анабасисъ».

Одинъ изъ эпизодовъ, относящійся къ описываемому въ Helleniса періоду и упоминаемый тамъ лишь кратко, именно экспедиція Кира Младшаго и отступленіе 10000 грековъ, составляетъ, какъ извѣстно, предметъ особаго сочиненія Ксенофонта—знаменитаго «Анабасиса». Онъ издалъ его не подъ своимъ именемъ, а подъ псевдонимомъ: въ Hellen., III, 1, 2, онъ самъ ссылается на него, какъ на сочиненіе, написанное Θемистогеномъ Сиракузцемъ. Очевидно, Ксенофонтъ избралъ псевдонимъ, какъ болѣе удобную форму,—для того, чтобы свободнѣе говорить о себѣ и о своихъ заслугахъ и больше внушить къ своимъ словамъ довѣрія. Дѣло въ томъ, что «Анабасисъ» не только своего рода мемуары, но и апологія[1]). Это—одинъ изъ интереснѣйшихъ разсказовъ участника-очевидца о смѣломъ предпріятіи, опасномъ отступленіи, во время котораго такъ наглядно обна-

[1]) Dürrbach, L'apologie de Xénophon dans l'Anabase (Rev. des études grecques, 1893, VI).

ружилось все превосходство грековъ надъ варварами, о природѣ и жителяхъ далекихъ, невѣдомыхъ грекамъ странахъ, съ ихъ нравами и обычаями; въ общемъ — разсказъ правдивый, съ довольно яркими характеристиками отдѣльныхъ лицъ. Но тамъ, гдѣ Ксенофонтъ говоритъ о себѣ, къ его словамъ нужно относиться осторожно: не впадая въ сознательное, грубое извращеніе фактовъ и въ вымыслъ, Ксенофонтъ однако нѣсколько преувеличиваетъ свое участіе въ событіяхъ и свою роль. О нѣкоторыхъ фактахъ онъ благоразумно умалчиваетъ или смягчаетъ ихъ, а иногда въ щекотливыхъ для него случаяхъ отвлекаетъ вниманіе читателя сообщеніемъ о какомъ-нибудь сновидѣніи или предзнаменованіи.

Другія произведенія Ксенофонта.

Въ «Анабасисѣ» мы имѣемъ идеализацію Кира Младшаго; другого Кира—Старшаго, основателя Персидской монархіи, Ксенофонтъ идеализируетъ въ «Киропедіи», т. е. «Воспитаніи Кира» (Κύρου παιδεία). Это не исторія, а тенденціозный, историко-политическій романъ: въ «Киропедіи» Ксенофонтъ желаетъ дать образъ «добраго и счастливаго царя». Факты здѣсь искажены до крайности. Для насъ въ данномъ случаѣ Киропедія интересна лишь въ томъ отношеніи, что характеризуетъ политическіе, нравственные и педагогическіе идеалы Ксенофонта, служитъ свидѣтельствомъ его монархическихъ симпатій и нѣкотораго увлеченія Востокомъ, восточными обычаями и нравами.—Агесилаю, которому отведено такое видное мѣсто въ Hellenica, Ксенофонтъ посвятилъ особую еще характеристику или біографію [1]), представляющую панегирикъ или некрологъ этого спартанскаго царя, казавшагося Ксенофонту олицетвореніемъ идеала человѣка и полководца. О государственномъ строѣ столь любимой Ксенофонтомъ Спарты есть особый его трактатъ—«Лакедемонская Политія», по этому вопросу весьма важный источникъ.

Ксенофонту, кромѣ того, принадлежитъ цѣлая группа сочиненій, въ которыхъ выведенъ Сократъ [2]), и такимъ образомъ произведенія этого трезваго, прозаическаго ума, въ сущности мало способнаго къ отвлеченному философскому мышленію, больше склоннаго къ практической дѣятельности, этого знатока и любителя военнаго дѣла и сельскаго хозяйства, лошадей и охоты, являются для насъ едва-ли не важнѣйшимъ источникомъ при знакомствѣ съ ученіемъ и личностью одного изъ величайшихъ и оригинальнѣйшихъ философовъ.

---

[1]) Принадлежность ея Ксенофонту нерѣдко отвергалась, но въ настоящее время принимается большинствомъ.

[2]) Joël, Der echte u. d. Xenophontische Sokrates. Berl. 1893—1902. 2 т.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить, разумѣется, извѣстныя «Memorabilia» (Ἀπομνημονεύματα)—«Воспоминанія о Сократѣ». При этомъ естественно возникаетъ вопросъ, насколько Ксенофонтовъ Сократъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному? Въ желаніи автора вѣрно изобразить личность своего учителя и воспроизвести его воззрѣнія можно не сомнѣваться; но, во-первыхъ, Ксенофонтъ сравнительно мало пользовался уроками Сократа и недолго былъ его ученикомъ; въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни великаго философа, его процесса и смерти онъ находился далеко отъ Аѳинъ; онъ не могъ самъ слышать бо̀льшую часть тѣхъ бесѣдъ, которыя онъ приводитъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»; во-вторыхъ, Memorabilia писались сравнительно поздно, много лѣтъ спустя послѣ смерти Сократа, и въ нихъ встрѣчаются нѣкоторые анахронизмы, указываются, напр., такіе поводы къ бесѣдамъ, которые относятся уже ко времени послѣ смерти философа; въ-третьихъ, нужно имѣть въ виду свойства самого Ксенофонта: онъ не былъ въ состояніи проникнуть въ глубину, въ самую суть ученія Сократа и не всегда вѣрно понималъ его воззрѣнія; онъ больше улавливалъ внѣшность, скользилъ, такъ сказать, по поверхности. Онъ нерѣдко приписывалъ Сократу свою собственную философію, полагая, что воспроизводитъ дѣйствительное ученіе великаго философа: въ его уста онъ влагаетъ свои собственныя мысли по наиболѣе интересовавшимъ его излюбленнымъ темамъ о благочестіи, справедливости, дружбѣ, стратегіи и т. под. Въ общемъ геніальная и оригинальная личность Сократа у Ксенофонта является подчасъ слишкомъ обыденною... То же слѣдуетъ сказать и о другихъ двухъ сочиненіяхъ Ксенофонта—о «Симпосіи» и объ «Апологіи Сократа».

Къ «Memorabilia» примыкаетъ интересный во многихъ отношеніяхъ діалогъ Ксенофонта: «О хозяйствѣ» (Οἰκονομικός). Это—греческій «Домострой»: онъ знакомитъ съ характеромъ и положеніемъ тогдашняго хозяйства и содержитъ указанія на нѣкоторые соціально-экономическіе недуги той эпохи. Земледѣліе выставляется въ немъ, какъ наилучшее, наиболѣе полезное и благородное занятіе. Οἰκονομικός замѣчателенъ по тому гуманному духу, которымъ проникнуты проводимые въ немъ взгляды; въ особенности этимъ отличаются тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, какъ обращаться съ молодою женою, пріучая ее къ хозяйству, о положеніи ея, какъ хозяйки въ домѣ, и объ отношеніи къ слугамъ.

Въ небольшомъ трактатѣ «О доходахъ» Ксенофонтъ [1]) касается аѳинскихъ финансовъ; онъ говоритъ о томъ, какъ помочь имъ и какъ увеличить государственные доходы, не отягощая союзниковъ; въ концѣ авторъ проповѣдуетъ мирную политику въ духѣ Евбула. Трактатъ содержитъ, между прочимъ, интересныя свѣдѣнія о положеніи метэковъ, о торговлѣ, о способѣ эксплуатаціи и доходахъ съ Лаврійскихъ рудниковъ. На остальныхъ небольшихъ сочиненіяхъ Ксенофонта—на діалогѣ «Гіеронъ» и на трактатахъ, касающихся лошадей и охоты, здѣсь не мѣсто останавливаться.

Псевдо-Ксенофонтова «Аѳинская Политія».

Въ числѣ Ксенофонтовыхъ сочиненій издавна обыкновенно помѣщаютъ и политическій трактатъ или, лучше сказать, памфлетъ объ аѳинской демократіи, Ἀθηναίων Πολιτεία [2]) (которую, разумѣется, не слѣдуетъ смѣшивать съ недавно открытою Аристотелевою «Аѳинскою Политіею»). Но въ настоящее время почти никто не сомнѣвается въ томъ, что это произведеніе не Ксенофонта: ни по времени написанія, ни по языку и изложенію, ни по воззрѣніямъ оно не подходитъ къ сочиненіямъ «аттической пчелы» и обнаруживаетъ въ авторѣ такое политическое пониманіе и проницательность, такую глубину мысли, на какія врядъ-ли былъ способенъ Ксенофонтъ. Трактатъ написанъ, повидимому, въ первые годы Пелопоннесской войны, до 424 г., во всякомъ случаѣ еще тогда, когда демократія и морское могущество Аѳинъ были въ полной силѣ, и принадлежитъ, несомнѣнно, перу олигарха, но кому именно,—неизвѣстно: его авторомъ считаютъ то Критія, то Фриниха, одного изъ олигархическихъ дѣятелей 411 г., то, наконецъ, Алкивіада или Ѳукидида Алопекскаго, сына Мелесія, политическаго противника Перикла.

Вообще это небольшое, но во многихъ отношеніяхъ любопытное произведеніе, являющееся древнѣйшимъ памятникомъ аттической литературной прозы и первымъ дошедшимъ до насъ политическимъ памфлетомъ, послужило предметомъ довольно много-

---

[1]) Если только трактатъ этотъ дѣйствительно принадлежитъ ему: относительно этого есть сомнѣнія.

[2]) А. Н. Шварцъ, [Ξενοφῶντος] Ἀθην. Πολιτεία—О государствѣ Аѳинскомъ, соч. неизвѣстнаго автора V в. до Р. Х. М. 1891 (критическое изслѣдованіе, съ обзоромъ предшествующей литературы, текстъ и объяснительныя примѣчанія); Schöll, Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen. Festrede. München. 1890; ст Kirchhoff'a въ Abhandl. d. Berl. Ak. d. Wiss. 1874 и 1878; Müller-Strübing, въ Philologus, IV, Suppl.-b. 1880.

численныхъ изслѣдованій и подало поводъ къ самымъ разнообразнымъ мнѣніямъ: въ немъ видятъ то діалогъ между защитникомъ и противникомъ аѳинской демократіи, то собраніе перепутанныхъ фрагментовъ, произвольно соединенныхъ какимъ-то редакторомъ, то смѣшеніе трактата, написаннаго умѣреннымъ олигархомъ, и замѣтокъ и возраженій крайняго олигарха, сдѣланныхъ сначала на поляхъ, а потомъ переписчикомъ внесенныхъ въ самый текстъ (А. Н. Шварцъ), и т. под. По одному мнѣнію, авторъ желалъ побудить своихъ единомышленниковъ къ полному ниспроверженію аѳинской демократіи, возможному не иначе, какъ при помощи Спарты: это—программа партіи, не останавливающейся ни предъ какими послѣдствіями; по другому мнѣнію, наоборотъ—авторъ старается отсовѣтовать всякую попытку противъ этой демократіи, какъ безнадежную; по третьему, Псевдо-Ксенофонтова «Аѳинская Политія»—чуждый практической тенденціи, научный трактатъ, и т. д.

Но главная основная мысль автора памфлета ясна: по его собственнымъ словамъ, онъ не можетъ, конечно, одобрить выбранную аѳинянами форму правленія, но признаетъ, что разъ уже они ее выбрали, они прекрасно поддерживаютъ ее и вообще поступаютъ цѣлесообразно, и если остальные греки думаютъ, будто аѳиняне заблуждаются и дѣлаютъ грубыя ошибки, то это неосновательно, что̀ и намѣренъ онъ показать въ своемъ трактатѣ (I, 1). Авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи останавливается преимущественно на причинахъ предпочтенія, оказываемаго бѣднымъ, на сравнительно привилегированномъ положеніи метэковъ и рабовъ въ Аѳинахъ, на послѣдовательности аѳинской политики по отношенію къ союзнымъ городамъ и преимуществахъ морского могущества Аѳинъ. Онъ объясняетъ, какъ недостатки и темныя стороны, которые ставятся въ вину аѳинской администраціи и суду, неразрывно связаны съ самымъ строемъ и положеніемъ Аѳинъ. Рядомъ идутъ побочныя замѣчанія, историческія справки и примѣры.

Въ общемъ, авторъ показываетъ, какъ сама сила вещей заставляетъ аѳинянъ поступать такъ, какъ они поступаютъ, и выясняетъ внутреннюю, неразрывную связь между состояніемъ общества, демократическими учрежденіями и демократическою политикою, между развитіемъ демократіи и ростомъ морского могущества. Онъ старается понять эту, въ сущности ненавистную ему, демократію, понять причины и условія ея прочности и выставляетъ на видъ глубокую цѣлесообразность ея учрежденій и принимаемыхъ аѳинянами мѣръ. Онъ выводитъ изъ болѣе общихъ

причинъ тѣ черты и явленія, которыя его современникамъ и единомышленникамъ казались случайными или результатомъ произвола. Вообще трактатъ этотъ, подобно Ѳукидидову труду, можетъ служить яркимъ свидѣтельствомъ того, какой быстрый шагъ сдѣлала историческая и политическая мысль въ Греціи въ короткій промежутокъ послѣ Геродота. Повидимому, авторъ вполнѣ объективно разсматриваетъ аѳинскую демократію; но мѣстами, на ряду съ этимъ внѣшнимъ спокойствіемъ и опроверженіемъ какъ-бы неосновательныхъ обвиненій противъ аѳинскаго демоса, проявляется большая страстность, вырываются замѣчанія, полныя иронiи и злобы, въ которыхъ сказывается вся ненависть олигарха къ этой демократіи, что̀, какъ мы видѣли, и даетъ поводъ къ разнымъ толкованіямъ. Но мнѣ кажется, что видимыя противорѣчія въ разсматриваемомъ памфлетѣ тѣмъ именно и объясняются, что авторъ — принципіальный врагъ демократіи: какія-либо отдѣльныя, частичныя исправленія и измѣненія въ строѣ, по его мнѣнію, ни къ чему не ведутъ; они безцѣльны и невозможны; нужно или принимать эту демократію, какъ она есть, или же вырвать ее съ корнемъ.

Историки V—IV в., произведенія которыхъ сохранились лишь въ отрывкахъ.

Кратиппъ

Продолжателемъ Ѳукидида былъ и Кратиппъ, по однимъ его современникъ, по другимъ—писатель IV или III и даже I ст. до Р. Х. Извѣстно, что онъ возставалъ противъ приведенія рѣчей въ историческихъ трудахъ и порицалъ Ѳукидида за его рѣчи. Произведеніе Кратиппа до насъ не дошло. Правда, недавно среди папирусовъ[1]) найденъ большой историческій отрывокъ, касающійся 396/5 года и приписываемый нѣкоторыми изслѣдователями Кратиппу, но другіе приписываютъ его Ѳеопомпу.

Вообще нужно имѣть въ виду, что далеко не вся литература грековъ дошла до насъ: масса произведеній или утрачена совершенно, такъ-что намъ извѣстны лишь имена авторовъ, да и то не всѣ, или же сохранилась только въ отрывкахъ[2]) благодаря ссылкамъ и цитатамъ другихъ, обыкновенно болѣе позднихъ, писателей.

Въ V в. въ Греціи уже пробуждается интересъ къ личности и на этой почвѣ возникаетъ литература мемуаровъ. Такъ, поэтъ Іонъ Хіосскій, лирикъ и трагикъ, современникъ и другъ

Іонъ.

[1]) Изданъ въ V т. The Oxyrhynchus-Papyri (1908); подробнѣе объ этомъ отрывкѣ далѣе, во 2-й части.

[2]) См. Fragm. Hist. Graec, изд. К. Мюллеромъ (въ кол. Didot).

Кимона, написалъ, кромѣ исторіи основанія Хіоса, еще «Воспоминанія» (Ἐπιδημίαι или Ὑπομνήματα). Насколько можно судить по немногимъ отрывкамъ, въ этихъ «Воспоминаніяхъ» заключались небезъинтересныя подробности касательно греческихъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ и значительный культурно-историческій матеріалъ. О Ѳемистоклѣ, Ѳукидидѣ (Алопекскомъ) и Периклѣ существовалъ памфлетъ Стесимброта Ѳасосскаго (V в.). Въ качествѣ уроженца Ѳасоса и аристократа по симпатіямъ Стесимбротъ относился со страстною ненавистью къ Аѳинянамъ и Периклу. Многихъ изъ тѣхъ лицъ и событій, что̀ и Геродотъ, касается Ктесій, грекъ, попавшій въ плѣнъ къ персамъ и занявшій почетную должность придворнаго врача, авторъ «Исторіи Персіи». Ктесій во многомъ отступаетъ отъ Геродота. Онъ ссылается на персидскіе оффиціальные источники (βασιλικαὶ διφθέραι). Но Ктесій—историкъ въ высшей степени недостовѣрный; достаточно указать, что Марафонскую битву онъ связываетъ со Скиѳскимъ походомъ, а Платейскую помѣщаетъ раньше Саламинской. «Исторію Персіи» Ктесія еще имѣлъ въ рукахъ патріархъ Фотій, который и сдѣлалъ изъ нея извлеченія.

Стесимбротъ

Ктесій.

Извѣстно, какую роль играло въ Греціи, въ частности въ Аѳинахъ, краснорѣчіе. Риторическое направленіе въ IV в. преобладаетъ въ литературѣ; оно проникло и въ историографію. Въ особенности могущественно было вліяніе извѣстнаго публициста того времени—Исократа, создавшаго цѣлую школу. Его учениками считаются самые выдающіеся историки второй половины IV в., Эфоръ и Ѳеопомпъ.

Риторическое направленіе.

Тема Эфора[1])—«Всеобщая исторія Греціи». Трудъ его состоитъ изъ 30 книгъ и, начинаясь «Возвращеніемъ Гераклидовъ», доходитъ до осады Перинѳа Филиппомъ Македонскимъ, т. е. до 340 г. Самъ Эфоръ, дожившій до похода Александра въ Азію, не окончилъ его, и послѣдняя книга, излагающая исторію Священной войны, написана его сыномъ Демофиломъ. Каждая книга имѣла особое вступленіе и представляла нѣчто цѣльное. Есть основаніе думать, что Эфоръ свой трудъ выпускалъ по частямъ.

Эфоръ

Произведеніе Эфора имѣло громадный успѣхъ; для его современниковъ и послѣдующихъ поколѣній оно служило главнымъ источникомъ по исторіи Греціи: Эфоръ создалъ какъ-бы

---

[1]) F. H. G, I и IV; Wachsmuth, Einleitung, стр. 498—507; Blass, Die att. Beredsamkeit, II²; Ed. Schwartz въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie f. class. Alsertumswiss., s. v. и его ст. въ Hermes, XLIV, 1909; ср. Niese, ibid.

вульгату этой исторіи. Нѣкоторые новые изслѣдователи ставятъ Эфора тоже чрезвычайно высоко[1]). Нибуръ, напр., называлъ его основателемъ общей исторіи Греціи. Эфоръ писалъ, когда разрозненный греческій міръ объединялся подъ властью Македоніи, и его «Исторія», какъ показываетъ самое заглавіе—Ἱστορία κοινῶν πράξεων—, отличалась характеромъ универсальнымъ. Это была исторія не того или другого событія или государства, а всего греческаго міра,—не только Эллады, но и колоній на востокѣ и на западѣ. Но, строго говоря, едва-ли можно проводить въ этомъ отношеніи слишкомъ рѣзкую, принципіальную разницу между Эфоромъ и Геродотомъ и противопоставлять перваго его предшественникамъ: вѣдь, и «Исторія» Геродота до извѣстной степени носитъ характеръ универсальный. Эфоръ собралъ громадный матеріалъ, пользовался не только трудами предшественниковъ, въ особенности Геродота, но и надписями, и далъ обработанный сводъ предшествовавшей исторической литературы; онъ представилъ связное изложеніе всей греческой исторіи, и въ этомъ его заслуга.

Эфоръ держался раціоналистической точки зрѣнія. Онъ порицалъ тѣхъ, кто въ исторіи любитъ разсказывать миѳы (fr. 70), а когда въ отдѣльныхъ случаяхъ приходилось касаться миѳовъ, онъ старался раціонализировать ихъ, подобно логографу Гекатею (см. стр. 34). Теоретическія воззрѣнія Эфора въ области исторической критики и отдѣльныя замѣчанія его иногда вполнѣ правильны и заслуживаютъ вниманія; но на практикѣ онъ не всегда умѣетъ какъ слѣдуетъ примѣнить ихъ: объясненіе историческихъ явленій, ихъ связи и причинъ, у него неудовлетворительно. Слишкомъ большая роль отводится мелочнымъ, личнымъ причинамъ. Эфоръ не былъ практическимъ государственнымъ или военнымъ дѣятелемъ. Это былъ скорѣе ученый въ нашемъ смыслѣ, и его кабинетная ученость, неопытность въ государственныхъ и военныхъ дѣлахъ, сказывается хотя бы, напр., въ описаніи битвъ.

Эфоръ расположенъ въ пользу аѳинянъ. Наоборотъ, другой знаменитый историкъ второй половины IV в., тоже ученикъ Исократа и современникъ Эфора, Ѳеопомпъ[2]), уроженецъ Хіоса, относился къ аѳинянамъ крайне неблагосклонно и въ особенности былъ страстнымъ врагомъ демагоговъ; его симпатіи—на сторонѣ аристократіи и Спарты. Ѳеопомпъ родился около 380 г. до Р. Х. и его жизнь полна скитаній. Но эта безпокойная, стран-

Ѳеопомпъ.

[1]) Иначе—E. Schwartz въ указ. выше ст.

[2]) F. H. G., I и IV; Blass, Die att. Beredsamkeit, II[2].

ствующая жизнь послужила хорошей подготовительной школой для Θеопомпа, дала ему возможность посѣтить вс ѣзначительные города и страны Греціи, встрѣтиться и лично познакомиться съ выдающимися дѣятелями, собрать громадный матеріалъ для своихъ историческихъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что онъ располагалъ большими денежными средствами. Въ Аѳинахъ Θеопомпъ имѣлъ возможность пользоваться уроками Исократа и вскорѣ пріобрѣлъ славу замѣчательнаго оратора. Θеопомпъ самъ говоритъ, что не было публичнаго мѣста и значительнаго города въ Греціи, которыхъ онъ не посѣтилъ бы, гдѣ бы не произнесъ рѣчи и не оставилъ послѣ себя великой славы, какъ ораторъ. Вообще Θеопомпъ отличался большимъ самомнѣніемъ. Онъ хвастался тѣмъ, что написалъ не менѣе 20000 строкъ рѣчей и болѣе 150000 строкъ, въ которыхъ можно прочитать о дѣяніяхъ грековъ и варваровъ вплоть до его времени (fr. 26).

Θеопомпу принадлежатъ, во-первыхъ, Ἑλληνικά (въ 12 кн.), въ которыхъ онъ, подобно Ксенофонту и Кратиппу, является продолжателемъ Θукидида и излагаетъ исторію Греціи съ конца 411 г. до битвы при Книдѣ (394 г.); во-вторыхъ—Φιλιππικά, т. е. Исторія Филиппа Македонскаго, въ 58 кн., главное произведеніе Θеопомпа. Исторія Филиппа расширяется въ болѣе или менѣе общую исторію Греціи того времени. Особый отдѣлъ былъ посвященъ аѳинскимъ демагогамъ.

Θеопомпъ—историкъ съ горячимъ темпераментомъ. Это была натура страстная, особенно склонная къ инвективамъ и къ злословію, что̀ отмѣчено еще древними: по словамъ Корнелія Непота (Alcib., 11), Θеопомпъ и Тимей—duo maledicentissimi scriptores. Θеопомпъ не щадитъ даже своихъ героевъ и выставляетъ ихъ пороки и недостатки. Такъ поступаетъ онъ и въ отношеніи къ Филиппу, не говоря уже объ аѳинскихъ демагогахъ. Θеопомпа интересовала больше всего человѣческая личность, и историческихъ дѣятелей онъ разсматривалъ преимущественно съ точки зрѣнія ихъ нравственныхъ свойствъ. Онъ старается проникнуть въ тайники ихъ души, раскрыть глубоко скрытые мотивы дѣйствій. Онъ внесъ такимъ образомъ въ исторію—гораздо въ бо́льшей степени, нежели Ксенофонтъ—элементъ психологическій. У Θеопомпа—значительный элементъ и культурный: онъ давалъ картину нравовъ и обычаевъ какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Θеопомпу не чуждо критическое отношеніе къ матеріалу. Онъ, напр., на основаніи, такъ сказать, палеографическихъ соображеній отвергалъ подлинность текста Кимонова мира. Но вмѣстѣ съ этимъ его интересовалъ

и элементъ чудесный. По словамъ Цицерона (De leg., I, 1, 5), Θеопомпъ, какъ и Геродотъ, расказывалъ безчисленныя басни. Самъ онъ, впрочемъ, гордился тѣмъ, что разсказывалъ ихъ лучше своихъ предшественниковъ. Немало было у Θеопомпа и анекдотовъ.

Въ древности Θеопомпомъ много пользовались [1]) Особенное вниманіе обращалъ на себя отдѣлъ объ аѳинскихъ демагогахъ; имъ часто пользовался напр. Плутархъ. Вообще сочиненія Эфора и Θеопомпа служили въ древности главнымъ источникомъ и принадлежали къ наиболѣе читаемымъ книгамъ. Геродотъ и Θукидидъ почти были забыты: ихъ заслонили собой Эфоръ и Θеопомпъ [2]).

Сицилійскіе историки.

Нѣсколькихъ выдающихся историковъ имѣла Сицилія. Древнѣйшимъ ея историкомъ былъ Антіохъ Сиракузскій (V в.). Другой болѣе поздній историкъ Сициліи, Филистъ, повидимому, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей греческой исторіографіи. Замѣчательно, что для древнѣйшаго періода Филистъ пользовался карѳагенскими извѣстіями. По сжатости изложенія, глубокому пониманію государственныхъ и военныхъ дѣлъ и по нѣкоторымъ другимъ чертамъ его еще въ древности сравнивали съ Θукидидомъ. Наиболѣе же извѣстнымъ сицилійскимъ историкомъ является Тимей [3]). Его трудъ (Ἱστορίαι)— главный источникъ свѣдѣній по исторіи не только Сициліи, но и вообще западныхъ эллиновъ, отчасти и Карѳагена. Въ особенности замѣчателенъ его трудъ въ отношеніи хронологической системы: Тимей положилъ за основу списокъ побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ и ввелъ такимъ образомъ тотъ счетъ по Олимпіадамъ, который потомъ надолго сдѣлался общепринятымъ; къ этой обще-эллинской системѣ Тимей свелъ отдѣльныя, мѣстныя системы—счетъ по эфорамъ, по архонтамъ и т. под. Тимей принадлежалъ въ значительной степени тоже къ риторическому направленію, получившему господство въ Греціи со временъ Исократа. Пространныя рѣчи занимали въ его трудѣ видное мѣсто. Трудъ Тимея оказалъ большое вліяніе на послѣдующихъ историковъ: изъ него черпали Діодоръ, Плутархъ, Трогъ Помпей и

Тимей.

[1]) Изъ обширныхъ Philippica Македонскій царь Филиппъ III сдѣлалъ извлеченіе въ 16 кн, подобравъ мѣста, касающіяся Филиппа.

[2]) Недавно открытый большой историческій отрывокъ нѣкоторыми признаетси за фрагментъ изъ Hellenica Θеопомпа. Объ этомъ см. далѣе, во 2-й части.

[3]) F. H. G., I и IV; Beloch, Die Oeconomie d. Gesch. des Timaios (N. Jahrh., 123 B., 1881); E Schwartz въ Hermes, XXXIV, 1899. См. также Christ, Wachsmuth и друг.

др. Можно сказать, что ему мы обязаны большею частью тѣхъ свѣдѣній по исторіи, географіи и этнографіи древней Сициліи и Италіи, которыми мы располагаемъ.

Вообще, на ряду съ трудами общаго, болѣе или менѣе универсальнаго характера, въ Греціи существовала и развивалась исторія мѣстная. Здѣсь особенно слѣдуетъ отмѣтить такъ наз. Аттиды (Ἀτθίδες), лѣтописи или хроники Аттики [1]). Въ основѣ ихъ, очевидно, лежатъ списки архонтовъ, къ которымъ присоединялись записи или замѣтки о важнѣйшихъ происшествіяхъ и природныхъ явленіяхъ. Аттиды касались хронологіи и топографіи, политической и литературной исторіи, въ особенности же исторіи государственныхъ учрежденій. Онѣ отличаются болѣе или менѣе документальнымъ характеромъ; въ нихъ обнаруживается стремленіе къ точной хронологіи; датой служитъ обыкновенно имя архонта-эпонима. Встрѣчаются нерѣдко цитаты изъ псефизмъ и законовъ. Многія замѣтки и извѣстія, очевидно, восходятъ къ древнимъ записямъ, современнымъ упоминаемымъ въ нихъ событіямъ. Въ Аттидахъ преобладаетъ историко-антикварный элементъ; изложеніе обыкновенно сухое, фактическое, безъ риторическихъ прикрасъ, но анекдотическія подробности не исключаются. **Аттиды и аттидографы.**

Этотъ видъ историческихъ произведеній достигъ своего развитія во второй половинѣ IV в. Наиболѣе извѣстны изъ аттидографовъ Андротіонъ и Филохоръ. Первый, по всей вѣроятности, то самое лицо, противъ котораго имѣется рѣчь Демосѳена, слѣдовательно,—современникъ послѣдняго. Филохоръ, самый выдающійся аттидографъ, принадлежитъ уже концу IV и первой половинѣ III в. Его Аттида состояла изъ 17 книгъ и обнимала всю исторію Аттики съ древнѣйшихъ временъ и до 261 г. Отъ нея сохранилось значительное число фрагментовъ, болѣе 200. Ни одна изъ Аттидъ, къ сожалѣнію, не дошла до насъ цѣликомъ.

Аристотель.

Уже въ греческой лирикѣ былъ силенъ политическій элементъ: эта лирика отличалась, такъ сказать, боевымъ характеромъ, и въ ту эпоху лирическія произведенія отчасти играли роль послѣдующихъ политическихъ памфлетовъ и прессы нашего времени. Они затрогивали вопросы и о государственномъ устрой- **Начало политической литературы.**

[1]) F. H. G., I и IV. Объ Аттидахъ см. преимущественно у Wilamowitz, Arist. u. Athen, I, 277 сл.; а также—ст. E. Schwartz'a въ Pauly-Wissowa, s. v.

ствѣ. Политическій элементъ въ этомъ смыслѣ мы найдемъ и въ произведеніяхъ историковъ, у Геродота (напр. рѣчи персидскихъ вельможъ о преимуществахъ и недостаткахъ демократіи, олигархіи и монархіи, III, 80 сл.) и Ѳукидида (рѣчь Перикла надъ павшими воинами и проч.). Но самостоятельное значеніе греческая политическая литература[1]) получила лишь въ V в., въ эпоху «просвѣщенія» и дѣятельности софистовъ. Со времени Пелопоннесской войны вопросы о формахъ правленія и о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, внутренней и внѣшней политикѣ особенно привлекаютъ къ себѣ вниманіе. Въ бесѣдахъ софистовъ, въ различныхъ политическихъ трактатахъ, памфлетахъ и рѣчахъ вопросы эти съ жаромъ дебатировались; описывалась или критиковалась существующая форма, вспоминался прежній строй, πάτριος πολιτεία, выставлялись идеалы совершеннѣйшаго государства, обсуждалась проблема объ отношеніи человѣка къ государству и обществу и т. д.

Политическими памфлетами въ духѣ олигархической партіи особенно богаты были послѣдніе годы V в., когда подверглись сомнѣнію достоинства и цѣлесообразность демократическаго строя, когда олигархи подняли голову, выступили противъ ненавистной имъ демократіи и дважды торжествовали побѣду (въ 411 и 404 г.). Псевдо-Ксенофонтова «Аѳинская Политія», о которой мы уже говорили (стр. 141 сл.),—одинъ изъ образцовъ подобнаго рода литературы. Остальныя политическія произведенія того времени погибли или дошли лишь въ отрывкахъ. Извѣстно, напр., что Критій, одинъ изъ Тридцати тирановъ, поэтъ, ораторъ и философъ, написалъ: «Политію Лакедемонскую», «Ѳессалійскую» и, есть основаніе думать, – «Аѳинскую» [2]) (нѣкоторые отрывки изъ нихъ сохранились). Его «Политіи» были, повидимому, произведенія тенденціозныя. Крайній олигархъ, онъ отличался однако безпощаднымъ радикализмомъ. Его отрывки показываютъ, что онъ обращалъ вниманіе на утварь, на нравы и обычаи и отмѣчалъ внутреннюю связь между ними и государственнымъ строемъ. Къ политическимъ произведеніямъ публицистическаго характера должны быть отнесены и рѣчи Исократа.

---

[1]) Henkel, Studien zur Gersch. d. griech. Lehre vom Staat. Leipz 1872; Schöll, Die Anfänge einer polit. Liter.; Wilamowitz-Möllendorff, Arist. und Athen, I, 169 сл; Dümmler, Prolegomena zu Platons Staat. 1891 (Kleine Schriften. Leipz. 1901, т. I).

[2]) Dümmler, Die Ἀθηναίων Πολιτεία des Kritias (Hermes, XXVII, 1892); М. М. Покровскій, Этюды по Аѳинской Политіи Аристотеля. М. 1893.

Политическія сочиненія IV в. вообще можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни—болѣе или менѣе характера спекулятивнаго и даже утопическаго, которыя строили идеалъ наилучшаго государства, исходя изъ идеи; таковы произведенія Платона; другія трактовали о политическихъ отношеніяхъ и строѣ, каковы они въ дѣйствительности, о ихъ возникновеніи и развитіи, т. е. касались исторіи. Эти послѣднія для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе, а среди нихъ первое мѣсто, разумѣется, занимаютъ «Политика» и «Политіи» Аристотеля.

Аристотель[1]) близко стоялъ и къ Македоніи, и къ Аѳинамъ. Онъ родился (384/3 г.) въ Стагирѣ, на полуостровѣ Халкидикѣ, былъ сыномъ придворнаго врача при македонскомъ царѣ Аминтѣ II; онъ былъ другомъ Антипатра и одно время наставникомъ Александра Македонскаго. Но большую часть своей жизни Аристотель провелъ въ Аѳинахъ, гдѣ и основалъ свою школу перипатетиковъ въ Ликеѣ, рощѣ Аполлона Ликейскаго. Въ 323 г., когда, по смерти Александра, вспыхнуло въ Аѳинахъ возстаніе противъ македонянъ, Аристотель, въ виду грозившаго ему гоненія, бѣжалъ въ Халкиду (на о. Евбеѣ) и тамъ вскорѣ умеръ (322 г.). Аристотель жилъ въ то время, когда заканчивался циклъ независимой политической жизни Эллады и наступала новая эпоха—эпоха эллинизма, когда Грецiя и Персія, Западъ и Востокъ объединялись подъ властью Македоніи и подъ воздѣйствіемъ греческой культуры. **Аристотель.**

Аристотель охватывалъ всѣ отрасли, всю сумму тогдашняго знанія. Онъ завершилъ предшествующее развитіе, подвелъ итогъ всему, что̀ сдѣлала тогдашняя наука и философія, что̀ знали греки. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ онъ принадлежалъ всецѣло прошлому; онъ, казалось, не замѣчалъ или не понималъ тѣхъ новыхъ формъ, которыя возникали въ его время: Аристотель стоитъ на прежней, чисто-эллинской точкѣ зрѣнія и видитъ типъ государства попрежнему въ городѣ, въ πόλις. Онъ даже одобряетъ рабство; слѣдовательно, дѣлаетъ шагъ назадъ, по сравненію съ софистами и Платономъ. Его «Политика»—какъ-бы «предсмертное завѣщаніе умирающаго эллинскаго міра» [2]) и служитъ весьма важнымъ источникомъ для историка: на существовавшія въ эллинскомъ мірѣ государственныя формы, на ихъ **Политика.**

[1]) Объ Аристотелѣ см. общія сочиненія по исторіи философіи—Zeller'a, Виндельбанда, Eucken'a (Die Lebensanschauungen d. gross. Denker. Leipz. 1890) и друг.; Wilamowitz, Arist. u. Athen, I (въ концѣ).

[2]) Кн. Е. Н. Трубецкой, Политич. идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историч. знач. (Вопр. филос. и психол., 1890, кн. 4).

развитіе и на перемѣны въ нихъ она бросаетъ болѣе яркій свѣтъ, чѣмъ какое бы то ни было другое произведеніе греческой литературы изъ дошедшихъ до насъ, и вообще содержитъ массу историческаго матеріала [1]).

Первыя книги (I—III) «Политики» содержатъ основныя положенія ученія о государствѣ и его формахъ. Сначала говорится о цѣли, основахъ и элементахъ государства (I кн); затѣмъ Аристотель останавливается на идеальныхъ построеніяхъ наилучшаго государства, принадлежащихъ мыслителямъ-теоретикамъ, и подвергаетъ ихъ теоріи критическому разбору; такимъ образомъ, благодаря Аристотелевой «Политикѣ», мы знакомимся со взглядами и такихъ авторовъ, сочиненія коихъ до насъ не дошли (напр. Гипподама Милетскаго), далѣе Аристотель разсматриваетъ строй Спарты и Крита, съ его темными и свѣтлыми сторонами, какъ государствъ, которыя пользовались славою наилучше устроенныхъ; характеризуетъ законодательство Солона и проч. (II кн.). Въ III кн. опредѣляется понятіе гражданина и говорится о «правильныхъ» и «неправильныхъ» формахъ правленія; къ первымъ Аристотель относитъ монархію, аристократію и политію, представляющую средину между олигархіей и демократіей, смѣшеніе той и другой, а ко вторымъ—тираннію, олигархію и демократію, представляющія извращенія соотвѣтствующихъ правильныхъ формъ. Подробное разсмотрѣніе этихъ формъ и отдѣльныхъ ихъ видовъ составляетъ содержаніе IV кн., гдѣ рѣчь идетъ о государствѣ, возможно лучшемъ въ дѣйствительности, при данныхъ обстоятельствахъ. V кн. говоритъ о перемѣнахъ въ государственныхъ устройствахъ, политическихъ переворотахъ и причинахъ, ихъ вызывающихъ; VI содержитъ дополнительныя замѣчанія, главнымъ образомъ о томъ, какъ поступать при введеніи и для сохраненія упомянутыхъ въ IV книгѣ государственныхъ устройствъ, а VII и VIII трактуютъ о наилучшемъ, идеальномъ государствѣ и о воспитаніи.

---

[1]) Изданія «Политики»—Im. Bekker'a (I—II т. [1831] «Aristotelis Opera», изд. Берлинскою Академіею Наукъ), Susemihl'я (новѣйш. изд. въ Biblioth. Teubneriana) и Newman'a (Oxford. 1887—1902. 4 т.), съ обширнымъ предисловіемъ, этюдами и примѣч. на англійск. яз.—Переводы: франц. Barthélemy Saint-Hilaire (1837); нѣмец.—Susemihl'я, съ греч. текстомъ, введеніемъ и примѣч. (Leipz. Engelmann. 1878. 2 т.); русск.—Н. Е. Скворцова. М. 1893 (2-е изд.) и готовится перев. С. А. Жебелева. Важнѣйшая монографія—Oncken, Die Staatslehre d. Aristot. Leipz. 1870—75. 2 т.

Въ такомъ порядкѣ дошли до насъ книги «Политики»; но уже давно высказывалось предположеніе [1]) и въ настоящее время почти всѣми принято, что VII и VIII кн. находятся не на своемъ мѣстѣ· онѣ должны слѣдовать непосредственно за III; а нѣкоторые полагаютъ, что и V—VI кн. нужно переставить одну на мѣсто другой. Вообще текстъ «Политики» далекъ отъ исправности; онъ не былъ окончательно обработанъ Аристотелемъ.

Въ данномъ случаѣ для насъ важны, конечно, не столько теоретическія воззрѣнія Аристотеля, хотя и здѣсь для историка немало интереснаго, сколько его наблюденія надъ развитіемъ формъ и учрежденій греческихъ государствъ и тѣ многочисленные историческіе примѣры и аналогіи, которые онъ приводитъ въ видѣ иллюстрацій своихъ положеній или изъ которыхъ онъ исходитъ въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ. Особенно богата ими V книга, трактующая о переворотахъ.

Когда Аристотель работалъ надъ «Политикою», онъ, очевидно, долженъ былъ уже располагать тѣмъ громаднымъ фактическимъ матеріаломъ, который онъ впослѣдствіи обработалъ въ другомъ своемъ трудѣ—«Политіяхъ», представлявшихъ исторію и описаніе строя 158 государствъ (но составлена «Политика», повидимому, раньше «Политій») [2]). До 1891 г. онѣ были извѣстны намъ лишь по ссылкамъ и отрывкамъ. Въ древности и въ первые вѣка нашей эры ихъ неразъ цитировали, напр. Плутархъ (быть можетъ, изъ вторыхъ рукъ) и въ особенности лексикографы—Гарпократіонъ, Поллуксъ и друг.; но затѣмъ—какъ есть основаніе думать, между VI и IX в.—«Политіи» были утрачены. Аристотелевы фрагменты издавались неразъ[3]); изъ нихъ на долю одной только «Аѳинской Политіи» приходилось 91. **«Политіи».**

Только въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія найдена была среди папирусовъ, пріобрѣтенныхъ въ Египтѣ Британскимъ Музеемъ, важнѣйшая изъ Аристотелевыхъ «Политій»—«Аѳинская» и издана впервые въ Лондонѣ Кеніономъ (1891), съ предисловіемъ и комментаріями[4]). Текстъ изданнаго **«Аѳинская Политія».**

---

[1]) Еще въ XIV в. и въ XVI; доказалъ же это Barthélemy Saint-Hilaire и въ особенности Spengel (Abhandl. d. bayer. Akad. d. Wiss., V. 1849).

[2]) По этому вопросу возможны сомнѣнія. См. ст. А. Н. Шварца въ Филол. Обозр., VIII, 1895.

[3]) Rose, Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta. Leipz. 1886 (въ Bibl. Teubneriana), и 5-й т. «Aristotelis Opera», 1870, издав. Берлинскою Акад. Наукъ; ср. его-же, Arist. Pseudepigraphus. Leipz. 1863.

[4]) Ἀθηναίων Πολιτεία—Aristotle on the Constitution of Athens, edited by F. G. Kenyon 1891; 3-е изд.—1892.—Facsimile папируса издано

Кеніономъ трактата написанъ на оборотной сторонѣ папируса. Сохранился папирусъ удовлетворительно. На лицевой сторонѣ его находится счетъ прихода и расхода какого-то управляющаго, помѣченный «одиннадцатымъ годомъ царствованія императора Веспасіана», что̀ соотвѣтствуетъ 78—79 г. нашей эры. Это служитъ основаніемъ предполагать, что рукопись самаго трактата относится къ концу I или къ началу II в. послѣ Р. Х. Все показываетъ, что она едва-ли была приготовлена профессіональными переписчиками, предназначалась не для продажи, а для частнаго употребленія; что списокъ былъ сдѣланъ для лица, повидимому, не обладавшаго средствами или очень экономнаго. Подробности эти могутъ объяснить нѣкоторыя особенности дошедшаго до насъ трактата и при критической оцѣнкѣ послѣдняго ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ трактатъ начинается фразой, касающейся подавленія Килонова возстанія. онъ содержитъ въ себѣ исторію аѳинской политіи до конца V вѣка, кончая низложеніемъ Тридцати и возстановленіемъ демократіи въ 403 году (гл. 1—41)[1]), и затѣмъ—описаніе самаго строя, какимъ онъ былъ во времена автора, въ IV в. Такимъ образомъ, по содержанію трактатъ распадается на двѣ части—историческую и систематическую, подобно тому, какъ это принято и въ нынѣшнихъ руководствахъ по греческимъ древностямъ. Что это есть «Аѳинская Политія», Ἀθηναίων Πολιτεία, приписываемая въ древности Аристотелю, явствуетъ изъ совпаденія большей части уже извѣстныхъ фрагментовъ этой «Политіи» съ опубликованнымъ Кеніономъ текстомъ.

Изданный Кеніономъ трактатъ Аристотеля вызвалъ чрезвычайно обширную, можно сказать необозримую, литературу и оживленную борьбу мнѣній[2]).

Вопросъ объ «Аѳ. Пол.» въ современной литературѣ.

Еще задолго до открытія этого трактата высказаны были сомнѣнія относительно принадлежности «Политій» Аристотелю,

---

имъ-же. Кромѣ этого лучшія изд.—Кайбеля и Виламовица (совмѣстное), Blass'a (въ Bibl. Teubner., въ 1904 г.—4-е изд.), оба—безъ комментарія, а въ особенности—Sandys'a, съ подробнѣйшимъ комментаріемъ и введеніемъ и новѣйшее изд.—Kenyon'a въ собраніи соч Аристотеля, изд. Берлинскою Акад. Наукъ (см. Supplementum Aristotelicum, v. III, p. 2. Berlin 1903). Переводы: нѣм.—Poland'a (Berl. 1891,—лучшій) и Erdmann'a (Leipz. 1892); франц.—Th Reinach'a (P. 1891) и Haussoullier (P. 1891); русск.—Н. Я. Шубина (въ Ж. М. Н. Пр., 1891, май—авг., и отдѣльно) и въ особенности А. М. Ловягина, съ греч. текстомъ en regard (Спб. 1895).

[1]) Дѣленія на главы нѣтъ въ рукописи: оно принадлежитъ Кеніону.

[2]) Подробный обзоръ (до начала 1895 г.)—въ моей книгѣ: «Аѳинская Политія Аристотеля.. », гл. I.

и высказаны тѣмъ ученымъ, который такъ много сдѣлалъ по части собранія и изученія фрагментовъ изъ утраченныхъ сочиненій Аристотеля,—Валентиномъ Розе; именно онъ явился иниціаторомъ скептическаго отношенія къ «Политіямъ», доказывая, что онѣ—произведеніе не великаго стагирита, а какого-нибудь перипатетика, больше историка и филолога, нежели философа. Первый издатель «Аѳинской Политіи», Кеніонъ, безъ колебаній призналъ ее за произведеніе Аристотеля и придалъ ей, какъ источнику, громадное значеніе, ставя очень высоко ея безпристрастіе и достовѣрность. Подъ первымъ впечатлѣніемъ находки лучшіе знатоки Аристотеля—Дильсъ, Гомперцъ, Бартелеми-С.-Илеръ—привѣтствовали опубликованный Кеніономъ трактатъ, какъ несомнѣнно Аристотелево произведеніе, и восторженно отзывались о немъ. Болѣе трезвое и критическое отношеніе къ найденному памятнику находимъ въ статьяхъ Вейля, Дареста, Кейля и Шелля; но и въ нихъ критическія замѣчанія терялись среди похвалъ. Слѣпымъ еще довѣріемъ къ трактату и преклоненіемъ предъ авторитетомъ Аристотеля проникнуты и «Изслѣдованія» Бауэра, самый обширный трудъ изъ появившихся въ первый годъ послѣ открытія. Но въ нашъ вѣкъ критики и даже гиперкритики странно было бы, если бы неожиданно найденный памятникъ не подвергся безпощадному критическому разбору и не вызвалъ скептическаго отношенія къ себѣ. И замѣчательно, что такое отношеніе къ нему прежде всего обнаружилось въ Англіи, среди соотечественниковъ Кеніона, а затѣмъ уже на континентѣ. Здѣсь главными представителями скептическаго направленія явились Cauer и въ особенности Rühl.

Вообще тогда разнообразіе и противорѣчіе взглядовъ на «Политію» было очень велико. Одни считали опубликованный Кеніономъ трактатъ произведеніемъ несомнѣнно самого Аристотеля, другіе—какого-либо бездарнаго его ученика или перипатетика; третьи видѣли въ немъ эксцерптъ, работу позднѣйшаго редактора, въ основѣ которой лежитъ Аристотелевъ трактатъ. Одни допускали, что Аристотель могъ пользоваться матеріаломъ, собраннымъ его учениками; другой доказывалъ, что Аристотель предоставилъ свой матеріалъ бездарному ученику. Въ глазахъ однихъ—это былъ чрезвычайно важный источникъ, съ открытіемъ котораго наступила новая эра въ изученіи внутренней исторіи Аѳинъ и свидѣтельство котораго непреложно; по мнѣнію другихъ,—это было негодное произведеніе, полное нелѣпостей, источникъ мутный, въ которомъ что̀ ново, то невѣрно, а что̀ вѣрно, то неново. Одни видѣли въ «Аѳинской Политіи» истинно художе-

ственное, цѣльное произведеніе, отличающееся изящной простотой и чарующей прелестью разсказа; по другимъ—изложеніе тутъ неумѣлое, сбивчивое и безсвязное; авторъ неспособенъ связать и двухъ фразъ. Одни отвергали всякую тенденцію въ трактатѣ, другіе именно тенденціей объясняли нѣкоторыя его особенности. Что̀ въ глазахъ однихъ составляло достоинство этого произведенія, то въ глазахъ другихъ являлось непростительнымъ недостаткомъ. Одни ставили выше первую часть «Аѳ. Пол.», другіе—вторую. По одному мнѣнію, описаніе Драконовой конституціи—нелѣпость, по другому—драгоцѣнное извѣстіе, основанное на документальныхъ данныхъ и представляющее развитіе аѳинской демократіи безъ скачковъ, въ болѣе постепенномъ, такъ сказать, органическомъ видѣ.

Но среди этой полемики и борьбы противоположныхъ воззрѣній крайности стали сглаживаться; съ обѣихъ сторонъ сдѣланы были значительныя уступки и въ результатѣ возобладало болѣе умѣренное направленіе и вмѣстѣ болѣе вѣрная оцѣнка открытаго трактата. Большинство, признавая этотъ трактатъ произведеніемъ Аристотеля и высоко ставя его, уже не считало его непогрѣшимымъ источникомъ и, въ основномъ расходясь со скептиками, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ болѣе или менѣе сходилось съ ними. Въ свою очередь, и ярые противники, подобные Рюлю, не останавливавшемуся даже предъ намеками на фальсификацію, нѣсколько измѣнили и смягчили свой отзывъ, признавъ, что извѣстія открытаго источника все-же не сплошная нелѣпость, что здѣсь есть и цѣнныя вещи, которыя слѣдуетъ выдѣлить и собрать, и что въ основѣ трактата все-таки лежитъ произведеніе Аристотеля. Умѣреннымъ направленіемъ отличается цѣлый рядъ изслѣдованій, вышедшихъ во второй половинѣ 1892 г. и 1893 г. Къ этому направленію принадлежатъ и работы на русскомъ языкѣ (А. Н. Деревицкаго, Э. Р. ф. Штерна, В. А. Шеффера, П. Г. Виноградова), занимающія, нужно замѣтить, вообще видное мѣсто въ литературѣ объ «Аѳинской Политіи».

Умѣренностью и трезвымъ отношеніемъ къ Аристотелеву трактату отличаются и наиболѣе крупные труды, ему посвященные: «Die solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte» Бруно Кейля (Berlin. 1892), «Aristoteles und Athen» Виламовица (2 т. Berlin. 1893), «Stil und Text der Πολιτεία Ἀθηναίων des Aristoteles» Кайбеля (Berlin. 1893) и изданіе трактата, принадлежащее Sandys'y (London. 1893). Во всѣхъ отношеніяхъ, и по объему, и по своему научному значенію, труды эти являются самыми важными изъ работъ, какія до сихъ поръ имѣются

объ открытомъ трактатѣ, не считая, разумѣется, изданій Кеніона. Самое крупное изслѣдованіе о новооткрытой «Политіи» 2-томный трудъ Виламовица: «Aristoteles und Athen». Настольною же книгою для всѣхъ занимающихся Аристотелевымъ трактатомъ должно служить изданіе его, принадлежащее англійскому ученому Сандису. По ученому аппарату, по обширности, обстоятельности и всесторонности комментарія, по внимательному отношенію къ огромной литературѣ это изданіе превосходитъ всѣ предшествующія.

Подвести итогъ тому, что̀ сдѣлано по вопросу объ открытомъ трактатѣ, пытался я въ своей диссертаціи: «Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в.» (Харьк. 1895), гдѣ я даю обзоръ относящейся сюда обширной современной литературы[1]) (гл. I); затѣмъ разсматриваю «Аѳ. Пол.», какъ произведеніе Аристотеля (гл. II), изслѣдую ея источники (гл. III), а въ послѣдней (IV) главѣ останавливаюсь на «Исторіи государственнаго строя Аѳинъ въ новооткрытомъ трактатѣ».

Съ 1895 г. число работъ, посвященныхъ открытой «Политіи» сразу и значительно уменьшается: интересъ къ ней замѣтно ослабѣваетъ. Вопросъ объ авторѣ трактата былъ въ сущности исчерпанъ; скептицизмъ Розе и новѣйшихъ не въ мѣру строгихъ критиковъ трактата оказался неосновательнымъ, и въ настоящее время едва-ли кто-либо сомнѣвается въ принадлежности опубликованной Кеніономъ «Политіи» Аристотелю, такъ-что мы можемъ на этомъ вопросѣ больше не останавливаться.

«Политія» — произведеніе Аристотеля.

Общая традиція древности, рядъ свидѣтелей, начиная съ поколѣнія, непосредственно слѣдовавшаго за Аристотелемъ, и до временъ византійскихъ, единогласно называетъ «Политіи» произведеніемъ Аристотеля. Но нельзя, конечно, ручаться, что «Политіи» вышли непремѣнно изъ-подъ пера самого Аристотеля, а не записаны только подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, руководствомъ и отвѣтственностью; принимая авторство Аристотеля, необходимо во всякомъ случаѣ допустить и извѣстную долю участія его учениковъ въ составленіи труда, подобнаго «Политіямъ». Аристотель не былъ только мыслитель и ученый, стоящій одиноко: онъ находился въ то же время во главѣ цѣлой фаланги руководимыхъ имъ учениковъ и былъ для своего времени

[1]) На русск. языкѣ слѣдуетъ отмѣтить еще работы М. О. Гершензона, Р. Х. Лепера, В. А. Маклакова, Ѳ. Г. Мищенка, М. М. Покровскаго, Г. Ѳ. Шульца и друг. См. о нихъ въ моей книгѣ.

великимъ организаторомъ научныхъ работъ. Участіе учениковъ выражалось по-преимуществу въ собираніи матеріала.

«Аѳинская политія» написана Аристотелемъ между 329/328 и 325/324 или 324/323 г.г., на что̀ имѣется рядъ косвенныхъ указаній въ самомъ трактатѣ.

Характеристика «Ао. Пол.».

Уже самая тема ея и планъ обращаютъ на себя вниманіе: мы видимъ у автора интересъ къ явленіямъ внутренней исторіи, стремленіе изобразить общій ходъ развитія государственнаго строя Аѳинъ и дать описаніе его, какъ онъ наконецъ сложился послѣ ряда перемѣнъ. При этомъ внѣшнюю исторію Аристотель оставляетъ въ сторонѣ, если не считать нѣсколькихъ мимоходомъ сдѣланныхъ замѣчаній. Аристотель, какъ было уже упомянуто, стоитъ всецѣло на старинной точкѣ зрѣнія: его взоръ обращенъ къ прошлому; для него идеаломъ служитъ не обширная монархія, въ родѣ монархіи Александра Македонскаго, а государство-городъ. Его «Политіи», хотя написаны и послѣ «Политики», по самой своей сущности, по своей темѣ примыкаютъ къ послѣдней и стоятъ въ связи съ нею. Въ своихъ «Политіяхъ» Аристотель, по выраженію одного изъ его старинныхъ комментаторовъ, просто хотѣлъ показать, «какъ управлялись древніе», или, по выраженію другого, «въ... «Политіяхъ» онъ учитъ не тому, какъ слѣдуетъ управляться, а тому, какъ до него управлялись люди» (Rose, Arist. Fragm., p. 259). То было время, когда закончился циклъ развитія большинства греческихъ государствъ и когда уже можно было подвести итогъ. Такой итогъ и подводитъ Аристотель.

Трактатъ отличается чисто фактическимъ содержаніемъ. Мѣстами изложеніе переходитъ даже въ голый, сухой перечень фактовъ, безъ внутренней связи, и тогда напоминаетъ какую-нибудь хронику или лѣтопись. Такова, напр., 22 глава, не говоря уже о второй части трактата. Отсутствуютъ не только теоретическія разсужденія, которыя и не входили въ программу этого трактата—ихъ мѣсто было въ «Политикѣ»—, но иногда и надлежащее, такъ сказать, историко-философское объясненіе фактовъ. Причины и связь явленій не всегда выясняются какъ слѣдуетъ: подчасъ все сводится къ мелкимъ, случайнымъ поводамъ, личнымъ мотивамъ и т. под.; вообще личности придается громадное значеніе, ея вліяніемъ объясняется иногда то, что̀ было результатомъ цѣлаго ряда причинъ, цѣлаго историческаго процесса. Напр., у Аристотеля жители покидаютъ поля и переселяются въ городъ по совѣту Аристида, соблазнившаго ихъ тѣмъ, что всѣмъ будетъ содержаніе отъ государства (гл. 24); объ основныхъ причинахъ реформы Эфіальта и паденія ареопага не говорится, зато

расказывается анекдотъ о томъ, какъ Ѳемистоклъ по личнымъ мотивамъ, путемъ двуличія и хитрости, сумѣлъ устроить это дѣло (гл. 25); сообщаются мелкія и даже анекдотическія подробности, о самой же сущности Эфіальтовой реформы ареопага сказано буквально нѣсколько словъ.

Но, говоря вообще, все-таки мы получаемъ представленіе о послѣдовательномъ, такъ сказать, органическомъ развитіи аѳинскаго государственнаго строя. На ряду съ лишними подробностями мы видимъ умѣнье автора подмѣтить и резюмировать самое существенное, смыслъ и значеніе явленій, схватить основныя черты отдѣльныхъ періодовъ, указать главныя дѣйствующія силы и общее направленіе событій. Таковы замѣчанія о демократическихъ элементахъ въ Солоновой конституціи, при чемъ совершенно основательно отмѣчено великое значеніе геліэи въ дѣлѣ развитія демократіи (гл. 9); таково въ особенности резюмэ въ 41 гл., гдѣ вкратцѣ отмѣчены главнѣйшія ступени или періоды въ послѣдовательномъ развитіи аѳинской демократіи. Аристотель подмѣчаетъ взаимодѣйствіе между такими явленіями, тѣсная связь между которыми можетъ сразу и не броситься въ глаза, напр. связь между ростомъ демоса и развитіемъ морского могущества Аѳинъ. Отъ современныхъ ему порядковъ, законовъ и обычаевъ, отъ «переживаній» онъ дѣлаетъ заключеніе къ прошлому: онъ пользуется аналогіей и тутъ подчасъ обнаруживаетъ тонкую наблюдательность и проницательность. Такими пріемами особенно богата 3-я гл.,—по вполнѣ понятной причинѣ: здѣсь Аристотелю приходилось описывать «древнюю политію», періодъ, для котораго не имѣлось надежныхъ источниковъ и гдѣ методъ реконструкціи, заключенія отъ настоящаго къ прошедшому, по необходимости являлся однимъ изъ главныхъ средствъ. И вотъ, касаясь вопроса о томъ, когда возникло архонтство, при Медонтѣ или Акастѣ, Аристотель—правда, со словъ другихъ—приводитъ клятву, даваемую еще въ его время 9 архонтами. «Признакомъ» сравнительно поздняго происхожденія должности архонта (эпонима) для него служитъ то обстоятельство, что этотъ архонтъ не завѣдывалъ старинными культами и учрежденіями, подобно басилевсу и полемарху; а то, что «еще и теперь» (т. е. въ IV вѣкѣ) обрядъ бракосочетанія супруги басилевса («царя») съ Діонисомъ совершается въ буколіонѣ, въ его глазахъ указываетъ, что буколіонъ былъ нѣкогда мѣстопребываніемъ архонта-царя. Подобными пріемами Аристотель напоминаетъ Ѳукидида (стр. 53).

Трактатъ отличается обиліемъ хронологическихъ датъ: Аристотель большею частью отмѣчаетъ, въ чье архонтство совер-

шилось описываемое имъ событіе или перемѣна въ строѣ Аѳинскаго государства, изданъ упоминаемый имъ законъ, или указываетъ, черезъ какой промежутокъ произошелъ одинъ фактъ послѣ другого, и хотя тутъ въ его хронологіи, по крайней мѣрѣ въ дошедшемъ до насъ текстѣ, бываетъ иногда и путаница, но характерно одно уже это стремленіе къ хронологической опредѣленности. Правда, изложеніе мѣстами переходитъ, какъ уже сказано, въ сухой перечень или лѣтопись событій; но именно эти краткія и сжатыя, сухія замѣтки лѣтописнаго характера, безъ внутренней связи, являются для насъ особенно драгоцѣнными, какъ дающія наиболѣе достовѣрный и надежный матеріалъ.

Историческая перспектива въ трактатѣ не соблюдена: наоборотъ, замѣчается непропорціональность частей и неравномѣрность въ изложеніи. Столь важный въ исторіи Аѳинъ періодъ «Пятидесятилѣтія» очерченъ лишь нѣсколькими краткими штрихами. Особенно же поразительный контрастъ съ тою краткостью, которою въ нѣкоторыхъ частяхъ отличается изложеніе трактата, представляетъ разсказъ объ олигархіи 411 г. (гл. 29—32), гдѣ самымъ подробнымъ образомъ говорится объ эфемерномъ созданіи олигарховъ, о томъ даже, что̀ было ими лишь проектировано, что̀ осталось, такъ сказать, только на бумагѣ, но не было осуществлено, дословно приводится псефизма и т. д. Нѣкоторыя извѣстія стоятъ не на своемъ мѣстѣ. Отсюда—повторенія (ср. напр. 2 гл., конецъ 4 и начало 5). Иногда одно съ другимъ плохо вяжется, одно къ другому пришито бѣлыми нитками. Отсюда—сбивчивость и неясность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, увеличивающаяся еще отъ того, что въ трактатѣ есть и видимыя противорѣчія, пропуски и недомолвки, напр. въ изложеніи Драконовой конституціи и реформъ Солона, въ сообщеніи относительно введенія жребія, въ хронологическихъ датахъ касательно Писистрата.

Наконецъ, есть въ «Аѳ. Пол.» сообщенія невѣрныя или невѣроятныя, крупныя неточности, преувеличенія и ошибки. Таковъ, напр., разсказъ объ участіи Ѳемистокла въ дѣлѣ реформы ареопага (гл. 25), противорѣчащій хронологіи и свидѣтельству цѣлаго ряда источниковъ, въ томъ числѣ Ѳукидида, и являющійся вымышленнымъ анекдотомъ, все равно, будемъ ли мы считать его за вставку или нѣтъ.

Что касается изложенія трактата, то оно отличается въ общемъ легкостью и простотою, но далеко отъ того изящества и совершенства, о которомъ такъ много говорили его панегиристы, особенно въ первые моменты увлеченія находкой.

Вотъ въ общихъ чертахъ особенности Аристотелевой «Аѳ. Пол.», ея достоинства и недостатки. При ея оцѣнкѣ и при пользованіи ею необходимо, между прочимъ, имѣть въ виду слѣдующее. Во-первыхъ, историческая часть трактата есть только введеніе къ систематической: это лишь очеркъ, краткій абрисъ общаго хода развитія аѳинской политіи, да и весь трактатъ въ сущности только отрывокъ громаднаго труда—Πολιτεῖαι. Во-вторыхъ, есть основаніе думать, что Аристотель не успѣлъ тщательно просмотрѣть свою «Политію», переработать и отдѣлать ее: трактатъ производитъ впечатлѣніе произведенія, написаннаго спѣшно, на основаніи заранѣе собраннаго матеріала. Въ-третьихъ, одна изъ причинъ указанныхъ выше недостатковъ кроется въ неисправности и неудовлетворительномъ состояніи дошедшей до насъ рукописи и редакціи. Вспомнимъ то, что̀ намъ извѣстно о манускриптѣ дошедшей до насъ «Политіи»; въ подобномъ спискѣ мы, естественно, должны встрѣтить немало описокъ, разнаго рода ошибокъ и искаженій, а мѣстами даже, быть можетъ, перестановки, пропуски или постороннія вставки, интерполяціи. Къ числу подозрительныхъ съ точки зрѣнія подлинности мѣстъ я отношу анекдотъ объ Эфіальтѣ и Ѳемистоклѣ (гл. 25) и конституцію Дракона (гл. 4), вопросъ о которой одинъ изъ самыхъ спорныхъ.

Причины недостатковъ.

«Политіи» близко примыкаютъ къ «Политикѣ»; оба произведенія внутренно связаны между собой, и интересно взглянуть, насколько воззрѣнія Аристотеля въ «Аѳинской Политіи» совпадаютъ съ воззрѣніями его въ «Политикѣ» [1]).

Воззрѣнія Аристотеля въ «Политіи» и въ «Политикѣ».

Политическія воззрѣнія Аристотеля, его симпатіи и антипатіи въ «Аѳ. Пол.» обнаруживаются довольно ясно. Такъ, онъ видимо относится съ большимъ сочувствіемъ къ Солону и его дѣлу. Обратимся къ «Политикѣ», и мы найдемъ здѣсь такой-же взглядъ на Солона и его реформы. О Писистратѣ «Аѳ. Пол.» отзывается очень хорошо. По ея словамъ, онъ правилъ умѣренно и больше какъ гражданинъ, чѣмъ какъ тираннъ (гл. 16; ср. гл. 14). Онъ дѣйствуетъ именно такъ, какъ, по словамъ «Политики», долженъ дѣйствовать благоразумный тираннъ для упроченія своей власти. Взглядомъ Аристотеля на сельскій классъ и на «корабельную чернь» въ «Политикѣ» (1327b 7—8) легко объяснить и враждеб-

---

[1]) П. Г. Виноградовъ, Развитіе демократіи въ трактатѣ Аристотеля о государствѣ аѳ. (Истор. Обозр., V, 1892); моя книга, стр. 132 сл.; примѣчанія Haussoullier къ его переводу Ἀθ. Πολ., гдѣ приводятся соотвѣтствующія мѣста изъ «Политики».

ное отношеніе его въ «Аѳ. Пол.» къ Аристиду, какъ въ его глазахъ виновнику гегемоніи аѳинянъ надъ союзниками, переселенія гражданъ въ городъ и содержанія ихъ насчетъ государства (гл. 24).

Перикловъ вѣкъ Аристотель въ «Аѳ. Пол.» не выдѣляетъ въ особый періодъ. Кратко, сдержанно и холодно говоритъ онъ о Периклѣ, къ которому, очевидно, не благоволитъ (гл. 27). Съ точки зрѣнія какъ трактата, такъ и «Политики», подобное отношеніе къ Периклу вполнѣ понятно, такъ какъ при Периклѣ, по «Аѳ. Пол.», государственный строй сдѣлался еще болѣе демократическимъ; Периклъ побудилъ государство къ развитію морскихъ силъ и ввелъ систему денежнаго вознагражденія; а по «Политикѣ», при существованіи платы, неимущая масса дѣлается властелиномъ въ государствѣ (1293а, 5—10); съ развитіемъ же морскихъ силъ, по Аристотелю, связанъ вообще ростъ демократіи.

Къ демагогамъ, рядъ которыхъ открывается Клеономъ, Аристотель обнаруживаетъ явную антипатію: демагоги деморализуютъ демосъ, льстятъ и потворствуютъ ему, въ крайней демократіи демосъ является верховнымъ господиномъ; онъ всѣмъ управляетъ посредствомъ псефизмъ и дикастеріевъ, въ которыхъ онъ господствуетъ; судебныя права совѣта ограничиваются и переходятъ къ демосу и т. д. (гл. 41). Все это чрезвычайно напоминаетъ намъ характеристику демагоговъ и крайней демократіи въ «Политикѣ»: полная аналогія здѣсь доходитъ иногда до буквальнаго сходства выраженій.

Зато къ вождямъ партіи аристократической Аристотель въ «Аѳ. Пол.» относится сочувственно. Весьма характерно отношеніе Аристотеля къ Никію, Ѳукидиду Алопекскому и въ особенности къ Ѳерамену. Этихъ трехъ лицъ онъ удостоиваетъ чести, какой не удостоиваетъ Перикла: онъ признаетъ ихъ лучшими государственными людьми Аѳинъ «послѣ древнихъ». Ѳерамена онъ беретъ подъ свою защиту: по его словамъ, Ѳераменъ, «если судить не поверхностно, не ниспровергалъ всѣхъ формъ правленія, какъ его упрекаютъ, а старался довести ихъ до такого состоянія, чтобы не совершалось противозаконій, какъ человѣкъ, могущій заниматься политическою дѣятельностью при всякихъ формахъ государственнаго устройства (какъ это и подобаетъ хорошему гражданину), не подчиняясь, а борясь съ противозаконіями» (гл. 28). И такой отзывъ совершенно согласуется съ «Политикой»: Аристотель самъ не придавалъ особеннаго значенія формѣ правленія, лишь бы достигалась главная цѣль — общее благо; по его мнѣнію, всѣ государственныя устройства, которыя имѣютъ въ виду общую пользу, правильны, а имѣющія въ виду

только пользу самихъ правящихъ — неправильны (Pol. 1279a 17 — 21 и 28 сл.).

Но Аристотель въ «Аѳ. Пол.» — не сторонникъ и крайней олигархіи. Вообще его симпатіи на сторонѣ середины, партіи умѣренной. Онъ врагъ крайностей. Это видно и изъ его отношенія къ Солону, какъ бы олицетворяющему середину, и изъ его одобрительнаго отзыва о той ограниченной демократіи, которая установлена была въ Аѳинахъ послѣ низверженія олигархіи Четырехсотъ, когда власть была предоставлена 5000 вооруженныхъ, и когда было постановлено, что всѣ должности должны быть безплатными (гл. 33), отзыва, который такъ напоминаетъ намъ похвалу Ѳукидида этой-же демократіи (VIII, 97). Аристотель одобряетъ образъ дѣйствій вождей демократовъ въ 403 г., стремившихся къ примиренію партій, къ тому, чтобы «не поминать прошлаго», и ему кажется вполнѣ справедливымъ, если демосъ, славъ тогда господиномъ, установилъ «нынѣ существующій строй» (т. е. современный Аристотелю) и захватилъ въ свои руки власть, такъ какъ своимъ возвращеніемъ демократы обязаны были только самимъ себѣ (гл. 41). Любовь къ серединѣ, несочувствіе крайностямъ, умѣренность обнаруживаетъ Аристотель и въ «Политикѣ». Такъ, онъ отдаетъ здѣсь предпочтеніе среднему классу, какъ лучшей опорѣ государственнаго порядка; онъ находитъ, что строй хорошъ и проченъ, если средній классъ многочисленъ; онъ говоритъ, что всѣ лучшіе законодатели были изъ «среднихъ» по положенію гражданъ; на олигархію онъ смотритъ (1289a 26 сл.), какъ на «извращенную» форму правленія и притомъ худшую, нежели даже крайняя демократія (1289b 2 сл.); допускаетъ, что если правитъ и большинство, но согласно общей пользѣ, то это будетъ политія «правильная» (1279a 28—30), и иногда даже высказываетъ благопріятныя мнѣнія о демосѣ.

Такія извѣстія «Аѳ. Пол.», какъ—находящійся по крайней мѣрѣ, въ дошедшемъ до насъ текстѣ—анекдотъ о Ѳемистоклѣ и Эфіальтѣ или сообщеніе о смертномъ приговорѣ, постигшемъ будто-бы всѣхъ 10 стратеговъ, побѣдителей при Аргинусахъ, способны возбуждать недовѣріе къ этому нашему источнику и не позволяютъ безусловно полагаться на него: необходимо критическое отношеніе и къ нему.

Понятно, что достовѣрность и Аристотелева трактата находится въ зависимости отъ его источниковъ.

Источники «Аѳ. Пол.».

Аристотель, несомнѣнно, пользовался трудами предшествовавшихъ ему историковъ, и тутъ, въ числѣ тѣхъ его источниковъ, которые дошли и до насъ, первое мѣсто занимаетъ Геродотъ:

его имя цитируется въ 14 гл. Съ трудомъ Θукидида Аристотель тоже былъ знакомъ: не называя Θукидида, Аристотель, говоря о заговорѣ Гармодія и Аристогитона (гл. 18), однако съ нимъ полемизируетъ и исправляетъ его. Во многомъ онъ съ нимъ расходится. Особенно это замѣтно въ разсказѣ о переворотѣ 411 года. Здѣсь самыя точки зрѣнія ихъ иныя· Θукидидъ разсказываетъ объ этомъ переворотѣ въ связи съ другими событіями того времени и подробно и живо излагаетъ, какъ олигархи путемъ интригъ и террора подготовили coup d'état (VIII, 47 сл., 53 сл.); Аристотель же интересуется только тѣмъ, какъ и какіе конституціонные проекты были тогда выработаны. Далеко не такъ ясно отношеніе Аристотеля къ третьему историку, къ Ксенофонту. Здѣсь возможны сомнѣнія и разногласія. Дѣло въ томъ, что между изложеніемъ Аристотеля и изложеніемъ Ксенофонта вообще обнаруживается большая разница, а если мѣстами и замѣчается сходство, то оно или слишкомъ отрывочно, или можетъ объясняться тѣмъ, что у того и у другого былъ общій источникъ. Не безспорнымъ является и вопросъ объ отношеніи Аристотеля къ Эфору[1]).

Въ «Аθ. Пол.» видное мѣсто занимаютъ данныя документальнаго характера. Въ особенности это нужно сказать о главахъ, посвященныхъ перевороту 411 г. и возстановленію демократіи въ 403 г. Напр. 39 гл. представляетъ, повидимому, дословный текстъ договора между демократами и сторонниками олигархіи; въ 29 гл. Аристотель не только отмѣчаетъ, кто держалъ рѣчь и кто внесъ предложеніе, но и передаетъ дословно самую псефизму Пиθодора съ прибавкой Клитофонта, при чемъ выраженія и стиль тутъ совершенно напоминаютъ обычный оффиціальный языкъ протоколовъ, извѣстный намъ изъ надписей. Затѣмъ Аристотель приводитъ (гл. 30—31) обширный проектъ олигархической конституціи или, говоря точнѣе, цѣлыхъ три проекта. Кромѣ того, въ «Аθ. Пол.» упоминается, хотя и не приводится дословно, еще нѣсколько псефизмъ и предложеній, съ обозначеніемъ лица, ихъ внесшаго (гл. 14, 34, 40). Въ разныхъ мѣстахъ трактата Аристотель цитируетъ формулы, постановленія и законы или, по крайней мѣрѣ, ссылается на нихъ. Наконецъ, онъ часто вставляетъ имя архонта, при которомъ совершилось упоминаемое имъ событіе (особенно въ 22 гл.). Въ основѣ всѣхъ подобныхъ сообщеній, какъ первоисточникъ, въ концѣ концовъ должны, разумѣется, лежать документальныя данныя. Вопросъ состоитъ

[1]) Отношенію Аристотеля къ Эфору посвящена работа М. О. Гершензона, составляющая вторую часть «Изслѣдованій по греч. исторіи». М. 1894.

только въ томъ, откуда ихъ бралъ Аристотель, обращался ли онъ непосредственно къ архивному матеріалу, надписямъ, спискамъ архонтовъ и т. под., или же заимствовалъ эти данныя изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Относительно большинства документальныхъ данныхъ есть полное основаніе думать, что они взяты изъ Аттидъ. Можно считать доказаннымъ, что вообще Аттиды служили главнѣйшимъ источникомъ для «Аѳ. Пол.» Аристотеля. Именно изъ нихъ онъ черпалъ большую часть дополненій къ извѣстіямъ Геродота и Ѳукидида.

Въ числѣ источниковъ «Аѳ. Пол.» находимъ и сочиненія публицистическія, явно тенденціознаго и полемическаго характера. Самъ Аристотель неразъ упоминаетъ о версіи, принадлежащей, очевидно, врагамъ демократіи—олигархамъ, и противополагаетъ ей другую версію—демократическую (гл. 6, 18). Слѣды пользованія тенденціознымъ источникомъ обнаруживаются и въ 23—38 гл. «Аѳ. Пол.», касающихся Пятидесятилѣтія и времени Пелопоннесской войны до 411 г. Почти всѣ сообщаемые здѣсь факты, за немногими исключеніями, кладутъ тѣнь на блестящую пору аѳинской демократіи и на ея представителей.

Нѣкоторые изслѣдователи пытаются пріурочить олигархическую версію къ опредѣленному времени—открыть автора памфлета, которымъ пользовался Аристотель.... Одни (Рейнакъ[1]), Дюммлеръ[2]), М. М. Покровскій[3])) называютъ Критія; Виламовицъ говоритъ о Ѳераменѣ. Но для надлежащаго рѣшенія вопроса недостаетъ данныхъ; здѣсь у изслѣдователя нѣтъ почвы. Я полагаю, что подъ рукою у Аристотеля былъ не одинъ, а нѣсколько болѣе или менѣе тенденціозныхъ источниковъ. Къ одной категоріи принадлежитъ, напр., политическій памфлетъ, съ рѣзко выраженною тенденціею, съ нападками на Солона, исполненный ненависти къ демократіи и принадлежавшій крайнему олигарху конца V в. изъ лагеря Тридцати, можетъ быть Критію; къ этому источнику Аристотель относится съ полнымъ недовѣріемъ; въ его глазахъ это—слова «желающихъ клеветать». Ко второй категоріи принадлежатъ произведенія съ болѣе умѣренной тенденціей, съ воззрѣніями, близко подходившими ко взглядамъ и симпатіямъ самого Аристотеля, въ духѣ скорѣе Ѳерамена и олигарховъ 411 года, нежели Критія, съ сочувствіемъ къ πάτριος πολιτεία. Сочиненія эти могли тоже принадлежать концу V вѣка или же къ первой половинѣ IV стол. Говоря о памфлетахъ, слѣдуетъ

[1]) Aristote ou Critias? (Rev. des Études gr., IV. 1891).

[2]) Die 'Αθ. Πολ. des. Kritias (Hermes, XXVII, 1892).

[3]) Этюды по Аѳинской Политіи Аристотеля. М. 1893.

упомянуть и о комедіи, которая являлась также произведеніемъ тенденціознымъ и выраженіемъ духа партіи: всѣ комики были врагами демократіи и демагоговъ. Ихъ свидѣтельства и нападки могли найти отголосокъ и въ Аристотелевомъ трактатѣ.

Еще труднѣе сказать что-либо опредѣленное относительно демократической версіи, на которую ссылается Аристотель, и пріурочить ее къ какому-либо имени. Возможно даже, что версія эта принадлежитъ не какому-нибудь особому тенденціозно-политическому произведенію, а Аттидамъ, носившимъ, какъ извѣстно, національную, а слѣдовательно и демократическую окраску, писаннымъ въ духѣ демократіи.

Къ числу тенденціозныхъ публицистическихъ произведеній принадлежатъ въ сущности и рѣчи Исократа, съ которымъ у Аристотеля какъ въ «Политикѣ», такъ и въ «Аѳ. Пол.», оказывается немало точекъ соприкосновенія[1]). Сходство обнаруживается нерѣдко и въ содержаніи, и въ выраженіяхъ. Отдѣльныя точки соприкосновенія найдутся у Аристотеля и съ другими ораторами. Андокидомъ, Лисіемъ, Эсхиномъ, Демосѳеномъ. Но онѣ такъ отрывочны и незначительны или обнаруживаются въ такихъ случаяхъ, что едва-ли можно сдѣлать какой-либо выводъ.

Вообще источники Аристотеля—очень разнообразны. Такъ, онъ пользовался и стихотвореніями, въ особенности произведеніями Солона. Изъ нихъ онъ приводитъ болѣе или менѣе обширныя выдержки. Археологическіе памятники—напр. статуи съ надписями—тоже служатъ источникомъ для Аристотеля. Онъ пользовался и личными наблюденіями надъ современными ему порядками, обычаями и такъ назыв. «переживаніями», какъ источникомъ для исторіи прошлаго. Наконецъ, источникомъ для Аристотеля, даже для нѣкоторыхъ изъ тѣхъ сообщеній, которыхъ намъ приходилось касаться уже выше, могла служить просто устная традиція—ходячіе разсказы, анекдоты и т. под., распространенные въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ и представлявшіе собою нѣчто общеизвѣстное, происхожденіе котораго даже не поддается точному опредѣленію.

Своему источнику Аристотель никогда не слѣдуетъ рабски, не придерживается его всюду дословно, не копируетъ его и не относится къ нему механически. Онъ обращается съ нимъ свободно, относится къ нему самостоятельно. Большею частью Аристотель пользуется не однимъ источникомъ, а нѣсколькими одновременно, комбинируя ихъ или сопоставляя.

[1]) См. сопостановленія въ моей книгѣ объ «Аѳ. Пол.» (стр. 261 сл.).

Значеніе «Политіи».

До открытія «Политіи» мы не имѣли особаго, такъ сказать, спеціальнаго источника, который давалъ бы намъ исторію аѳинской демократіи въ связномъ видѣ. Приходилось довольствоваться имѣющимися у разныхъ авторовъ и въ надписяхъ данными, иногда, правда, очень важными и интересными, но разбросанными, и мимоходомъ лишь сдѣланными, случайными указаніями. Теперь мы располагаемъ произведеніемъ, представляющимъ болѣе или менѣе связную исторію и связное описаніе аѳинскаго государственнаго строя. «Политія» изображаетъ постепенное, чрезвычайно послѣдовательное, чисто органическое развитіе этого государственнаго строя, безъ особенно рѣзкихъ скачковъ. Она еще яснѣе показываетъ намъ, что аѳинская демократія была чисто народнымъ созданіемъ, а не результатомъ честолюбія и интригъ отдѣльныхъ личностей. «Политія» даетъ рядъ новыхъ фактовъ и проливаетъ свѣтъ на многіе вопросы. Таковы ея сообщенія относительно перехода отъ монархіи къ аристократіи, о смутахъ послѣ Солона, о жребіи, роли совѣта, ея обильныя хронологическія даты и проч.; она рѣшаетъ споръ о Солоновой сисахѳіи, выясняетъ сущность Клисѳенова дѣленія на филы, триттіи и демы, и т. д. Многіе моменты и подробности въ исторіи аѳинской демократіи представляются намъ теперь въ иномъ видѣ, нежели прежде. Однѣ гипотезы, иногда казавшіяся наиболѣе правдоподобными и достаточно твердо установленными, рушились, и то, что̀ считалось общепризнаннымъ и несомнѣннымъ, опровергается или подвергается сомнѣнію. Наоборотъ, нѣкоторыя изъ прежнихъ свидѣтельствъ нашихъ источниковъ, повидимому сомнительныя и непонятныя, пріобрѣли теперь иное значеніе и иной смыслъ въ нашихъ глазахъ. Такимъ образомъ, съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что съ открытіемъ Аристотелева трактата изученіе внутренней исторіи Аѳинъ вступило въ новый фазисъ (Ад. Бауэръ, В. А. Шефферъ и друг.). Исторію аѳинской демократіи пришлось во многомъ передѣлывать [1]).

Перипатетики и ихъ современники.

Ученики Аристотеля (перипатетики) и его современники обнаружили большой интересъ съ одной стороны къ антикварнымъ изслѣдованіямъ и даннымъ документальнымъ, къ изученію государственнаго строя и законовъ, съ другой—къ біографіямъ и

---

[1]) Изъ Аристотелевыхъ «Политій» впослѣдствіи нѣкій Гераклидъ сдѣлалъ эксцерпты. См. Rose, Aristot. fragm., и въ приложеніи къ изд. Ἀθ. Πολ. Kaibel-Wilamowitz.

изслѣдованіямъ историко-литературнымъ [1]). Напр., не говоря уже объ аттидографахъ, о которыхъ было упомянуто раньше (стр. 77), Кратеръ, составилъ обширный сборникъ народныхъ постановленій (ψηφισμάτων συναγωγή), преимущественно—если не исключительно—V вѣка, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Знеменитому ученику Аристотеля, Θеофрасту, принадлежалъ трудъ о законахъ (νόμοι), имѣвшій такое-же значеніе для исторіи права вообще, какъ «Политіи» Аристотеля для исторіи политической и государственнаго права. Θеофрастъ занимался и политическими вопросами: онъ написалъ «Политику сообразно времени» или «обстоятельствамъ» (Πολιτικὰ τὰ πρὸς καιρούς, въ 4 кн.), повидимому, отличавшуюся богатымъ историческимъ матеріаломъ и служившую какъ-бы дополноніемъ къ «Политикѣ» Аристотеля. Другому ученику Аристотеля, Дикеарху, если держаться текста Цицерона (Ep. ad. Attic., II, 2) принадлежалъ трудъ тоже о политіяхъ, подобный Аристотелеву. Димитрій Фалерскій (или Фалерейскій), одна изъ интереснѣйшихъ личностей той эпохи, близкій ученикъ Θеофраста, ставленникъ Кассандра, правившій Аѳинами въ теченіе 10-ти лѣтъ (317—307), а затѣмъ переселившійся въ Александрію, ко двору Птолемеевъ, и принявшій тамъ дѣятельное участіе въ основаніи знаменитой библіотеки[2]), явившійся, такимъ образомъ, какъ-бы соединительнымъ звеномъ между прежнимъ культурнымъ центромъ, Аѳинами, и новымъ, Александріей,—этотъ Димитрій Фалерскій былъ авторомъ многочисленныхъ сочиненій, имѣвшихъ отношеніе къ исторіи: Хронологическаго списка аѳинскихъ архонтовъ, объ аѳинскомъ законодательствѣ, объ аѳинскихъ политіяхъ, отчета о его 10-лѣтнемъ управленіи въ Аѳинахъ, біографіи Сократа.

Перипатетики и ихъ современники брались и за болѣе широкія темы: имъ принадлежали и общіе труды по исторіи Греціи, которые, какъ и большинство историческихъ произведеній того времени, до насъ не дошли въ цѣломъ видѣ. Такъ, племянникъ Аристотеля, Каллисѳенъ изъ Олинѳа, въ своихъ Ἑλληνικά (10 кн.) излагалъ греческую исторію отъ Анталкидова мира 387/6 до конца Священной войны (356/5 г.). Онъ сопутствовалъ Александру во время похода его въ Азію и описалъ его подвиги

---

[1]) Отъ всей этой позднѣйшей исторической литературы сохранились, за немногими исключеніями, лишь отрывки, изданные большею частью въ упомянутыхъ Fragm. Histor. Graec.

[2]) А. И. Деревицкій, О нач. ист.-лит. зан. въ др. Греціи. Харьк. 1891.

въ крайне панегирическомъ тонѣ [1]). Впослѣдствіи Каллисѳену была приписана романическая, сказочная исторія Александра, которая въ первоначальной основѣ возникла, повидимому, еще въ Александрійскую эпоху, но была развита и дополнена въ III в. по Р. Х., когда господствовалъ своего рода культъ Александра Вел. (вспомнимъ, напр., Каракаллу и Александра Севера) и увлеченіе Востокомъ. Она получила особенно широкое распространеніе въ средніе вѣка и была переведена на многіе языки (латинскій, греческій, армянскій, славянскій).

Упомяну здѣсь также о недавно найденномъ въ числѣ папирусовъ изъ Оксиринха трактатѣ хронологическаго содержанія, излагающемъ событія персидской, греческой и римской исторіи за 355—315 годы до Р. Х. по Олимпіадамъ и архонтамъ [2]).

Источники по исторіи Александра В. и его преемниковъ

Но я не имѣю въ виду перечислять здѣсь всѣхъ греческихъ историковъ и не буду подробно останавливаться на источникахъ по исторіи Александра Македонскаго, его преемниковъ, діадоховъ и эпигоновъ, и вообще эпохи такъ назыв. эллинизма. Отмѣчу только нѣкоторые. Тутъ въ числѣ источниковъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть о корреспонденціи Александра, хотя не всѣ эти письма, конечно, подлинныя, и о такъ называемыхъ царскихъ эфемеридахъ (βασίλειοι ἐφημερίδες),—придворномъ дневникѣ или журналѣ, который велъ Евменъ и который, между прочимъ, легъ въ основу нѣкоторыхъ историческихъ сочиненій. Ими пользовался Птолемей Лагъ, писавшій свои мемуары. Вообще Птолемей и Аристобулъ [3]), по отзыву позднѣйшаго историка Александра В., Арріана,—самые достовѣрные писатели о знаменитомъ македонскомъ царѣ. Къ нимъ надо присоединить Неарха, извѣстнаго адмирала, котораго Александръ послалъ во главѣ флота изслѣдовать водный путь отъ Инда до Евфрата и который въ знаменитомъ рапортѣ или отчетѣ о своемъ плаваніи сообщаетъ свѣдѣнія, касающіяся и похода сухопутнаго войска. Къ числу историковъ Александра Вел. принадлежатъ также Клитархъ, писавшій въ концѣ IV в., Каллисѳенъ, о которомъ я уже упоминалъ, и извѣстный географъ Страбонъ. Объ Александрѣ Македонскомъ во времена императора Клавдія писалъ — на латинскомъ языкѣ — Квинтъ Курцій Руфъ (historiarum Alexandri Magni libri X), стремившійся къ внѣшнему, риторическому эффекту, но сохранившій извѣстія изъ источника, оппозиціонно настроеннаго къ Александру. Большая часть сочиненія Квинта Курція сохранилась.

Но нашимъ главнымъ источникомъ по исторіи Александра Македонскаго—кромѣ Діодора и Плутарха—служитъ Арріанъ,

---

[1]) Müller, Script. Alex. Magni (въ кол. Didot, въ прибавленіи къ изд. Арріана Dübner'a).

[2]) Grenfell and Hunt, The Oxyrhynchus Papyri. 1898. I.

[3]) Müller, Scriptores rerum Alex. Magni. P. 1846. (Didot, въ прибавленіи къ изд. Арріана).

писатель уже II-го вѣка по Р. Х., который пользовался преимущественно Птолемеемъ и Аристобуломъ. Его «Исторія Александра», написанная на греческомъ языкѣ (въ 7 кн.), дошла до насъ (другой большой трудъ Арріана—«Исторія времени послѣ Александра»—утраченъ [1])). Арріанъ—подражатель Ксенофонта. Это видно даже изъ заглавія его «Исторіи Александра», которую онъ назвалъ Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου, въ подражаніе Ксенофонтову «Анабасису». Подобно Ксенофонту, онъ очень интересовался военнымъ дѣломъ; подобно ему, онъ писалъ и объ охотѣ... [2]).

Исторію діадоховъ и эпигоновъ [3]) написалъ Іеронимъ изъ Кардіи, соотечественникъ и вѣрный сторонникъ Евмена, занимавшій вліятельныя должности, прекрасно знавшій политическія и военныя событія того времени, въ которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе; въ его распоряженіи были оффиціальные источники, мемуары и т. под.: въ ту пору было нерѣдкостью, что видные дѣятели писали свои воспоминанія. Кромѣ мемуаровъ царя эпирскаго Пирра и раньше уже упомянутыхъ—Птолемея Лага, слѣдуетъ въ особенности отмѣтить обширныя (болѣе нежели въ 30 книгахъ) «Воспоминанія» Арата Сикіонскаго, извѣстнаго полководца Ахейскаго союза.

Современникъ и противникъ Арата, Филархъ, написалъ Исторію Греціи (въ 28 кн.), служившую какъ-бы продолженіемъ труда Іеронима изъ Кардіи: она обнимала приблизительно 270—220 годы. Полибій, не сочувствовавшій Филарху и державшійся иныхъ воззрѣній, отмѣчаетъ его страсть къ необычайному, чудовищному, любовь къ чувствительнымъ или трагическимъ, ужаснымъ сценамъ. Полибій называетъ это «женскою чертою» (II, 56).

Александрійская эпоха, какъ извѣстно, характеризуется упадкомъ творчества. Въ области исторіографіи—это періодъ

---

[1]) Онъ извѣстенъ былъ въ извлеченіи Фотія. Reitzenstein'у удалось открыть въ одной ватиканской рукописи, подъ позднѣйшимъ текстомъ, отрывки изъ 7-й книги этого сочиненія (Reitzenstein, Arriani τῶν μετ' Ἀλέξανδρον libri septimi fragmenta. Breslauer Philol. Abhandl., III, 3. Breslau. 1888).

[2]) Въ настоящее время мы располагаемъ еще отрывкомъ неизвѣстнаго автора (найденнымъ въ одномъ іерусалимскомъ кодексѣ), въ которомъ разсказывается о дѣяніяхъ Александра отъ битвы при Граникѣ до битвы при Арбелѣ, а также эпитомэ на латинскомъ языкѣ, тоже неизвѣстнаго автора, повидимому, принадлежащей IV—V в. по Р. Х. и излагающей событія отъ смерти Дарія Кодомана до смерти Александра. Первый отрывокъ изданъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ (въ Ж. М. Н. Пр, 1892, іюнь). Эпитомэ издана O. Wagner'омъ по мецской рукописи: Incerti auctoris epitome rerum gestarum Alex. Magni. Leipz. 1900 (Jahrb. f. Phil., 26 Suppl.-b.).

[3]) К. В. Хилинскій, Хронографія и хронологія макед. царей послѣ Алекс. В. (Ж. М. Н. Пр., 1905, янв.).

Представители Александрійской образованности

по-преимуществу собиранія матеріала, кропотливаго труда, узкой спеціальной учености, гоняющейся за мелочами, за подробностями. Зато богатыя книгохранилища, подобныя библіотекамъ Александріи и Пергама, въ которыхъ было собрано все, что произвела греческая мысль въ области литературы и науки [1]), давали полную возможность удовлетворить этому интересу къ кропотливому изученію прошлаго, и исторія переходитъ бо́льшею частію въ руки грамматиковъ. Типичными представителями сухой, но громадной эрудиціи, являются такіе—правда, позднѣйшіе—авторы (уже римской эпохи), какъ Александръ Полигисторъ, современникъ Суллы, и грамматикъ Дидимъ, современникъ Цицерона [2]).

Но въ числѣ представителей Александрійской образованности былъ и такой ученый, какъ знаменитый Эратосѳенъ (275—195 до Р. Х.). Его имя должно быть отмѣчено также и среди историковъ: его можно назвать творцомъ исторической хронологіи, какъ научной дисциплины. Въ своей «Хронографіи» [3]) Эратосѳенъ далъ хронологическую таблицу [4]) и обзоръ эпохъ исторіи. Здѣсь онъ примѣнилъ методическіе пріемы и, установивъ Троянскую эру, отъ нея ведетъ свою хронологію [5]). Въ связи съ этимъ стоятъ его занятія надъ спискомъ побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ, которому онъ посвятилъ спеціальный трудъ (Ὀλυμπιονῖκαι).

Полибій.

Во II-мъ столѣтіи мы встрѣчаемъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ историковъ древности, который рѣшительно выдается изъ ряда своихъ ближайшихъ предшественниковъ и современни-

---

[1]) Susemihl, Gesch, d. griech. Litteratur in d. Alexandr.-zeit. Leipz. 1891—2. 2 т.; А. Н. Деревицкій, О нач. ист.-литер. зан. въ др. Греціи.

[2]) Недавно среди папирусовъ найденъ его историческій комментарій къ «Филиппикамъ» Демосѳена, касающійся событій 340 г.; изданъ Diels'омъ и Schubart'омъ въ Berliner Klassikertexte. I, 1904 и отдѣльно; Foucart, Etude sur Didymos. P. 1907.

[3]) См. приложеніе къ изд. Геродота въ коллекціи Didot.

[4]) Она сохранилась у Климента Александрійскаго (Strom., I, 21, 138).

[5]) Систему Эратосѳена продолжилъ и популяризировалъ Аполлодоръ (II в. до Р. Х.), ученикъ извѣстнаго грамматика Аристарха. Его «Хроника» (въ 4 кн., см. Fr. H. Gr., I; Jacoby, Apollodors Chronik. Berl. 1902 [(Philol. Untersuch. hrsg. von Kiessling und Wilamowitz-Möllendorff)], написана стихами. Аполлодору—совершенно ошибочно—приписывалась еще такъ назыв. «Библіотека», компендіумъ, составленный гораздо позже и представляющій обзоръ миѳовъ и сказаній о происхожденіи боговъ, генеалогію родовъ и т. под. Wagner, Mythogr. gr. I. Leipz. 1894.—А. И. Пападопуло-Керамевсъ обнародовалъ новые отрывки изъ этого компендіума (Rh. Mus., 46 т.; Ж. М. Н. Пр., 1892, апр.—май).

ковъ,—Полибія[1]). Его имя достойно занять мѣсто рядомъ съ именами Геродота и Ѳукидида.

Среди представителей греческой исторіографіи мы знаемъ трехъ, произведенія которыхъ отличаются болѣе или менѣе универсальнымъ характеромъ,—Геродота, Эфора и Полибія. Всѣ трое соотвѣтствуютъ такимъ историческимъ моментамъ, когда самыя событія пріобрѣтали болѣе или менѣе универсальный характеръ и выходили изъ рамокъ исторіи отдѣльныхъ народовъ. Геродотъ –современникъ періода, наступившаго съ столкновенія міра персидскаго и міра греческаго; онъ воспитался на воспоминаніяхъ о столкновеніи этихъ двухъ міровъ. Эфоръ—современникъ Филиппа Македонскаго и начала дѣятельности Александра В., когда раздробленный греческій міръ объединялся подъ главенствомъ Македоніи и готовилось его сліяніе съ восточнымъ въ міръ эллинистическій. Наконецъ, Полибій—современникъ начала римскаго мірового владычества, когда Западъ и эллинистическій Востокъ должны были соединиться въ одно цѣлое и когда теченіе историческихъ судебъ разныхъ странъ должно было слиться въ одно русло. Но если относительно Геродота и даже Эфора еще можно спорить, были ли они дѣйствительно всеобщими историками, то о Полибіи такого спора быть не можетъ: его трудъ есть, несомнѣнно, всеобщая исторія.

Біографія Полибія.

Полибій по своей личной судьбѣ явился какъ-бы посредникомъ и звеномъ между Грецією и Римомъ. Онъ родился въ аркадскомъ городѣ Мегалополѣ ок. 210—205 г. до Р. Х. и происходилъ изъ вліятельной фамиліи (сынъ стратега Ахейскаго союза). Во время Третьей Македонской войны Полибій игралъ видную роль; онъ близко стоялъ къ тогдашнимъ дѣламъ Греціи. Послѣ пораженія Персея при Пиднѣ Полибій навлекъ на себя подозрѣніе и недовольство римлянъ и долженъ былъ отправиться въ Италію въ качествѣ заложника. Въ Римѣ, въ центрѣ тогдашней міровой политики, Полибій провелъ 16 лѣтъ (166—150).

---

[1]) Изданія—l. Bekker'a, Berl, 1844. 2 v.; Dindorf'a въ Bibl. Teubner. (нов. обраб.—Büttner-Wobst'a, 1882 сл.) и въ особенности Hultsch'a, Berl. 1867—1871. 4 v. (2-е изд.—1888). Русск. переводъ—Ѳ. Г. Мищенка, съ предисл. и примѣч. (М. 1890—1899. 3 т). О Полибіи см. у Ѳ. Г. Мищенка; Fustel de Coulanges, Polybe ou la Grèce conquise par les Romains. P. 1858; v. Scala, Die Studien des Polybios I. Stuttg 1890; O. Cuntz, Polybius und sein Werk Leipz. 1902; Hercod, La conception de l'histoire dans Polybe. P. 1902; превосходная характеристика Полибія у Mommsen'a, Römische Gesch., II⁷, 449 сл. См. еще Colin, Rome et la Grèce de 200 à 146 av. l. C. P. 1905; Hahn, Rom und Romanismus im griech.-römisch. Osten. Leipz. 1906.

Онъ ближе узналъ Римъ и преклонился предъ нимъ. Онъ вступилъ въ римское патриціанское общество, въ среду вліятельныхъ лицъ и руководителей Римскаго государства. Онъ жилъ въ домѣ Павла Эмилія; онъ сдѣлался какъ-бы наставникомъ и другомъ его сыновей, въ особенности Сципіона Эмиліана, будущаго завоевателя Карѳагена, въ то время еще 18-лѣтняго юноши. Въ 150 г. Полибій вмѣстѣ съ остальными заложниками получилъ возможность вернуться на родину. Но вскорѣ потомъ мы видимъ его снова въ обществѣ Сципіона: онъ присутствуетъ при взятіи Карѳагена; затѣмъ спѣшитъ въ Грецію, куда онъ прибылъ немного спустя послѣ разрушенія Коринѳа (146 г.). Онъ старается предотвратить дальнѣйшую катастрофу и разореніе родины. Онъ выступаетъ посредникомъ между побѣдителемъ—Римомъ и побѣжденною Элладою, ходатаемъ за своихъ соотечественниковъ. Впослѣдствіи, при осадѣ Нуманціи, Полибій опять сопутствовалъ Сципіону. Ко всему этому надо еще прибавить многочисленныя путешествія Полибія. Онъ старался лично ознакомиться съ театромъ описываемыхъ дѣйствій. Онъ совершилъ путешествіе черезъ Альпы, былъ въ южной Галліи, Испаніи, Ливіи. Въ Африкѣ онъ видится съ Масиниссой. Во время осады Карѳагена Сципіономъ Полибій получаетъ отъ него флотъ и изслѣдуетъ берега Африки и т. д. Полибій дожилъ до глубокой старости и умеръ 82 лѣтъ (ок. 128—123 г.).

«Исторія» Полибія.

Ея содержаніе

Главный трудъ Полибія—«Исторія» (въ 40 кн.), которую онъ самъ называетъ «всеобщею» или «всемірною» (напр. I, 4, 2; VIII, 4, 11). Главная тема Полибія—какъ, когда и почему всѣ извѣстныя части обитаемой земли, въ теченіе 53 лѣтъ, подпали подъ власть римлянъ (III, I, 4; ср. I, 1). Этой главной темѣ посвящены книги III—XXX, обнимающія событія съ 220 по 168 г. Но чтобы подготовить читателя къ надлежащему уразумѣнію главнаго предмета и познакомить съ общимъ положеніемъ дѣлъ, Полибій счелъ нужнымъ предпослать «Введеніе» (προπαρασκευή), составляющее первыя двѣ книги, въ которомъ онъ—сравнительно кратко—обозрѣваетъ предшествующія событія, начиная со временъ Пирра и съ первой Пунической войны. Введеніе это заканчивается битвою при Селласіи. Изложивъ затѣмъ въ III—XXX кн. исторію времени съ 220 г. по 168 г., Полибій въ послѣднихъ 10 книгахъ (XXXI—XL) говоритъ о томъ, какъ римляне воспользовались своею властью, какъ они удержали и упрочили за собою свои завоеванія и каково было положеніе отдѣльныхъ народовъ. Свою «Исторію» Полибій заканчиваетъ разрушеніемъ Карѳагена и Коринѳа, или, точнѣе говоря,

умиротвореніемъ Греціи и своимъ посольствомъ въ Римъ по дѣламъ родины.

Уже изъ предыдущаго видно, что Полибій служитъ главнымъ источникомъ отъ времени Пирра и до окончательнаго подчиненія Эллады Риму, т. е. для эпохи господства Ахейскаго союза. Отъ обширнаго труда Полибія до насъ дошли цѣликомъ лишь первыя 5 книгъ; отъ нѣкоторыхъ книгъ ничего не осталось, отъ большинства сохранились болѣе или менѣе обширные отрывки или эксцерпты [1]).

Исторія Греціи у Полибія излагается не особнякомъ, не отдѣльно, а въ связи съ общею исторіею того времени. Его трудъ обнимаетъ исторію Греціи и Македоніи, Малой Азіи съ Сиріей и Египта, Рима и Карѳагена, при чемъ преобладающее мѣсто занимаетъ исторія римская. Произведеніе Полибія отличалось, такимъ образомъ, характеромъ универсальнымъ. По его собственнымъ словамъ, онъ вознамѣрился писать исторію не отдѣльнаго какого-нибудь народа, но обнять событія всего извѣстнаго тогда историческаго міра (II, 37). По убѣжденію Полибія, изъ отдѣльныхъ исторій невозможно «обнять и узрѣть духовнымъ взоромъ прекраснѣйшее зрѣлище прошлыхъ событій» (IX, 45, 7 [21, 14]), невозможно понять общій ходъ всемірной исторіи, устроеніе и распорядокъ цѣлаго, уразумѣть тотъ «поразительный» и «небывалый дотолѣ фактъ», объясненію котораго посвященъ преимущественно трудъ Полибія,—какимъ образомъ римляне достигли мірового господства и всѣ извѣстныя части вселенной подчинились единой власти. «Особенность нашего труда и удивительная черта нашего времени», говоритъ онъ, «та, что почти всѣ событія міра судьба склонила въ одну сторону, направила къ одной и той же цѣли» (I, 4, 1)—къ господству римлянъ, и главное вниманіе Полибія обращено на то, чтобы выяснить постепенный ростъ могущества Рима, объяснить и разумно оправдать фактъ мірового владычества римлянъ, все значеніе котораго онъ вполнѣ сознавалъ. Фактъ этотъ представлялся Полибію не дѣломъ случая, а результатомъ предшествовавшихъ событій (I, 63, 9). Онъ видѣлъ здѣсь совершенно естественный, закономѣрный и цѣлесообразный процессъ, столь-же необходимое, какъ и разумное слѣдствіе историческаго развитія.

Ея универсальность.

Планомѣрность историческаго процесса.

Вообще въ ходѣ всемірной исторіи Полибій усматривалъ извѣстную планомѣрность: событія направляются въ одну сторону,

[1]) Относительно распредѣленія ихъ по отдѣльнымъ книгамъ и порядка ихъ расположенія мы встрѣчаемъ разногласія: разныя изданія въ этомъ отношеніи не вполнѣ согласуются между собою.

къ одной цѣли, и историческій процессъ совершается по твердымъ и цѣлесообразнымъ законамъ. Въ VI кн., излагая свое ученіе о формахъ правленія, Полибій выставляетъ законъ круговорота (ἀνακύκλωσις) человѣческихъ судьбъ: формы правленія мѣняются, переходятъ одна въ другую и снова возвращаются по извѣстному круговороту, по извѣстному «порядку природы» (VI, 9, 10). Перемѣны эти совершаются необходимо и естественно (VI, 10, 2), согласно природѣ (VI, 9, 13). Такъ, напр., всякій простой и основанный на одномъ началѣ видъ государственнаго устройства—непроченъ: онъ быстро вырождается въ родственную и по природѣ сопутствующую ему извращенную форму. Ибо какъ для желѣза ржавчина, а для дерева черви составляютъ сросшуюся съ ними язву, отъ которой они погибаютъ, хотя бы извнѣ и не подвергались никакому поврежденію, такъ и каждому государственному устройству отъ природы присуще и сопутствуетъ ему извѣстное извращеніе (VI, 10). Все существующее подлежитъ порчѣ и перемѣнамъ; это—естественная необходммость (VI, 57, 1), и всякая форма правленія портится двоякимъ образомъ—или отъ внѣшней, или отъ врожденной язвы (VI, 57, 2).

Убѣжденный въ планомѣрности и законосообразности историческаго развитія, въ силѣ дѣйствія извѣстныхъ законовъ, Полибій считаетъ нетруднымъ на основаніи прошлаго предсказывать будущее (VI, 3, 1—2). На этомъ сознаніи закономѣрности событій основываются обобщенія или, по крайней мѣрѣ, общія замѣчанія и наблюденія, которыя мы довольно часто встрѣчаемъ у Полибія (подобно тому, какъ и у Θукидида).

Судьба.

Выставляя планомѣрность хода событій, Полибій неразъ упоминаетъ о судьбѣ (τύχη): по его словамъ, судьба, напр., склонила почти всѣ событія его времени въ одну сторону и направила ихъ къ одной цѣли. Но взгляды Полибія на судьбу и на ея роль въ исторіи довольно противорѣчивы. То судьба представляется у него направляющей событія цѣлесообразно и разумно, по твердымъ законамъ; то она дѣйствуетъ какъ-будто по капризу, вопреки всякимъ ожиданіямъ и разумнымъ разсчетамъ. Часто она является у Полибія могущественной силой, постоянно дѣйствующей въ жизни человѣческой (I, 4, 5): ея удары неотвратимы, ея пути неисповѣдимы (VIII, 22, 10); она какъ-бы намѣренно даетъ людямъ почувствовать свое могущество (II, 4), напр. какъ-бы нарочно выводитъ на сцену одновременно рядъ несчастій. Въ иныхъ же мѣстахъ у Полибія судьба совершенно отвергается. Такъ, повторивъ неразъ, что созданіе римскаго владычества—дѣло судьбы, онъ въ I, 63, 9 рѣзко устраняетъ ее и говоритъ,

что Римъ достигъ господства не благодаря судьбѣ и не случайно, а весьма естественно, благодаря изощренію въ великихъ предпріятіяхъ. Въ другомъ мѣстѣ (II, 38, 4—5) Полибій ставитъ вопросъ: какимъ образомъ различные народы согласились вступить въ Ахейскій союзъ? и отвѣчаетъ, что говорить о судьбѣ совсѣмъ не подобаетъ—ибо это было бы нелѣпо—, а лучше поискать причины.

Какъ объяснить эти противорѣчія у Полибія во взглядахъ на судьбу? По наиболѣе распространенному мнѣнію, его воззрѣнія съ теченіемъ времени мѣнялись, особенно подъ несомнѣннымъ вліяніемъ знакомства со стоиками. Можно думать также, что Полибій употребляетъ слово «судьба» въ разныхъ значеніяхъ, часто какъ обычное, ходячее слово, какъ своего рода метафору, подобно тому, какъ и мы говоримъ: «судьба», не будучи фаталистами. Иногда Полибій употребляетъ это слово просто для обозначенія причинъ, неизвѣстныхъ или не поддающихся точному опредѣленію, или когда дѣйствіе закономѣрности неясно: задача историка въ такихъ случаяхъ — стремиться къ ограниченію сферы дѣйствія судьбы путемъ изслѣдованія дѣйствительныхъ причинъ явленій.

Божество. Въ связи съ этимъ находятся воззрѣнія Полибія и на боговъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Полибій какъ-будто раздѣляетъ обычныя, народныя вѣрованія въ боговъ. Вообще Полибій признаетъ вѣру въ боговъ полезною, какъ средство для обузданія толпы. Если бы государство, думаетъ онъ, состояло изъ однихъ только мудрыхъ, то, можетъ быть, въ ней не было бы нужды; но толпу можно обуздывать только таинственнымъ ужасомъ и трагическими зрѣлищами, и древніе, по мнѣнію Полибія, не безъ намѣренія ввели понятіе о богахъ и представленіе о преисподней; нынѣшнее же поколѣніе отвергло ихъ, необдуманно и неблагоразумно. Въ виду всего этого Полибій готовъ, пожалуй, отнестись снисходительно къ нѣкоторымъ историкамъ, разсказывающимъ о чудесахъ и подобныхъ предметахъ, насколько это способствуетъ поддержанію въ толпѣ благочестія, но, по его мнѣнію, тутъ нужно соблюдать мѣру. По поводу нѣкоторыхъ неправдоподобныхъ разсказовъ онъ заявляетъ, что во всемъ своемъ сочиненіи самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ такихъ сообщеній, относя ихъ къ разряду дѣтскихъ сказокъ (XVI, 12): «тѣ люди», замѣчаетъ онъ, «которые по природной ли ограниченности, или невѣжеству, или же, наконецъ, по нерадѣнію, не въ состояніи постигнуть въ точности всѣхъ обстоятельствъ, причинъ и положеній въ каждомъ дѣлѣ, видятъ въ богахъ и въ судьбѣ винов-

никовъ того, что̀ совершено благодаря разсчету и предусмотрительности» (X, 5). По мнѣнію Полибія, гдѣ человѣку невозможно или трудно распознать причины, тамъ въ своемъ затрудненіи онъ можетъ сваливать на бога или на судьбу, напр. при физическихъ бѣдствіяхъ или эпидеміяхъ. Но гдѣ, напротивъ, можно открыть причину, тамъ не слѣдуетъ привлекать боговъ. Въ поясненіе этого Полибій приводитъ любопытный примѣръ. Въ наше время, говоритъ онъ, во всей Греціи господствуетъ бездѣтность и малолюдство, города опустѣли, настали неурожаи, хотя и нѣтъ постоянныхъ войнъ и эпидемій. Но обращаться въ этомъ случаѣ къ богамъ за совѣтомъ было бы глупо: здѣсь нѣтъ надобности ни въ предсказателяхъ, ни въ чудесныхъ знаменіяхъ, такъ какъ причина зла ясна и средство къ устраненію его въ нашей власти: люди впали въ тщеславіе, любостяжаніе и изнѣженность, не желаютъ вступать въ бракъ, а если и вступаютъ, то не хотятъ воспитывать дѣтей, съ трудомъ развѣ одного или двухъ, ради того, чтобы оставить ихъ богатыми и воспитать въ роскоши, и вотъ зло незамѣтно быстро выросло...

Факторы историческаго процесса.

Признавая планомѣрность историческаго процесса, отводя очень часто «судьбѣ» чрезвычайно видную роль, Полибій въ то же время считаетъ личность важнымъ факторомъ. Но особенно важное значеніе придаетъ Полибій государственному устройству. Успѣхъ римлянъ, ихъ всемірное господство въ значительной мѣрѣ объясняется самыми учрежденіями Римскаго государства. Полибій разсматриваетъ исторію скорѣе какъ механическій процессъ; невѣсомыя, идеальныя силы онъ какъ-бы игнорируетъ. Зато большое вниманіе обращалъ онъ на природныя условія. Въ географіи Полибій видѣлъ вспомогательную науку, безъ которой остаются неясными причины и ходъ историческихъ событій, въ особенности военныхъ предпріятій. Поэтому мы находимъ у него множество географическихъ свѣдѣній (не всегда, правда, вѣрныхъ), наблюденій и замѣчаній. Цѣлая книга (34-я) посвящена имъ главнымъ образомъ географіи. Полибій отмѣчаетъ связь между природой данной мѣстности и населеніемъ. Суровость нравовъ, говоритъ онъ, бываетъ слѣдствіемъ холоднаго и угрюмаго климата; «ибо мы, люди, всѣ уподобляемся ему». Ничѣмъ инымъ, какъ именно этимъ, объясняются національныя особенности, различіе въ нравахъ, наружности, цвѣтѣ кожи и въ занятіяхъ (IV, 21, 1—2). Давая географическое описаніе Италіи (II, 14 сл.), Полибій, между прочимъ, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ ея плодородіи, о цѣнахъ на хлѣбъ и вообще на жизненные про-

дукты. Выгодами географическаго положенія Тарента онъ объ ясняетъ его благосостояніе, и т. д.

«Прагматическая исторія».

Самъ Полибій называетъ свою «Исторію» прагматическою (πραγματικός, πραγματεία), — терминомъ, который потомъ сталъ такимъ употребительнымъ; но у него прагматическая исторія — это въ сущности исторія политическая и притомъ назидательная, поучительная, при чемъ преобладающее мѣсто занимаютъ войны и внѣшняя политика.

Польза исторіи

Полибій въ исторіи ищетъ прежде всего пользы (III, 4; I, 1). Цѣль исторіи, по его мнѣнію,—правдивымъ изложеніемъ дѣлъ и словъ научить и убѣдить любознательныхъ людей (II, 56, 10—12). Этою точкою зрѣнія и руководится Полибій въ своемъ изложеніи. Неразъ онъ разсказываетъ о событіяхъ и ихъ подробностяхъ, чтобы «преподать урокъ любознательнымъ читателямъ» (I, 35). Вообще у Полибія мы нерѣдко встрѣчаемъ наставленія и сентенціи.

Правда.

Но приносить пользу можетъ, конечно, только исторія достовѣрная, правдивая. Полибій вѣритъ въ могущество истины. «Природа», говоритъ онъ, «явила людямъ, какъ величайшую богиню, истину и сообщила ей величайшую силу. Ибо, когда даже противъ нея борются всѣ и на сторонѣ лжи вся вѣроятность, истина сама собою, невѣдомо какъ, проникаетъ въ душу людей и то сейчасъ же проявляетъ свою силу, то, оставаясь долгое время затемненной, въ концѣ концовъ сама собою беретъ верхъ и одолѣваетъ ложь» (XIII, 5, 4—6). По Полибію, если исторія уклоняется отъ истины, то она не заслуживаетъ и названія исторіи. Какъ живое существо, если отнять у него зрѣніе, становится все ни на что негоднымъ, такъ и отъ исторіи, если отнять отъ нея истину, останется только безполезный разсказъ (I, 14, 6; ср. XII, 12, 3). Но неправда бываетъ двоякая—невольная, по невѣдѣнію, или преднамѣренная; къ первой слѣдуетъ относиться снисходительно и исправлять ошибки благосклонно, ко второй—съ безпощадною строгостью. Такого отношенія Полибій требуетъ и къ себѣ (XVI, 20, 8—9).

Рѣчи.

Понятно также, что Полибій былъ противъ риторики и риторическаго направленія, господствовавшаго передъ тѣмъ въ греческой исторіографіи, противъ частыхъ, совершенно вымышленныхъ рѣчей. У него мы видимъ умѣренное употребленіе рѣчей; нерѣдко онъ ограничивается краткой передачей общаго смысла и содержанія ихъ. Вообще у Полибія преобладаютъ рѣчи косвенныя; а прямыя большею частью приводятся на основаніи слы-

шаннаго имъ и даже на основаніи документовъ и письменнаго изложенія, хотя есть рѣчи далеко и не подлинныя[1]).

Важность причинъ.

Изъ убѣжденія въ поучительности исторіи должно было вытекать и признаніе важности причинъ событій. Развивая мысль о пользѣ исторіи, Полибій указываетъ на то, что надо заботиться объ изложеніи не столько самыхъ дѣяній, сколько того, что̀ имъ предшествовало, что̀ было одновременно и что̀ слѣдовало за ними; ибо если у исторіи отнять объясненіе, почему, какъ и ради чего что-либо было совершено и имѣло ли совершенное соотвѣтствующій намѣренію результатъ, то отъ исторіи останется одна забава, а не наука (III, 31, 11—13). Важнѣе всего понять причины, по которымъ каждое событіе происходитъ и развивается (XXII, 22b, 1 [XXII, 8, 6]). Чтеніе исторіи становится полезнымъ только тогда, когда въ ней выяснены и причины событій (XII, 25b). Всѣ мы желаемъ знать не столько, что̀ произошло, сколько—, какъ оно происходило (V, 21, 6). Поэтому высшимъ достоинствомъ своей «Исторіи» Полибій признаетъ то, что изъ нея можно узнать и понять, какимъ образомъ и благодаря какому государственному устройству римляне въ теченіе неполныхъ 53 лѣтъ покорили почти весь міръ (VI, 1a, 3). Какъ врачъ не примѣнитъ надлежащаго лѣченія, если онъ не знаетъ причины болѣзни, такъ и государственный человѣкъ будетъ безсиленъ, если онъ не умѣетъ опредѣлить причины событій. Поэтому ничѣмъ не надо такъ дорожить, какъ знаніемъ причины каждаго факта (III, 7, 7). Полибій жалуется, что большинство историковъ имѣютъ очень сбивчивое понятіе о причинахъ: они не понимаютъ, чѣмъ поводъ и начало разнится отъ причины (XXII, 8, 6). Напротивъ, Полибій различаетъ эти понятія, останавливается на выясненіи ихъ и подробно возражаетъ тѣмъ, кто не понимаетъ, что причина занимаетъ первое мѣсто, а начало—лишь третье (III, 6 сл.). Полибій поясняетъ это примѣромъ. Такъ, причиной войны Александра Македонскаго съ персами, по его мнѣнію, было возвращеніе эллиновъ съ Ксенофонтомъ во главѣ и походъ Агесилая, обнаружившіе слабость варваровъ; предлогомъ служило желаніе Филиппа будто-бы отмстить персамъ за нанесенныя нѣкогда эллинамъ обиды, а началомъ—переходъ Александра Македонскаго въ Азію.

---

[1]) Таковы длинныя рѣчи акарнанца Ликиска и этолійца Хленея (IX кн.): онѣ содержатъ оцѣнку, съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, политики по отношенію къ грекамъ македонскихъ царей.

Требованія отъ историковъ.

Изъ воззрѣнія на исторію, какъ на наставницу жизни, вытекаетъ необходимость и той подготовки, какую требуетъ Полибій отъ историковъ. По мнѣнію Полибія, одной книжной, кабинетной учености для этого недостаточно и перечитать предшествующихъ историковъ еще не значитъ самому сдѣлаться историкомъ (XII, 25b сл.). Конечно, очень полезно заглядывать въ прежнія сочиненія; но было бы, по мнѣнію Полибія, совершенною наивностью, опираясь на такое знаніе, воображать, что способенъ прекрасно описать и послѣдующія событія. Это похоже на то, какъ если бы кто-нибудь, осмотрѣвъ произведенія старинныхъ живописцевъ, счелъ бы себя способнымъ художникомъ и мастеромъ въ искусствѣ. Не можетъ прекрасно писать о военныхъ событіяхъ, кто не имѣетъ никакой опытности въ военныхъ дѣлахъ, или о государственныхъ дѣлахъ, кто не искушенъ опытомъ въ этихъ дѣлахъ, и такъ какъ буквоѣдами ничто не можетъ быть написано съ знаніемъ дѣла или живо, то такая исторія безполезна читателямъ. Это все равно, что писать свои картины съ набитыхъ чучелъ: внѣшнія очертанія сохраняются, но недостаетъ жизни и силы. Черпать свѣдѣнія изъ книгъ можно безъ опасности и безъ всякихъ неудобствъ; для этого нужно избрать городъ, богатый книгами, или библіотеку гдѣ-нибудь по сосѣдству, затѣмъ — прилечь и отыскивать искомое, сличать ошибки предшествующихъ историковъ, безъ всякихъ хлопотъ. Изслѣдованіе же на основаніи собственныхъ наблюденій требуетъ многихъ трудовъ и издержекъ; зато оно и даетъ многое и составляетъ самую важную часть исторіи. Разница между извѣстіями, основанными на собственномъ опытѣ, и извѣстіями, основанными на слухахъ и чужомъ изложеніи, больше, чѣмъ какая существуетъ между настоящимъ зданіемъ и театральными декораціями.

Подготовка, личный опытъ и источники Полибія

Такимъ образомъ, Полибій требовалъ отъ историка собственнаго, личнаго опыта, опытнаго знанія военныхъ и государственныхъ дѣлъ. Самъ Полибій, несомнѣнно, обладалъ тѣмъ личнымъ опытомъ, который, по его мнѣнію, былъ такъ необходимъ историку: онъ зналъ на практикѣ государственное и военное дѣло. Онъ, движимый любознательностью и желаніемъ пріобрѣсти точныя свѣдѣнія, предпринималъ далекія путешествія и на мѣстѣ знакомился съ театромъ военныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ самъ заявляетъ, его время благопріятствовало такимъ точнымъ изысканіямъ, ибо, благодаря объединенію міра подъ властью Рима, всѣ моря и земли сдѣлались доступны. Далѣе, большинство описываемыхъ Полибіемъ событій совершилось или въ его время, или во времена отцовъ, такъ-что или онъ самъ

былъ свидѣтелемъ ихъ, или узнавалъ отъ очевидцевъ (IV, 2, 1—2); онъ былъ нерѣдко участникомъ и даже руководителемъ ихъ (III, 4, 13). Полибій жилъ долгое время въ Римѣ, гдѣ сходились нити тогдашней міровой политики, и былъ близокъ съ наиболѣе вліятельными и выдающимися дѣятелями той эпохи. Такимъ образомъ, Полибій, безъ сомнѣнія, могъ хорошо знать многое.

Но онъ не ограничивался личными наблюденіями и устными сообщеніями современниковъ. Онъ обращался и къ инымъ источникамъ, напр. къ документальному или архивному матеріалу, пользуясь договорами, протоколами, донесеніями или отчетами, оффиціальными постановленіями, письмами и т. под. документами изъ различныхъ архивовъ—римскаго, ахейскаго, родосскаго, македонскаго (какъ извѣстно, онъ приводитъ договоръ римлянъ съ карѳагенянами). Полибій пользовался и историческими сочиненіями, напр., въ первыхъ книгахъ, трактующихъ о событіяхъ, предшествовавшихъ его времени,—Филархомъ, съ которымъ рѣзко полемизируетъ, и въ особенности Аратомъ (см. выше стр. 98), котораго онъ, по собственному сознанію (II, 56 сл.), главнымъ образомъ и придерживается въ исторіи Ахейскаго союза и Клеомена. Пользовался онъ и болѣе ранними историками — Ѳеопомпомъ, Эфоромъ, Тимеемъ; ссылается также на Каллисѳена. Отношеніе Полибія къ Геродоту, Ѳукидиду, Ксенофонту, а также къ Платону и Аристотелю, въ смыслѣ пользованія ими,—не совсѣмъ ясно. Геродота онъ не упоминаетъ; а Ѳукидида и Ксенофонта хотя и называетъ, но ихъ трудовъ самъ не читалъ или читалъ давно, поверхностно и невнимательно. Болѣе основательно освѣдомленъ онъ былъ вообще въ современной исторіи, составлявшей его главную тему; предшествующую онъ глубоко не изучалъ.

Сильное вліяніе на Полибія оказала стоическая школа, особенно въ лицѣ Панэтія, друга Лелія и Сципіона, извѣстнаго философа-стоика изъ Родоса, поклонника Платона, въ своемъ государственномъ ученіи немало черпавшаго изъ «Политики» Аристотеля. Больше всего вліяніе это обнаруживается въ VI кн. Полибія, гдѣ излагается ученіе о государствѣ и о формахъ правленія. Да и все міровоззрѣніе Полибія, нѣкоторый его космополитизмъ, взгляды на международное право,—все это близко подходитъ къ воззрѣніямъ стоиковъ. Самый взглядъ на роль судьбы въ историческомъ процессѣ тоже сближаетъ Полибія со стоическою школою, съ тою разницею, что стоики говорятъ о πρόνοια, а Полибій, подобно Димитрію Фалерскому, о τύχη. Съ ученіемъ стоиковъ Полибій познакомился не столько, вѣроятно,

Вліяніе стои.

по ихъ сочиненіямъ [1]), сколько благодаря бесѣдамъ съ Панэтіемъ, въ Римѣ, въ кружкѣ Сципіона. Вообще Полибій едва-ли былъ особенно начитаннымъ; это не кабинетный ученый, а больше практикъ, военный и дипломатъ. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, о тѣхъ событіяхъ, о которыхъ пишетъ, онъ могъ знать правду. Но спрашивается, насколько онъ былъ правдивъ и безпристрастенъ?

Безпристрастіе Полибія.

Восхваляя римлянъ, Полибій воздаетъ должное ихъ врагу, Аннибалу, а по поводу его пораженія при Замѣ замѣчаетъ Аннибалъ сдѣлалъ все, что только долженъ былъ сдѣлать доблестный вождь (XV, 15, 4), и если, дотолѣ непобѣдимый, онъ, не смотря на это, былъ теперь пораженъ, то его нельзя осуждать (XV, 16, 5). Вообще, по Полибію, нужно высоко цѣнить благоразумную рѣшимость, рѣдкую проницательность и благородный образъ мыслей, безразлично, удалось ли предпріятіе или нѣтъ, лишь бы оно ведено было разумно (IX, 9, 10). Не смотря на преклоненіе передъ Римомъ, на признаніе исторической необходимости и благотворности такого факта, какъ подчиненіе ему міра, Полибій съ печалью и состраданіемъ говоритъ о несчастіяхъ эллиновъ, о покореніи ихъ римлянами. Это—какъ-бы «Плачъ» надъ Элладой-рабой [2]) (XXXVIII кн., начало [3 сл.]). Симпатіи Полибія явно на сторонѣ Ахейскаго союза и его стратега, Арата. Тѣмъ не менѣе онъ не умалчиваетъ объ ихъ недостаткахъ и слабыхъ сторонахъ. Говоря словами русскаго изслѣдователя [3]), «все, что можно замѣтить,—это тѣ легкіе оттѣнки, тотъ болѣе теплый или менѣе холодный тонъ рѣчи, то безсознательное стремленіе болѣе выставитъ свѣтлую сторону, короче,—все то, что обличаетъ человѣка и писателя неравнодушнаго и непосторонняго предмету». Полибій—не на сторонѣ Спарты того времени. Законы Ликурга, правда, онъ восхваляетъ, но онъ отмѣчаетъ позднѣйшее поведеніе спартанцевъ по отношенію къ остальнымъ эллинамъ, ихъ честолюбіе, жажду власти, алчность, ихъ поступки съ ѳиванцами и мантинейцами. Полибій далеко не сочувствуетъ Клеомену и не одобряетъ его дѣйствій и его стремленій; но онъ воздаетъ ему должное неразъ (II, 65—66; V, 39, 6). Къ этолянамъ Полибій особенно строгъ. Онъ изображаетъ ихъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ, постоянно выставляя ихъ «врожденную» нечестность, алчность, жестокость (напр. II, 45). Но въ этомъ отно-

---

[1]) А. И. Покровскій, Ж. М Н. Пр. 1891, іюль (по поводу книги v. Scala).

[2]) С. П. Шестаковъ, стр. 80.

[3]) В. Г. Васильевскій, Политич. реформа и соціальн движ. въ Грец. въ пер. ея упадка Спб 1869, стр. 44.

шеніи Полибій стоитъ не одиноко: еще раньше его въ Аѳинахъ пѣли, что грабежъ и хищничество—постоянное занятіе этолянъ. По словамъ В. Г. Васильевскаго, «за Полибіемъ всегда долженъ остаться эпитетъ самаго совѣстливаго писателя древности». Недаромъ этотъ историкъ—добавимъ отъ себя—такъ высоко ставилъ правду и говорилъ, что «нѣтъ свидѣтеля болѣе страшнаго, нѣтъ обвинителя болѣе ужаснаго, какъ совѣсть, живущая въ душѣ каждаго» (XVIII, 26, 13 [43, 13]).

Политическія воззрѣнія.

Но Полибій не былъ такъ объективенъ и такъ сдержанъ въ своихъ личныхъ сужденіяхъ, какъ Ѳукидидъ, и открыто высказывалъ свои мнѣнія и чувства, свои политическія воззрѣнія и идеалы государственнаго строя. Свое ученіе о государствѣ онъ кратко, «въ главныхъ чертахъ», изложилъ въ VI кн. Здѣсь онъ трактуетъ о формахъ правленія, о ихъ возникновеніи, зарожденіи и превращеніи одной въ другую, при чемъ любопытно, что говоря о первоначальномъ бытѣ, онъ прибѣгаетъ къ аналогіямъ изъ животнаго царства (VI, 5, 8 сл,). Полибій насчитываетъ шесть формъ правленія: три, «о которыхъ всѣ говорятъ», именно царская власть (βασιλεία), аристократія и демократія, и три, происходящія изъ общаго съ ними источника, но являющіяся какъ-бы извращеніемъ ихъ,—монархія (μοναρχία), олигархія и охлократія (VI, 4). Самымъ лучшимъ государственнымъ устройствомъ онъ признаетъ такое, которое представляетъ смѣшеніе первыхъ трехъ формъ, т. е. царской власти, аристократіи и демократіи (VI, 3, 7). Осуществленіе его онъ видитъ въ Спартѣ. Объ аѳинскомъ же и ѳиванскомъ государственномъ строѣ не стоитъ, по его мнѣнію, подробно и говорить: тамъ всѣмъ по собственному побужденію заправляетъ толпа, въ одномъ мѣстѣ отличающаяся подвижностью и жестокостью, въ другомъ — свыкшаяся съ насиліемъ и раздраженіемъ (VI, 43—44). Вообще Полибій не поклонникъ демократіи. Когда народъ, говоритъ онъ (VI, 57, 8—9), отказываетъ властямъ въ повиновеніи и всѣ дѣла берется самъ рѣшать, тогда государственный строй присваиваетъ самое лучшее названіе—свободы и демократіи, а на дѣлѣ становится самымъ худшимъ изъ всѣхъ—охлократіей.

Полибій былъ горячимъ эллинскимъ патріотомъ; онъ проникнутъ сознаніемъ того, что греки высоко стоятъ надъ другими народами (V, 90, 8). Но впослѣдствіи Полибій пришелъ къ убѣжденію, что завоеваніе Эллады римлянами окажется благотворнымъ: до такой степени состояніе родины представлялось ему печальнымъ и безнадежнымъ. Объединеніе міра римлянами онъ называетъ «прекраснѣйшимъ и благотворнѣйшимъ дѣяніемъ

судьбы» (I, 4). Однако Полибій, не смотря на весь свой эллинскій патріотизмъ и преклоненіе предъ Римомъ, не чуждъ космополитическихъ воззрѣній, свойственныхъ, какъ извѣстно, стоѣ: онъ представляетъ себѣ моральное единство человѣчества заключающимся въ греко-римскомъ мірѣ. Полибій говоритъ объ общечеловѣческихъ законахъ. Знатокъ и любитель военнаго искусства, онъ однако видѣлъ въ войнѣ скорѣе зло, бѣдствіе, нарушеніе права. Онъ признавалъ необходимость свято соблюдать договоры и принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, сочиненія которыхъ даютъ довольно богатый матеріалъ для знакомства съ воззрѣніями древнихъ въ области международнаго права.

Значеніе Полибія.

У Полибія немало чисто теоретическихъ разсужденій, много отступленій и повтореній, иногда чрезвычайно пространныхъ. Въ особенности часто распространяется онъ о темѣ и о планѣ своего труда, о ихъ достоинствахъ и преимуществахъ. Вообще Полибій—не художникъ, не мастеръ слова; это трезвый, прозаическій умъ, и онъ стремится къ ясному, точному, такъ сказать, наглядному распредѣленію своего обширнаго матеріала. Полибій расширилъ задачи исторіи; онъ стремился къ точному, достовѣрному знанію и воспроизведенію фактовъ еще въ большей степени, нежели Ѳукидидъ. Онъ стремился проникнуть въ ихъ смыслъ и причинную связь; онъ старался охватить умственнымъ взоромъ событія, совершавшіяся въ разныхъ концахъ историческаго міра, и узрѣть въ ихъ теченіи и направленіи извѣстную планомѣрность и законосообразность. Его «Исторія» — трудъ вполнѣ универсальный, «одно изъ величественнѣйшихъ историческихъ произведеній всѣхъ временъ». А въ области тогдашней исторіографіи она, по выраженію Моммзена (II, 453), подобна солнцу: гдѣ она начинается, тамъ подымается завѣса тумана, который еще покрываетъ самнитскія и Пиррову войны, и гдѣ она оканчивается, тамъ начинается новый, если только возможно—еще болѣе тяжелый сумракъ...

Посидоній.

Продолжателемъ Полибія былъ извѣстный философъ-стоикъ, ученикъ Панэтія,—Посидоній[1]) (ок. 130—45 до Р. Х.), уроженецъ Сиріи, на о-вѣ Родосѣ основавшій школу, славившуюся въ свое время. Обширный историческій трудъ Посидонія, писателя многосторонняго, «Исторія послѣ Полибія» въ 52 книгахъ, въ цѣломъ видѣ не сохранился. Замѣчателенъ онъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ заключались богатыя географическія

[1]) Fr. Hist. Gr., III.

и этнографическія свѣдѣнія и обращено было немалое вниманіе на учрежденія, положеніе населенія, хозяйственныя отношенія и нравы[1]).

Трогъ Помпей.

Въ римскую эпоху появились и «всемірныя хроники». Трогъ Помпей, современникъ Августа,—авторъ такой хроники (на латинскомъ яз.). Его изложеніе находилось въ большой зависимости отъ Эфора и Θеопомпа. Въ подлинномъ видѣ трудъ Трога Помпея до насъ не дошелъ. Но сохранилось извлеченіе изъ него (эпитома), довольно жалкое, сдѣланное Юстиномъ (во II или III в. по Р. Х.). «Всемірная хроника» составлена была и Корнеліемъ Непотомъ (I в. до Р. Х.), который такъ извѣстенъ біографіями замѣчательныхъ дѣятелей (на латинскомъ языкѣ)—«De illustribus viris»,—древнѣйшее сохранившееся біографическое сочиненіе съ именемъ автора. Въ біографіяхъ этихъ немало неточностей и ошибокъ; авторъ старался собрать побольше пикантныхъ и эффектныхъ извѣстій и представить своихъ героевъ въ наибольшемъ блескѣ.

Корнелій Непотъ.

Наиболѣе важными для насъ греческими историками временъ римской имперіи являются Діодоръ Сицилійскій и Плутархъ уже потому, что сочиненія ихъ дошли до насъ не въ обрывкахъ.

Діодоръ Сицилійскій.

«Историч. Библіотека» Діодора.

Діодоръ Сицилійскій[2])—современникъ Юлія Цезаря и Августа. Свой обширный трудъ, носящій характерное заглавіе «Историческая Библіотека», въ 40 кн., Діодоръ составилъ во второй половинѣ I в. до Р. Х. «Библіотека» эта обнимала исторію Востока, Греціи и Рима, большею частью въ параллельномъ, синхронистическомъ обозрѣніи, отъ миѳическихъ временъ и до завоеванія Галліи Цезаремъ. Изъ нея до насъ дошли въ

---

[1]) Другимъ продолжателемъ Полибія является знаменитый географъ древности, Страбонъ, которому принадлежало и историческое сочиненіе (ὑπομνήματα ἱστορικά, въ 43 кн.), до насъ не дошедшее (за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ). Въ числѣ «всемірныхъ исторій» слѣдуетъ отмѣтить и трудъ Николая Дамасскаго, современника Ирода Вел.

[2]) Изданія—Dindorf'a (Lips. 1828—31, 5 т.) и Vogel'я (новѣйш. изд.—въ коллекціи Тейбнера). О Діодорѣ см. главнымъ обр.—двѣ академическія программы C. Wachsmuth'a (Ueber das Geschichtswerk des Sikelioten Diodoros. I—II. Leipz. 1892), его-же, Einleitung, стр. 81—103; Volquardsen, Untersuchungen über die Quellen d. griech. und sicilisch. Geschichten bei Diodor. Buch XI—XVI. Kiel. 1868; Bröcker, Untersuchungen über Diodor, 1879; его-же, Moderne Quellenforscher und antike Geschichtschreiber. Innsbr. 1882; Holm, Griech. Gesch., III (экскурсъ о Діодорѣ). На рус. яз.—М. И. Мандесъ, Опытъ истор.-критич. комментарія къ греч. исторіи Діодора. Одесса. 1901 (ср Э. Р. ф Штернъ, въ «Зап. Новор. Унив.», 1902, т. 87, и Ж. М. Н. Пр., 1902, ноябрь).

подлинномъ, цѣломъ видѣ (если не считать нѣкоторыхъ небольшихъ дефектовъ) книги I—V и XI—XX, т. е., другими словами,—половина первой декады и вся вторая декада. Отъ остальныхъ книгъ сохранились лишь извлеченія и фрагменты. Такимъ образомъ, въ изложеніи Діодора мы имѣемъ, во-первыхъ, исторію Греціи отъ похода Ксеркса до конца Ѳиванской гегемоніи (кн. XI—XV) и, во-вторыхъ, исторію Филиппа Македонскаго (вся XVI кн.), Александра (вся XVII) и діадоховъ, равно какъ и сицилійскихъ тирановъ.

Взглядъ Діодора на исторію.

Діодоръ имѣлъ въ виду составить всемірную исторію. Повторяя космополитическія воззрѣнія стоиковъ, онъ въ своемъ вступленіи (I, 1 сл.) говорилъ, что всѣ люди суть члены одной и той-же общины или государства, между собою близкіе по родству, хотя и отдѣленные пространствомъ и временемъ, и что всемірные историки, которые стремятся всѣхъ людей соединить въ одинъ и тотъ-же строй и собрать прошлыя событія въ одномъ общемъ обозрѣніи, служатъ какъ-бы сотрудниками божественнаго Провидѣнія, которое управляетъ міромъ—видимыми звѣздами и людьми—какъ однимъ организованнымъ цѣлымъ, держа его постоянно въ круговращеніи и удѣляя каждому, что̀ опредѣлено судьбою. Діодоръ чрезвычайно высокаго мнѣнія о призваніи историковъ, о той пользѣ, которую они приносятъ. Исторія побуждаетъ къ подвигамъ надеждою на славу и безсмертное имя (I, 1); она поощряетъ къ добродѣтели, дурныхъ порицая, хорошихъ восхваляя. Діодоръ называетъ исторію «блюстительницею доблести достославныхъ», «свидѣтельницею негодности ничтожныхъ», «благодѣтельницею всего рода человѣческаго», «провозвѣстницею истины», «метрополіей всей философіи» (I, 2). И вотъ Діодоръ «почувствовалъ призваніе» взяться за подобную работу, т. е. за всемірную исторію. Онъ рѣшился собрать извѣстія о событіяхъ всего міра и изложить ихъ, какъ исторію одного государства, въ возможной полнотѣ, начиная съ древнѣйшихъ поръ и до его времени. По словамъ Діодора, къ задуманному предпріятію побуждала его любовь къ подобной работѣ, а всемірное владычество Рима, простершееся до крайнихъ предѣловъ земли, облегчило его осуществленіе (I, 4).

Характеристика «Истор. Библіотеки».

Итакъ, взглядъ Діодора на исторію и историковъ возвышенный; но онъ не проникаетъ органически всего его труда. Его программа и задача—обширны, можно сказать—грандіозны; но имъ не соотвѣтствовали его способности; какъ слѣдуетъ выполнить ихъ онъ. былъ не въ силахъ: ему недоставало ни опытности государственнаго дѣятеля или полководца, ни широкаго

историческаго взгляда, ни критическаго таланта, и его Всемірная исторія вышла въ сущности лишь огромной компиляціей, «аггрегатомъ эксцерптовъ»; это была дѣйствительно «Библіотека», въ которой собраны были эксцерпты изъ историческихъ сочиненій и помѣщены въ хронологическія рамки.

Хронологія Діодора.

Хронологіи Діодоръ придавалъ большое значеніе: онъ распредѣляетъ событія по Олимпіадамъ, архонтствамъ и консульствамъ, что̀ очень важно, такъ какъ это—точныя хронологическія даты, но въ его хронологіи много путаницы. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что Діодоръ, придерживаясь своего, такъ сказать, анналистическаго изложенія, событія, длившіяся многіе годы, пріурочиваетъ къ одному какому-либо году, а во-вторыхъ,—тѣмъ, что начала годовъ Олимпіадъ, архонтствъ и консульствъ не совпадали между собою. Такимъ образомъ, Діодоръ иногда соединяетъ событія многихъ лѣтъ подъ однимъ годомъ; или же, наоборотъ,—мы встрѣчаемъ у него нерѣдко «дублеты»: объ одномъ и томъ-же событіи говорится два раза подъ разными годами или въ разныхъ мѣстахъ. Иногда путаница въ хронологіи Діодора объясняется еще тѣмъ, что онъ различныя версіи объ одномъ и томъ-же фактѣ принималъ за различныя, отдѣльныя событія. Были попытки разобраться въ этой хронологической путаницѣ, старались уяснить себѣ тотъ, такъ сказать, общій принципъ, который будто-бы полагалъ Діодоръ въ основу своей хронологической системы, въ особенности въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи «Пятидесятилѣтія»[1]); но эти попытки оказались въ большинствѣ тщетными и ни къ чему не приводили.

Источники Діодора и его отношеніе къ нимъ.

Но свойства Діодора, какъ историка, особенно обнаруживаются въ его отношеніи къ своимъ источникамъ.

Долго господствовало убѣжденіе, что едва-ли не единственнымъ источникомъ греческой исторіи у Діодора въ XI—XV кн. былъ Эфоръ. По этому воззрѣнію, у Діодора мы имѣемъ здѣсь предъ собою изложеніе въ сущности Эфора, хотя бы и нѣсколько сокращенное; Діодоръ является простымъ переписчикомъ. Такой взглядъ высказанъ былъ, главнымъ образомъ, Volquardsen'омъ, въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, и это мнѣніе было принято, какъ своего рода аксіома. Въ ту пору вообще господствовала такъ назыв. Einquellentheorie, теорія единаго источника, по которой древніе авторы, подобные Плутарху и Діодору, клали въ основу своего изложенія извѣстнаго отдѣла лишь одинъ

[1]) Krüger, Histor.-philol. Studien. Berlin. 1836, I; Arn. Schäfer, De rerum post bellum persicum.... gestarum temporibus. Lips. 1865; Unger, Die Jahresepoche des Diod. (Philol., 39—41 т.) и проч.

какой-нибудь источникъ, слѣпо слѣдуя ему, дословно, механически списывая его, а не сличая и не комбинируя другихъ данныхъ. На распространеніе такого взгляда оказало огромное вліяніе изслѣдованіе Ниссена объ источникахъ Тита Ливія (1863).

Ошибочность этой теоріи вообще въ настоящее время ясна, о чемъ еще придется говорить по поводу Плутарха. Что же касается въ частности Діодора, то новыя изслѣдованія показываютъ, что составъ Діодорова труда нѣсколько сложнѣе, чѣмъ думалъ, напр., Volquardsen. Но защитники Діодора (Bröcker, Holm, М. И. Мандесъ), въ свою очередь заходятъ слишкомъ далеко, стараясь выставить обширное образованіе, начитанность и самостоятельность автора «Исторической Библіотеки». Если Эфоръ не былъ единственнымъ, то, несомнѣнно, онъ былъ главнымъ источникомъ Діодора при изложеніи греческой исторіи до 361 г. Для хронологіи Діодора, какъ-бы рамкой, послужила хроника Аполлодора (см. стр. 99). Діодоръ пользовался Геродотомъ и Ѳукидидомъ, по мнѣнію однихъ—посредственно, по мнѣнію другихъ—непосредственно. Есть слѣды пользованія или вліянія Ѳеопомпа. Въ исторіи Сициліи Діодоръ много пользовался Тимеемъ, для позднѣйшаго періода—Полибіемъ и Посидоніемъ. Его зависимость отъ нихъ велика. Выборъ источниковъ въ общемъ былъ удаченъ. Но относился къ нимъ Діодоръ почти безъ всякой критики и чрезвычайно небрежно, что̀ признаютъ даже его защитники. Когда онъ пользуется стоиками, онъ вѣритъ предзнаменованіямъ и предсказаніямъ; когда предъ нимъ авторъ-раціоналистъ, тогда онъ относится къ нимъ скептически и смотритъ на нихъ, какъ на хитрыя выдумки. Нерѣдко Діодоръ дважды и различнымъ образомъ разсказываетъ объ одномъ и томъ-же: изъ различныхъ версій объ одномъ событіи онъ дѣлаетъ два отдѣльныхъ событія. Иногда Діодоръ дословно воспроизводитъ свой источникъ, не пропуская даже ссылокъ и выраженій, которыя въ устахъ его источника понятны и умѣстны, а въ его устахъ оказываются безсмысленными. Напр., воспроизводя одно изъ свидѣтельствъ, онъ повторяетъ и его ссылку на предыдущее (προειρήκαμεν, III, 41); тамъ такая ссылка вполнѣ умѣстна, такъ какъ раньше дѣйствительно было соотвѣтствующее упоминаніе; у Діодора же передъ тѣмъ упоминанія нигдѣ не было, и тѣмъ не менѣе онъ удерживаетъ фразу.

При всѣхъ ея недостаткахъ, «Историческая Библіотека» Діодора очень важна. Это—обширный источникъ, богатый содержаніемъ. Безъ Діодора, при изученіи древней исторіи, почти нигдѣ нельзя обойтись. Его источники большею частью хороши,

и Діодоръ, хотя до нѣкоторой степени, является замѣной утраченныхъ большихъ историческихъ сочиненій, подобныхъ труду Эфора. О нѣкоторыхъ источникахъ мы знаемъ только благодаря Діодору. Особенно онъ важенъ для исторіи Сициліи и для исторіи Эллады съ конца V в.: тутъ онъ служитъ необходимымъ дополненіемъ къ «Hellenica» Ксенофонта и во многомъ исправляетъ извѣстія послѣдняго: Діодоръ достовѣрнѣе и точнѣе Ксенофонта во многихъ случаяхъ. Далѣе, мы находимъ у него связный разсказъ объ эпохѣ Филиппа, объ Александрѣ и о войнахъ преемниковъ послѣдняго. Благодаря Діодору, мы имѣемъ предъ собою списокъ аѳинскихъ архонтовъ за большой промежутокъ времени, и его хронологія, не смотря на всю ея путаницу, представляетъ для насъ немалый интересъ.

Плутархъ.

Плутархъ[1])—одинъ изъ популярнѣйшихъ и любимѣйшихъ писателей во всемірной литературѣ. Въ новое время Плутархъ оказывалъ сильнѣйшее вліяніе. Его «Жизнеописанія» служили образцомъ для этого рода произведеній; изъ нихъ брали сюжеты для драмъ (напр. Шекспиръ—для своего «Коріолана» и «Юлія Цезаря»). Они дѣйствовали могущественнымъ образомъ на воображеніе: его героями увлекались, имъ стремились подражать; на Плутархѣ воспитывались цѣлыя поколѣнія.

Біографія и личность Плутарха.

Плутархъ родился около 46—48 г. по Р. Х. въ Херонеѣ, въ Беотіи, происходилъ изъ состоятельной, уважаемой семьи и получилъ прекрасное, широкое образованіе. Если исключить сравнительно непродолжительныя пребыванія въ тогдашнихъ центрахъ умственной и политической жизни—въ Аѳинахъ, Александріи, Римѣ—и временныя отлучки, то можно сказать, что всю свою жизнь Плутархъ провелъ въ своемъ родномъ городѣ, Херонеѣ. Онъ былъ большимъ беотійскимъ и въ частности херонейскимъ патріотомъ и съ любовью служилъ своей родинѣ, занимая разнообразныя муниципальныя должности. Всѣ эти обязанности, въ сущности несложныя, оставляли Плутарху немало досуга, который онъ посвящалъ главнымъ образомъ философскимъ и лите-

[1]) Кромѣ коллекцій Didot и Teubner, см. изданія Vitae—Sintenis'a (Leipz. 1839—46); важны изданія отдѣльныхъ біографій, напр. Plut Pericles, ed. Sintenis. Lips. 1835; Plutarchs Themistokles für quellenkritische Uebungen kommentiert und hrsg. von Ad.Bauer. Leipz. 1884.—О Плутархѣ см. Volkmann, Leben, Schriften und Philosophie des Plutarch von Chaeronea. Berl. 1869; Friedrich Leo, Die griechisch-romische Biographie nach ihrer litterar. Form. Leipz. 1901.

ратурнымъ занятіямъ и преподаванію. Время Плутарха—время начинающагося возрожденія платонизма, и Плутархъ—предшественникъ неоплатониковъ. Среди любимыхъ занятій, въ своемъ родномъ городѣ, въ кругу семьи и близкихъ, окруженный почетомъ и уваженіемъ, Плутархъ чувствовалъ себѣ вполнѣ удовлетвореннымъ, счастливымъ, и мирно дожилъ до глубокой старости. Онъ умеръ 80 лѣтъ съ лишкомъ, вѣроятно въ концѣ 20-хъ годовъ II в. по Р. Х.

Личность Плутарха, его благодушіе и гуманность, тотъ душевный миръ и довольство, которымъ онъ пользовался, наложили ясный отпечатокъ на его многочисленныя сочиненія.

Его сочиненія.

Плутархъ—одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ греческихъ писателей. Большая часть его сочиненій дошла до насъ. Они раздѣляются на два крупныхъ разряда—на сочиненія «Моральныя» (Ἠθικά, Moralia) и «Біографіи».

Moralia.

Объемъ и содержаніе такъ назыв. Moralia [1]—самый разнообразный, начиная съ философскихъ проблемъ и кончая наставленіями касательно здоровья. Среди нихъ есть политическія сочиненія, напр. наставленія объ управленіи государствомъ (Πολιτικὰ παραγγέλματα, Praecepta rei publicae gerendae) [2], почерпнутыя изъ исторіи—изъ жизни государственныхъ дѣятелей прошлаго; затѣмъ—трактатъ (въ отрывкахъ) о монархіи, демократіи и олигархіи, въ которомъ Плутархъ отдаетъ предпочтеніе первой, исходя изъ современнаго ему положенія, и друг. Для историка важна «Жизнь десяти ораторовъ», въ которой находятся цитаты изъ документовъ. Но она едва-ли принадлежитъ Плутарху. Особенно интересенъ критическій трактатъ противъ Геродота (Περὶ τῆς Ἡροδότου κακοηθείας), трактатъ, о которомъ приходилось уже упоминать (стр. 46) (принадлежность его Плутарху можно теперь считать доказанною). Написанъ онъ живо и, не смотря на горячность тона, промахи и несправедливость большинства нападокъ, содержитъ немало отдѣльныхъ мѣткихъ замѣчаній

«Жизнеописанія».

Но изъ всѣхъ сочиненій Плутарха самыя важныя—знаменитыя его «Біографіи» До насъ дошло болѣе 20 «Параллельныхъ жизнеописаній» (Βίοι παράλληλοι), называемыхъ такъ потому, что за каждою біографіей греческаго героя идетъ біографія соотвѣтствующаго героя римскаго. Съ Тезеемъ сопоставленъ Ромулъ, съ Ликургомъ—Нума, съ Солономъ—Валерій Публикола, съ Ѳемистокломъ—Камиллъ, а, напр., съ Перикломъ—Фабій Максимъ. Въ концѣ большей части такихъ пар-

[1]) Новѣйшее изданіе—Bernardakis'a (въ коллекціи Тейбнера).

[2]) При ссылкахъ употребляется большею частью латинская форма.

ныхъ или параллельныхъ біографій имѣется еще особое «сравненіе» (σύγκρισις), въ которомъ отмѣчается, въ чемъ сходны или несходны сопоставляемые герои. Но, кромѣ «параллельныхъ», у Плутарха есть нѣсколько и отдѣльныхъ біографій, въ томъ числѣ Арата.

Плутархъ, какъ мыслитель, не возвышался надъ духовнымъ уровнемъ своего вѣка; но онъ и не ученый изслѣдователь, не историкъ, не критическій талантъ· онъ—чрезвычайно начитанный, широко образованный дилетантъ и прежде всего—популярный философъ-моралистъ. Съ этой точки зрѣнія должны быть разсматриваемы и его біографіи. Герои его біографій большею частью - образцы извѣстныхъ качествъ и путемъ изображенія такихъ образцовъ Плутархъ старается воздѣйствовать на своихъ читателей и въ особенности на юношество. Плутархъ интересуется своими героями не какъ историческими дѣятелями, а какъ людьми, какъ личностями, обладающими извѣстными достоинствами или слабостями, онъ останавливается преимущественно на ихъ человѣческихъ, индивидуальныхъ чертахъ; свойство, характеръ, ἦθος,—вотъ что привлекаетъ его вниманіе. Приступая къ жизнеописанію Александра Македонскаго, Плутархъ напередъ проситъ читателей не осуждать его, если они не найдутъ у него подробнаго изложенія всѣхъ событій. «Мы пишемъ не исторію», заявляетъ онъ, а «біографію». Часто какой-нибудь незначительный поступокъ, слово или шутка лучше обнаруживаетъ характеръ, чѣмъ самыя кровавыя сраженія, величайшій боевой строй и осады городовъ. «Какъ живописцы, не заботясь объ остальныхъ частяхъ, стараются схватить сходство въ лицѣ и въ глазахъ, въ чертахъ, въ которыхъ выражается характеръ, — такъ да будетъ позволено и намъ», говоритъ Плутархъ, «глубже проникнуть въ проявленія души и такимъ образомъ изобразить жизнь каждаго» изъ выводимыхъ героевъ, «а описаніе великихъ дѣяній и битвъ предоставимъ другимъ». И Плутархъ въ своемъ изложеніи, дѣйствительно, опускаетъ многіе—даже важные—факты или лишь бѣгло касается ихъ. Во введеніи къ біографіи Никія Плутархъ замѣчаетъ, что онъ событій касается только кратко, да и то преимущественно тѣхъ, въ которыхъ открывается нравъ и настроеніе лица,—что онъ составляетъ не безполезную исторію, а передаетъ такую, которая служитъ къ пониманію характера и нрава.

Плутархъ, какъ біографъ.

Желаніе дать въ біографіяхъ воплощенные образцы тѣхъ или другихъ качествъ, естественно, вело Плутарха часто къ излишней идеализаціи его героевъ, къ смягченію ихъ темныхъ

сторонъ и вообще къ отступленію отъ исторической правды. Онъ сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ художника, рисующаго портретъ съ прекраснаго лица: если встрѣтится какой-либо мелкій недостатокъ въ наружности, мы требуемъ, чтобы художникъ его не пропускалъ совершенно, но и не передавалъ тщательно; такъ и здѣсь: такъ какъ невозможно выставить жизнь человѣка безупречною и чистою, то нужно съ особенною полнотою и въ вѣрномъ изображеніи представить главныя черты; слабости же и ошибки, происходящія отъ страсти или политической необходимости, слѣдуетъ считать скорѣе отсутствіемъ какой-либо добродѣтели, нежели порокомъ; ихъ слѣдуетъ выставлять въ исторіи не слишкомъ усердно и сильно, а скорѣе стыдясь за человѣческую природу, которая не можетъ представить ничего въ чистомъ видѣ, ни одного безусловно доблестнаго характера (Cim., 2). Но иногда Плутархъ отмѣчаетъ и темныя стороны своихъ героевъ; въ нѣкоторыхъ біографіяхъ (напр. Красса) такія стороны даже преобладаютъ. Плутархъ приводитъ въ иныхъ случаяхъ противорѣчивыя свидѣтельства и отзывы, сопоставляя ихъ, но не всегда примиряя противорѣчія. Вслѣдствіе этого получается какая-то двойственность въ изображеніи лица. Напр. Периклъ у него является то демагогомъ, очень неразборчивымъ на средства для своего возвышенія, то образцомъ безкорыстнаго государственнаго дѣятеля, благороднаго патріота.

Стремленіе представить историческаго дѣятеля преимущественно какъ личность, изобразить его характеръ, схватить его человѣческія, индивидуальныя черты, которыя, по замѣчанію Плутарха, иногда лучше всего проявляются въ незначительномъ поступкѣ, въ какомъ-нибудь словѣ или шуткѣ,—это стремленіе должно было вести къ анекдотичности, къ погонѣ за мелочными подробностями, тѣмъ болѣе, что Плутархъ заботится не только о назидательности, но и о занимательности, пикантности разсказа. И дѣйствительно, анекдоты, нерѣдко отзывающіеся сплетней, мелочныя подробности, чисто личные мотивы, внѣшніе, случайные моменты,—все это занимаетъ весьма видное мѣсто въ біографіяхъ Плутарха. При отсутствіи надлежащей критики (что̀ такъ часто замѣчается у Плутарха) слухи и сплетни принимались нерѣдко за фактъ достовѣрный или, по крайней мѣрѣ, приводились на-ряду съ другими данными. Достаточно прочитать нѣсколько главъ «Перикла», напр. 13-ю, чтобы видѣть, какія подробности приводитъ иногда Плутархъ. Своихъ героевъ Плутархъ не связываетъ надлежащимъ образомъ съ ихъ временемъ, съ условіями или обстоятельствами, среди которыхъ

они дѣйствуютъ. Онъ не проникаетъ въ глубь причинъ; обыкновенно онъ объясняетъ событія самыми мелочными, случайными обстоятельствами. Вообще, критики, точности и большой степени достовѣрности нельзя ждать отъ Плутарха. Онъ не прочь даже иногда изукрасить событія и лица.

«Теорія единаго источника».

Что касается источниковъ Плутарха, то это вопросъ весьма спорный. По поводу Діодора намъ приходилось уже упоминать о такъ назыв. Einquellentheorie, «теоріи единаго источника». Приверженцы ея исходили изъ взгляда на древнихъ авторовъ, какъ на дословныхъ переписчиковъ, и думали, что любой текстъ можно чисто механически разложить на его составныя части или источники. Въ сущности это было распространеніе на античную исторіографію того положенія, которое съ большимъ успѣхомъ примѣнялось по отношенію къ средневѣковой, и въ Германіи, преимущественно въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, появился цѣлый легіонъ диссертацій, программъ и статей, посвященныхъ опредѣленію источниковъ той или другой Плутарховой біографіи [1]), при чемъ авторы старались, по насмѣшливому выраженію одного нѣмецкаго ученаго, «для каждой строчки пріискать отца», «für jede Zeile den Vater ausfindig zu machen», т. е. отыскать, у кого именно взялъ Плутархъ то или другое извѣстіе, ту или другую фразу, и назвать по имени этотъ источникъ. Одинъ, напр., доказывалъ, что такая-то глава или фраза взята у Ѳеопомпа, другой съ не меньшей увѣренностью утверждалъ, что—у Эфора или Стесимброта; третій называлъ Фанія, Истра или Идоменея и проч. И на подобныя разысканія потрачено было немало кропотливаго труда, остроумія и находчивости. Но по большей части это была безплодная работа, «погоня за тѣнями», лишь своего рода умственная гимнастика. Дѣло въ томъ, что всѣ подобныя гипотезы лишены почвы: большинство авторовъ, служившихъ источникомъ Плутарху, до насъ не дошло, извѣстно намъ лишь по однимъ именамъ или по небольшимъ отрывкамъ, и при такихъ условіяхъ пускаться въ точныя опредѣленія, у кого взята та или другая фраза или глава, все равно, что рѣшать уравненіе со многими неизвѣстными. Въ самой Германіи обнаружилась реакція противъ такихъ пріемовъ въ изученіи источни-

---

[1]) Изъ этой массы заслуживаютъ быть выдѣленными Sauppe, Die Quellen Plutarchs für das Leben d. Perikles. Göttingen. 1867; Rühl, Die Quellen Plutarchs im Leben des Kimon. Marburg. 1767, и его-же, Ueber die Quellen des Plutarchischen Perikles (N. Jahrb., 97 т., 1868); Ad. Bauer, Themistokles. Studien und Beiträge zu Griech. Historiographie. Merseburg 1881.

ковъ. Однимъ изъ первыхъ выступилъ Гутшмидъ [1]); затѣмъ Гольмъ, Ад. Бауэръ, въ послѣднее время Эд. Мейеръ, высказали немало здравыхъ замѣчаній [2]), и теперь тамъ все менѣе и менѣе появляется диссертацій и программъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше. Einquellentheorie можно считать оставленною. Эд. Мейеръ справедливо говоритъ, что «мнѣніе, будто древніе ученые работали иначе, чѣмъ современные, есть басня, принесшая очень много вреда», и представленіе, будто каждый послѣдующій историкъ просто списывалъ своихъ предшественниковъ, совершенно невѣрно. Древніе историки, по крайней мѣрѣ лучшіе, пользовались обыкновенно многими источниками, комбинировали ихъ, болѣе или менѣе свободно обращались со своимъ матеріаломъ; качественно ихъ работа отличалась отъ современной, но это не было механическое списываніе.

Если Einquellentheorie не вполнѣ примѣнима даже къ Діодору, то тѣмъ менѣе къ Плутарху. Начитанность Плутарха была очень велика. Правда, многими авторами Плутархъ пользуется и изъ вторыхъ рукъ; но съ своимъ матеріаломъ онъ обращается, какъ художникъ. Для насъ онъ неоцѣнимый источникъ, потому что онъ намъ замѣняетъ утраченную литературу; онъ пользовался этою обширною литературою, до насъ не дошедшею, и передалъ намъ богатый, характерный біографическій матеріалъ, и притомъ въ увлекательномъ изложеніи. О многихъ именахъ и дѣятеляхъ мы узнаемъ подробности только благодаря Плутарху.

Діогенъ Лаэртій.

У Плутарха мы находимъ жизнеописанія государственныхъ дѣятелей и полководцевъ. Жизнеописанія знаменитыхъ философовъ мы найдемъ въ другомъ, дошедшемъ до насъ, большомъ біографическомъ трудѣ, принадлежащемъ Діогэну Лаэртію (или Лаэртскому), время жизни котораго въ точности неизвѣстно; полагаютъ, что онъ писалъ въ III в., при Александрѣ Северѣ. Это—обширная компиляція, носящая заглавіе βίοι φιλοσόφων, въ 10 кн.; философы расположены здѣсь по школамъ. Матеріалъ обиленъ; но главное мѣсто занимаютъ анекдоты и подробности, касающіяся частной жизни философовъ. Источникомъ Діогену Лаэртію служили преимущественно компендіумы [3]). Трудъ Діогена лишь остатокъ громадной литературы этого рода.

---

[1]) Въ рѣчи, относящейся еще къ 1878 г. (см. его Kl. Schriften).

[2]) Въ русск. литературѣ—М. И. Мандесъ, О филологич. методѣ изученія источн (Филол. Обозр., XIV, 1898).

[3]) Объ источникахъ Діогена Лаэртія—есть статья столь извѣстнаго нынѣ Ницше въ Rh. Mus., 24—25 т. (1869—70).

Изъ современниковъ Плутарха, при обзорѣ источниковъ греческой исторіи, мы не можемъ не назвать Діона Хрисостома, ритора и философа второй половины I и начала II в. по Р. Х., славившагося своимъ краснорѣчіемъ, какъ это явствуетъ и изъ его прозванія (Хрисостомъ—Златоустъ). Онъ особенно интересенъ тѣмъ, что у него мы встрѣчаемъ идеи, напоминающія намъ Руссо и Л. Н. Толстого,—проповѣдь противъ лжи и утонченности изысканной культуры, призывъ къ опрощенію [1]). Но для насъ въ данномъ случаѣ важна его рѣчь Boristhenitica, въ которой онъ описываетъ положеніе греческихъ колонистовъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря; эту мѣстность Діонъ лично посѣтилъ во время своего изгнанія. Его сочиненіе, посвященное гетамъ (Γετικά), не сохранилось; но имъ пользовался извѣстный историкъ готовъ Іорданъ (Іорнандъ). **Діонъ Хрисостомъ.**

Эпоха римской имперіи была богата смѣшанной или «пестрой» литературой, въ которой обнаруживался интересъ къ разнаго рода достопримѣчательностямъ, удивительнымъ разсказамъ, всевозможнымъ эксцерптамъ и проч. Главными представителями этого рода источниковъ для насъ являются Аѳиней и Эліанъ. Первый—авторъ сочиненія «Обѣдъ софистовъ» (Δειπνοσοφισταί), въ 15 кн. (нач. III в. по Р. Х.): описывается обѣдъ, который давалъ одинъ богатый римлянинъ своимъ друзьямъ, и передаются веденные при этомъ разговоры (повидимому, сочиненные) на самыя разнообразныя темы. Второй—софистъ конца II и начала III в., написалъ «Пеструю исторію» (Ποικίλη ἱστορία, Historia varia), въ 14 кн., преимущественно собраніе разныхъ анекдотовъ. Къ подобнаго-же рода источникамъ относятся «Аттическія ночи» (Noctes Atticae)—на латинскомъ языкѣ—Авла Геллія, жившаго при Антонинахъ,—плодъ пребыванія автора въ Аттикѣ, его бесѣдъ съ философами и извлеченій изъ прочитанныхъ книгъ. А одинъ изъ писателей II в., Поліэнъ, собралъ около 900 примѣровъ военныхъ хитростей или стратегемъ (στρατηγήματα, въ 8 кн.), главнымъ образомъ изъ греческой исторіи. **Аѳиней и Эліанъ.** **Поліэнъ.**

Среди авторовъ II столѣтія, нѣкоторыя произведенія которыхъ имѣютъ отношеніе къ исторіи, слѣдуетъ назвать извѣстнаго сатирика Лукіана Самосатскаго [2]). Ему принадлежитъ, между прочимъ, трактатъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать исторію. По его словамъ, писать исторію не такое простое дѣло, какъ ходить, смотрѣть или ѣсть, и, пожалуй, ни одинъ родъ произведеній не требуетъ столько глубокаго размышленія, какъ исторіографія. Историкъ долженъ быть безстрашенъ, неподкупенъ, свободенъ, другъ истины. Онъ долженъ, говоря словами комика, смокву называть смоквой, чашку – чашкой и т. д. **Лукіанъ**

Нѣкоторые христіанскіе церковные писатели и хронографы служатъ тоже источникомъ при изученіи греческой **Хронографы**

[1]) Въ послѣднее время на Діона Хрисостома обращено вниманіе. Проф. А. И. Сонни посвятилъ ему диссертацію и статью въ «Филол. Обозр.». XIV, 1896; на нѣм. яз. Arnim, Leben und Werke des Dio von Prusa. Berl. 1898. Новѣйшее изданіе—того-же Арнима (Berlin. 1893—6, 1 – II).

[2]) Рус. пер. «Избран. соч.» его—Н. Д. Чечулина. Спб. 1909.

исторіи. Они стремились сопоставить и согласовать священную исторію и исторію свѣтскую, языческую, дать синхронистическій обзоръ той и другой. Поэтому они важны для хронологіи. Таковы Секстъ Юлій Африканъ и Евсевій.

Юлій Африканъ

Юлій Африканъ [1]), александрійскій пресвитеръ начала III в. по Р. Х., составилъ всемірную хронику въ 5 кн., χρονογραφίαι, или, какъ впослѣдствіи принято было ее называть, «Хронологическое Пятикнижіе». Самую важную для насъ часть ея составляетъ списокъ Олимпіадъ, какъ основа греческой хронологіи,—списокъ, сохранившійся у Евсевія, который вообще пользовался трудомъ Юлія Африкана.

Евсевій

Евсевій, епископъ цесарійскій въ первой половинѣ IV в., церковный историкъ и біографъ Константина В.,—въ то-же время и авторъ хроники [2]). Раздѣляется она на двѣ части, различныя по содержанію и характеру. Первая — краткій очеркъ исторіи, изъ разнообразныхъ извлеченій. Вторая представляетъ хронологическую таблицу или «канонъ». Эта часть для насъ очень важна въ отношеніи хронологіи. Это—какъ-бы хронологическій остовъ древней исторіи. Сюда вошелъ и «списокъ Олимпіадъ» Юлія Африкана. Евсевій сопоставляетъ и согласуетъ различныя эры, хронологію библейскую и языческую. Тутъ предъ нами нагляд ная сравнительная хронологическая таблица событій всемірной исторіи Она дошла до насъ не въ подлинномъ греческомъ текстѣ, а въ армянскомъ переводѣ, найденномъ въ концѣ XVIII стол. и изданномъ въ 1818 г., и затѣмъ въ сирійской версіи, сдѣлавшейся извѣстной еще позже [3]). Къ этому нужно присоединить еще латинскую переработку (съ нѣкоторыми добавленіями) Іеронима.

Фотій.

Византійцы сохранили намъ много отрывковъ и извлеченій изъ древнихъ писателей. Въ особенности мы обязаны патріарху Фотію и его знаменитой «Библіотекѣ», иначе называемой Μυριόβιβλος, въ виду многочисленности тѣхъ авторовъ, изъ которыхъ сдѣланы извлеченія. Фотій имѣлъ подъ рукою многихъ изъ тѣхъ историковъ, которые потомъ были утрачены и до насъ не дошли, напр. Ктесія, почти всего Θеопомпа, всего Діодора и проч.

Сборникъ эксцерптовъ

По порученію Константина Багрянороднаго составленъ былъ сборникъ эксцерптовъ изъ разныхъ историковъ, при чемъ эксцерпты распредѣлялись по группамъ или рубрикамъ, напр. о посольствахъ, о добродѣтеляхъ и порокахъ, сентенціяхъ и т. под. Этому сборнику мы обязаны, между прочимъ, многими отрывками изъ нынѣ утраченныхъ книгъ Полибія [4]).

---

[1]) Gelzer, Sextus Iulius Africanus und die byzantinische Chronographie. Leipz. 2 т., 1880—5.

[2]) Изд. Schöne (Berlin. 1875).

[3]) Латинскій переводъ ея—въ изд Siegfrid'a и Gelzer'a. 1884.

[4]) Византійской эпохѣ принадлежитъ и компиляція нѣкоего Аристодема, отрывки изъ которой впервые опубликованы во второй половинѣ XIX в. (Fr. Hist. Gr., V).

Немало цѣнныхъ извѣстій находится въ сходіяхъ, напр. къ Аристофану, и у лексикографовъ. Начало лексикографіи относится еще къ Александрійской эпохѣ, расцвѣтъ же — къ римской и византійской. Наиболѣе выдающіеся лексикографы— Юлій Поллуксъ (или Полидевкъ) (въ концѣ II и началѣ III в. по Р. Х.), Гарпократіонъ (II или IV в.), составившій объяснительный словарь къ 10 аѳинскимъ ораторамъ, Гесихій (въ концѣ IV или въ V в.), Свида, относящійся уже къ византійской эпохѣ (X в.), и Стефанъ Византійскій, авторъ географическаго словаря. Къ числу лексикографовъ долженъ быть отнесенъ и патріархъ Фотій, составившій также словарь [1]). Въ большей части такихъ словарей мы найдемъ объясненія различныхъ выраженій, терминовъ, съ историческими справками, съ цитатами изъ многихъ сочиненій, до насъ не дошедшихъ. Нѣкоторые изъ нихъ поэтому весьма важны для знакомства съ греческими государственными и правовыми древностями, и безъ нихъ никоимъ образомъ здѣсь обойтись нельзя. Въ особенности это нужно сказать о Поллуксѣ и Гарпократіонѣ. Достаточно указать, что, напр., многія цѣнныя сообщенія второй (систематической) части «Аѳинской Политіи» Аристотеля были давно намъ извѣстны, еще до открытія трактата, благодаря названнымъ лексикографамъ.

Лексикографы

Географы и путешественники-періэгеты.

При обзорѣ источниковъ греческой исторіи нельзя обойти молчаніемъ географовъ[2]) и путешественниковъ-періэгетовъ. Географы близко примыкаютъ къ историкамъ; иногда между ними трудно даже провести черту. Первоначально исторія и географія не были даже раздѣлены, и первые историки-логографы нерѣдко были въ то-же время и географами, какъ это мы уже видѣли. При изученіи греческой исторіи особенно приходится имѣть въ виду изъ географовъ Страбона, а изъ періэгетовъ—Павсанія.

«Географія» (17 кн.) Страбона дошла до насъ[3]). Страбонъ— современникъ Августа. По его словамъ, онъ посѣтилъ земли отъ Арменіи до Сардиніи и отъ Понта Евксинскаго до Эѳіопіи. О странахъ, которыхъ онъ не посѣщалъ, Страбонъ собиралъ

Страбонъ

[1]) Недавно найдена новая рукопись, содержащая, между прочимъ, начало его и дающая нѣкоторый новый матеріалъ: Der Anfang d. Lexikons des Photios, hrsg. von Reitzenstein. Leipz.-Berl. 1907.—Имѣется нѣсколько и безъимянныхъ лексиконовъ, напр. Lexica Segueriana (Bekker, Anecdota graeca. Berl. 1814), Etymologicum Magnum и опубликованный (1892) А. И. Пападопуло-Керамевсомъ Lex. Sabbaiticum.

[2]) C. Müller, Geographici Graeci minores (кол. Didot). 1885; о географическихъ свѣдѣніяхъ грековъ—Berger, Gesch. d. wissenschaftl. Erdkunde d. Griechen.

[3]) Есть и въ русск. перев.—Ѳ. Г. Мищенка (М. 1879).

свѣдѣнія у тѣхъ, кто ихъ видѣлъ и описалъ. Онъ вообще цитируетъ многихъ авторовъ, но съ нѣкоторыми изъ нихъ, повидимому, знакомъ былъ лишь изъ вторыхъ рукъ; быть можетъ, онъ не пользовался даже Геродотомъ непосредственно. Но во всякомъ случаѣ обширный трудъ его—плодъ работы многихъ лѣтъ и содержитъ массу драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Вся географія Страбона носитъ, такъ сказать, историческій характеръ, и безъ нея нельзя обойтись при занятіяхъ греческою исторіею[1]).

Павсаній

Изъ періэгетовъ-путешественниковъ наиболѣе замѣчателенъ Павсаній (II в. по Р. Х.). О личности Павсанія мы очень мало знаемъ; біографія его почти неизвѣстна. Извѣстно лишь его путешествіе по Греціи, которое онъ описываетъ въ своемъ трудѣ—Περιήγησις τῆς Ἑλλάδος[2]). Павсанія иногда называютъ «Бедекеромъ древности». Его «Описаніе Эллады» состоитъ изъ 10 книгъ; описана большая часть Греціи, именно страны, болѣе важныя въ культурномъ и политическомъ отношеніи, наиболѣе богатыя памятниками древности и искусства. Дѣло въ томъ, что Павсаній интересовался преимущественно стариной—вещественными памятниками всякаго рода, развалинами, надписями, изображеніями, предметами, хранящимися въ святилищахъ, преданіями и разсказами, связанными со всѣмъ этимъ обычаями и т. д. Поэтому его трудъ чрезвычайно важенъ для греческой миѳологіи, археологіи, исторіи искусства, быта, а отчасти и политической. Въ наше время, когда такъ энергично идутъ изслѣдованія на мѣстѣ, раскопки, Павсаніево «Описаніе Эллады» пріобрѣтаетъ особое значеніе: изслѣдователю, работающему въ этихъ областяхъ, можно сказать, не приходится выпускать Павсанія изъ рукъ.

Но одно обстоятельство можетъ смутить читателя Павсанія: послѣдній путешествовалъ по Греціи, лично осматривалъ памятники; между тѣмъ у него встрѣчаются подчасъ странные пропуски,

---

[1]) Сохранился и трудъ великаго астронома и географа древности Птолемея (II в. по Р. Х.), своего рода руководство древней географіи, въ 8 кн., весьма важное для картографіи.

[2]) Изд. Spiro. Leipz. 1903. 3 v. (Teubner); новѣйшее съ коментар.—Hitzig'a и Blümner'a (Berlin. 1896 сл.); англійскій переводъ, съ обширными комментаріями, иллюстраціями и планами,—Frazer'a (London. 1898. 6 т.); рус пер.—г. Янчевецкаго. О Павсаніи: Wilamowitz, въ Hermes, XII; Kalkmann, Pausanias der Perieget Untersuchungen über seine Schriftstellerei und seine Quellen. Berlin. 1886; Gurlitt, Ueber Pausanias. Graz. 1890; Heberdey, Die Reisen des Pausanias in Griechenland. Wien. 1894; (Abh. d. arch.-epigr. Seminars. X); Robert, Pausanias als Schriftsteller. Berl. 1909; ср. ст. С. А. Жебелева, въ Ж. М. Н. Пр., 1909, окт.

умолчанія о памятникахъ и предметахъ, которыхъ онъ не могъ не видѣть, разъ онъ путешествовалъ по тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ описываетъ, и замѣчательно, что онъ упоминаетъ даже о мелочахъ, когда дѣло идетъ о памятникахъ древнѣе 150 г. до Р. Х., а систематически умалчиваетъ о тѣхъ, которые позже этого года. Спрашивается, чѣмъ же это объяснить? Отчасти пристрастіемъ Павсанія къ старинѣ, а главное тѣмъ, что хотя онъ и путешествовалъ по Элладѣ, но писалъ онъ по возвращеніи, больше на основаніи книжнаго матеріала. Данныя своихъ источниковъ онъ сливалъ съ личными воспоминаніями и впечатлѣніями. Источникомъ для Павсанія былъ, между прочимъ, его предшественникъ Полемонъ. Во всякомъ случаѣ трудъ Павсанія—цѣлая сокровищница свѣдѣній относительно греческой старины и древностей.

Этимъ я заканчиваю обзоръ источниковъ и перехожу къ обозрѣнію пособій или, точнѣе, къ очерку разработки греческой исторіи въ новое время, преимущественно въ XIX и началѣ XX в.

II.

Очеркъ разработки греческой исторіи

въ XIX и въ началѣ XX в.

Литература: Wachsmuth, Einleitung. Leipz. 1895; Bursian, Gesch d class Philologie in Deutschland. München-Leipz. 1883; Wegele, Gesch. d. deutsch. Historiographie München-Leipz. 1885 (то и другое въ коллекціи «Gesch. d. Wissenchaften in Deutschland»); Urlichs, Grundlegung und Gesch. d. klass. Altertumswissenschaft². Munchen. 1892 (въ кол. Iw. v. Müller); Gudeman, Grundriss d. Gesch. d. klass. Philologie. Leipz.-Berl. 1907; Kroll, Die Altertumswissenschaft im letzten Vierteljahrh. Leipz. 1905 (есть 2-е изд.), изъ Jahresber. über d. Fortschritte d. klass. Altertumswiss.; его-же, Cesch. d. klass. Philologie. Leipz. 1898 (въ кол. Göschen'a); Sandys, A History of classic. scholarship. Cambr. 1906—8 3 т.; ожидается Gercke und Norden, Einleitung in die Altertumswiss., въ 3 т.; обзоры въ общихъ трудахъ по исторіи Греціи, напр. Holm, E. Meyer, Pöhlmann; Ѳ. Г. Мищенко, Изуч. античн. міра въ зависим. отъ успѣховъ науки и просвѣщ. Каз. 1893; ст. А. И. Покровскаго («Историч. Обозр.». Спб. 1890, I), Б. Ф. Бурзи («Кіевск. Унив Изв.», 1897, дек.), О. Ѳ Базинера (Ж. М. Н. Пр., 1901, янв.). Отчеты о текущей литературѣ преимущественно въ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft, въ Jahresb. über die Fortschritte d. klass. Wissenschaft, въ Revue histor., Histor. Zeitschr., Berl. Philol. Wochenschr., Wochenschr. f. klass. Philol., и проч. Изъ справочн. пособій см. Hübner, Bibliographie d. klass. Altertumswissenschaft² (Grundriss). Berl. 1889; на рус. яз. есть прекрасный «Систематич. указатель книгъ и статей по греч. филологіи, напечатанныхъ въ Россіи» П. И. Прозорова (Спб 1898); добавленія и поправки къ нему см. въ рец. А. І. Малеина въ «Филол. Обозр.», XV (1898).

«Факты прошлаго», говоритъ Гизо, «заключаютъ въ себѣ безчисленныя тайны, которыя раскрываются человѣку лишь тогда, когда онъ способенъ познать ихъ... Такъ какъ все въ человѣкѣ и вокругъ него безпрерывно мѣняется—и точка зрѣнія, съ которой онъ изучаетъ факты, и настроеніе, которое онъ вноситъ въ это изученіе,—то можно бы сказать, что прошлое мѣняется

вмѣстѣ съ настоящимъ... Факты открываются наблюдателю неизвѣстною дотолѣ стороною и говорятъ съ нимъ на другомъ языкѣ. Онъ самъ примѣняетъ въ изслѣдованіи ихъ другіе принципы, наблюденія и сужденія... Зрѣлище осталось то-же, но зритель—другой, и онъ занимаетъ другое мѣсто; въ его глазахъ все измѣнилось» [1]).

Въ своемъ развитіи, въ своемъ движеніи къ завѣтной конечной цѣли—истинѣ—наука далеко не всегда идетъ непрерывно и неуклонно въ одномъ направленіи, прямою дорогою, и если бы мы попытались изобразить графически это движеніе, то у насъ получилась бы не прямая линія, а нѣчто въ родѣ зигзаговъ. Большею частью наука, съ ея теоріями и взглядами, уклоняется то въ ту, то въ другую сторону: одна крайность обыкновенно вызываетъ другую, за одною реакціею слѣдуетъ другая, противоположная. Въ особенности это нужно сказать объ исторіи: духъ и запросы времени, различныя теченія въ сферѣ философской и политической мысли, настроеніе и идеалы общества, личные взгляды и симпатіи автора нигдѣ не отражаются такъ ярко и не вліяютъ такъ могущественно, какъ въ области изученія явленій прошлаго, даже такого отдаленнаго отъ насъ, какъ исторія Греціи. Это обстоятельство, эту тѣсную связь съ современнымъ историку настроеніемъ и положеніемъ дѣлъ необходимо имѣть въ виду при обзорѣ новѣйшей исторической литературы.

Новое «Возрожденіе классической древности» въ XVIII и началѣ XIX в.

Ученые XVI—XVII в.

Я не буду останавливаться на гуманистахъ и на трудахъ ученыхъ XVI и XVII в.—Сигонія, Меурзія, Убо Эммія, Перицонія—трудахъ, обильныхъ ученостью, но сухихъ, устарѣлыхъ и давно забытыхъ, къ которымъ даже спеціалистамъ почти никогда не приходится обращаться. Но среди этихъ ученыхъ слѣдуетъ все-же отмѣтить Скалигера, какъ основателя научной хронологіи[2]), и Бентлея, какъ провозвѣстника новаго критическаго метода, доказавшаго подложность такъ называемыхъ писемъ Фаларіса (1699).

Начало новаго «Возрожденія».

Какъ-бы новое, вторичное «Возрожденіе классической древности» обнаружилось во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX в. въ Германіи. Оно совпало съ расцвѣтомъ нѣмецкой

[1]) Ср. Р. Ю. Випперъ, Очерки исторической мысли XIX в. («Міръ Божій», 1901, мартъ).

[2]) De emendatione temporum (1583); Thesaurus temporum 1606. (2-е изд. 1658).

литературы, съ эпохой Гете и Шиллера и романтизмомъ, и въ значительной мѣрѣ обусловливало этотъ расцвѣтъ. На первыхъ порахъ особенно увлекались эстетикой: искали законовъ художественнаго творчества, а въ Греціи видѣли источникъ истинной художественности и культуры.

Винкельманъ

Громадное вліяніе на новое «Возрожденіе древности» оказалъ Винкельманъ [1]) своею знаменитою «Geschichte der Kunst des Alterthums» [2]) (1764). Винкельманъ явился, можно сказать, основателемъ исторіи искусства: онъ открылъ Европѣ греческое искусство. Его трудъ внесъ новую, сильную, свѣжую струю въ изученіе древности и могущественнымъ образомъ повліялъ на пробужденіе интереса къ ней. Въ томъ-же направленіи дѣйствовали: Лессингъ такими своими трудами, какъ «Лаокоонъ или о границахъ между живописью и поэзіей» (1766) и «Гамбургская драматурія» (1767—69), въ которой онъ проводилъ свои взгляды на драматическую поэзію, при чемъ касался греческой трагедіи и взглядовъ Аристотеля; Гердеръ своими историко философскими идеями [3]), своими статьями о греческой литературѣ и взглядами на народную поэзію, и Фоссъ, своимъ переводомъ (1781—93) сдѣлавшій Гомера доступнымъ массѣ образованной нѣмецкой публикѣ.

Лессингъ и другъ.

Гете и Шиллеръ

Произведеніе Винкельмана и «Лаокоонъ» Лессинга, какъ извѣстно, произвели сильное впечатлѣніе на молодого Гете; всю жизнь потомъ онъ находился подъ нѣкоторымъ обаяніемъ античнаго міра. Великій «Олимпіецъ», какъ называли иногда Гете, проникнутъ былъ эллинскимъ духомъ; его геній былъ какъ-бы родственнымъ генію грековъ. Классическую древность Гете зналъ и понималъ прекрасно. Для него грекъ—типъ человѣка, образецъ высоко и всесторонне развитой человѣческой личности. То-же, хотя и въ меньшей мѣрѣ, можно сказать и о другомъ великомъ поэтѣ Германіи—Шиллерѣ, переводившемъ (не зная даже языка) «Ифигенію въ Авлидѣ» и «Финикіянокъ» Еврипида и въ своихъ статьяхъ по эстетикѣ касавшемся древности.

Романтизмъ.

Вліяніе Винкельмана сказывается еще на такихъ представителяхъ романтизма, какъ братья Шлегели. Оба они извѣстны трудами по исторіи греческой литературы. Во всемъ этомъ

---

[1]) Iusti, Winkelmann und seine Zeitgenossen. 2-te Aufl. Leipz. 1898. 3 т.; Н. М. Благовѣщенскій, Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб. 1891.

[2]) Русск. пер.—«Исторія искусства древности». Ревель. 1890 (прилож. къ журн. «Гимназія», 1888—1890).

[3]) Въ особенности знаменитыми Ideen z. Philosophie der Geschichte der Menschheit (1784—91, 4 ч.).

немало было, конечно, односторонняго увлеченія, идеализаціи древности. Въ Германіи XVIII в., при слабомъ развитіи общественно-политической жизни, при отсутствіи живого интереса къ ней, на первомъ планѣ стояли вопросы эстетики: вниманіе привлекали искусство и литература грековъ, но не ихъ политическая исторія, не общественный и государственный строй. Но все-же интересъ къ древности, хотя и съ односторонней, эстетико-романтической точки зрѣнія, былъ пробужденъ.

Франція

Въ то время, какъ въ нѣмецкой литературѣ XVIII в. мы видимъ такое увлеченіе греческимъ искусствомъ и поэзіей, во Франціи увлекались преимущественно Плутархомъ и его героями, античными республиками, Аѳинами и въ особенности Спартою, доблестями и республиканскими добродѣтелями ихъ гражданъ, при чемъ представляли себѣ ихъ въ болѣе или менѣе идеальномъ свѣтѣ. Достаточно вспомнить о дѣятеляхъ и ораторахъ временъ французской революціи. Изъ сочиненій же, воспроизводившихъ греческую древность, во французской литературѣ мы назовемъ лишь одно, пользовавшееся большимъ успѣхомъ; это—«Voyage du jeune Anacharsis en Grèce» аббата Бартелеми (Barthélemy), полуисторія, полуроманъ, гдѣ въ формѣ путешествія молодого скиѳа описывается бытъ и строй Греціи. А изъ работъ спеціальнаго характера мы должны въ особенности отмѣтить открытіе и изданіе Villoison'омъ (1788) венеціанскаго кодекса Иліады со схоліями, значительно отличавшагося отъ вульгаты, что̀ послужило толчкомъ къ поднятію гомерическаго вопроса и опорой для выводовъ Ф. А. Вольфа въ его Prolegomena.

Англія.

Зато въ Англіи уже въ XVIII ст. появилось нѣсколько общихъ «Исторій Греціи»—Goldsmith'a, Gillies, Mitford'a; но на нихъ мы можемъ не останавливаться, такъ какъ въ настоящее время труды эти не имѣютъ никакого значенія; отмѣтимъ развѣ «Исторію Греціи» Митфорда, замѣчательную своею торійскою точкою зрѣнія и въ особенности тѣмъ, что она дала поводъ Гроту взяться за свой знаменитый трудъ по исторіи Греціи.

Отъ Вольфа, Нибура и Бека до Грота.

Начало новой эпохи.

Французская революція, владычество Наполеона, разгромъ и послѣдовавшее затѣмъ возрожденіе Германіи, пробужденіе національныхъ и политическихъ стремленій, все это должно было отразиться и на развитіи исторической науки, возбудить интересъ не къ одной только эстетической, но и къ другимъ сторонамъ древности—къ ея политической жизни, къ внутрен-

нему, государственному и экономическому строю. То была пора, когда, среди наступившаго послѣ долгихъ Наполеоновскихъ войнъ мира, различныя націи Европы вступили какъ-бы въ соревнованіе между собою на научномъ поприщѣ; но въ сферѣ историко-филологическихъ наукъ первое мѣсто принадлежало тогда, безспорно, Германіи. Здѣсь мы видимъ кипучую дѣятельность, обиліе талантовъ. Корифеями въ области изученія древности въ началѣ XIX в. являются Вольфъ, Нибуръ и потомъ Бекъ. Съ ними начинается новая эпоха въ разработкѣ древней исторіи.

Вольфъ. Фридрихъ Августъ Вольфъ (1759—1824) лучшею порою своей дѣятельности принадлежитъ еще XVIII в.: свои знаменитыя Prolegomena ad Homerum[1]) онъ издалъ въ 1795 г., будучи профессоромъ въ Галле (впослѣдствіи онъ перешелъ въ Берлинъ). Эти Prolegomena составили эпоху въ классической филологіи; они положили начало гомерическому вопросу (см. выше, стр. 21) и болѣе того—методическому изученію памятниковъ древности: изслѣдованіе Вольфа важно не столько по своимъ выводамъ, сколько по методу, какъ образецъ тщательнаго и критическаго разбора ряда свидѣтельствъ касательно гомерическихъ поэмъ, начиная съ глубокой древности.

Нибуръ Нибуръ (1776—1831)[2]) своею «Римскою исторіею» (1811) открываетъ новую эру въ развитіи исторической науки (подобно тому, какъ Вольфъ своими Prolegomena—въ филологіи). Его критическій методъ, его стремленіе очистить историческую дѣйствительность отъ легенды и преданія, представить древность въ живомъ видѣ, его пріемы, универсально-историческая точка зрѣнія, уясненіе аграрныхъ и экономическихъ отношеній древности путемъ сближеній и сопоставленій,—все это не могло не отразиться на разработкѣ и другихъ отдѣловъ исторіи, въ томъ числѣ и греческой. Но Нибуръ имѣетъ и болѣе прямое отношеніе къ разработкѣ греческой исторіи: будучи профессоромъ въ Боннѣ, онъ въ 1825/6 и 1829/30 гг. читалъ лекціи по исторіи Востока и Греціи, включая и Македонскій періодъ. Лекціи эти—«Vorträge über alte Geschichte»—впослѣдствіи, спустя уже много лѣтъ послѣ смерти Нибура, были изданы его сыномъ (1847—51), въ 3 томахъ, на основаніи записокъ слушателей[3]). На нихъ лежитъ печать оригинальности. Но все-же онѣ, не говоря уже объ ихъ устарѣлости, нѣкоторой неравномѣрности изложенія и ошибкахъ въ деталяхъ—вполнѣ понятныхъ, такъ какъ

[1]) Новое 2-е изданіе—Berlin. 1876; 3-е изд.—Halle. 1884.

[2]) О немъ на рус. яз.—ст. Т. Н. Грановскаго (Соч., II).

[3]) О нихъ ст. Т. Н. Грановскаго (Соч., т. II).

Нибуръ читалъ на-память и безъ особенной подготовки—, конечно, не могутъ быть и сравниваемы съ его «Римскою исторіею».

Но ближайшее участіе въ разработкѣ греческой исторіи принималъ Бекъ [1]) (1785—1867), ученикъ Вольфа, профессоръ сначала въ Гейдельбергѣ, затѣмъ въ Берлинѣ. Берлинскій университетъ, какъ извѣстно, былъ основанъ (1810) послѣ разгрома Пруссіи и долженъ былъ служить средствомъ къ поднятію и возрожденію ея, дабы, выражаясь словами Фридриха Вильгельма III, «духовными силами возмѣстить потерю въ силахъ физическихъ», матеріальныхъ. На первыхъ-же порахъ въ немъ преподавали такія свѣтила тогдашней науки и философіи, какъ Нибуръ, Савиньи, Фихте, учителя Бека—Вольфъ и Шлейермахеръ, и другъ. Въ ихъ среду вступилъ и Бекъ. Кромѣ того, вскорѣ онъ дѣлается членомъ Берлинской Академіи Наукъ и сближается съ знаменитыми братьями Гумбольдтами. Бекъ.

Бекъ былъ того мнѣнія, что Академія должна взять на себя такія задачи и предпріятія, которыя не по силамъ отдѣльнымъ лицамъ, и какъ только кончилась война за освобожденіе Германіи, въ началѣ 1815 г. онъ внесъ въ Академію предложеніе издать собраніе всѣхъ античныхъ надписей, начавъ съ греческихъ. Для осуществленія предпріятія избрана была коммиссія. Душою же всего дѣла былъ Бекъ: на него возложена была редакція; на него легла и главная тяжесть работы. Первый выпускъ появился въ 1825 г., а въ 1828 г. вышелъ весь I томъ знаменитаго «Corpus Inscriptionum Graecarum». Этимъ положено было начало цѣлому ряду подобныхъ же сборниковъ эпиграфическаго матеріала (ср. выше, на стр. 17 и слѣд.). Бекъ явился такимъ образомъ основателемъ современной эпиграфики. Онъ собралъ громадный эпиграфическій матеріалъ, добылъ лучшіе, болѣе точные списки многихъ надписей и доказалъ подложность нѣкоторыхъ; во многихъ случаяхъ установилъ болѣе правильный текстъ, при чемъ обнаружилъ замѣчательное и всестороннее знаніе древности, обширную ученость, критическій талантъ и даръ дивинаціи; онъ далъ образцовыя объясненія надписей, опредѣляя время каждой и ея историческій смыслъ. Въ Corp. Inscr. Graec. мы встрѣчаемъ иногда цѣлыя изслѣдованія Бека.

Въ связи съ работами Бека надъ Corp. Inscr. Graec. стоитъ замѣчательная монографія его о государственномъ хозяйствѣ

[1]) Max Hoffmann, August Böckh. Leipz. 1901; Harnack, Gesch. d. Königl. Preuss. Akad. d. Wissensch. zu Berlin. 1900.

аѳинянъ («Die Staatshaushaltung der Athener», 1817) [1]), для которой главный матеріалъ дали ему надписи. Монографія эта принадлежитъ къ тѣмъ трудамъ, которые нѣмцы называютъ epochemachend, «дѣлающими эпоху». Прежде всего замѣчательна здѣсь тема. Бекъ остановилъ свое вниманіе на самой прозаической сторонѣ греческой жизни и назадъ тому около 100 лѣтъ заговорилъ о такихъ вещахъ, какъ цѣна, заработная плата, проценты, финансовое управленіе, расходы, доходы... По темѣ и содержанію трудъ Бека опередилъ его эпоху и стоитъ въ уровень съ современными требованіями и задачами исторической науки. Бекъ чрезвычайно расширилъ рамки классической филологіи, какъ науки, и, самъ филологъ, написалъ трудъ, чрезвычайно важный и для историка, и для экономиста. Въ своемъ трудѣ онъ затрогиваетъ множество вопросовъ изъ экономической и финансовой жизни Аттики. Онъ касается всего хозяйственнаго организма Аѳинскаго государства, самыхъ основъ его существованія, его внутренней жизни, административнаго и политическаго строя, его механизма. Такимъ образомъ, трудъ Бека важенъ для знакомства не только съ хозяйствомъ и финансами, но и вообще съ жизнью и строемъ Аѳинскаго государства. И при всемъ этомъ новизна—опять-таки для того времени—и документальность положеннаго въ основу матеріала: Бекъ привлекъ новый, дотолѣ неиспользованный и малоизвѣстный, источникъ—надписи, съ ихъ документальными данными. Прошло уже почти 100 лѣтъ со времени появленія монографіи Бека, но она до сихъ поръ остается «основною» («grundlegend») по вопросамъ, касающимся аѳинскихъ финансовъ и финансоваго управленія (особенно во 2-мъ изд., не говоря уже о 3-мъ) [2]).

Можно сказать, что въ первой половинѣ XIX в. наука классической филологіи и въ частности изученіе греческой древности находились подъ вліяніемъ Бека; во многихъ отношеніяхъ его вліяніе сказывается и донынѣ.

К. О. Мюллеръ.

Среди многочисленныхъ учениковъ Бека особенно выдавался высокоталантливый и разносторонній Карлъ Отфридъ Мюл-

---

[1]) Первые два тома (III томъ, содержащій Urkunden über das Seewesen, появился въ 1840 г.); 2-е изданіе вышло въ 1851 г., а 3-е, въ обработкѣ Макса Френкеля, въ 1886 г.

[2]) Беку, кромѣ того, принадлежатъ и другіе многочисленные, важные труды, въ томъ числѣ по метрологіи, изслѣдованія касательно древняго календаря и «Энциклопедія и методологія филологич. наукъ», имѣющаяся въ русск. изложеніи.

леръ[1]). Быстро прошелъ онъ свое земное поприще: родился онъ въ 1797 г.; 22 лѣтъ былъ уже профессоромъ въ Геттингенѣ, а 43 лѣтъ сошелъ въ могилу. Но не смотря на свою недолгую жизнь, К. О. Мюллеръ оставилъ рядъ выдающихся трудовъ и глубокій слѣдъ въ наукѣ. Въ немъ соединялись юношескій пылъ, художественныя наклонности, историческое чутье, замѣчательныя природныя дарованія и удивительное трудолюбіе. Научные интересы К. О. Мюллера были очень широки; но главнымъ образомъ его вниманіе привлекало «священное и прекрасное» древности. Его труды касались миѳологіи, можно сказать—любимой его области («Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie». 1825), археологіи и искусства («Handbuch der Archaologie der Kunst». 1830; «Denkmäler der alten Kunst» 1832), литературы («Geschichte der griech. Litteratur». 1841. 2 т.) и исторіи Греціи. Сюда относится обширный по замыслу трудъ: «Geschichten hellenischer Stämme und Städte», первая часть котораго посвящена Орхомену и миніямъ («Orchomenos und die Minyer». 1820), а вторая—дорянамъ («Die Dorier». 1824. 2 т.), ихъ внѣшней исторіи, религіи и миѳамъ, государственному строю, нравамъ и искусству. Къ дорянамъ К. О. Мюллеръ питалъ особую симпатію: въ нихъ онъ видѣлъ наиболѣе типичныхъ выразителей греческаго генія. Отмѣтимъ также, что К. О. Мюллеръ не допускалъ, чтобы въ греческой культурѣ были какіе-либо чуждые, восточные элементы: онъ стоялъ за полную самостоятельность, чистоту этой культуры и отрицалъ вліяніе Востока.

Но всѣ эти работы, какъ ни были онѣ важны сами по себѣ для своей эпохи, должны были служить лишь подготовкой къ другому, болѣе обширному труду, о которомъ мечталъ К. О. Мюллеръ еще съ самой юности,—къ общей «Исторіи Греціи». Но прежде чѣмъ приняться за этотъ трудъ, К. О. Мюллеръ желалъ воочію видѣть Элладу.

Со времени геройской борьбы Греціи за освобожденіе въ Европѣ пробуждается особенное вниманіе и интересъ къ этой странѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя дѣлается гораздо доступнѣе для путешественниковъ и для изслѣдованій на мѣстѣ. Рядъ ученыхъ отправляется туда, чтобы изучить страну и ея памятники[2]).

[1]) Karl Otfr. Muller. Lebensbild in Briefen an seine Eltern mit dem Tagebuch... Hrsg. von Otto u. Else Kern. Berl. 1908.

[2]) Еще до войны грековъ за освобожденіе, нѣкоторые драгоцѣнные памятники вывезены были изъ Греціи. Къ числу ихъ относятся мраморы Парѳенона и Эгинскіе. Первые уступлены были лордомъ Elgin'омъ Британскому музею въ 1816 году, а вторые составили зерно Мюнхенскаго музея (1820).

Появляются многочисленныя описанія путешествій и изслѣдованія по топографіи. Особенно здѣсь слѣдуетъ отмѣтить имена англичанина Лика (Leake) и нѣмца[1]) Людвига Росса, который изъѣздилъ Грецію и описалъ свои путешествія въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, собиралъ надписи и многія изъ нихъ пересылалъ Беку, руководилъ раскопками въ Аѳинахъ, въ акрополѣ. И вотъ К. О. Мюллеръ, въ свою очередь, ступаетъ на священную для него почву Эллады, исполненный радостныхъ надеждъ и широкихъ плановъ. Но ему не суждено было осуществить задуманный трудъ—написать общую «Исторію Греціи»: въ Дельфахъ, въ тотъ моментъ, когда онъ списывалъ одну изъ надписей, онъ былъ пораженъ солнечнымъ ударомъ и умеръ въ Аѳинахъ (1840)... Послѣднія его слова были: «Какія колонны!...»

Труды по греч. древностямъ.

Въ разсматриваемый періодъ, т. е. въ первую половину XIX стол., появилось нѣсколько трудовъ по греческимъ древностямъ. Изъ нихъ еще и теперь заслуживаетъ вниманія «Lehrbuch der griechischen Staatsalterthumer aus dem Standpuncte der Geschichte» Карла Фридр. Германа,—учебникъ, впервые появившійся въ 1831 г. и потомъ разросшійся въ многотомный компендіумъ, «Lehrbuch der griechischen Antiquitäten», въ коемъ государственныя древности составляютъ лишь первую часть, остальныя же части посвящены были религіознымъ, частнымъ и правовымъ древностямъ. Учебникъ этотъ отличается краткимъ, сжатымъ текстомъ, обширными примѣчаніями съ многочисленными ссылками и цитатами изъ источниковъ и указаніями на литературу; въ этихъ примѣчаніяхъ собранъ громадный матеріалъ. Трудъ Германа до сихъ поръ служитъ однимъ изъ основныхъ, настольныхъ пособій при занятіяхъ греческою исторіею и древностями. Онъ переиздавался много разъ, подвергаясь дополненіямъ и исправленіямъ[2]).

Говоря о разработкѣ греческой исторіи въ Германіи въ первой половинѣ XIX в., мы должны еще упомянуть о Лобекѣ (авторѣ «Aglaophamus sive de theologiae mysticae Graecorum

---

[1]) Въ особенности великъ былъ наплывъ въ Грецію, послѣ ея освобожденія, нѣмецкихъ ученыхъ и путешественниковъ, чтò, кромѣ научнаго интереса, объясняется еще и тѣми связями, которыя существовали между греческимъ королевствомъ времени Оттона (бывшаго баварскаго принца) и Германіей.

[2]) Не такъ давно онъ вышелъ новымъ, 6-мъ изданіемъ (подъ общею редакціею Blümner'a и Dittenberger'a); отдѣлъ государственныхъ древностей обработанъ Thumser'омъ—(1889—1892); для новаго изданія Hans Droysen написалъ «Военныя древности» (ихъ не было у Германа), составившія цѣлый томъ.

causis». 1829. 2 т.); Велькерѣ, знатокѣ поэзіи, искусства и религіи грековъ (главный трудъ—«Die griechische Götterlehre». 1857—62. 3 т.), и въ особенности о І. Густ. Дройзенѣ.

Дройзенъ. Дройзенъ (1808—1884), въ концѣ 30-хъ годовъ профессоръ въ Берлинѣ, затѣмъ въ Килѣ, въ Іенѣ и, наконецъ, опять въ Берлинѣ,—не филологъ-классикъ, а историкъ, и притомъ занимавшійся не только древностью, но и новыми вѣками; извѣстны его лекціи о войнѣ за освобожденіе («Vorlesungen über die Freiheitskriege»), въ свое время (1846) производившія сильное впечатлѣніе, біографія генерала Іорка и многотомная «Geschichte der preussischen Politik». Онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое мечтало объ объединеніи Германіи, боролось за эту идею и возлагало свои надежды на Пруссію. Онъ—одинъ изъ главныхъ, характерныхъ представителей нѣмецкой исторической науки прошлаго вѣка. Наиболѣе извѣстна его «Исторія эллинизма» или исторія Александра В. и его преемниковъ (3 т. 1833—1843 г.)[1]).

Когда Дройзенъ работалъ надъ нею, исторіей Македонскаго періода занимались еще очень мало: она оставлялась какъ-бы въ сторонѣ и въ пренебреженіи. Отчасти это зависѣло отъ самыхъ свойствъ предмета и отъ того, что, увлекаясь Элладой, многіе не чувствовали вовсе влеченія къ изученію исторіи ея македонскихъ завоевателей, видя въ періодѣ, наступившемъ послѣ Херонейской битвы, лишь извращеніе, паденіе и разложеніе чистыхъ эллинскихъ началъ, а въ войнахъ преемниковъ Александра—лишь безсмысленную борьбу и путаницу. Совершенно иначе отнесся къ Македонской эпохѣ Дройзенъ. Въ ея оцѣнкѣ онъ сталъ на противоположную точку зрѣнія. По его собственнымъ словамъ, Македонскій періодъ, на который обыкновенно смотрѣли съ пренебреженіемъ, ему кажется не «большимъ пробѣломъ», не «мертвымъ полемъ въ исторіи человѣчества», не «отвратительнымъ отложеніемъ всякаго извращенія, гнили и мертвечины», а напротивъ—«живымъ членомъ въ цѣпи человѣческаго развитія, наслѣдникомъ и исполнителемъ великаго завѣщанія, носителемъ величайшаго назначенія». «Эллинизмъ», по мнѣнію Дройзена, «есть современная эпоха язычества» или «древности». Сквозь безконечныя войны и распри Александровыхъ преемниковъ, сквозь эту путаницу Дройзенъ усмотрѣлъ важное, всемірно-историческое значеніе эпохи—развитіе новаго «принципа», который онъ назвалъ «эллинистиче-

[1]) Есть рус. перев.

скимъ», и съ тѣхъ поръ слово «эллинизмъ» стало общеупотребительнымъ въ смыслѣ термина для обозначенія того періода, который наступилъ со времени Александра Македонскаго и «распространенія греческаго господства и образованности среди отжившихъ культурныхъ народовъ Востока», и той культуры, которая возникла изъ сліянія началъ греческихъ и восточныхъ. Благодаря той любви и интересу, съ которыми Дройзенъ изучилъ исторію не только Александра В., но и его преемниковъ, онъ достигъ того, чего не могъ достичь даже Нибуръ,—осилилъ подробности, вполнѣ справился съ неблагодарнымъ и труднымъ матеріаломъ. Борьбу, казавшуюся безсмысленною, и путаницу, представлявшуюся непреодолимою, Дройзенъ сумѣлъ осмыслить и освѣтить, указалъ на господствующія идеи, проявляющіяся въ этой борьбѣ, отмѣтилъ ея главныя стадіи и выставилъ въ яркомъ свѣтѣ, на первомъ планѣ, главныхъ дѣятелей и главные мотивы.

Конечно, трудъ Дройзена имѣетъ и свои недостатки. Въ немъ есть промахи, неточности и пробѣлы, тѣмъ болѣе понятные, что, какъ было упомянуто, періодъ этотъ сравнительно мало изслѣдовался, а показанія источниковъ часто слишкомъ скудны и сбивчивы. Желаніе дать, несмотря на эту скудость, отрывочность и сухость матеріала, наглядное и яркое изображеніе событій, представить мотивы дѣйствующихъ лицъ, иногда увлекало Дройзена слишкомъ далеко, и онъ слишкомъ предавался своей творческой фантазіи, а его стиль не чуждъ иногда риторики. Съ самымъ взглядомъ Дройзена, съ тою «философіей исторіи», которая проглядываетъ въ его трудѣ, съ его гегеліанствомъ и нѣкотораго рода фатализмомъ не всегда можно согласиться. Сужденіе и оцѣнка историческихъ дѣятелей у Дройзена не совсѣмъ безпристрастны. Онъ обнаруживаетъ неизмѣнное преклоненіе предъ Александромъ; онъ во всемъ оправдываетъ его[1]). Зато онъ слишкомъ строгъ и несправедливъ по отношенію къ Греціи, къ аѳинской демократіи и Демосѳену. Послѣдній, по его мнѣнію, долженъ былъ оставить свои патріотическія стремленія, преклониться предъ могуществомъ Македоніи, знать, что ей принадлежитъ будущее, и не бороться съ нею! Вообще, какъ только рѣчь заходитъ о Демосѳенѣ и Александрѣ, ученые обыкновенно оставляютъ историческую, болѣе или менѣе объективную точку зрѣнія и впадаютъ въ крайность, то не въ мѣру унижая и клеймя, то не въ мѣру превознося того или другого.

[1]) Отраженіе подобнаго-же взгляда на Александра въ русской литературѣ мы видимъ въ лекціи Т. Н. Грановскаго (Сочин., т. I).

Дройзенъ, когда говоритъ объ отношеніи Македоніи къ Греціи, представлялъ себѣ, очевидно, отношеніе Пруссіи къ тогдашней Германіи, и это вліяло на его оцѣнку фактовъ и дѣятелей далекаго прошлаго. Наконецъ, такъ прекрасно сознавая всю важность разсматриваемаго періода въ культурномъ отношеніи, давая даже такое общее заглавіе своему сочиненію, какъ «Исторія эллинизма», Дройзенъ, однако, не касается самой интересной стороны эпохи—ея культуры и ограничивается только военно-политическою исторіей. Дѣло въ томъ, что первоначальный чрезвычайно широкій планъ не былъ выполненъ имъ. Дройзенъ впослѣдствіи отъ него отказался и ограничился только тремя томами, представляющими своего рода «трилогію»,—1) исторію Александра, 2) діадоховъ и 3) ихъ эпигоновъ.

Новѣйшіе труды по исторіи эллинизма.

Понятно, что въ настоящее время «Исторія эллинизма» Дройзена во многихъ отношеніяхъ оказывается устарѣлою. Теперь по этому отдѣлу имѣется рядъ новыхъ, крупныхъ трудовъ. Исторіи эллинистическаго періода подробно коснулся Гольмъ въ своей общей «Исторіи Греціи»; ей посвященъ III т. «Исторіи Греціи» Белоха[1]); есть монографіи—B. Niese (Geschichte d. griechisch. und makedon. Staaten seit d. Schlacht bei Chaeronea. 1893—1903. 3 т.), гдѣ мы находимъ сжатый текстъ и многочисленныя примѣчанія, большой фактическій матеріалъ и массу библіографическихъ указаній; Kaerst'a (Gesch. d. hellenistisch. Zeitalters. 1901—1909, 2 т.), у котораго, наоборотъ, освѣщается преимущественно внутренняя сторона, смыслъ и связь явленій эллинизма, его возникновеніе и его сущность; Wendland'a, разсматривающаго эллинистическо-римскую культуру въ ея отношеніи къ іудейству и христіанству (Die Hellenistisch-römische Kultur in ihren Beziehungen zu Judentum und Christentum. 1907), и друг.

Отъ Грота до конца 60-хъ годовъ.

Въ XIX ст. первая замѣчательная общая «Исторія Греціи» вышла въ Англіи. И это не простая случайность. Дѣло въ томъ, что многія черты и явленія въ исторической жизни древнихъ грековъ—политическая свобода и самоуправленіе, такія учрежденія, какъ народное собраніе и судъ присяжныхъ, развитіе политическаго и судебнаго краснорѣчія, мореходства и торговли, многочисленныя колоніи,—все это дѣлало ихъ исторію особенно близкою, интересною и понятною именно для англичанъ.

[1]) О томъ и другомъ трудѣ—см. далѣе (также и о кн. Н. И. Карѣева).

Въ 1835—8 гг. вышла «History of Greece» Thirlwall'я, въ 8 томахъ, отличавшаяся немалыми достоинствами. Но ее совершенно затмила знаменитая «Исторія Греціи» Грота.

Гротъ. Георгъ Гротъ (1794—1871) не былъ профессіональнымъ ученымъ—онъ долгое время былъ банкиромъ и парламентскимъ дѣятелемъ—, и его ученая карьера шла не обычнымъ путемъ[1]), что̀ въ Англіи не составляетъ рѣдкости. Шестнадцати лѣтъ онъ уже закончилъ свое школьное образованіе и долженъ былъ посвятить себя занятіямъ въ банкирской конторѣ, принадлежавшей его отцу. Разносторонними познаніями и широкимъ образованіемъ, которыми Гротъ отличался, онъ былъ обязанъ самому себѣ и затѣмъ общенію съ выдающимися умами. Въ 1826 г. появляется его статья, представляющая критическій разборъ «Исторіи Греціи» Митфорда, которая была проникнута крайними торійскими воззрѣніями, враждою къ Аѳинамъ, и по которой тогдашняя англійская публика преимущественно знакомилась съ древней Грецією. Въ статьѣ намѣчены уже были взгляды, развитые потомъ Гротомъ въ его большомъ трудѣ—«History of Greece»—; отчасти именно желаніе исправить ошибки Митфорда и представить явленія греческой исторіи съ болѣе правильной и широкой точки зрѣнія и побудило его взяться за такой трудъ, которому онъ посвятилъ болѣе 30 лѣтъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ Гротъ навсегда отказывается отъ парламентской и банкирской дѣятельности и всецѣло предается работѣ надъ opus magnum, какъ заранѣе называлъ Дж. Ст. Милль будущую «Исторію Греціи» Грота.

«Исторія Греціи». Въ 1846 г. выходятъ первые два тома ея, а ровно черезъ 10 лѣтъ (1856), съ выходомъ XII тома, капитальный трудъ былъ законченъ. Гротъ начинаетъ съ миѳовъ, которые пересказываетъ подробно, и заканчиваетъ вѣкомъ Александра и его преемниковъ, потому что послѣ этого, по его словамъ, политическая дѣятельность Греціи стѣснена и унижена, для читателя не интересна и не вліяетъ на послѣдующую судьбу міра.

«Исторія Греціи» Грота была встрѣчена какъ въ Англіи, такъ и за ея предѣлами съ восторгомъ. Появленіе ея было цѣлымъ событіемъ. Не смотря на большой объемъ ее читали и ею интересовались не одни спеціалисты; она возбудила вниманіе образованнаго общества Англіи, континента и Америки. Въ Англіи на ней воспитались цѣлыя поколѣнія. Появились переводы на

---

[1]) Біографія Грота написана его вдовою: Har. Grote, The Personal life of G. Grote. 1873 (есть нѣм. перев. Leipz. 1874).

французскій и нѣмецкій языки и разнаго рода извлеченія[1]). Имя Грота пріобрѣло широкую, можно сказать—всемірную, извѣстность. Успѣхъ его «Исторіи Греціи» одинъ изъ новѣйшихъ суровыхъ критиковъ[2]) объясняетъ тѣмъ, что Гротъ явился въ ней выразителемъ господствовавшаго духа вѣка. Конечно, это вѣрно; вѣрно и то, что распространенію славы Грота много содѣйствовали его друзья, выдающіеся представители науки и философіи. Но успѣхъ Грота объясняется также и несомнѣнно крупными достоинствами и особенностями его труда.

Прежде всего, «Исторія Греціи» Грота отличается своими размѣрами: въ англійскомъ подлинникѣ она состоитъ, какъ сказано, изъ 12 т.; изъ всѣхъ «Исторій Греціи», которыя доведены до конца, это—самая обширная и подробная; это—въ полномъ смыслѣ opus magnum. Трудъ Грота основанъ на обширномъ знакомствѣ съ литературными памятниками древности и съ современной автору разработкой греческой исторіи. Въ немъ въ полномъ блескѣ обнаруживается громадная эрудиція и широкое образованіе Грота. Его «History of Greece» представляетъ замѣчательное явленіе также и въ отношеніи критики и самостоятельности. Многія сообщенія и свидѣтельства, которымъ вѣрили безусловно, многіе общепринятые разсказы и мнѣнія Гротъ подвергъ сомнѣнію или критическому разбору и частью устранилъ, частью поколебалъ довѣріе къ нимъ. На многія явленія и стороны греческой исторіи онъ высказалъ новые взгляды. Вообще въ его трудѣ было много смѣлаго и оригинальнаго. Гротъ сознательно отказывается отъ всякаго объясненія миѳовъ. Онъ воспроизводитъ древнѣйшія времена, какъ ихъ представляли себѣ греки. Основанія и объясненія легендъ Гротъ ищетъ въ человѣческомъ духѣ и дѣлаетъ широкія сопоставленія греческихъ миѳовъ съ легендами и сказаніями современной Европы. Гомерическому эпосу,—спору, поднятому Вольфомъ, онъ удѣляетъ большое вниманіе и выставляетъ свою гипотезу относительно состава Иліады (стр. 21). Гротъ отвергъ достовѣрность преданія о раздѣлѣ земли Ликургомъ на равные участки и видѣлъ въ этомъ преданіи продуктъ III в. до Р. Х., отраженіе идеаловъ

---

[1]) Нѣмецкій перев.—въ 6 объемистыхъ томахъ, убористой печати (1-е изд. въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, 2-е—въ 1880 г.); на рус. яз. полнаго перевода нѣтъ, но есть нѣсколько статей, написанныхъ по поводу или на основаніи труда Грота, напр. П. М. Леонтьева (въ «Пропилеяхъ». М. 1851 сл., т. II и III), В. Г. Васильевскаго (Ж. М. Н. Пр., 1867, январь).

[2]) Pöhlmann, Zur Beurteilung G. Grotes.... (перепеч. въ его сборникѣ Aus Altertum und Gegenwart. Münch. 1895).

Агиса III, когда Ликургу приписано было то, что̀ составляло мечту царя-реформатора. Гротъ «первый заговорилъ объ Аѳинахъ достойнымъ ихъ образомъ». Онъ рѣшительно взялъ аѳинскую демократію подъ свою защиту Въ исторіи политическаго строя Аѳинъ Гротъ, парламентскій дѣятель, многое первый понялъ и освѣтилъ; въ особенности это нужно сказать относительно реформъ Перикла. «Исторія Греціи» Грота вообще отличается большимъ реализмомъ и въ этомъ отношеніи составляетъ противоположность господствовавшему прежде, нѣсколько романтическому, взгляду на грековъ. Прибавимъ ко всему этому литературныя достоинства произведенія Грота.

Ея недостатки.

Но капитальный трудъ Грота, конечно, имѣетъ и слабыя стороны. Послѣдующія великія открытія Шлимана и другихъ показали, сколько невѣрнаго и односторонняго было въ отношеніи Грота къ миѳической древности и къ древнему періоду греческой исторіи. Его «Исторія Греціи» есть по-преимуществу исторія лишь политическая и, согласно тогдашнему направленію въ наукѣ, исторія лишь государства, а не общества. Существеннымъ недостаткомъ является и то, что Гротъ пренебрегалъ эпиграфическими данными и пользуется ими слишкомъ мало даже для того времени. Его скептицизмъ и критицизмъ заходитъ иногда слишкомъ далеко; а въ своемъ пристрастіи къ Аѳинамъ, въ стремленіи защитить и обѣлить ихъ онъ не знаетъ мѣры, впадаетъ въ крайности и натяжки. Мѣстами трудъ Грота не столько исторія, сколько апологія Аѳинъ, и Гротъ является въ немъ не историкомъ, а скорѣе «адвокатомъ аѳинскаго демоса». Здѣсь, по замѣчанію одного новѣйшаго критика, обнаруживается политическое доктринерство Грота, его увлеченіе республиканскими формами: онъ не замѣчалъ той противоположности между политической свободой и дѣйствительнымъ положеніемъ массы, того фактическаго неравенства въ обществѣ, той борьбы общественныхъ классовъ и существованія пролетаріата, которыя характеризуютъ Грецію съ конца V в. Отсюда у Грота невѣрное и одностороннее освѣщеніе и оцѣнка нѣкоторыхъ явленій, въ особеннности борьбы партій. Въ этихъ случаяхъ, равно какъ и въ отношеніи Грота къ земледѣльческому классу, которому онъ не симпатизируетъ, сказывается капиталистъ, ученикъ Рикардо, послѣдователь Манчестерской школы, съ ея принципомъ свободной конкурренціи и правительственнаго невмѣшательства въ экономическую борьбу, съ ея формулой: «laissez faire, laissez passer...».

Едва-ли нужно, наконецъ, говорить подробно о томъ, что «Исторія Греціи» Грота въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ устарѣла,

что вполнѣ естественно, такъ какъ въ теченіе болѣе полувѣка, прошедшаго со времени ея появленія, наука быстро двинулась впередъ. Въ общемъ однако она до сихъ поръ сохранила за собою значеніе капитальнаго пособія, безъ котораго и теперь нельзя обойтись при подробномъ изученіи греческой исторіи и отъ котораго приходится исходить при этомъ изученіи.

Гротъ далъ новый, сильный толчекъ къ разработкѣ греческой исторіи. Его «History of Greece» открываетъ серію общихъ трудовъ, касающихся Греціи и принадлежащихъ большею частью Германіи. Здѣсь почти одновременно вышли труды Шемана, Э. Курціуса и Макса Дункера.

Шеманъ (1793—1879), профессоръ въ Грейфсвальдѣ, извѣстный уже ранѣе такими работами по греческимъ древностямъ какъ, напр., «Der attische Process» (1824) [1]) (трудъ, написанный совмѣстно съ Мейеромъ), по многимъ кореннымъ вопросамъ разошелся съ Гротомъ. Взглядъ послѣдняго на исторію аѳинской демократіи онъ подвергъ подробному критическому разбору въ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: «Die Verfassungsgeschichte Athens nach G. Grote Hist. of Greece kritisch geprüft» (1854). Шеманъ—консервативнѣе Грота: онъ относится съ бо́льшимъ довѣріемъ къ традиціи, и по нѣкоторымъ пунктамъ онъ оказался правымъ: послѣдующія открытія и изслѣдованія неразъ подтверждали его мнѣніе, напр. относительно времени возникновенія геліэи. **Шеманъ.**

Но главный трудъ Шемана — «Griechische Alterthümer» (1855—9. 2 т.). «Древности» Шемана входятъ въ составъ той серіи руководствъ, къ которой принадлежатъ «Римская исторія» Моммзена и «Греческая исторія» Эрнста Курціуса. Руководства эти имѣли въ виду дать живое изображеніе древности и предназначались не столько для спеціалистовъ, сколько для болѣе широкаго круга образованныхъ читателей. И Шеманъ блистательно выполнилъ свою задачу: его «Древности» отличаются прекраснымъ изложеніемъ, написаны живымъ языкомъ и читаются легко, съ большимъ интересомъ. Особенно удалась ему характеристика гомерической Греціи. Но этого мало: трудъ такого знатока, какъ Шеманъ, не могъ быть простою компиляціею; онъ важенъ и для спеціалистовъ и вообще занимаетъ мѣсто въ ряду лучшихъ пособій по греческой исторіи и древностямъ. Главный же недостатокъ его—невниманіе къ эпиграфическому матеріалу. «Греческія древности» Шемана выдержали нѣсколько изданій. Недавно Липсіусъ обработалъ ихъ для новаго (4-го)

[1]) Есть новое изд., въ обработкѣ—Lipsius'a.

изданія (I т.—1897, II т.—1902), принявъ во вниманіе результаты новѣйшихъ открытій и изслѣдованій.

Э. Курціусъ. Имя Эрнста Курціуса останется неразрывно связаннымъ съ тѣми великими успѣхами въ дѣлѣ изученія греческой исторіи, географіи и археологіи, которыми ознаменовался XIX в.

Если Гротъ былъ финансистомъ и парламентскимъ дѣятелемъ, прежде чѣмъ стать историкомъ Греціи; если онъ никогда не переставалъ интересоваться политическими вопросами и въ своей «Исторіи» выдвигалъ на первый планъ политическую сторону; если многіе видные представители нѣмецкой исторической науки XIX ст. были въ значительной мѣрѣ политиками, борцами за объединеніе Германіи, готовыми проповѣдывать даже національную вражду и ненависть къ другимъ народамъ:—то Э. Курціусъ, наоборотъ, является типомъ идеалиста-ученаго, стоящаго далеко отъ злобы дня и политической борьбы, чуждаго національной ненависти, всецѣло преданнаго изученію столь любимой и нѣсколько идеализируемой имъ классической древности: это—какъ-бы представитель прежней культурной эпохи,—эпохи Винкельмана и романтизма; это—натура художественная, съ эстетическими наклонностями, больше археологъ, нежели историкъ.

Эрнстъ Курціусъ[1]) родился въ 1814 г. въ Любекѣ, въ образованной бюргерской семьѣ. Онъ слушалъ лекціи въ Боннѣ, затѣмъ въ Гёттингенѣ и, наконецъ, въ Берлинѣ. Три лица были его главными учителями: Велькеръ, К. О. Мюллеръ, Бекъ. Ихъ вліяніе сказывается на всей послѣдующей дѣятельности Курціуса. Въ особенности сильно было вліяніе К. О. Мюллера: во многомъ Курціусъ явился исполнителемъ плановъ и завѣтовъ своего любимаго учителя, такъ рано сошедшаго въ могилу. Въ 1837 году Курціусъ отправился въ Аѳины. Такимъ образомъ, онъ воочію знакомится съ природою страны, съ ея топографіею, съ ея памятниками. Онъ сопутствуетъ знаменитому географу К. Риттеру въ его путешествіи по Пелопоннесу, что̀ даетъ ему впослѣдствіи возможность написать такой прекрасный трудъ, какъ его «Peloponnesos» (1851—2. 2 т.). Вообще пребываніе Курціуса въ Греціи было рѣшающимъ моментомъ въ его жизни и въ направленіи всей послѣдующей его дѣятельности. По возвращеніи въ Германію онъ работаетъ надъ вопросами, касающимися топографіи Аттики, надъ изданіемъ надписей и т. под. Въ «Научномъ ферейнѣ» онъ читаетъ неразъ лекціи, въ которыхъ, со свойственнымъ ему

[1]) Ernst Curtius, Ein Lebensbild in Briefen. Hrsg. von Fr. Curtius. Berl. 1903.

художественнымъ талантомъ и воодушевленіемъ, наглядно и живо, какъ очевидецъ, описываетъ памятники Греціи, ихъ печальную судьбу. Одна изъ такихъ лекцій была посвящена Олимпіи (1852). Въ ней Курціусъ говорилъ о значеніи Олимпіи, о произведеніяхъ искусства, таящихся въ священной почвѣ, подъ иломъ Алфея, и закончилъ восторженнымъ призывомъ извлечь эти сокровища на свѣтъ—произвести раскопки, ибо «то, что̀ лежитъ тамъ, въ темной глубинѣ, есть жизнь отъ нашей жизни» («ist Leben von unserem Leben»). Но какъ ни было сильно впечатлѣніе, произведенное этою лекціею, прошло послѣ того почти четверть вѣка, прежде чѣмъ призывъ Курціуса нашелъ себѣ надлежащій откликъ и прежде чѣмъ его давнія мечты могли наконецъ осуществиться.

«Греческая исторія»

Въ 1857—67 гг. Курціусъ, въ то время профессоръ въ Гёттингенѣ, издаетъ свой главный трудъ, создавшій ему европейскую извѣстность,—«Греческую исторію». Появилась она тотчасъ послѣ труда Грота и заняла мѣсто какъ-бы на ряду съ нимъ, но во многомъ отличается отъ него. Прежде всего, она не такъ обширна: «Исторія Греціи» Грота въ подлинникѣ состоитъ, какъ мы видѣли, изъ 12 томовъ; «Греческая исторія» Курціуса—всего изъ 3. Гротъ, политическій дѣятель и членъ парламента, радикалъ по убѣжденіямъ, обратилъ особенное вниманіе на исторію политическую, на внѣшнія событія и развитіе учрежденій и многое тутъ освѣтилъ. Напротивъ, Курціусъ, археологъ и эстетикъ, а не политикъ, обращаетъ большое вниманіе на культурную сторону, на умственную и художественную жизнь; страницы, посвященныя литературѣ и искусству, въ «Греческой исторіи» Курціуса занимаютъ немало мѣста и принадлежатъ къ лучшимъ ея частямъ. Притомъ у Курціуса исторія и характеристика культурныхъ явленій не составляетъ простого, чисто внѣшняго придатка къ общей политической исторіи Греціи; напротивъ, въ его изложеніи та и другая соединены органически; ихъ связь и взаимодѣйствіе изображаются чрезвычайно ярко. Въ отношеніи критики Курціусъ уступаетъ Гроту. Онъ менѣе скептиченъ, зато и не впадаетъ въ такія крайности, какъ Гротъ. Гротъ въ своемъ трудѣ выступилъ «адвокатомъ» аѳинской демократіи. Курціусъ болѣе умѣренъ и болѣе безпристрастенъ. При нѣкоторой идеализаціи грековъ, при явной симпатіи къ Аѳинамъ, онъ расходится съ Гротомъ, напр., въ отзывахъ о Клеонѣ и о процессѣ стратеговъ-побѣдителей при Аргинусскихъ островахъ, а къ Спартѣ относится безъ антипатіи. Свой трудъ онъ доводитъ до Херонейской битвы, и это понятно. для него

исторія Греціи оканчивается вмѣстѣ съ независимостью послѣдней; въ установленіи македонскаго владычества онъ видитъ «не переходъ къ новой эпохѣ, которая устранила бы вымершее и вызвала бы свѣжія силы развитія, а только регрессъ, упадокъ» и деморализацію грековъ. Тѣмъ не менѣе, говоря о Филиппѣ и Демосѳенѣ, онъ не впадаетъ въ такой страстный тонъ и въ такую крайность, какъ многіе другіе выдающіеся историки: ему удалось стать на болѣе объективную и болѣе широкую, общеисторическую точку зрѣнія, взглянуть безпристрастно на дѣятельность того и другого, воздать каждому должное.

По размѣрамъ, цѣли и художественнымъ достоинствамъ «Греческая исторія» Курціуса можетъ быть сопоставлена съ «Римскою исторіею» Моммзена. Подобно ей, она имѣла въ виду не однихъ спеціалистовъ, а болѣе обширный кругъ читателей; подобно ей, она входитъ въ составъ изданій, долженствовавшихъ соединить въ себѣ научныя достоинства съ доступностью изложенія. Изложенію Курціуса недостаетъ, правда, той силы и того блеска, которыми такъ отличается произведеніе Моммзена, но все-же оно художественно, легко и изящно; превосходно, напр., описаніе природы Греціи въ началѣ I тома—здѣсь ярко сказалось непосредственное знакомство Курціуса съ этою природою—; очень хороши также страницы, посвященныя Периклову вѣку во II т., или рядъ мастерскихъ характеристикъ отдѣльныхъ лицъ. Произведеніе Курціуса не блещетъ такою оригинальностью, какъ «Римская исторія» Моммзена, но зато оно и не такъ субъективно, въ немъ нѣтъ такой рѣзкости въ сужденіяхъ и отзывахъ: Курціусъ мягче и какъ-бы объективнѣе Моммзена. У Курціуса мало реализма; онъ нѣсколько идеализируетъ грековъ, склоненъ смотрѣть на нихъ, какъ на героевъ, нерѣдко впадаетъ въ панегиризмъ и высокопарность. Его «Исторія» носитъ еще сентиментально-романтическій отпечатокъ. Соціально-экономическая сторона, которая такъ выдвинута у Моммзена, на которую обращается такое вниманіе въ современной исторической наукѣ и въ новѣйшихъ трудахъ по греческой исторіи (Белоха и Эд. Мейера), у Курціуса освѣщена слабо. Не особенно силенъ онъ и въ изложеніи событій чисто политическихъ—и въ этомъ своемъ трудѣ Курціусъ является больше эстетикомъ—; обнаруживается подчасъ недостатокъ критики: сравнительно мало пользуется онъ надписями и т. д. Но зато въ произведеніи Курціуса дается мастерская общая картина развитія греческой культуры въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, въ связи съ политической исторіей; Курціусъ обнаруживаетъ тонкое пониманіе

античнаго искусства и художественное чутье, прекрасное знакомство съ природою Греціи и ея вліяніемъ; его трудъ согрѣтъ любовью къ тому народу, исторію котораго онъ излагаетъ. Онъ проникнутъ «какимъ-то нѣжнымъ, элегическимъ тономъ, тихою грустью по потерянной красотѣ» (Виламовицъ). Словомъ, «Греческая исторія» Курціуса принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ въ исторіографіи XIX столѣтія, хотя теперь уже значительно устарѣла[1]).

Съ переходомъ Курціуса въ Берлинскій университетъ и съ занятіемъ должности «археолога» при королевскихъ музеяхъ; а затѣмъ директора отдѣла «Antiquarium», наступаетъ новый періодъ въ его дѣятельности; предъ нимъ открывается болѣе широкое научное поприще и наконецъ осуществляется его давняя мечта, исполняется задача, къ осуществленію которой онъ призывалъ своихъ соотечественниковъ еще въ 1852 г.: по настоянію Курціуса въ 1874 г. германское правительство рѣшило произвести на свой счетъ раскопки въ Олимпіи. Но объ этой сторонѣ дѣятельности Курціуса я буду говорить далѣе. Здѣсь же отмѣчу третій (послѣ «Пелопоннеса» и «Исторіи Греціи») крупный общій трудъ, который Курціусъ издалъ уже въ глубокой старости,—«Die Stadtgeschfchte von Athen» (1891); это—«топографія Аѳинъ съ исторической точки зрѣнія», завершеніе всѣхъ прежнихъ его работъ въ этой области, результатъ болѣе чѣмъ полувѣковыхъ изслѣдованій и личныхъ наблюденій... Умеръ Курціусъ на 82 году (1896).

Максъ Дункеръ.

Инымъ характеромъ, нежели труды Шемана и Курціуса, отличается «Geschichte des Alterthums» Макса Дункера.

Максъ Дункеръ[2]) (1811—1886), подобно Дройзену, занимался не только древнею, но и новою исторіею. Это была «политическая натура», не только ученый, но и публицистъ, страстный патріотъ, принимавшій дѣятельное участіе въ борьбѣ за единство Германіи, либералъ, какъ бо́льшая часть тогдашнихъ патріотовъ, мечтавшихъ о единой Германіи, и въ то-же время монархистъ, преданный прусскому королевскому дому, врагъ демократіи и радикализма, въ молодости приговоренный къ заключенію въ крѣпость, какъ демагогъ и агитаторъ, и его «Исторія древности», доставившая ему извѣстность, подготовлена не въ тиши кабинета, а среди политической и парламентской борьбы и агитаціи.

---

[1]) Есть рус. пер. М. 1880—3. 3 т.

[2]) Haym, Das Leben Max Dunckers. Berlin. 1891.

«Исторія древности» М. Дункера въ первомъ изданіи появилась еще въ 50-хъ годахъ (1852—7) прошлаго вѣка, при чемъ она состояла тогда изъ 4 томовъ, изъ коихъ первые два содержали исторію Востока, а III и IV—исторію Греціи до отраженія персовъ включительно. Съ тѣхъ поръ она переиздавалась нѣсколько разъ; надъ нею Максъ Дункеръ не переставалъ работать въ теченіе 30 съ лишкомъ лѣтъ, до самой своей смерти. Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ онъ переработалъ свою «Исторію древности» кореннымъ образомъ: въ этомъ послѣднемъ (7-мъ, 1877 сл) изданіи исторіи Востока посвящено уже не 2, какъ было сначала, а 4 тома, исторіи Греціи до Платейской битвы—3 тома, вмѣсто прежнихъ 2. Но на этомъ Дункеръ не остановился: не смотря на преклонные годы—ему было тогда уже болѣе 70 лѣтъ—, онъ рѣшился продолжать трудъ, начатый за 30 лѣтъ до того, и въ 1884—6 гг. вышли 8-й и 9-й т., составляющіе начало «Новой серіи». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Дункеръ умеръ, и такимъ образомъ исторія Греціи осталась у него неоконченною она доведена до смерти Перикла.

Въ произведеніи Дункера мы видимъ соединеніе синтеза съ анализомъ. По своему замыслу и назначенію его «Исторія древности» имѣетъ преимущественно объединяющій характеръ. Дункеръ принялся за нее въ то время, когда совершены были поразительныя открытія въ области ассиріологіи и египтологіи, но результаты этихъ открытій не были еще сведены, и историки и оріенталисты работали отдѣльно въ своихъ областяхъ. Дункеръ первый предпринялъ попытку соединить эти двѣ научныя области, воспользоваться данными ассиріологіи и египтологіи для чисто историческаго изложенія, представить въ ясной и доступной формѣ результаты открытій и изслѣдованій оріенталистовъ и освѣтить части съ точки зрѣнія цѣлаго. Что касается Греціи, то Дункеръ ставитъ въ связь ея культуру съ восточными культурами и даетъ ея общую исторію въ связи съ исторіей Востока. Повѣствовательный разсказъ у Дункера чередуется съ изслѣдованіемъ. Дункеръ вводитъ въ свое изложеніе цѣлые критическіе экскурсы: онъ передаетъ различныя сказанія, свидѣтельства источниковъ, сопоставляетъ ихъ, разбираетъ, старается объяснить ихъ генезисъ, отыскать въ нихъ историческую основу, зерно былой дѣйствительности. По самому плану сочиненія изложеніе исторіи Греціи у Дункера должно было отличаться полнотою и всесторонностью. И дѣйствительно, оно обнимаетъ внѣшнюю и внутреннюю исторію, политику и культуру, миѳы и религію, поэзію и науку, философію и искусство, хотя все-таки главную

часть составляютъ отдѣлы, касающіеся государственнаго устройства и борьбы партій, внѣшнихъ отношеній и войнъ. Эти отдѣлы обработаны съ особенною полнотою и любовью. Трудъ Дункера очень обширенъ и подробенъ, подробнѣе не только «Griechische Geschichte» Курціуса, но даже и многотомной «History of Greece» Грота, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ. Сказанія и свидѣтельства источниковъ, наиболѣе важныя и интересныя надписи, все это приводится обыкновенно въ переводѣ in extenso въ самомъ текстѣ, не говоря уже о подробностяхъ критическаго анализа. Дункеръ вообще старается оживить предъ нами древность, перенести насъ въ ту отдаленную эпоху, поставить лицомъ къ лицу съ борющимися партіями и ихъ противоположными точками зрѣнія, съ тѣми вопросоми и задачами, которые приходилось разрѣшать, и съ этою цѣлью онъ влагаетъ въ уста вождямъ или сторонникамъ той или другой партіи тѣ соображенія и доводы, которые они, по его мнѣнію, могли бы выставить въ пользу своего мнѣнія. У него очень живо, напр., изображено все значеніе для внутренней исторіи Аѳинъ такой мѣры, какъ созданіе Ѳемистокломъ флота, и вся противоположность взглядовъ Ѳемистокла и его противниковъ по этому вопросу. Но подобный пріемъ, конечно, довольно опасенъ и едва-ли согласуется съ требованіями строго научнаго изложенія: авторъ легко можетъ навязать свои личные взгляды, комбинаціи и предположенія историческимъ дѣятелямъ древности, далекому прошлому сообщить слишкомъ современный колоритъ. Тутъ предъ нами, такъ сказать, Dichtung und Wahrheit, соединеніе исторической правды съ вымысломъ, и пріемъ Дункера напоминаетъ до нѣкоторой степени обыкновеніе классическихъ авторовъ приводить рѣчи дѣйствующихъ лицъ.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, трудъ Дункера, принадлежавшій къ числу выдающихся явленій нѣмецкой исторической литературы того времени, оказалъ большое вліяніе на изученіе древности, на развитіе въ обществѣ интереса къ этой древности и знакомства какъ съ древнимъ Востокомъ, такъ и съ древнею Греціею.

Во французской литературѣ за разсматриваемый періодъ особенно выдается произведеніе Фюстель де Куланжа: «La cité antique» (1864 г.) [1]).

---

[1]) На русск. яз имѣется 3 перевода; новѣйшій—«Древняя гражданская община». М. 1895; 2-е изд.—1903 г.

Фюстель де Куланжъ

Фюстель де Куланжъ [1]) (1830—1889), бывшій профессоромъ въ Страсбургскомъ университетѣ, а съ занятіемъ Страсбурга нѣмцами, съ 1870 г.,—въ Нормальной школѣ и, наконецъ, въ Сорбоннѣ,—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ французскихъ историковъ XIX в., котораго нѣкоторые называютъ «обновителемъ гипотезъ и методовъ, великимъ новаторомъ, несомнѣннымъ главою новѣйшей французской исторической школы строгаго текстуальнаго изученія прошлаго человѣчества и генетическаго построенія эволюціи его культуры...» (И. М. Гревсъ). Но въ то время, какъ одни преклоняются предъ Фюстель де Куланжемъ и увлекаются его воззрѣніями и его методомъ, со стороны другихъ эти воззрѣнія и методъ вызываютъ горячій, даже ожесточенный протестъ...

Его взглядъ на исторію

Предметъ изученія въ исторіи для Фюстель де Куланжа—душа человѣка, но не человѣка отдѣльно взятаго, а человѣка въ обществѣ. Исторія [2]), говоритъ онъ, не есть нагроможденіе происшествій всякаго рода: она наука о человѣческихъ обществахъ; она должна опредѣлить, какъ соціальныя группы вѣрили, думали, чувствовали; она—сама соціологія. И какъ бы ни была, повидимому, узка и спеціальна тема изслѣдованія Фюстель де Куланжа, не говоря уже о такой широко захватывающей книгѣ, какъ «La cité antique», оно всегда имѣетъ глубокій, общій интересъ. Фюстель де Куланжъ устраняетъ все внѣшнее, случайное, личное. Онъ интересуется не отдѣльными личностями, а массой. Мы не найдемъ у него изложенія войнъ или историческихъ характеристикъ, встрѣтимъ очень мало именъ. Массою же у него руководятъ понятія и интересъ, и развитіе совершается не случайно, не по чьей-либо волѣ или капризу, а въ силу извѣстной, внутренней необходимости. «Государственный и общественный строй», говоритъ онъ, «никогда не является продуктомъ воли человѣка, даже воли цѣлаго народа недостаточно для ихъ созданія. Факторы человѣческаго существованія, которые производятъ ихъ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть измѣнены прихотью одного поколѣнія. Народы управляются

---

[1]) О немъ—книжка Guiraud (P. 1896), имѣющаяся и въ русск. перев.; на русск. яз. см. ст. П. Г. Виноградова, въ «Русск. Мысли», 1890, кн. 1, и И. М. Гревса, въ Энциклоп. Слов. Брокгауза-Ефрона.

[2]) Чтобы составить вѣрное понятіе объ историческихъ и методологическихъ воззрѣніяхъ Фюстель де Куланжа, нужно, разумѣется, имѣть въ виду не только La cité antique, но и другой капитальный трудъ его—Histoire des Institutions de l'ancienne France и статьи теоретическаго содержанія.

не такъ, какъ они желаютъ, а такъ, какъ того требуетъ совокупность ихъ интересовъ и основа ихъ понятій...»

«La cité antique».

«La cité antique»—«изслѣдованіе о культѣ, правѣ и учрежденіяхъ Греціи и Рима», исторія не столько государства, сколько общества, согласно взгляду автора на исторію, какъ на «науку о человѣческихъ обществахъ». Здѣсь передъ нами «воскресаетъ античный міръ въ его цѣломъ, отъ таинственныхъ зародышей семьи и общественнаго строя до того момента, когда законы Рима и религія Христа создали единое отечество изъ столькихъ враждебныхъ государствъ и разрозненныхъ вѣрованій...» Фюстель де Куланжъ ставитъ цѣлью показать, на основаніи какихъ принциповъ и нормъ управлялось общество греческое и римское, какова, такъ сказать, «душа античной жизни». При этомъ изслѣдованіе Фюстель де Куланжа одинаково касается и Греціи, и Рима: авторъ разсматриваетъ ихъ учрежденія вмѣстѣ, одновременно, не отдѣляя ихъ и не дѣлая между ними различія, а проводя параллель: ходъ развитія греческаго и римскаго общества, по Фюстель де Куланжу, тождественъ; въ основѣ лежали одни и тѣ же принципы; вѣрованія, законы, управленія были аналогичны и оба общества испытали тѣ-же революціи.

Фюстель де Куланжъ настаиваетъ на коренномъ различіи между древностью и современными народами. «Въ новыя времена», утверждаетъ онъ, «нѣтъ ничего похожаго на Грецію и Римъ; ничего похожаго не можетъ быть и въ будущемъ». Античный міръ—это міръ sui generis.

По Фюстель де Куланжу, античное общество не знало ни гражданской, ни личной свободы: въ семьѣ, родѣ, государствѣ, всюду оно было порабощено однимъ началомъ—религіей... И всю исторію античной общины, всѣ явленія и метаморфозы въ ней Фюстель де Куланжъ выводитъ изъ этого начала—религіи. Древнее общество установлено было старою религіею, предметомъ коей были предки, а символомъ очагъ, основнымъ догматомъ коей было то, что каждый богъ покровительствовалъ исключительно одной какой-либо семьѣ или общинѣ и существовалъ только для нея; эта религія породила право; отношенія людей другъ къ другу, собственность, наслѣдство, судъ—все это освящалось и регулировалось догматами религіи и требованіями ея культа. На религіи-же основывалось и правительство между людьми: власть отца въ семьѣ, царя или магистрата въ гражданской общинѣ. Все вышло изъ религіи: религія, право, управленіе,—все было слито и составляло одно подъ тремя различными видами. Религія была абсолютною повелительницею какъ въ жизни частной, такъ

и общественной, гдѣ государство было религіозною общиною, царь—верховнымъ жрецомъ, законъ—священною формулою; гдѣ патріотизмъ былъ благочестіемъ, изгнаніе—отлученіемъ отъ религіи, гдѣ личная свобода была неизвѣстна, гдѣ человѣкъ порабощенъ былъ государству и своею душою, и своимъ тѣломъ, и своимъ достояніемъ. Религіей объяснялъ Фюстель де Куланжъ замкнутость родовыхъ союзовъ, борьбу между различными классами, напр. патриціями и плебеями, международныя отношенія и войны и т. д. Ею объяснялъ онъ также и внутренніе перевороты: съ теченіемъ времени старыя вѣрованія измѣнились или сгладились; съ ними измѣнились и частное право, и политическія учрежденія. Рядомъ съ болѣе древнею религіею—культомъ предковъ—развивается другая, состоящая въ обожествленіи силъ природы. Тогда открылся рядъ революцій... «Вѣрованіе устанавливается, и человѣческое общество возникаетъ; вѣрованіе измѣняется, и общество проходитъ чрезъ рядъ переворотовъ; вѣрованіе исчезаетъ, и общество мѣняетъ свою физіономію; таковъ былъ законъ временъ античныхъ», по словамъ Фюстель де Куланжа.

Итакъ, если въ наши дни представители «экономическаго матеріализма» склонны возводить все къ одной основѣ—экономической, то Фюстель де Куланжъ въ «La cité antique» выводитъ всѣ явленія изъ иного единаго начала—религіи: религія—единственный факторъ политической и соціальной эволюціи древнихъ народовъ,—вотъ тезисъ, съ неумолимою логикою и силою развиваемый Фюстель де Куланжемъ. Это выведеніе, съ такою послѣдовательностью, многообразныхъ явленій изъ одного основного начала, установленіе связи и какъ бы строгой внутренней необходимости явленій, стройность и цѣльность системы, словомъ, этотъ удивительный синтезъ въ соединеніи съ тонкимъ и глубокимъ анализомъ, строгая логичность, сила мысли и аргументаціи, ясный, необыкновенно сжатый и выразительный языкъ,—все это производитъ сильное впечатлѣніе на читателя. «La cité antique» можно назвать въ своемъ родѣ классическимъ произведеніемъ, однимъ изъ шедевровъ исторической литературы, и чтеніе ея—особенно въ подлинникѣ, такъ какъ едва-ли какой-либо переводъ можетъ передать всю прелесть ея сжатаго, выразительнаго языка,—доставляетъ высокое умственное наслажденіе.

У Фюстель де Куланжа получается цѣльная картина, стройная система; онъ показалъ, какое мѣсто занимала религія въ жизни древнихъ; онъ освѣтилъ многія явленія съ поразительною рельефностью. Но его картина не полна и не совсѣмъ вѣрна; его система односторонняя и искусственна: Фюстель де Куланжъ

слишкомъ ужъ упрощаетъ историческій процессъ, и убѣжденный, что нашелъ ключъ къ объясненію всѣхъ явленій въ жизни античнаго общества, онъ не замѣчаетъ тѣхъ явленій и факторовъ, которые не подходятъ къ его системѣ; онъ оставляетъ въ сторонѣ многіе тексты и свидѣтельства, беретъ доказательства безъ разбора, смѣшивая разныя эпохи и разныя общины, грековъ и римлянъ, историческую дѣйствительность и философскія теоріи, и только такою цѣною, благодаря натяжкамъ, достигаетъ той цѣльности и стройности, которою такъ отличается его система.

Противорѣчія у Фюстель де Куланжа.

Нѣкоторыя черты «La cité antique» стоятъ даже какъ-бы въ противорѣчіи съ тѣми мыслями, которыя высказывалъ впослѣдствіи самъ Фюстель де Куланжъ объ исторіи, ея задачахъ и своемъ методѣ.

«Блаженны думающіе, что они все знаютъ», говоритъ въ одномъ мѣстѣ Фюстель де Куланжъ, «имъ невѣдомы муки ищущаго; полуистиной они довольствуются, общія фразы ихъ удовлетворяютъ. Они увѣрены въ себѣ. Они идутъ съ высоко поднятою головою; они—учители и они—судьи». Себя Фюстель де Куланжъ не причислялъ къ такимъ счастливцамъ. Въ исторіи, какъ и философіи, онъ считалъ необходимымъ методическое сомнѣніе. Искусство историка, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы извлечь изъ документовъ все, что они содержатъ, и къ нимъ не прибавлять ничего такого, чего они не содержатъ. Самый лучшій историкъ тотъ, кто какъ можно ближе держится текстовъ. Себя Фюстель де Куланжъ называлъ «простымъ копателемъ текстовъ», «un simple piocheur des textes». Онъ недовѣрчиво относился къ философіи исторіи, къ обобщеніямъ, къ такъ называемымъ «руководящимъ идеямъ»; онъ готовъ былъ свести исторію къ «правильной интерпретаціи» текстовъ. «Цѣлые годы анализа нужны для одного дня синтеза», говорилъ онъ. Въ «La cité antique» Фюстель де Куланжъ поступаетъ, повидимому, какъ-разъ наоборотъ: «простой копатель текстовъ», противникъ системъ и обобщеній даетъ своего рода образецъ синтеза, стройной, хотя и односторонней, системы; онъ настаивалъ, что слѣдуетъ основываться только на текстахъ и исходить изъ ихъ прямого смысла, а въ «La cité antique» мы видимъ немало пробѣловъ, натяжекъ, произвола; онъ говорилъ, что историкъ долженъ не смѣшивать, а различать, и самъ смѣшалъ въ одно—грековъ и римлянъ, разныя общины и разныя эпохи [1]).

[1]) Интересны и другія работы Фюстель де Куланжа, собранныя въ его Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire (1891) и въ Questions historiques (1893).

Дюрюи. На французскомъ языкѣ есть еще «Исторія грековъ» Виктора Дюрюи (Duruy, «Historie des Grecs»), вышедшая впервые въ 1851 г.,—книга популярнаго характера, въ которой исторія Эллады доведена до начала римскаго господства. Впослѣдствіи она была значительно передѣлана и распространена, такъ-что послѣднія изданія ея (1887—9; новѣйшее 1892 г.) состоятъ изъ 3 большихъ томовъ, прекрасно иллюстрированныхъ. Это, въ связи съ хорошимъ изложеніемъ, дѣлаетъ «Histoire des Grecs» Дюрюи однимъ изъ лучшихъ популярныхъ пособій для общаго знакомства съ исторіей Греціи; но большого значенія она не имѣетъ.

Вь разработкѣ греческой исторіи немалое участіе начинаютъ принимать въ разсматриваемый періодъ и русскіе ученые.

М. С. Куторга. Здѣсь первое мѣсто въ ту пору принадлежало Мих. Сем. Куторгѣ (1809—1889), профессору Петербургскаго, а потомъ Московскаго университета. Это—первый выдающійся и совершенно самостоятельный русскій изслѣдователь въ области изученія греческой исторіи, «первоначальникъ у насъ науки объ эллинствѣ». Имя М. С. Куторги было хорошо извѣстно и западноевропейскому ученому міру; многія его изслѣдованія появились въ переводахъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, печатались въ «Мемуарахъ Французской Академіи» и проч. М. С. Куторга отличался самостоятельностью и оригинальностью воззрѣній, глубокимъ знаніемъ языка и литературы древнихъ, а также трудовъ ученыхъ XVI—XVII в. По справедливому выраженію Ѳ. Г. Мищенка, онъ «соединялъ въ себѣ увлеченіе гуманиста, начитанность эллинистовъ XVII в. и критическій тактъ ученаго нашего времени». Будучи полнымъ хозяиномъ въ своей области и работая въ ней совершенно самостоятельно, М. С. Куторга къ новой, современной ему ученой литературѣ относился скорѣе отрицательно, хотя и былъ съ нею знакомъ: онъ не раздѣлялъ многихъ изъ господствовавшихъ въ наукѣ того времени воззрѣній, былъ вообще противъ ходячихъ мнѣній и приходилъ къ своимъ, большею частью своеобразнымъ, выводамъ. Онъ не раздѣлялъ, между прочимъ, и скептическаго отношенія къ исторической традиціи грековъ[2]).

[1]) Некрологъ М. С Куторги—Г. С. Дестуниса въ Ж. М. Н. Пр., 1889, іюль

[2]) Первая работа М С. Куторги, сдѣлавшая его имя извѣстнымъ и за границею, это—«De antiquissimis tribubus Atticis earumque cum regni partibus nexu» (Dorp 1832), для того времени замѣчательное изслѣдованіе; оно потомъ появилось въ переводѣ на франц. и нѣм. яз. и ссылки на него можно встрѣтить и теперь еще въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ на ту-же тему и въ общихъ трудахъ по греческой исторіи и древностямъ. На русск. яз. М. С. Куторгѣ принадлежатъ напр.· «Колѣна и сословія аттическія», «Греч. исторія до нач. Персидск. войнъ» (1843), «Исторія

Въ средѣ русскихъ ученыхъ вообще обнаруживалось больше интереса и симпатіи къ древней Греціи, нежели къ древнему Риму[1]).

Развитіе эпиграфики и раскопки 70-хъ и 80-хъ годовъ.

Семидесятые и восьмидесятые годы прошлаго столѣтія характеризуются прежде всего развитіемъ эпиграфики[2]) и великими открытіями въ области греческой археологіи.

Бекъ, какъ мы видѣли, положилъ начало современной эпиграфикѣ. Въ 1842—55 г., выдающійся дѣятель на поприщѣ

Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильтіада» (1848), «Законодательство Алкмеонида Клисѳена» (въ «Пропилеяхъ». т. III, 1853), (пер. и на нѣм. яз), «Хронологическія разысканія, относящіяся къ событіямъ Персидскихъ войнъ» (1853), вышедшія потомъ (1858) въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ подъ заглавіемъ: «Персидскія войны. Критическія изслѣдованія событій этой эпохи...» (пер. на франц. яз. 1861), и друг. Уже по смерти М С Куторги, въ Ж. М. Н. Пр. за 1891—2 г. были напечатаны нѣкоторыя его работы, оставшіяся въ бумагахъ; а въ 1894—6 г. вышло «Собраніе сочин.» М. С Куторги въ 2 большихъ томахъ, куда вошли и другіе посмертные труды его, дотолѣ неизданные.

[1]) Греческой исторіи посвящена была и диссертація Харьковскаго профессора М. М. Лунина (1807- 1844), который для Харькова былъ тѣмъ, чѣмъ Т. Н. Грановскій для Москвы (о немъ моя ст. въ Ж. М. Н. Пр, 1905, февр., и отдѣльно). Древнею исторіею, Востокомъ и Грецією занимался и другой профессоръ Харьковскаго университета—А. П. Рославскій-Петровскій (1816—72; о немъ и его трудахъ—въ Біографич. Словарѣ «Истор.-филолог. фак. Харьк. Унив.». 1908). Среди спеціалистовъ по греческой исторіи мы можемъ назвать также И. К. Бабста † (впослѣдствіи занимавшагося политическою экономіею), М. М. Стасюлевича (бывшаго профессора Петербургскаго университета, потомъ редактора «Вѣстн. Европы»), В. В. Бауера (1833—1884), проф. Петерб. унив., который затѣмъ спеціализировался на новой исторіи, П. И. Люперсольскаго (бывш. проф. Нѣжинскаго Истор.-филол. институт., ум. въ 1903 г.). Извѣстный византинистъ акад. В Г. Васильевскій (1838—1899) началъ свою ученую дѣятельность тоже трудами по греческой исторіи. его магистерская диссертація посвящена была «Политической реформѣ и соціальному движенію въ древней Греціи въ періодъ ея упадка» (1869). Въ концѣ разсматриваемаго періода появилась диссертація проф. Ѳ. Ѳ. Соколова («Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи». 1865) и труды К. Я. Люгебиля (1830—1887), профессора классической филологіи въ Петербургскомъ университетѣ, писавшаго частью на русскомъ, частью на нѣмецкомъ языкѣ: ему принадлежатъ изслѣдованіе объ остракизмѣ (на нѣм. яз. въ Jahrb. f. klass. Philol., IV Suppl. band. 1861) и «Историко-филологическія изслѣдованія» (Спб. 1868), изъ которыхъ одно касается «Аѳинскаго царя Кодра и отмѣны царской власти въ Аѳинахъ», другое—«архонтства и стратегіи въ Аѳинахъ во время Персидскихъ войнъ».

[2]) См. выше, стр. 8 сл; указанія на пособія--тамъ-же, прим 1.

науки, греческой литературы и политики Рангави (Rangabé)[1]) издалъ «Antiquités helléniques» (2 т.), въ которыхъ собраны надписи, найденныя въ Греціи со времени ея освобожденія. Съ конца 40-хъ годовъ начали опубликовываться результаты археологической экспедиціи Le Bas въ Грецію и Малую Азію (1843—4 г.) и собранныя при этомъ надписи и т. д. Но все-же со времени Бека и до конца 60-хъ годовъ по изученію надписей, говоря вообще, было сдѣлано сравнительно немного и на нихъ не обращали такого вниманія, какого онѣ заслуживали. Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія начинается новый періодъ. Ad. Kirchhoff издаетъ изслѣдованіе о греческомъ алфавитѣ[2]), Ulrich Köhler—свои «Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte d. delisch-attisch. Bundes»[3]), первостепенный трудъ по исторіи Делосско-аттическаго союза, основанный на надписяхъ, подвергнутыхъ образцовому анализу, а главное, Берлинская Академія Наукъ приступаетъ къ изданію новаго монументальнаго собранія—Corpus Inscriptionum Atticarum—, которое начало выходить съ 1873 г. Новый матеріалъ по части аттическихъ надписей очень разросся и притомъ желательно было дать болѣе исправный, точный текстъ уже изданныхъ надписей, по лучшимъ копіямъ. Иниціаторомъ новаго собранія былъ проф. Ад. Кирхгофъ (1826—1908). Онъ-же обработалъ I томъ, содержащій надписи до архонтства Евклида, т. е. до 403 г. до Р. Х., и часть IV тома, содержащаго дополненія (Supplementa); кромѣ того, ему принадлежатъ отдѣльныя изслѣдованія эпиграфическаго матеріала (въ Abhandl. d Berl. Akad. d. Wissensch.) Его сотрудниками по Corpus Inscrip. Atticarum были Ulr. Köhler (1838—1903) и Dittenberger. Бо́льшую часть надписей, входящихъ въ C. I. A., Келеръ собственноручно скопировалъ или сличилъ на мѣстѣ; сверхъ того, онъ взялъ на себя обработку II тома (1877—88) этого собранія, т. е. надписей отъ архонтства Евклида до Августа, и Supplementa къ нему въ IV т., а Диттенбергеръ, который извѣстенъ также своимъ сборникомъ избранныхъ надписей (стр. 18), обработалъ III т. (1878—82), содержащій аттическія надписи временъ римской имперіи.

Начало новаго періода

Corp. Inscr Attic. и друг.

---

[1]) О немъ—ст. А. Н Деревицкаго. Одесса. 1896 (Изъ «Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн.», XIX)

[2]) Studien zur Geschichte d. griech. Alphabets, сначала въ Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch. за 1863 г., потомъ (въ 1867 г.)—отдѣльно; нов. изд.—1887 г.

[3]) Въ Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch. за 1869.

Изданіе Corpus Inscript. Atticarum было лишь началомъ цѣлой серіи подобныхъ собраній, которыя большею частью принадлежатъ уже послѣднему періоду (стр. 17). Въ Англіи извѣстные знатоки эпиграфики Ньютонъ (Newton) и Hicks въ 1874 г. начали издавать собраніе надписей, имѣющихся въ Британскомъ Музеѣ. Изъ французскихъ ученыхъ въ области эпиграфики выдавался особенно Foucart, а изъ итальянскихъ Comparetti; при его посредничествѣ командированъ былъ на о-въ Критъ Halbherr, открывшій вмѣстѣ съ нѣмецкимъ ученымъ Фабриціусомъ, въ срединѣ 80-хъ годовъ знаменитую Гортинскую надпись (стр. 10).

Эпиграфика въ Россіи.

Въ дѣлѣ собранія и изученія греческихъ надписей въ разсматриваемый періодъ далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ русскимъ ученымъ. Изъ болѣе раннихъ извѣстны, напр., труды Н. Н. Мурзакевича и В. Н. Юргевича по части надписей юга Россіи. Но занятія эпиграфикой у насъ развились преимущественно съ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ прошлаго вѣка. Первый крупный сборникъ надписей у насъ принадлежитъ проф. И. В. Помяловскому («Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа». 1881). На развитіе эпиграфики въ Россіи оказалъ большое вліяніе проф. Петербургскаго университета Ѳ. Ѳ. Соколовъ, какъ своими изслѣдованіями[1]), такъ въ особенности практическими занятіями со своими слушателями. Почти всѣ современные русскіе эпиграфисты вышли изъ его школы. Съ 1880 г., въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, министерство народнаго просвѣщенія посылало въ Грецію для занятій эпиграфикой и археологіей молодыхъ людей, обыкновенно на два года; такъ, командированы были В. В. Латышевъ, А. В. Никитскій, Н. И. Новосадскій [2]), А. Н. Щукаревъ и друг.,—все ученики Ѳ. Ѳ. Соколова. Немало надписей было ими открыто, собрано и опубликовано, частью въ русскихъ изданіяхъ, частью въ иностранныхъ. А. Н. Щукаревъ (безвременно скончавшійся въ 1900 г.) работалъ преимущественно надъ «Изслѣдованіями въ области каталога аѳинскихъ архонтовъ III в. до Р. Х.» (1889), А. В. Никитскій — надъ дельфійскими надписями («Дельфійск. эпи-

---

[1]) Напр. «Списки дани союзниковъ аѳинскихъ» (Труды II Археолог. Съѣзда. Спб. 1876), «Аѳинское постановленіе въ честь Аристомаха Аргосскаго» (Ж. М. Н. Пр., 1879, ноябрь) и рядъ статей подъ заглавіемъ: «Въ области древней исторіи» (Ж. М. Н. Пр., 1897, 1902 сл.). О Ѳ. Ѳ. Соколовѣ, скончавшемся въ 1909 г., ст. С. А. Жебелева въ Ж. М. Н. Пр., 1909, сент.; В. В. Латышева въ «Гермесѣ», 1909, № 15.

[2]) См. теперь его «Греч. эпиграфику». М. 1909, ч. I.

графич. этюды». Одесса. 1894—5; «Изслѣдованія въ области греческихъ надписей». Юрьевъ. 1901) [1]).

В. В. Латышевъ.

Но особенно многочисленны и важны для историка, интересующагося судьбою древне-греческихъ колоній въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, труды В. В. Латышева (род. въ 1855 г.), занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ эпиграфистовъ. Его главный трудъ—собраніе всѣхъ сохранившихся греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря (Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. 1885—1901) [2]), исполненное имъ по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Въ этомъ собраніи мы имѣемъ свой «Corpus», занимающій мѣсто на ряду съ лучшими изданіями подобнаго рода на Западѣ. Къ этому труду примыкаютъ и многія другія работы В. В. Латышева, напр. диссертація: «Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ г. Ольвіи» (1887) и многочисленныя статьи по исторіи, археологіи, географіи и эпиграфикѣ Скиѳіи, Кавказа и греческихъ колоній на побережьяхъ Чернаго моря [3]).

Къ началу 90-хъ годовъ прошлаго вѣка всѣхъ извѣстныхъ надписей насчитывалось уже до 50000. Съ каждымъ годомъ эпиграфическій матеріалъ все растетъ; не проходитъ, можно сказать, дня, чтобы не открывалась новая надпись...

Раскопки.

Еще замѣчательнѣе успѣхи археологіи — въ широкомъ смыслѣ—въ разсматриваемый періодъ [4]). Поразительныя открытія Шлимана [5]) относятся именно къ 70-мъ и 80-мъ годамъ истек-

[1]) Области эпиграфики касается и трудъ П. В. Никитина: «Къ исторіи аѳ. драмат. состязаній». Спб. 1882.

[2]) T. I, II и IV.—T. III еще не вышелъ; его подготовляетъ Е. М. Придикъ.

[3]) «Изборникъ» ихъ недавно вышелъ подъ заглав. ПОNTIKA. Спб. 1909. Въ связи съ упомянутыми трудами стоитъ и сборникъ «Извѣстій древн. писателей греч. и лат. о Скиѳіи и Кавказѣ» (Scythica et Caucasica), текстъ и рус. пер., изд. В. В. Латышевымъ при сотруднич. друг. лицъ (1893 сл.).

[4]) А. А. Павловскій, Значеніе и успѣхи классической археологіи (Зап. Новор. Унив., 1892, т. 57); В. К. Мальмбергъ, Успѣхи современ. археологіи (Изъ «Уч. Зап. Юрьевск. Унив», 1896, № 1); Diehl, Excursions archéol. en Grèce. P. 1894 (2-е изд.); Baedeker's Griechenland (4-е изд.); Gardner, New chapters in greck history. Lond. 1892; въ особенности же—Michaelis, Die archäol. Entdeckungen des XIX Jahrhund. Leipz. 1906 (2-е изд. подъ загл.—Ein Jahrhundert kunstarchaol. Entdeck. 1908).

[5]) См. отчеты и труды самого Шлимана: Trojanische Alterthümer. Leipz 1874; Ilios. Leipz. 1881; Troja. Leipz. 1884; Mykenae. Leipz. 1878. Tiryns Leipz. 1886; Orchomenos. Leipz. 1881. О Троѣ главный теперь трудъ—Dörpfeld, Troja und Ilion. Athen. 1902. Кромѣ того,—Königl Museen zu

шаго вѣка. Имя Шлимана связано съ именами Трои, Микенъ, Тиринѳа, городовъ, окруженныхъ ореоломъ легендарной славы. Его находки пролили новый свѣтъ на гомерическій вопросъ и гомерическую эпоху, на древнѣйшій періодъ греческой исторіи, на давнія культурныя связи и взаимодѣйствія странъ, прилегающихъ къ восточной половинѣ Средиземнаго моря; онъ открылъ такъ называемую микенскую культуру (иначе эгейскую). Самая судьба его замѣчательная, почти сказочная, и самъ Шлиманъ познакомилъ насъ съ нею, давъ свою автобіографію въ началѣ книги «Ilios». **Шлиманъ.**

Генрихъ Шлиманъ—сынъ бѣднаго протестантскаго пастора—родился въ Мекленбургъ-Шверинѣ, въ 1822 г. Въ своей автобіографіи онъ указываетъ на тѣ впечатлѣнія дѣтства, подъ вліяніемъ которыхъ зародилась въ немъ страсть къ археологіи и мечта объ открытіи гомерической Трои, на разсказы о таинственныхъ кладахъ и т. под. Однажды отецъ Шлимана подарилъ ему иллюстрированную «Всемірную исторію для дѣтей», гдѣ между прочимъ изображена была и объятая пламенемъ Троя съ ея стѣнами и Скейскими воротами, и мальчикъ пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что именно въ такомъ видѣ существовала нѣкогда Троя, что ея колоссальныя стѣны не могли быть окончательно разрушены, а лишь скрыты подъ мусоромъ столѣтій, и что онъ впослѣдствіи откопаетъ Трою. Но, казалось, этимъ мечтамъ не суждено было сбыться: вскорѣ семью Шлимана постигаетъ рядъ несчастій, и онъ долженъ былъ покинуть учеб-

---

Berlin. Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer beschrieben. von H. Schmidt. Berl. 1902; Schuchhardt„ Schliemann's Ausgrabungen... im Lichte d. heutigen Wissensch. Leipz. 1890 (есть 2-е изд.); о микенской культурѣ—Milchhöfer, Die Anfänge der Kunst in Griechenland. Leipz. 1883; Helbig, Das Homerische Epos aus den Denkmalern erlautert. 2-te Aufl. Leipz. 1887; Furtwängler u. Löschke, Mykenische Vasen. Berlin 1886, Furtwängler, Die antiken Gemmen, Leipz. 1900. 3 т.; Noack, Homerische Paläste. Leipz. 1903; Tsountas and Manatt, The Mycenaean age. Lond. 1897; Hall, The oldest civilisation of Greece. 1901; Ridgeway, The early Age of Greece. 1901; Peroutka, Греческая исторія. I. Доисторич. эпоха (на чешск. яз.—Praha. 1908), и друг. общіе труды по исторіи Греціи (въ особенности E. Meyer во 2-мъ изд.) и по исторіи искусства (особенно Perrot et Chipiez, Hist. de l'art dans l'antiquité). На рус. яз.—ст. К. К. Герца. (Рус. Вѣстн., 1882, февр., и въ собр. его соч.); Теплова (Вѣстн. Евр., 1889, кн. 8—9); моя ст.—въ «Филол. Обозр.,» I, 1891; Б. В. Фармаковскій, Микены и Финикія (ibid., XI, 1896); Э. Р. Фельсбергъ, Микенск. періодъ исторіи Греціи. Юрьевъ 1907; Е. Кагаровъ, Новѣйш. изслѣдов. въ обл. критско-мик. культ. (Гермесъ, 1909, № 17 сл.).

ное заведеніе, куда онъ было поступилъ, и наняться сидѣльцемъ въ мелочную лавку. Здѣсь Шлиманъ занятъ былъ съ утра до вечера,—продавалъ масло, кофе, картофель, соль, подметалъ лавку и т. д. Но и среди этой тяжелой обстановки Шлиманъ не оставлялъ мечты о Троѣ.

Между тѣмъ здоровье Шлимана пошатнулось; онъ сталъ страдать кровохарканьемъ. пришлось оставить мѣсто въ лавкѣ. Тогда онъ пѣшкомъ идетъ въ Гамбургъ. Но здѣсь не находитъ мѣста: больного никто не хотѣлъ держать. Въ отчаяніи Шлиманъ рѣшается поступить юнгой на корабль, плывшій въ Америку, въ Венецуэлу. Но у голландскихъ береговъ корабль терпитъ крушеніе, и Шлиманъ едва спасается отъ гибели. Онъ очутился въ чужой странѣ, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Изъ такого отчаяннаго положенія его вывела помощь одного знакомаго, жившаго въ Гамбургѣ и приславшаго ему порядочную сумму денегъ, собранныхъ въ его пользу, и рекомендаціи. Благодаря этому Шлиманъ получилъ, наконецъ, мѣсто въ одной торговой конторѣ. Здѣсь занятія его состояли въ томъ, чтобы штемпелевать векселя, сдавать и получать письма на почтѣ и т. под. Теперь свободнаго времени было у него сравнительно достаточно, и вотъ Шлиманъ принимается за изученіе иностранныхъ языковъ. Половину своего годового жалованья онъ употреблялъ на это, жилъ на чердакѣ, довольствовался самымъ скуднымъ завтракомъ и обѣдомъ, работалъ же неутомимо. Началъ онъ съ изученія языка англійскаго, затѣмъ изучилъ языки французскій, голландскій, испанскій, итальянскій и португальскій, держась особой методы: переводовъ не дѣлалъ, а старался побольше громко читать, писалъ упражненія, исправлялъ ихъ при помощи учителя, заучивалъ потомъ наизусть и т. д. Онъ принимается даже за изученіе языка русскаго, безъ учителя, имѣя подъ рукой лишь грамматику, лексиконъ и плохой русскій переводъ «Похожденій Телемака». Тѣмъ не менѣе черезъ 6 недѣль Шлиманъ въ состояніи былъ уже написать письмо по-русски.

Еще болѣе счастливый оборотъ въ судьбѣ Шлимана наступаетъ съ переѣздомъ его въ Петербургъ (1846), сначала въ качествѣ агента торговаго дома, а вскорѣ сталъ онъ уже вести и самостоятельную торговлю, преимущественно индиго. Счастье необыкновенно ему благопріятствовало; онъ разбогатѣлъ и въ 60-хъ годахъ былъ уже милліонеромъ. Шлиманъ наконецъ рѣшается ликвидировать свои дѣла и приняться за осуществленіе еще съ дѣтства лелѣемой мечты—за открытіе гомерической Трои.

Раскопки на Гиссарликѣ.

Въ 1868 г. онъ отправился для предварительныхъ раскопокъ на мѣстѣ Трои. Прежде всего нужно было рѣшить спорный вопросъ, гдѣ искать древнюю Трою? Относительно этого существовало тогда нѣсколько мнѣній: въ древности господствовало убѣжденіе, что гомерическая Троя находилась тамъ, гдѣ въ греко-римскую эпоху былъ «Новый Иліонъ», а съ конца XVIII столѣтія стало распространеннымъ мнѣніе, по которому гомерическую Трою слѣдовало искать нѣсколько южнѣе и дальше отъ морского берега, у нынѣшней деревни Бунарбаши. Шлиманъ вскорѣ убѣдился, что послѣднее мнѣніе неосновательно, что разъ существовала въ дѣйствительности древняя Троя, то ее слѣдуетъ искать на холмѣ Гиссарликъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Геллеспонта, въ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи, тамъ, гдѣ въ греко-римскую эпоху находился «Новый Иліонъ». И онъ рѣшилъ именно здѣсь предпринять свои грандіозныя раскопки.

Онъ началъ ихъ осенью 1871 г. и производилъ въ теченіе многихъ лѣтъ, исключительно на свои средства. Энергичною помощницею Шлимана въ дѣлѣ раскопокъ была его вторая жена, Софья, родомъ гречанка, такая-же почитательница Гомера, какъ и онъ самъ. Удивительны то увлеченіе, то терпѣніе и энергія, которыя обнаружили Шлиманъ и его жена въ своихъ поискахъ за гомерическою Троей. Они мирились съ тяжелыми условіями бивуачной жизни, переносили всевозможныя неудобства, терпѣли подчасъ зной и стужу. Особенно тяжело было для Шлимана и его жены начало 1873 г., когда работы, на зиму обыкновенно прекращавшіяся, возобновлены были очень рано, въ самомъ началѣ февраля. Сквозь деревянныя стѣны дома, построеннаго Шлиманомъ, дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, нельзя было зажечь лампы, холодъ въ комнатахъ достигалъ до 4^0 по Р., вода замерзала. Днемъ все это было еще сносно, благодаря тому, что приходилось быть въ постоянномъ движеніи на воздухѣ, но вечеромъ, говоритъ Шлиманъ въ своей автобіографіи, «кромѣ нашего одушевленія къ великому дѣлу открытія Трои, мы не имѣли ничего, что̀ согрѣло бы насъ». Но зато именно въ 1873 г. раскопки Шлимана шли особенно успѣшно; тогда открытъ былъ большой кладъ, отрытый имъ собственноручно. Любопытны подробности этого открытія. Рабочіе натолкнулись, во время раскопокъ, на золотой предметъ. Шлиманъ тотчасъ догадался, что тутъ скрывается важная находка; но онъ опасался, что рабочіе могутъ похитить вещи. И вотъ, чтобы спасти находку, онъ даетъ раньше обыкновеннаго времени сигналъ для завтрака;

рабочіе удаляются, а самъ онъ собственноручно принимается за раскопку, можно сказать, съ опасностью для жизни—такъ какъ стѣна, подъ которой приходилось копать, ежеминутно грозила обрушиться—; а жена Шлимана прятала отрытыя вещи подъ мантилію и уносила въ домъ. Такъ открытъ былъ и спасенъ для науки «большой кладъ». Этотъ кладъ состоялъ изъ нѣсколькихъ серебряныхъ слитковъ, многихъ сосудовъ (мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ) разной формы и величины, при чемъ въ одной изъ серебряныхъ вазъ найдено двѣ великолѣпныхъ діадемы, головная повязка, множество мелкихъ золотыхъ вещицъ (до 8700), немало серегъ, браслетовъ, два кубка и т. д.; кромѣ того, въ составъ клада входило оружіе изъ бронзы.

Общіе результаты и выводы, къ которымъ привели Шлимана его раскопки на Гиссарликѣ, таковы. По Шлиману, на Гиссарликѣ существовало 7 городовъ (на самомъ дѣлѣ ихъ было больше), послѣдовательно возникавшихъ одинъ на мѣстѣ другого; изъ этихъ городовъ 5 онъ считалъ доисторическими, 6-й—лидійскимъ, а 7-й—греко-римскій «Новый Иліонъ». Наиболѣе интересны два древнѣйшихъ поселенія, первый и второй городъ, считая снизу, отъ материка. Отъ перваго города сохранились небольшіе остатки нѣсколькихъ параллельныхъ стѣнъ, затѣмъ жилищъ, много каменныхъ орудій (между прочимъ изъ нефрита) и глиняныхъ черныхъ сосудовъ, крайне примитивныхъ. Второй городъ, по мнѣнію Шлимана, и былъ гомерическая Троя. Отъ этого города сохранилась довольно хорошо окружная стѣна, съ башнями и воротами, а внутри—остатки большого зданія, оказавшагося дворцомъ, съ портиками, съ двумя половинами, мужской и женской, съ залой (въ родѣ гомерич. мегарона) и очагомъ. Изъ находокъ, сдѣланныхъ въ слоѣ второго города, особенно замѣчателенъ упомянутый уже выше большой кладъ. Изъ сосудовъ обращаютъ на себя вниманіе, напр., тѣ, которые имѣютъ изображеніе головы (по Шлиману, это голова совы, по другимъ—неумѣлое изображеніе головы человѣческой). Оружіе—преимущественно бронзовое. Замѣчательно, что на Гиссарликѣ не найдено совсѣмъ мечей, а есть только копья и стрѣлы. Желѣзо составляло величайшую рѣдкость; лишь впослѣдствіи Шлиманъ нашелъ здѣсь пару желѣзныхъ предметовъ.

Но Шлиманъ ошибся, принявъ этотъ второй городъ за гомерическую Трою; онъ, всю жизнь мечтавшій объ открытіи Трои, не дожилъ до того момента, когда его сотрудникомъ Дерпфельдомъ открыты были на томъ-же Гиссарликѣ древности города, который скорѣе всего можно отождествить съ Троей

Гомера: это—такъ называемый шестой городъ, относящійся къ къ микенской эпохѣ, тогда какъ культура второго города древнѣе не только гомерической, но и микенской. Ее можно отнести къ III тысячелѣтію до Р. Х. Тѣмъ не менѣе культуру этого второго города принято называть троянскою (въ отличіе отъ микенской и собственно гомерической). Что касается ея типа и характера, то на ряду съ чертами чрезвычайно своеобразными, въ ней имѣются точки соприкосновенія съ другими культурами древняго міра, въ томъ числѣ и съ микенскою.

Еще важнѣе по своимъ результатамъ открытія Шлимана въ Микенахъ.

Микены

Въ легендарной исторіи Греціи Микены играютъ видную роль. Преданіе гласитъ, что ихъ воздвигъ Персей, при чемъ ихъ строителями были циклопы. Въ числѣ микенскихъ царей легенды называютъ Еврисѳея, на службѣ которому Геркулесъ совершилъ свои знаменитые двѣнадцать подвиговъ, и Агамемнона, вождя грековъ подъ Троей. Микены были театромъ трагическихъ событій и сценъ—гибели Агамемнона, убитаго вмѣстѣ со своими спутниками вѣроломною своею женою Клитемнестрою и ея возлюбленнымъ Эгистомъ, горя Электры и кроваваго мщенія Ореста за смерть отца. Вообще поэтическія сказанія грековъ говорятъ намъ о былой славѣ, богатствѣ и могуществѣ Микенъ, а Гомеръ прямо называетъ ихъ «златообильными». Въ преданіяхъ Микены являются центромъ сильнаго и богатаго царства, резиденціей могучихъ владыкъ. Открытія Шлимана блистательно подтвердили это. Давно уже извѣстны были развалины Микенъ—остатки стѣнъ, сложенныхъ изъ колоссальныхъ камней, съ знаменитыми «Львиными воротами», и куполообразная могила, слывшая подъ именемъ «Сокровищницы царя Атрея». Объ этихъ развалинахъ, свидѣтельствовавшихъ о быломъ величіи Микенъ, говоритъ и Павсаній, греческій писатель II в. по Р. Х. Въ 1876 г. Шлиманъ подробнѣе изслѣдовалъ эти памятники и, кромѣ «Сокровищницы царя Атрея», открылъ еще нѣсколько подобныхъ-же куполообразныхъ могилъ.

Но главное свое вниманіе Шлиманъ сосредоточилъ на микенскомъ акрополѣ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что могилы Агамемнона и его спутниковъ, о которыхъ говоритъ Павсаній, слѣдуетъ искать не внѣ, а внутри акрополя. И вотъ онъ задался мыслью открыть эти могилы. 7 августа 1876 г. внутри акрополя, недалеко отъ Львиныхъ воротъ, раздались первые удары заступа и черезъ нѣсколько уже недѣль передъ глазами Шлимана открылся міръ новой, дотолѣ неизвѣстной намъ культуры. Прежде

всего Шлиманъ открылъ тутъ кругъ, состоящій изъ двойного ряда или кольца каменныхъ плитъ, ниже этого круга—алтарь циклопической постройки, затѣмъ нѣсколько каменныхъ стелъ, изъ которыхъ на нѣкоторыхъ изображены сцены охоты и сраженія, напр. колесница, запряженная лошадью, вооруженный мечомъ воинъ, а внизу и вверху—спирали, обычный орнаментъ на микенскихъ памятникахъ, и, наконецъ, еще ниже открыто 5 могилъ. Въ этихъ могилахъ оказалось до 17 тѣлъ, въ томъ числѣ нѣсколько женскихъ и дѣтскихъ. Тѣла, можно сказать, были завалены драгоцѣнностями всякаго рода. Тутъ были золотыя маски, діадемы, нагрудники, перевязи, бляхи, украшавшія одежду, перстни, съ прекрасными изображеніями охоты и сраженія, браслеты, масса оружія (особенно замѣчательны бронзовые мечи съ изображеніями, напр., борьбы со львами и т. п.), множество сосудовъ металлическихъ, нерѣдко очень массивныхъ, глиняныхъ, отличавшихся легкостью, изображенія бычачьихъ головъ, разнаго рода животныхъ, натуральное страусовое яйцо, нѣсколько золотыхъ идольчиковъ, изображающихъ божество въ родѣ Астарты и т. д., и т д.

Таковы были открытія Шлимана въ Микенахъ. Успѣхъ былъ поразительный и превзошелъ самыя смѣлыя его ожиданія. То, что̀ раньше признавалось лишь поэтическимъ вымысломъ, оказалось дѣйствительностью: сказанія о богатствѣ и могуществѣ Микенъ нашли себѣ полное подтвержденіе. Можно даже сказать, что въ данномъ случаѣ поэтическая фантазія во многихъ отношеніяхъ оказалась ниже дѣйствительности. Поэтому намъ вполнѣ понятенъ восторгъ Шлимана, его увлеченіе, его увѣренность, что имъ открыты именно могилы Агамемнона и его спутниковъ, такъ трагически погибшихъ по возвращеніи изъ Трои, хотя мы можемъ и не раздѣлять этой увѣренности, такъ какъ противъ мнѣнія Шлимана говоритъ многое. Но несомнѣнно то, что могилы, открытыя Шлиманомъ въ Микенахъ,—могилы царскія.

Драгоцѣнныя свои находки, сдѣланныя въ Микенахъ, Шлиманъ, согласно существующему въ Греціи закону, не могъ вывезти изъ страны и предоставилъ въ распоряженіе греческаго правительства; онѣ хранятся въ настоящее время въ Аѳинахъ, въ «Національномъ музеѣ». Большую же часть своихъ троянскихъ находокъ Шлиманъ принесъ въ даръ Германіи «въ вѣчное владѣніе и нераздѣльное храненіе въ столицѣ имперіи».

Очень важнымъ дополненіемъ къ микенскимъ открытіямъ служатъ открытія Шлимана въ другомъ древнемъ городѣ Арголиды — Тиринѳѣ. Тиринѳъ по преданію тоже являлся

сооруженіемъ циклоповъ; онъ считался даже древнѣе Микенъ, которыя, возвысившись, затмили его славу и даже подчинили его себѣ. Развалины Тиринѳа представляли груды камней, еще болѣе колоссальныхъ, нежели тѣ, какія находятся въ Микенахъ. Свои раскопки въ Тиринѳѣ Шлиманъ производилъ въ сотрудничествѣ съ Дерпфельдомъ, главнымъ образомъ въ 1884 г. Въ результатѣ ихъ разысканій оказалось—пролитіе новаго свѣта на систему тиринѳскихъ укрѣпленій и открытіе остатковъ громаднаго дворца, по своему плану напоминающаго дворцы, описываемые Гомеромъ. Оказывается, что въ тиринѳскихъ стѣнахъ была сѣть подземныхъ галлерей и камеръ со стрѣльчатымъ сводомъ, своего рода казематовъ, служившихъ, по всей вѣроятности, магазинами или кладовыми, что въ этихъ стѣнахъ было 2 входа или воротъ. Тутъ мы видимъ цѣлую сложную систему укрѣпленій, устроенныхъ по строго обдуманному плану. Чтобы выполнить подобный планъ, чтобы, напр., возвести стѣны изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, вѣсившихъ до 200 и даже до 800 пудовъ каждый, нужны были, конечно, болѣе или менѣе опытные и искусные архитекторы, цѣлые отряды рабочихъ и громадныя средства! Что касается тиринѳскаго дворца, открытаго Шлиманомъ и Дерпфельдомъ, то тутъ мы видимъ пропилеи, портики, дворъ съ алтаремъ, мужскую половину помѣщенія съ залой (гомерич. мегаронъ), посреди которой возвышался домашній очагъ, съ комнатой, служившей баней, полъ которой состоялъ изъ одного цѣльнаго камня колоссальной величины, вѣсомъ въ 1200 пудовъ; мы видимъ тутъ и гинекей, т. е. женскую половину, и т. д., словомъ видимъ прототипъ гомерическихъ дворцовъ. Стѣны тиринѳскаго дворца украшены были живописью al fresco. Изображались не только спирали и розетки, но и цѣлыя сцены,—напр. сохранилась часть картины, представляющей мчащагося быка, на немъ человѣка, который одной ногой касается спины быка, а другая нога его приподнята.

Таковы главнѣйшіе памятники, которые открыты были Шлиманомъ. По справедливому замѣчанію одного нѣмецкаго ученаго, въ томъ увлеченіи и фантазіи, которыя составляютъ слабую сторону Шлимана, кроется вмѣстѣ съ тѣмъ и тайна его успѣха. И въ самомъ дѣлѣ, безъ воодушевленной вѣры въ дѣйствительность своихъ грезъ, всего того, что̀ описываетъ Гомеръ, Шлиманъ не могъ бы совершитъ того, что̀ онъ совершилъ. Мы можемъ отвергать его выводы и толкованія, какъ не выдерживающіе критики, какъ фантастическіе; но отъ этого не умалится значеніе сдѣланныхъ имъ открытій и находокъ: онѣ останутся неоцѣнен-

нымъ сокровищемъ въ смыслѣ научнаго матеріала. Шлиманъ, повторяемъ, приподнялъ ту завѣсу, которая скрывала отъ насъ древнѣйшій періодъ греческой исторіи; онъ открылъ предъ нами новый горизонтъ и поставилъ рядъ проблемъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ придется потрудиться, быть можетъ, еще не одному поколѣнію ученыхъ.

Послѣ открытій Шлимана важнѣйшія предпріятія въ этомъ родѣ были—раскопки нѣмцевъ въ Олимпіи и въ Пергамѣ. Онѣ происходили почти въ одно время съ тѣмъ, какъ Шлиманъ открывалъ троянскія и микенскія древности.

Раскопки въ Олимпіи.

Олимпія, священное въ глазахъ эллиновъ мѣсто, гдѣ происходили ихъ національныя игры, представляла собой своего рода музей грековъ [1]): тутъ были собраны священные дары или приношенія съ разныхъ концовъ эллинскаго міра, отъ государствъ и отдѣльныхъ лицъ; тутъ были алтари и храмы; множество статуй боговъ, героевъ и атлетовъ, произведенія знаменитыхъ художниковъ и проч. При императорѣ Θеодосіи I олимпійскія игры были запрещены и многіе памятники искусства изъ Олимпіи перевезены въ Константинополь, въ томъ числѣ знаменитая статуя Зевса работы Фидія, впослѣдствіи тамъ, въ Константинополѣ, и погибшая во время пожара. Затѣмъ многое подверглп разрушенію и грабежу готы Аларіха. Олимпія опустѣла. Θеодосій II приказалъ сжечь ея зданія. Землетрясенія и наводненія довершили дѣло разрушенія. Развалины зданій, памятники, мѣсто, гдѣ происходили состязанія,—все это мало-по-малу занесено было иломъ и толстымъ слоемъ песку, на 5 или 6 метровъ въ глубину.

Раскопки въ Олимпіи, по широкому плану, начались въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка и были дѣломъ прежде всего Эрнста Курціуса. Послѣ кровавой войны 1870—1 г. у нѣмцевъ явилось, какъ говоритъ самъ Курціусъ, благородное желаніе совершить мирное дѣло, въ интересахъ науки, и германское правительство рѣшило произвести на свой счетъ раскопки въ Олимпіи (1874 г.). Кронпринцъ Фридрихъ, воспитанникъ Курціуса, взялъ на себя иниціативу и посредничество въ этомъ дѣлѣ. Германскій рейхстагъ единогласно вотировалъ сотни тысячъ на эти раскопки, не смотря на то, что всѣ найденные предметы должны

[1]) Die Ausgrabungen von Olympia. Berlin. 1876—81, 5 т; Die Funde von Olympia. Berlin. 1882; E. Curtius und Adler, Olympia. Die Ergebnisse der von d. Deutsch. Reich veranstalteten Ausgrabungen; Boetticher Olympia. Berlin. 1886; Laloux et Monceaux, La restauration d'Olympie Paris. 1889 (на русск. яз.—въ изложеніи г. Мазурина М. 1892).

были оставаться въ Греціи, на долю же Германіи доставалась лишь слава. Въ 1875 г. приступлено было къ раскопамъ, а въ 1881 г. онѣ были закончены. Велись онѣ съ замѣчательною осторожностью, по образцовому методу. Во главѣ дѣла стояли Э. Курціусъ, Адлеръ и членъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. На мѣстѣ находилась коммиссія изъ археологовъ и архитекторовъ. Въ ихъ распоряженіи было до 300 рабочихъ. Работы производились въ теченіе 6 лѣтъ ежегодно, съ октября по мартъ, и раскопки стоили Германіи 800000 марокъ. Раскопанъ былъ не только священный округъ (Альтисъ), но и окрестныя зданія, служившія помѣщеніемъ для лицъ, завѣдывавшихъ играми, и для гостей. Предъ нашимъ взоромъ теперь открывается весь планъ Олимпіи; найдено множество предметовъ, произведеній искусствъ и въ числѣ ихъ такія, какъ фронтоны храма и Гермесъ Праксителя! На мѣстѣ раскопокъ воздвигнутъ музей на средства грека Сингроса, и въ немъ помѣщены найденныя древности, а у входа поставленъ мраморный бюстъ Курціуса.

Раскопки въ Пергамѣ.

Раскопки въ Пергамѣ [1]) открыли дивныя и грандіозныя произведенія искусства и показали, какъ процвѣтало оно въ тѣ времена, которыя считались эпохой упадка, и до какой степени реализма доходили греческіе художники.

Пергамъ—древній городъ въ Малой Азіи (въ Мизіи), въ долинѣ Каика, расположенный на возвышенности, нѣкогда столица Пергамскаго царства и центръ эллинизма въ Азіи, теперь—довольно значительный городъ Бергама, который находится у подножія древняго акрополя. Самостоятельная политическая жизнь Пергама продолжалась недолго, какихъ-нибудь 150 лѣтъ, но онъ одно время былъ важнымъ культурнымъ центромъ. При дворѣ его владѣтелей оказывалось покровительство литературѣ, наукѣ и искусству; въ Пергамѣ работали замѣчательные художники: онъ славился своею медицинскою школою; въ немъ основана была знаменитая библіотека, въ которой хранилось до 200000 свитковъ и которая уступала одной только Александрійской библіотекѣ; въ Пергамѣ-же впервые сталъ употребляться новый писчій матеріалъ, въ замѣнъ папируса, — пергаментъ. Въ 129 г. Пергамъ превращенъ былъ въ римскую провинцію, а

[1]) Altertümer von Pergamon (съ 1889 г; еще не оконч). Кромѣ того,—Pergame. Restauration des monuments de l'Acropole. Restauration par Pontremoli, texte par Collignon. P. 1900; Ussing, Pergamos, seine Geschichte und Monumente. Berlin-Stuttg. 1899 (нѣм. обработка датск. изданія); на рус. яз. ср. «Археол. хронику» С. А. Жебелева въ «Филол. Обозр.», XVII, 2, 1899 (стр. 288 сл.).

со временъ византійскаго господства начинается полный упадокъ его. Памятники его подверглись разрушенію; великолѣпные мраморы, статуи и горельефы пошли на устройство крѣпостной стѣны, чтò, впрочемъ, для нихъ было спасеніемъ: замуравленные въ этой стѣнѣ, подъ толстымъ слоемъ извести, они лучше сохранились отъ дальнѣйшаго разрушенія.

Гуманъ. Въ 1864 г. молодой нѣмецкій инженеръ Карлъ Гуманъ, по порученію одного паши строившій мосты и проводившій дороги въ М. Азіи, посѣтилъ Пергамъ. Со скорбью видѣлъ онъ, какъ гибнутъ сокровища древности: пергамскій акрополь превращенъ былъ въ каменоломню; его памятники шли на постройки и на обжиганіе извести, не говоря уже о мелкихъ расхищеніяхъ. Гуманъ прежде всего употребилъ всѣ усилія, чтобы положить конецъ дальнѣйшему разрушенію. Онъ убѣдилъ знакомаго ему грека-врача, тоже любителя древностей, отправить пріобрѣтенный имъ мраморный горельефъ, изображавшій льва, нападающаго на человѣка, въ Константинополь. Тамъ на этотъ горельефъ обратилъ вниманіе великій визирь, и турецкое правительство запретило расхищать пергамскія древности и употреблять ихъ на постройки. Въ 1871 г. Бергаму посѣтили Э. Курціусъ и Адлеръ. Гуманъ обратилъ ихъ вниманіе на византійскую стѣну, въ которую вдѣланы были античныя скульптуры, и въ доказательство того, какъ ихъ много и какъ легко открыть, тутъ-же на глазахъ извлечено было два прекрасныхъ горельефа, которые и были отправлены въ Берлинъ. Не смотря на сочувствіе Курціуса, настоянія и старанія Гумана, убѣждавшаго прусское правительство предпринять раскопки въ Пергамѣ, долго оставались безъ результата: вниманіе и средства въ то время отвлечены были раскопками въ Олимпіи. Только въ 1878 г. эти старанія наконецъ увѣнчались успѣхомъ, благодаря поддержкѣ извѣстнаго археолога Conze и тому интересу, который обнаружилъ и къ этому дѣлу кронпринцъ (впослѣдствіи императоръ Фридрихъ III). Конце первый пришелъ къ заключенію, что находимые въ Пергамѣ горельефы принадлежатъ къ изображенію «гигантомахіи», борьбы боговъ съ гигантами, на колоссальномъ жертвенникѣ или алтарѣ, о которомъ упоминаетъ одинъ изъ позднѣйшихъ писателей древности (нѣкій Ампелій) въ числѣ чудесъ свѣта. По побужденію Конце, прусское правительство рѣшило дать средства на пергамскія раскопки.

Гуманъ съ увлеченіемъ и энергіей приступилъ къ раскопкамъ. Вскорѣ ему удалось открыть то мѣсто, гдѣ находился алтарь, его фундаментъ и большое число плитъ съ изображе-

ніемъ сценъ изъ гигантомахіи. Съ какимъ увлеченіемъ Гуманъ относился къ раскопкамъ, лучше всего показываетъ слѣдующій эпизодъ. Гуманъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждалъ находки тѣхъ плитъ, на которыхъ должно было находиться изображеніе Зевса, какъ главной фигуры въ борьбѣ съ гигантами. И вотъ однажды—это было въ іюлѣ 1879 г.—онъ отправился на акрополь осматривать открытыя, но еще не очищенныя плиты, лежавшія на мусорѣ; очистили первыя 4 плиты, и оказалось, что на нихъ изображенъ богъ и три гиганта. Гуманъ догадался, что это и есть изображеніе Зевса. «Я чувствую твое приближеніе, Зевсъ», воскликнулъ онъ. И дѣйствительно, плиты подходили одна къ другой и изображали главную сцену горельефа—Зевса, поражающаго трехъ гигантовъ Для полной увѣренности въ этомъ недоставало лишь изображенія обычныхъ аттрибутовъ царя боговъ; но когда перевернули еще одну плиту, то Гуманъ, полный нетерпѣнія и ожиданія, наскоро ногтями отцарапалъ цѣлые слои извести, покрывавшіе плиту, и видитъ эгиду. «Глубоко потрясенный», разсказываетъ онъ въ своемъ дневникѣ [1]), «я приникъ къ Зевсу и залился обильными слезами радости» [2]). Мы поймемъ увлеченіе Гумана, если вспомнимъ, какъ восторженно описывалъ эти горельефы И. С. Тургеневъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ о пергамскихъ раскопкахъ; онъ видѣлъ ихъ въ 1880 г. въ Берлинскомъ музеѣ, гдѣ они были тогда разложены на полу: «Выходя изъ музеума», говоритъ Тургеневъ въ концѣ письма, «я подумалъ: „Какъ я счастливъ, что я не умеръ, не доживъ до послѣднихъ впечатлѣній, что я видѣлъ все это!...“»

Всѣ найденныя пергамскія скульптуры перешли въ Берлинъ. Доставка ихъ изъ Пергама къ морскому берегу и затѣмъ на суда сопряжена была съ большими трудностями; но Гуманъ преодолѣлъ все. Большая часть древностей изъ Смирны была отправляема на пароходѣ въ Тріестъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Здѣсь цѣлая коммиссія археологовъ, съ помощью итальянскихъ мастеровъ, работала надъ приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Къ счастью, плиты снабжены были буквами или знаками, такъ-что для каждой изъ нихъ можно было опредѣлить мѣсто и надлежащимъ образомъ сопоставить ихъ. Для пергамскихъ древностей еще недавно устроенъ былъ особый музей; въ немъ горельефы располагались такъ, какъ онѣ были

[1]) Дневникъ Гумана помѣщенъ въ «Die Ergebnisse der Ausgrabungen von Pergamon» (Jahrbuch d. Kön. Preuss. Kunstsammlungen. l. 1880).

[2]) Н. М. Благовѣщенскій, Винкельманъ и поздн. эпохи греческ. скульптуры. Спб. 1891, стр. 66—67.

нѣкогда въ дѣйствительности. Но теперь этотъ музей закрытъ: на мѣстѣ его, на такъ назыв. «Островѣ музеевъ», предположено воздвигнуть новый грандіозный музей.

Раскопки въ Пергамѣ продолжались и впослѣдствіи. Открыты были статуи, остатки храмовъ, дворца, театра, гимназіи, большого водоема, улица, рынокъ и проч. Изъ надписей интересны «царскій законъ» объ астиномахъ, ихъ правахъ и обязанностяхъ, и римскій эдиктъ, касающійся городского банка въ Пергамѣ.

Успѣхамъ эпиграфики и археологіи много способствовали тѣ иностранныя учрежденія—школы или институты—, которыя основаны были въ Греціи.

Французская школа въ Аѳинахъ.

По времени первымъ такимъ учрежденіемъ является Французская школа въ Аѳинахъ (École française d'Athènes) [1]), основанная еще въ 1846 г. «для изученія языка, исторіи и древностей греческихъ», но скорѣе по политическимъ, нежели научнымъ мотивамъ,—съ цѣлью поддержать вліяніе и престижъ Франціи, въ противовѣсъ Англіи; сначала она преслѣдовала больше литературныя и общеобразовательныя цѣли, чѣмъ спеціальныя, ученыя разысканія, и долгое время, до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, мало проявляла свою дѣятельность. Новый періодъ въ ея дѣятельности начинается съ середины 70-хъ годовъ, когда во главѣ ея сталъ Alb. Dumont и она преобразована была въ ученое учрежденіе, получавшее корреспонденціи изъ Смирны, Александріи, Константинополя и т. д., служившее какъ-бы посредникомъ между Востокомъ и Западомъ. Съ 1887 г. школа издаетъ и свой органъ—Bulletin de correspondance hellénique, гдѣ сосредоточиваются сообщенія о новѣйшихъ открытіяхъ [2]). Дальнѣйшаго развитія Французская школа достигла при Фукарѣ, извѣстномъ знатокѣ надписей, при которомъ и преобладало эпиграфическое направленіе, и Омоллѣ (Homolle) [3]), прославившемся своими раскопками на Делосѣ и въ Дельфахъ.

Раскопки эти были самымъ выдающимся дѣломъ Французской школы.

Раскопки на Делосѣ.

Древности Делоса [4]), священнаго для грековъ острова, родины Аполлона и одно время центра Аѳинскаго союза, испытали обычную, печальную участь: еще въ I в. до Р. Х., во времена Митридата, островъ подвергся разоренію, а въ средніе и новые

[1]) Radet, L'histoire et l'oeuvre de l'École franç. d'Athènes. P. 1901; на рус. яз.—ст С. О. Цыбульскаго въ «Гимназіи», 1891.

[2]) Крупные мемуары и монографіи помѣщаются въ Bibliothèque des écoles d'Athènes et de Rome.

[3]) Его преемникомъ назначенъ Олло (Holleaux) (съ 1904 г.).

[4]) О раскопкахъ на Делосѣ—отчеты въ Bull. de corr. hell.

вѣка служилъ каменоломней. Госпиталиты и жители сосѣднихъ острововъ брали отсюда матеріалъ для построекъ; церковь на Тиносѣ, напр., вся выстроена изъ античнаго мрамора. Съ 1877 г. Французскою школою начаты на Делосѣ систематическія, въ широкихъ размѣрахъ, раскопки, давшія богатые результаты. Открыты остатки священнаго города, храма и различныхъ зданій—пропилеевъ, театра, гимназіи, святилищъ, помѣщеній, принадлежавшихъ разнымъ коллегіямъ или корпораціямъ, и т. под.—, въ общемъ до 60, гавани, любопытныя архаическія статуи и въ особенности надписи, числомъ болѣе 1500. Такимъ образомъ пролитъ свѣтъ на исторію храма, его управленіе, на развитіе греческой скульптуры, особенно въ болѣе древній періодъ, и т. д. Мы поймемъ все значеніе сдѣланныхъ находокъ, преимущественно надписей, если вспомнимъ, что храмъ делосскій служилъ своего рода архивомъ, казнохранилищемъ и музеемъ, что здѣсь хранились различные акты, копіи съ договоровъ и другихъ документовъ, и что островъ Делосъ былъ однимъ изъ центровъ не только религіозной жизни, но и торговаго движенія.

Систематическія, сопровождавшіяся замѣчательными открытіями, раскопки въ Дельфахъ относятся уже къ 90-мъ годамъ истекшаго столѣтія, а потому о нихъ я скажу далѣе.

Кромѣ другихъ, не столь бросающихся въ глаза открытій, членамъ Французской школы въ Аѳинахъ принадлежитъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ монографій и изслѣдованій по греческой исторіи, государственнымъ и частнымъ древностямъ и искусству. Можно сказать, что большая часть выдающихся спеціалистовъ Франціи второй половины XIX в. въ этихъ научныхъ областяхъ—Фюстель де Куланжъ, Перро, Фукаръ, Коллиньонъ, Омолль, П. Жираръ, Оссулье, Оветтъ, Поттье, С. Рейнакъ[1]) и друг.—вышли изъ французской школы въ Аѳинахъ.

[1]) О Ф. де Куланжѣ—выше, стр. 149 сл., Perrot вмѣстѣ съ Chipiez издаетъ съ 1882 г. капитальную Hist. de l'art dans l'antiquité (ему принадлежитъ также Essai sur le droit publ. d'Athènes. 1867); Foucart извѣстенъ изслѣдованіями, преимущественно по надписямъ (Mémoire sur l'affranchissement des ésclaves par forme de vente à une divinité. 1863; Les associations religieuses . 1873; Mém. sur les colonies athén. 1878; Les grands mystères d'Eleusis. 1900; Le culte de Dionysos en Attique. 1904); Collignon—историкъ искусства (Hist. de la sculpture grecque. 1892—7. 2 т.); Homolle извѣстенъ раскопками; P. Girard принадлежитъ монографія L'éducation athén. 1889; Haussoullier—La vie municipale en Attique. 1884; Hauvette, Les stratèges athén. 1885 и Hérodote, historien des guerres médiques. 1894; Pottier и S. Reinach—археологи (см. напр. ихъ La Nécropole de Myrina. 1887. 2 т.).

Нѣмецкій Институтъ въ Аѳинахъ

Въ 1874 г. и нѣмцы основали въ Аѳинахъ учрежденіе, подобное Французской школѣ, въ видѣ Отдѣленія Нѣмецкаго Археологическаго Института. Институтъ этотъ[1]) впервые основанъ былъ въ 1829 г. въ Римѣ и сначала носилъ международный характеръ: къ нему принадлежали и въ его работахъ принимали участіе лица различныхъ національностей; изданія его выходили большею частью на итальянскомъ языкѣ и проч. Въ 1871 г. институтъ превратился въ прусское учрежденіе, а въ 1874 г.— въ имперское, подъ именемъ «Императорскаго Нѣмецкаго Археологическаго Института». Почти одновременно, по проекту Э. Курціуса, въ Аѳинахъ основано было его отдѣленіе. Каждымъ изъ двухъ отдѣленій, Аѳинскимъ и Римскимъ, завѣдуютъ по два секретаря; центральная дирекція находится въ Берлинѣ. На обязанности секретарей лежитъ редактированіе «Извѣстій» (Mittheilungen), чтеніе лекцій или объясненіе памятниковъ, руководство занятіями стипендіатовъ, которыхъ ежегодно командируется нѣсколько, устройство археологическихъ экскурсій, веденіе засѣданій и т. под. Въ числѣ секретарей Аѳинскаго Отдѣленія мы видимъ такихъ лицъ, какъ U. Köhler (до 1886 г.), которому такъ много обязана эпиграфика, и Dörpfeld. Институтъ располагаетъ значительнымъ бюджетомъ; онъ имѣетъ свой органъ—Mittheilungen, изъ которыхъ одинъ отдѣлъ выходитъ въ Аѳинахъ, а другой—въ Римѣ[2]).

Нѣмецкій Археологическій Институтъ въ Аѳинахъ очень много способствовалъ дальнѣйшему изученію исторіи, археологіи и топографіи Греціи.

Между прочимъ, при содѣйствіи этого учрежденія и при участіи Курціуса предпринята была громадная работа—топографическая съемка Аттики нѣмецкими офицерами генеральнаго штаба. Результатомъ этихъ изслѣдованій явились совмѣстныя изданія Курціуса и Кауперта: «Атласъ Аѳинъ» (1878) и «Карты Аттики» (1881—94/5), съ объяснительнымъ текстомъ.

Въ 1886 г. возникла Британская школа въ Аѳинахъ[3]) на частные взносы. Она принимала дѣятельное участіе въ раскопкахъ на о. Кипрѣ (доставшемся Англіи въ 1878 г.), гдѣ еще

---

[1]) Gesch. d. Kais. Deutsch. Archäol. Instituts. Berl. 1879, и ст. въ Preuss. Jahrb., 63 т., 1889.

[2]) Кромѣ того, въ Берлинѣ существуетъ центральный органъ— сначала Archäol. Zeitung, а потомъ—Antike Denkmaler и Jahrbuch (съ 1886 г.), съ приложеніемъ (Archäol. Anzeiger, съ 1889 г.). Ежегодные отчеты о дѣятельности Нѣмецкаго Археологическаго Института печатаются въ Sitzungsberichte d. Berl Akad. d. Wissensch.

[3]) Gardner, The British School at Athens. Oxf.—Cambr. 1907.

въ 70-хъ годахъ съ большимъ успѣхомъ производилъ разысканія сѣверо-американскій консулъ графъ Cesnola, а затѣмъ нѣмецкій ученый Ohnefalsch-Richter. Въ томъ-же направленіи дѣйствуютъ ученыя англійскія общества, въ особенности Egypt Exploration Fund. Послѣднимъ, подъ руководствомъ Flinders Petrie, предприняты были раскопки на мѣстѣ греческой колоніи Навкратисъ (1884—6)[1]), приведшія къ богатымъ и неожиданнымъ результатамъ; открытъ городской округъ со святилищами и немало надписей, по древности не уступающихъ надписи въ Абу-Симбелѣ. Изъ отдѣльныхъ же лицъ слѣдуетъ назвать англійскаго архитектора Wood'a, многолѣтнія раскопки котораго въ Эфесѣ увѣнчались, наконецъ, открытіемъ въ 1874 г. знаменитаго храма Артемиды, и эпиграфиста Ньютона.

Британская школа и общества.

Въ 1881 г. на счетъ Американскаго Археологическаго Института, начаты раскопки въ Ассосѣ, а въ 1882 г. учреждена Американская школа въ Аѳинахъ, которая производила раскопки въ Аттикѣ, Сикіонѣ, Платеѣ. Въ Америкѣ образовалось особое общество для изслѣдованія Малой Азіи—Asia Minor Exploration Fund, поддержку коему оказали и англичане[2]).

Американ. школа.

Малая Азія служила предметомъ изученія особенно со стороны австрійскихъ ученыхъ. До послѣдняго времени Австрія не имѣла учрежденія, подобнаго упомянутымъ выше школамъ или Нѣмецкому Институту. Обращаютъ на себя вниманіе австрійскія ученыя экспедиціи, въ особенности—на юго-западъ Малой Азіи (Benndorf и друг.).

Австрійскія экспедиціи.

Греческое Археологическое Общество въ свою очередь немало сдѣлало по части раскопокъ и открытій[3]). Основанное впервые еще въ 1837 г., потомъ навремя прекратившее было свое существованіе, оно въ 1858 г. вновь возникло, но лишь съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія обнаружило энергичную дѣятельность. Оно издаетъ рядъ публикацій—напр. Ἐφημερὶς ἀρχαιολογικὴ (съ 1883 г.) и т. под.; оно ведетъ удачныя раскопки въ Аѳинахъ, Элевсинѣ, Эпидаврѣ, Танагрѣ, Микенахъ и т. д.

Греческое Археологич. Общество.

Первое мѣсто среди этихъ раскопокъ занимаютъ открытія на аѳинскомъ акрополѣ[4]). Въ 1876—7 г. Греческое Археологическое Общество очистило южный склонъ акрополя и въ

Раскопки въ Аѳинахъ.

---

[1]) Flinders-Petrie, Gardner and Griffith, Naucratis. 1886—8. 2 т.; Flinders-Petrie, Ten years digging in Egypt. 1892; Prinz, Funde aus Naucratis. Leipz. 1908; ср. ст. С. П. Шестакова въ Уч. Зап. Каз. Ун., 1909, янв.

[2]) По порученію этого общества англичанинъ Ramsay предпринялъ, напр., экспедицію въ Карію и во Фригію.

[3]) Его исторія написана Kavvadias'омъ (на новогреч. 1900).

[4]) Теперь главный трудъ—Kavvadias und Kawerau, Die Ausgrabung d. Akropolis (1885—1890). 1909 (на нѣм. и новогреч.).

1882 г., подъ руководствомъ эфора Каввадія, предприняло систематическія раскопки, которыя и привели въ 1885—9 гг. къ замѣчательнымъ открытіямъ. Исходя изъ убѣжденія, что среди мусора, послужившаго для уравненія площади акрополя и заполнившаго всѣ неровности его поверхности во время строительной дѣятельности Периклова вѣка, должно находиться немало памятниковъ, погибшихъ при нашествіи персовъ, Греческое Археологическое Общество задалось цѣлью дойти до самой скалы. Ожиданія оправдались; изъ этого насыпного слоя извлечена масса памятниковъ, наполняющихъ теперь нѣсколько залъ Акропольскаго музея и, несомнѣнно, относящихся ко времени до Греко-Персидскихъ войнъ. Среди нихъ особенно любопытны статуи; многія изъ нихъ раскрашены. Эти находки освѣтили многое въ исторіи акрополя и греческаго искусства, особенно начальнаго періода. Кромѣ того, открыты на акрополѣ остатки «Пеласгической стѣны» и древняго дворца микенской эпохи.

Элевсинъ. Въ Элевсинѣ греческое правительство экспропріировало дома, построенные на мѣстѣ развалинъ, что̀, конечно, стоило немалыхъ суммъ, но зато дало возможность надлежащимъ образомъ изслѣдовать священный округъ; открыты произведенія искусства и многочисленныя надписи; выясненъ и планъ, и расположеніе зданій. **Эпидавръ.** Въ Эпидаврѣ, гдѣ было святилище Асклепія, раскопки велись подъ наблюденіемъ Каввадія (1881—7) и привели къ открытію святилища и разнаго рода памятниковъ[1]). **Микены** Изслѣдованія и раскопки Греческаго Археологическаго Общества въ Микенахъ въ 1887—8 г., уже послѣ Шлимана, пролили новый свѣтъ на отношеніе микенской культуры къ чисто эллинской; между прочимъ, открыты развалины дворца, подобнаго тиринѳскому.

Танагрскія фигуры. Иного рода были находки въ Танагрѣ (въ Беотіи), относящіяся преимущественно къ 70-мъ годамъ истекшаго вѣка [2]). Здѣсь давно уже мѣстные жители, при обработкѣ земли, наталкивались на древнія могилы, содержавшія множествво статуэтокъ. Развился цѣлый промыселъ, и танагрскія могилы

---

[1]) Cavvadias, Fouilles d'Epidaure. 1893, и его-же болѣе новый трудъ Τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ ἐν Ἐπιδαύρῳ. 1900, Defrasse et Lechat Epidaure. Restauration et description des principaux monuments de sanctuaire d'Asclép. P. 1895; на рус. яз. ср. С. А. Жебелевъ, Религ. врачев. въ древ. Греціи. Спб. 1893; ст. Н. А Александровскаго, въ Ж. М. Н. Пр., 1890, іюнь.

[2]) Kekulé, Thonfiguren aus Tanagra. Stuttg. 1878; Pottier, Les statuettes de terre-cuite en Grèce; ст. К. К. Герца въ Рус. Вѣстн., 1878, № 5; Н. П. Кондаковъ въ Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., XI, 1879.

подверглись массовому расхищенію, большая же часть находокъ перешла за границу. Наконецъ, греческое правительство и Археологическое Общество приняло мѣры. Въ 1873 г. посланъ былъ агентъ Общества даже съ военнымъ отрядомъ, чтобы остановить тайныя раскопки, а затѣмъ Общество предприняло раскопки, при чемъ разрыто было нѣсколько тысячъ могилъ. Находимы были преимущественно мелкіе предметы, статуэтки (самая богатая коллекція ихъ собрана въ Луврѣ). Танагрскія фигуры открываютъ намъ новую сферу или сторону греческаго искусства; онѣ вводятъ насъ въ повседневную жизнь грековъ, знакомятъ насъ съ ихъ занятіями, забавами, костюмами. Онѣ изображаютъ намъ то женщинъ, занятыхъ своимъ туалетомъ или своимъ хозяйствомъ, печеніемъ хлѣба и т. под.; то цирульника, стригущаго своего кліента; то повара, готовящаго обѣдъ; то торговца, выкрикивающаго свой товаръ; то дѣтей, играющихъ или пишущихъ и т. д.

Открытіе Додоны.

Открытіемъ развалинъ Додоны[1]), гдѣ былъ древнѣйшій оракулъ, очень почитаемый греками, наука обязана отдѣльному лицу—греку Карапану. До его раскопокъ въ точности не было извѣстно даже мѣстоположеніе Додоны; слѣды нѣкогда знаменитаго оракула, казалось, исчезли навсегда... Карапанъ въ 1876 г. опредѣлилъ мѣстоположеніе Додоны, открылъ ея развалины и остатки святилища, нашелъ много мелкихъ предметовъ, служившихъ обѣтными приношеніями,—бронзовыхъ треножниковъ, вазъ, а также свинцовыя таблички, на которыхъ писались обращенные къ оракулу вопросы, самые разнообразные и, такъ сказать,—житейскіе, даже, напр., относительно пропавшихъ вещей.

Намъ остается сказать здѣсь еще объ участіи русскихъ ученыхъ въ археологическихъ разысканіяхъ.

Открытія древностей въ южной Россіи.

Россія не имѣла и не имѣетъ какой-либо школы или института въ Аѳинахъ (Русскій Археологическій Институтъ существуетъ въ Константинополѣ, съ 1894 г.), и командированнымъ въ Грецію [2]) молодымъ ученымъ приходилось такъ или иначе пользоваться содѣйствіемъ Французской школы или Нѣмецкаго института; ихъ работы нерѣдко помѣщались въ Bulletin de corresp. hellénique и въ Mittheilungen. На долю Россіи выпало главнымъ образомъ изученіе тѣхъ древностей, которыя находятся въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ, на югѣ, на мѣстѣ греческихъ колоній.

---

[1]) Karapanos, Dodone et ses ruines. P. 1878.

[2]) Изъ экспедицій въ Азію можно назвать экспедицію кн. С. С. Абамелека-Лазарева въ Пальмиру (его «Пальмира». 1884).

Изслѣдованіе края въ археологическомъ отношеніи началось вскорѣ послѣ покоренія его Россіей [1]), при чемъ въ этомъ изслѣдованіи принимали участіе не только русскіе, но и иностранцы — Бларамбергъ, Рауль Рошеттъ [2]), Кеппенъ. Но основаніе классической археологіи южной Россіи положилъ петербургскій академикъ Келеръ [3]). Особенно важны были «Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря». (Спб. 1851—6. 2 вып.) незабвеннаго въ лѣтописяхъ русской археологической науки гр. А. С. Уварова; слѣдуетъ упомянуть также о работахъ Ф. К. Бруна («Черноморье». Од. 1879—80) и о «Древностяхъ Босфора Киммерійскаго» (Спб. 1854. 2 т.). Новѣйшій общій обзоръ классическихъ древностей южной Россіи можно найти въ I выпускѣ извѣстнаго изданія гр. И. И. Толстого и акад. Н. П. Кондакова («Русскія древности въ памятникахъ искусства»). О сборникахъ надписей И. В. Помяловскаго и В. В. Латышева и объ эпиграфическихъ изслѣдованіяхъ послѣдняго я уже говорилъ раньше (стр. 157—8). По изслѣдованію древностей и исторіи сѣвернаго побережья Чернаго моря много сдѣлано Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, Импер. Русскимъ Археологическимъ Обществомъ и Импер. Археологическою Коммиссіею, основанною въ 1859 г. съ цѣлью разысканія и охраненія предметовъ древности; въ ея «Отчетахъ» и «Извѣстіяхъ» сообщается о новыхъ находкахъ [4]).

Находимые въ южной Россіи классическіе памятники важны не только съ точки зрѣнія русской исторіи; они имѣютъ немалое значеніе и для исторіи греческой. Нѣкоторыя изъ эллинскихъ колоній на югѣ Россіи были крупными культурными и торговыми пунктами: нѣкогда здѣсь процвѣтало Боспорское царство. Съ этими колоніями Эллада поддерживала тѣсныя торговыя сношенія. Изъ Припонтійскихъ странъ получались хлѣбъ (особенно пшеница), соленая рыба, ленъ, пенька, смола, строевой лѣсъ, шкуры, воскъ, медъ, даже рабы, а туда отправлялись глиняная посуда, масло, предметы роскоши, разныя бездѣлушки и т. д. [5]). Инте-

[1]) Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Русск древности въ памятникахъ искусства. Вып. I. Спб. (1-е изд.—1889); П. М. Леонтьевъ, Обзоръ изслѣдов. о классич древн. сѣв. берега Черн. моря (въ I т. «Пропилеевъ»); Ю. А. Кулаковскій, Прошлое Тавриды. Кіевъ. 1906; Н И. Новосадскій, Греч. эпигр.

[2]) Antiquités Grecques du Bosphore Cimmerien P. 1823.

[3]) Köhler, Gesammelte Schriften. Спб. 1850—1. Этого Келера, конечно, не нужно смѣшивать съ извѣстнымъ эпиграфистомъ.

[4]) Описанія археологическихъ раскопокъ и находокъ въ черноморскихъ степяхъ находятся и въ изданныхъ ею «Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи» (Спб. 1866—72, 2 вып.).

[5]) Ѳ. Г. Мищенко, Торговыя сношенія Аѳинской республики съ Босфоромъ. Кіевъ. 1877; В. В. Латышевъ, Кр. оч. ист. Боспорскаго царства (теперь—въ его Pontica); Ю. А Кулаковскій, Прошл. Тавр.

ресно также прослѣдить греческое вліяніе на сосѣднихъ скиѳовъ и вообще варваровъ. На все это археологическія данныя проливаютъ свѣтъ...

Изъ раскопокъ обращаютъ на себя вниманіе прежде всего керченскія, на мѣстѣ древней Пантикапеи, столицы Боспора. Первыя разысканія тутъ были сдѣланы французомъ Дюбрюксомъ [1]) еще въ началѣ XIX стол. Въ 1826 г. учрежденъ музей мѣстныхъ древностей [2]). Въ 1831 г. при ломкѣ камня для построекъ открыта знаменитая гробница въ курганѣ Куль-Объ, и съ слѣдующаго года начаты болѣе или менѣе постоянныя раскопки. Императорская Археологическая Коммиссія много содѣйствовала разысканію древностей. Митридатова гора и керченскій некрополь подверглись систематическому изслѣдованію; открыты катакомбы, нѣкоторыя съ весьма интересными фресками [3]), и множество предметовъ, такъ-что коллекція древностей Босфора Киммерійскаго въ Эрмитажѣ, по одному только разряду золотыхъ вещей, къ концу 80-хъ годовъ возросла до 10000 предметовъ.

Среди древнихъ греческихъ колоній по сѣверному побережью Чернаго моря видное мѣсто занимала также Ольвія. Ея надписи принадлежатъ къ числу наиболѣе интересныхъ среди эпиграфическаго матеріала, собраннаго въ предѣлахъ южной Россіи; вспомнимъ, напр., о знаменитомъ декретѣ въ честь Протогена (стр. 15), но правильныя, систематическія раскопки начались лишь въ послѣдніе годы (о нихъ—дальше), а тѣмъ временемъ предметы древности нерѣдко расхищались.

Съ 1888 г. начались систематическія раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича въ Херсонесѣ [4]) (Корсунь нашихъ

[1]) В. В. Латышевъ, Неиздан. рукопись Дюбрюкса (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. XV).

[2]) Большая часть керченскихъ древностей находится однако въ Эрмитажѣ.

[3]) О катакомбѣ съ фресками, найденной въ 1872 г.,—ст. В. В. Стасова (Отчетъ Импер. Археол. Ком. за 1872 г. Спб. 1875 и въ его «Собр. сочин.», т. I, Спб. 1894); о христіанск. памятн. Керчи—ст. Ю. А. Кулаковскаго въ IX т. Пр. Богосл. Энцикл.; Kieseritzky und Watzinger, Griech. Grabreliefs aus Südrussland. Berl. 1909.

[4]) См. его отчеты въ «Изв. Имп. Археол. Коммиссіи»; А. Л. Бертье-Делагардъ, Раскопки Херсонеса (Матеріалы по археол. Россіи № 12, 1893); его-же, О Херсонесѣ. Спб. 1907 (изъ «Изв. Имп. Арх. Ком.»); ср. Э. Р. ф. Штернъ, О мѣстоположк. древн. Херсон. Од. 1908; Памятн. христіанск. Херсон. М. 1905 сл.; М. Я. Энгель, Русск. Помпея. Севаст. 1904; гр. Бобринскій, Херс. Тавр. 1905; ст. Е. Э. Иванова въ «Вѣстн Евр.», 1907, сент. и сл.

лѣтописей, близъ Севастополя), по порученію Импер. Археологической Коммиссіи,—раскопки, сопровождавшіяся, какъ извѣстно, большимъ успѣхомъ; между прочимъ, въ числѣ надписей открыта и та «присяга херсонесцевъ», о которой я уже упоминалъ (стр. 15); плита съ этою надписью найдена въ раскопанной христіанской церкви (византійской эпохи), гдѣ она была употреблена въ качествѣ матеріала для настилки пола.

Обработка греческой исторіи въ 70—80-хъ годахъ.

Общій характеръ обработки.

Развитіе эпиграфики и великія открытія 70-хъ и 80-хъ годовъ должны были сильно повліять на обработку греческой исторіи. Пришлось многіе вопросы пересмотрѣть вновь, многое измѣнить въ установленныхъ мнѣніяхъ, цѣлые отдѣлы передѣлать... Въ особенности это нужно сказать относительно древнѣйшаго періода греческой исторіи, нѣкоторыхъ отдѣловъ государственныхъ и правовыхъ древностей, археологіи и топографіи [1]). Что касается господствовавшихъ въ ту пору направленій и воззрѣній, то 70-е годы и первая половина 80-хъ есть время крайностей критики, реакціи противъ взгляда Грота и его послѣдователей, противъ преклоненія предъ Аѳинами и ихъ демократіей, время—иногда ожесточенныхъ—нападокъ на нее, развѣнчанія ея дѣятелей, ниспроверженія того, что̀ казалось общепризнаннымъ и непоколебимо установленнымъ, отрицанія фактовъ, казалось несомнѣнныхъ. По крайней мѣрѣ, это можно сказать о нѣмецкой исторической и филологической литературѣ. Мюллеръ-Штрюбингъ выступилъ съ нападками на Ѳукидида; нѣсколько ученыхъ почти одновременно, но независимо одинъ отъ другого, пытались развѣнчать Перикла, какъ государственнаго дѣятеля и полководца [2]).

Послѣдніе томы «Ист. древн.» Дункера.

Къ этому направленію примыкаетъ и Максъ Дункеръ въ послѣднихъ двухъ томахъ своей «Geschichte des Alterthums», составляющихъ «Новую серію» (Neue Folge) и представляющихъ характерное явленіе. Съ пыломъ политика относился онъ вообще

[1]) Въ послѣдней области выдавались монографія Курта Ваксмута (автора «Введенія въ изуч. древн. исторіи»)—Die Stadt Athen im Alterthum (1874—90. 2 т.) и труды Lolling'a, отличнаго эпиграфиста и знатока страны, написавшаго для коллекціи Iw. Müller'a очеркъ «Географіи и топографіи Эллады и эллинск. колоній» (1889) и въ частности—«Топографію Аѳинъ»; новѣйшіе общіе труды по топографіи Аѳинъ, кромѣ Курціуса,—Judeich'a (1905, въ той же коллекціи) и Groh'a (на чешск. яз. Praha. 1909. I).

[2]) Критику этихъ попытокъ можно найти въ моей книгѣ: «Периклъ». Харьк. 1889. Ср. Delbrück. Die Strategie d. Perikles... (Preuss, Jahrb., 64 B., 1889).

къ явленіямъ прошлаго, къ событіямъ и дѣятелямъ греческой исторіи. Нерѣдко онъ судилъ о нихъ съ точки зрѣнія XIX столѣтія. При изложеніи исторіи Греціи онъ часто имѣлъ въ виду современное ему положеніе дѣлъ, тѣ политическіе вопросы и интересы, которые его занимали или волновали. Онъ самъ признавался, что при характеристикѣ Ѳемистокла, этого «основателя аттическаго могущества, прозорливѣйшаго и энергичнѣйшаго изъ всѣхъ эллиновъ», предъ нимъ невольно носился образъ германскаго канцлера—Бисмарка, сторонникомъ котораго онъ былъ. Понятно поэтому, что мы не можемъ ожидать отъ Дункера строгой объективности.

Все это особенно бросается въ глаза въ изложеніи и оцѣнкѣ аѳинской исторіи временъ Кимона, Эфіальта и Перикла. Здѣсь Дункеръ обнаруживаетъ себя большимъ поклонникомъ побѣдъ и завоеваній, внѣшняго могущества государства, какою бы дорогою цѣною это могущество ни пріобрѣталось. У него замѣтно какъ-бы преклоненіе предъ силою, какъ-бы ея культъ, и въ этомъ, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть вліяніе нѣмецкихъ побѣдъ и политики «крови и желѣза», отраженіе того настроенія, которое овладѣло нѣмецкими патріотами особенно послѣ 1870 г. Этотъ культъ силы мы наблюдаемъ неразъ въ новѣйшей нѣмецкой ученой и философской литературѣ. Великій Моммзенъ призывалъ нѣмцевъ быть жестокими по отношенію къ чехамъ, ибо «чешская башка разумныхъ доводовъ не принимаетъ, но для ударовъ и она доступна» [1]); не говоря уже о томъ, что еще въ своей «Римской исторіи» онъ всегда на сторонѣ побѣдителя. Нѣмецкіе юристы провозглашаютъ, что сила рождаетъ право, что послѣднее есть та-же сила, но лишь дисциплинированная, словомъ—что «право есть политика силы» (Іерингъ). Въ философіи Ницше мы видимъ тоже преклоненіе предъ силой: философія эта презираетъ слабаго и превозноситъ силу и сильнаго; ея лозунгъ: «смерть слабому!» Она выставляетъ законъ, что природа хочетъ права сильнаго; сильная воля по праву порабощаетъ слабую въ борьбѣ за существованіе... Для Дункера блестящая эпоха въ исторіи Аѳинъ, апогей ихъ внѣшняго могущества и славы, періодъ здоровой государственной жизни,—время вліянія Кимона, «бывшаго великимъ полководцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ человѣкомъ». Но никогда еще аѳиняне не вели такой «величественной политики», какъ въ началѣ 50-хъ годовъ V в., и заслугу въ этомъ Дункеръ приписываетъ Эфіальту (котораго тогда уже не было въ живыхъ!). Периклъ въ характери-

[1]) Neue Fr. Presse, 31 окт. 1897.

стикѣ Дункера является въ сущности бездарностью, дѣлаетъ одну ошибку за другой: его время начало упадка Аѳинъ, и виновникомъ такого упадка является именно Периклъ.

Съ самыми пріемами Дункера въ послѣднихъ двухъ томахъ нельзя согласиться. Мы встрѣчаемъ у него здѣсь много гипотетическаго, много комбинацій, слишкомъ шаткихъ и слишкомъ смѣлыхъ, чтобы не сказать фантастическихъ. Обращеніе съ источниками произвольное ни на чемъ не основанныя гипотезы и мало вѣроятныя комбинаціи смѣшиваются съ положительными данными, съ прямымъ свидѣтельствомъ памятниковъ; иногда голословно отвергается показаніе источниковъ, иногда извращается смыслъ ихъ словъ или дѣлаются натяжки, не всегда обращается вниманіе на разницу въ достовѣрности извѣстій и т. под. Въ оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей подчасъ видна какъ-бы предвзятая мысль—одного во что бы то ни стало восхвалить, въ дѣйствіяхъ другого—найти побольше ошибокъ. У Дункера, напр, двѣ разныя мѣрки: одна по отношенію къ Кимону и Эфіальту, другая—по отношенію къ Периклу. Отдѣльному лицу ставится въ вину или похвалу то, что въ сущности являлось естественнымъ слѣдствіемъ прешествующаго историческаго процесса, что создалось самою силою вещей.

Юліусъ Шварцъ.

Но самымъ крайнимъ выразителемъ критическаго, враждебнаго отношенія къ Аѳинамъ и ихъ дѣятелямъ явился мадьярскій ученый Julius Schvarcz въ своемъ сочиненіи о демократіи (Die Demokratie. I т.—1877—82 г.). Онъ доказываетъ, что преклоненіе предъ Аѳинами—«предразсудокъ». При этомъ онъ обнаруживаетъ большую эрудицію, но еще бо́льшую страстность въ нападкахъ. Его книга написана съ большимъ пыломъ; она дышетъ ироніей и сарказмомъ, полна парадоксовъ. Въ ней есть, несомнѣнно, отдѣльныя вѣрныя и остроумныя замѣчанія. Но въ общемъ, это, конечно, не «Исторія аѳинской демократіи»; это—страстная рѣчь обвинителя или памфлетъ. Книга Шварца интересна только какъ реакція противъ другой—противоположной—крайности, противъ излишняго преклоненія предъ Аѳинами, въ которомъ повинны были многіе филологи и историки, часто ставившіе ихъ дѣятелей на особый пьедесталъ, говорившіе о нихъ особымъ восторженнымъ тономъ. Удивительно не столько то, что нашелся авторъ, высказавшій подобный взглядъ, сколько то, что взглядъ этотъ нашелъ себѣ нѣкоторое сочувствіе[1]).

[1]) Такъ, одинъ изъ рецензентовъ считаетъ точку зрѣнія Шварца несомнѣнно вѣрною и основательною и называетъ его трудъ «грозой, очищающей воздухъ во время лѣтняго удушливаго зноя» (Berl. Phil.

Такія увлеченія и крайности гиперкритики въ свою очередь, естественно, должны были вызвать реакцію—въ противоположномъ направленіи—, и вторая половина 80-хъ годовъ XIX в. есть время такой реакціи противъ крайностей и ухищренія критики, время болѣе спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ фактамъ и источникамъ греческой исторіи, возвращенія во многихъ отношеніяхъ къ прежнимъ взглядамъ. **Вторая половина 80-хъ гг**

Подобно срединѣ 50-хъ годовъ, вторая половина 80-хъ и и начало 90-хъ годовъ ознаменовались появленіемъ выдающихся общихъ трудовъ по исторіи Греціи: очевидно, являлась потребность подвести итогъ при помощи новаго матеріала.

Въ Германіи въ срединѣ 80-хъ годовъ, почти одновременно, начали выходить двѣ «Исторіи Греціи»—Гольма и Бузольта.

Ad. Holm (1830—1900) прежде всего пріобрѣлъ извѣстность своею «Geschichte Siciliens im Altherthum», въ 3 т. (1870—98), начатою имъ еще въ то время, когда онъ былъ учителемъ французскаго языка въ гимназіи своего родного города Любека. Трудъ этотъ доставилъ Гольму каѳедру въ Палермскомъ университетѣ, а оттуда онъ потомъ перешелъ въ Неаполь. Здѣсь Гольмъ написалъ—на нѣмецкомъ языкѣ—второй свой крупный трудъ—«Griechische Geschichte» (Berlin. 1886—94. 4 т.). **Гольмъ.**

Если у Дункера, особенно въ послѣднихъ двухъ томахъ, мы находимъ смѣлыя, но произвольныя гипотезы и комбинаціи, то въ своей «Греческой исторіи» Гольмъ старался «въ сравнительно небольшихъ рамкахъ, съ одной стороны, изложить только самое важное, а съ другой—ясно отмѣтить, что̀ можетъ считаться достовѣрнымъ и что̀—гипотеза», «гдѣ древняя традиція и гдѣ новѣйшая комбинація». Гольмъ, слѣдовательно, имѣетъ въ виду довольно широкій кругъ читателей. Его «Греческая исторія» состоитъ изъ 4 томовъ небольшого формата и доведена до битвы при Акціи. Гольмъ въ ней обращаетъ большое вниманіе на Сицилію и южную Италію. Но онъ—хорошій знатокъ греческой исторіи вообще, и его «Griechische Geschichte», хотя по своему характеру и назначенію сочиненіе скорѣе популярное, представляетъ однако интересъ и для спеціалиста. Это не компиляція, а самостоятельный трудъ, основанный на близкомъ изученіи источниковъ и новѣйшей литературы, трудъ, въ

Wochenschr., 1883, № 52). Въ рус литературѣ взглядъ, сходный съ взглядомъ Ю. Шварца, мы встрѣчаемъ у А. Н. Гилярова, «Греч софисты, ихъ міровоззр. и дѣятельн. въ связи съ общ. политич. и культурн. исторіей Греціи». М. 1888.

которомъ мы нерѣдко встрѣчаемъ и новый взглядъ, и новое освѣщеніе фактовъ.

Изъ источниковъ Гольмъ придаетъ большое значеніе монетамъ. Зато онъ сравнительно мало пользуется данными эпиграфики Главнымъ источникомъ и для него служили все-же произведенія греческихъ историковъ, при чемъ на эти произведенія Гольмъ высказывалъ иногда взглядъ, значительно уклонявшійся отъ дотолѣ господствовавшаго въ Германіи направленія. Онъ съ полнымъ основаніемъ вооружался противъ этого направленія. «Мы» говорилъ онъ, «анализируемъ писателей, но въ большинствѣ случаевъ не для того, чтобы на основаніи этого излагать, а чтобы построить идеальнаго Эфора или Ѳеопомпа, который скоро и исчезаетъ, такъ какъ, благодаря каждой новой диссертаціи, онъ получаетъ новый видъ». Изслѣдованіе источниковъ, по мнѣнію Гольма, должно исходить не изъ реконструкціи утраченныхъ авторовъ, а изъ изученія особенностей тѣхъ, которые налицо. Гольмъ возсталъ противъ мнѣнія, еще недавно очень распространеннаго, будто Плутархъ рабски списывалъ свои источники и будто мы можемъ почти дословно выдѣлить тѣ источники, коими онъ пользовался. Гольмъ даже Діодора ставитъ сравнительно высоко. Но съ особенною симпатіей (которую едва-ли однако можно вполнѣ раздѣлять) относится онъ къ Ксенофонту, какъ историческому свидѣтелю. Гольмъ высказывается противъ чисто субъективныхъ пріемовъ Дункера. Аѳинской демократіи онъ не унижаетъ и не относится къ ней такъ враждебно, какъ, напр., Юліусъ Шварцъ. Только говоря о Демосѳенѣ, Гольмъ мѣняетъ обычный и спокойный тонъ. Онъ относится къ нему съ явнымъ несочувствіемъ и даже ироніей. Въ противоположность Курціусу, съ которымъ онъ вообще довольно часто полемизируетъ то открыто, то косвенно, Гольмъ старается доказать, что деморализація аѳинянъ IV в. мнимая: демократія въ Аѳинахъ не была элементомъ разложенія, а напротивъ—факторомъ нравственнаго спасенія города. Причины паденія независимости Греціи лежатъ не въ нравственномъ вырожденіи народа, а въ природномъ его характрѣ и въ поведеніи отдѣльныхъ народныхъ вождей, подобныхъ Демосѳену,—въ стремленіи отдѣльныхъ общинъ къ изолированію и въ неимѣніи въ рѣшительный моментъ хорошаго полководца. Пренебреженіе національнымъ чувствомъ лишило греческія республики мірового положенія.

Нужно замѣтить, что раньше Гольма ни одинъ изъ новыхъ выдающихся историковъ Греціи не доводилъ такъ далеко своего изложенія, какъ онъ: цѣлый томъ (IV) посвященъ у него времени

отъ смерти Александра до битвы при Акціи, при чемъ еще имѣется глава и о «политическихъ отношеніяхъ грековъ при первыхъ императорахъ». Въ исторіи Греціи Гольмъ былъ скорѣе самоучкой и среди нѣмцевъ стоитъ какъ-бы особнякомъ. Онъ не примыкаетъ къ какой-либо школѣ или опредѣленному направленію. По своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ Гольмъ скорѣе приближался къ англійскимъ историкамъ, напр. Гроту. Недаромъ его «Греческая исторія» переведена на англійскій языкъ.

Бузольтъ.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается «Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia» Георга Бузольта (профессора прежде въ Килѣ, а теперь—въ Геттингенѣ), входящая въ составъ коллекціи: «Handbücher d. alten Geschichte», начавшая выходить почти въ одно время съ «Исторіей» Гольма (1885) и еще не оконченная. Отличіе труда Бузольта отъ труда Гольма обнаруживается съ перваго-же взгляда. Оно замѣтно въ самомъ планѣ и расчлененіи матеріала. Если у Гольма мы видимъ небольшія главы и слишкомъ дробное дѣленіе, то у Бузольта наоборотъ. Каждый параграфъ у него начинается обыкновенно обзоромъ или перечнемъ источниковъ и литературы вопроса; самый текстъ постоянно сопровождается подробнѣйшими ссылками и примѣчаніями. «Греческая исторія» Бузольта—плодъ огромнаго трудолюбія. Мы не найдемъ въ ней широкихъ обобщеній, глубокихъ и блещущихъ новизною взглядовъ, яркихъ и мѣткихъ характеристикъ, художественнаго изложенія. Да Бузольтъ къ этому и не стремился. Онъ пишетъ свой трудъ не для широкаго круга читателей, а для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ положеніемъ того или другого вопроса въ современной наукѣ, съ источниками и литературой предмета,—кто желаетъ имѣть подъ рукой необходимыя указанія и справки. Въ сжатомъ и систематическомъ видѣ онъ даетъ сводъ матеріала и результатовъ изслѣдованій, подводитъ итогъ тому, что сдѣлано въ области греческой исторіи, и помогаетъ оріентироваться въ обширной литературѣ предмета. При всей ясности и точности, какими отличается изложеніе Бузольта, такую книгу, конечно, читать не легко: она слишкомъ суха; да и предназначена она, по собственнымъ словамъ автора, не столько для чтенія, сколько для штудированія, «mehr zum Lernen, als zum Lesen». Это не популярная исторія Греціи, а справочное пособіе, настольное руководство, и, какъ таковое, она въ высокой степени полезна и незамѣнима. Въ ней, пожалуй, иногда не столько важенъ самый текстъ, сколько тѣ многочисленныя примѣчанія, которыми онъ сопровождается и которыя занимаютъ едва-ли не больше

мѣста, чѣмъ текстъ: на нихъ, можно сказать, и падаетъ центръ тяжести.

Но трудъ Бузольта нельзя считать простою компиляціей, лишь сводомъ чужихъ мнѣній. Онъ основанъ на первоисточникахъ. Въ ряду ихъ Бузольтъ первое мѣсто отводитъ эпиграфическимъ даннымъ; онъ много и съ большимъ умѣньемъ пользуется ими. Въ своей «Греческой исторіи» Бузольтъ обнаруживаетъ трезвость взгляда, критическій тактъ и большую осторожность по отношенію какъ къ источникамъ, такъ и къ новѣйшей литературѣ. Касаясь какого-нибудь спорнаго вопроса, Бузольтъ приводитъ указанія на весь матеріалъ и на всѣ существующія на этотъ счетъ мнѣнія и тщательно взвѣшиваетъ данныя. А его хронологическія опредѣленія могутъ служить образцомъ точности и осмотрительности. Изложеніе у Бузольта строго фактическое, такъ сказать, дѣловое, сухое, но зато чисто объективное. Главное же значеніе его труда заключается, какъ было упомянуто, въ чрезвычайно подробныхъ литературныхъ указаніяхъ и ссылкахъ. Свидѣтельства источниковъ и особенно надписей, работы новыхъ ученыхъ—крупные труды, статьи, безчисленныя диссертаціи и программы,—все это отмѣчается самымъ тщательнымъ образомъ, до послѣднихъ мелочей, по каждому вопросу.

Бузольту принадлежитъ и другой трудъ, появившійся вслѣдъ за I томомъ его «Греческой исторіи» и отличающійся такими же качествами,—«Griechische Staats-und Rechtsalterthümer», 1886 (въ извѣстной коллекціи Iw. Muller'a, «Handbuch der klassisch. Alterthumswissenschaft»[1])).Въ 1892 г. вышло второе изданіе ихъ[2]). Объ этой переработкѣ, равно какъ и о второмъ изданіи «Греческой исторіи», я упомяну далѣе при обзорѣ работъ послѣдняго десятилѣтія XIX в., ибо эти новыя изданія являются какъ-бы новыми трудами: такъ велики въ нихъ перемѣны.

Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, еще раньше «Древностей» Бузольта, въ Германіи вышло другое прекрасное руководство по государственнымъ древностямъ, въ такомъ-же родѣ и съ такими-же подробными литературными указаніями. Это—«Handbuch der griechischen Staatsalterthümer» Густава Гильберта (Leipz. 1881—5. 2 т.), передъ тѣмъ пріобрѣвшаго извѣстность своими «Beiträge zur innern Gesch. Athens im Zeitalter d. Pelop. Krieges» (Leipz. 1877). По своимъ достоинствамъ трудъ Гильберта не уступаетъ труду Бузольта, тѣмъ болѣе, что у Гильберта мы

Гильбертъ.

[1]) Есть рус. пер. Харьк. 1890.

[2]) Теперь готовится 3-е.

находимъ свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ у Бузольта,—объ областяхъ и городахъ всего греческаго міра: Эллады, острововъ, Малой Азіи (не исключая и Ликіи), береговъ Понта и Пропонтиды, Халкидики, Кирены и Запада—Сициліи, Великой Греціи, отдаленной Массаліи. Очерку ихъ внутренней исторіи и строя посвящаетъ онъ бо́льшую часть II-го тома своихъ «Древностей». Въ 1893 г. Гильбертъ выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе I т. своего руководства. Подобно тому, какъ у Бузольта, оно оказалось значительно переработаннымъ и дополненнымъ, при чемъ и въ немъ, въ виду открытія Аристотелева трактата, измѣненіямъ особенно подвергся отдѣлъ объ аѳинскихъ древностяхъ [1]).

Французская литература

Во французской литературѣ послѣ «La cité antique» Фюстель де Куланжа не появилось новой сколько-нибудь выдающейся общей обработки греческой исторіи [2]). Зато обращаетъ на себя вниманіе рядъ превосходныхъ монографій и изслѣдованій, авторы которыхъ были большею частью уже названы по поводу дѣятельности Французской школы въ Аѳинахъ (стр. 171), и обширный «Словарь греческихъ и римскихъ древностей» Daremberg et Saglio. Словарь этотъ занимаетъ мѣсто на-ряду съ нѣмецкою «Реальною энциклопедіей по классической древности» Pauly, выходящей теперь въ новой переработкѣ подъ редакціей Wissowa. Къ сожалѣнію, изданіе словаря подвигается слишкомъ медленно: началъ онъ выходить еще въ серединѣ 70-хъ годовъ и до сихъ поръ не оконченъ; немало прекрасныхъ статей тѣмъ временемъ успѣло уже устарѣть.

Среди англійскихъ историковъ этого періода видное мѣсто занимаютъ Фриманъ и Магаффи.

---

[1]) Научно-популярнымъ изложеніемъ отличается «Geschichte von Hellas und Rom» (1879) Густава Герцберга (въ коллекціи Oncken'a: «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen»), которому принадлежитъ также монографія о Греціи подъ римскимъ владычествомъ (3 т. 1865—75) и исторія Греціи въ средніе и новые вѣка (4 т. 1875—9). Она снабжена многочисленными рисунками и картами и по своему изложенію и небольшому объему (въ одномъ томѣ—вся исторія Греціи) могла бы служить хорошимъ пособіемъ; но особаго научнаго значенія она не имѣетъ и притомъ устарѣла. Есть рус. пер. (Спб. 1881), но тяжелый.—Говоря о нѣмецкой научной литературѣ по исторіи Греціи за 70-е и 80-е годы, слѣдуетъ упомянуть объ Ад Гутшмидѣ, одномъ изъ самыхъ широко образованныхъ и разностороннихъ филологовъ, у котораго было немало работъ, касающихся и греческой исторіи (см. его «Kleine Schriften», собранныя Fr. Rühl'емъ).

[2]) Книга Guiraud, La vie privée et la vie publique des Grecs (P. 1890), входящая въ составъ коллекціи Lectures histor. и переведенная на русск. яз. (Частн. и обществен. жизнь грековъ. 1897),—своего рода хрестоматія, дающая отрывки изъ лучшихъ сочиненій, не только французскихъ, но и нѣмецкихъ.

Фриманъ. Фриманъ, авторъ монографіи по исторіи федерализма, «History of Federal Governement» (I. 1863, нов. изд. — 1893), стоялъ за примѣненіе сравнительнаго метода [1]) и за единство исторіи: онъ былъ противъ раздѣленія исторіи на древнюю и новую. Онъ находилъ, что греки, римляне, германцы имѣли много общихъ учрежденій и что историкъ не долженъ узко специализироваться на изученіи такъ называемой древности, совершенно отдѣляя отъ нея новое время и оставляя послѣднее въ сторонѣ [2]). Самъ Фриманъ занимался всѣми періодами и больше всего извѣстенъ своимъ обширнымъ трудомъ о норманскомъ завоеваніи Англіи («The Norman Conquest»). Въ исторіи онъ слѣдитъ за развитіемъ политическихъ формъ; онъ видитъ въ ней науку о человѣкѣ, какъ существѣ политическомъ: по его опредѣленію, «исторія есть политика прошлаго и политика есть исторія настоящаго». Послѣдніе годы своей жизни Фриманъ занятъ былъ большимъ трудомъ по исторіи Сицилии; но онъ успѣлъ издать три тома (1891 — 3) [3]); IV-й изданъ уже послѣ его смерти, на основаніи рукописи.

Магаффи. Магаффи, профессоръ въ Дублинѣ, издатель папирусовъ Флиндерса Петри, о которыхъ придется еще упомянуть, въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, соединяющихъ научныя достоинства съ интересомъ темы и прекраснымъ, доступнымъ изложеніемъ, даетъ изображеніе преимущественно культурной, въ частности литературной, жизни грековъ [4]).

П. И. Аландскій. Что касается русской литературы, то въ разсматриваемый періодъ вышла «Исторія Греціи» П. И. Аландскаго (Кіевъ. 1885). Это—лекціи, читанныя имъ въ Кіевскомъ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ (П. И. Аландскій умеръ въ 1883 г.) и изданныя послѣ его смерти. П. И. Аландскій обнаруживалъ склонность къ соціологіи и держался направленія, такъ сказать, соціологическаго. «Научнымъ типомъ исторіи» онъ считалъ тотъ, который ставитъ задачею

---

[1]) Его лекціи по «Сравнительной политикѣ» (1873) имѣются въ русск. перев (Спб. 1880).

[2]) См. его «Методы изученія исторіи» (1884); рус перев. М. 1893.

[3]) Фриману принадлежитъ и болѣе краткая обработка этой темы. То и другое имѣется въ нѣм. перев.

[4]) Русскимъ читателямъ наиболѣе извѣстна его «Исторія классическаго періода греческой литературы», имѣющаяся въ рус. перев. (М. 1882—3. 2 т.). Но Магаффи написалъ цѣлую серію сочиненій, напр. Social life in Greece (1874; рус. пер.—«Древнегр жизнь». Спб. 1879); Greek life and thought from Alex. to Roman conquest (ср. The Progress of Hellenism in Alexander's empire. 1905); Problems in greek history. 1892; The sylver age of the Greek world. 1906 (-- 2-е изд. книги The Greek world under Roman sway); A survey of Greek civilisation. 1897. Въ послѣднее время, въ виду массы новаго открытаго матеріала по внутренней исторіи Египта временъ Птолемеевъ и римскаго господства, Магаффи преимущественно занимается этою исторіею.

«открытіе законовъ, т. е. единообразій въ сосуществованіи и послѣдовательности явленій», а предметъ исторіи, по его мнѣнію, составляетъ изученіе различныхъ формъ «общественности» и измѣненія въ ихъ строеніи и отправленіяхъ, т. е. измѣненія ихъ политическаго строя. Сообразно съ этимъ, П. И. Аландскій останавливаетъ свое вниманіе на исторіи внутренней—слѣдитъ за судьбою городскихъ общинъ, преимущественно спартанской и аѳинской, какъ «средоточій политической жизни Эллады вп оть до исхода IV в.», за тѣми метаморфозами, которыя онѣ переживали. Изложеніе доведено до конца V в. до Р. Х., при чемъ исторія упадка и разложенія общиннаго быта въ древней Греціи изложена лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ. Внѣшняя исторія—борьба грековъ съ варварами, ихъ междоусобія и т. под.—оставлена П. И. Аландскимъ совсѣмъ въ сторонѣ, а безъ этого, конечно, и самое объясненіе внутреннихъ перемѣнъ въ строѣ греческихъ государствъ, преимущественно Аѳинъ, не можетъ быть полнымъ и точнымъ. Лекціи Аландскаго въ настоящее время значительно устарѣли (вышедшее въ 1899 г. 2-е изданіе ихъ—повтореніе перваго, безъ всякихъ перемѣнъ и добавленій).

В. В Латышевъ.

По древностямъ мы имѣемъ «Очеркъ» [1]), составленный извѣстнымъ эпиграфистомъ В. В. Латышевымъ. Это—учебникъ, могущій служить прекраснымъ пособіемъ для «начинающихъ филологовъ»[2]) и—добавимъ отъ себя—историковъ, прежде всего, конечно, для студентовъ. Авторъ пользовался главнымъ образомъ извѣстными трудами Бузольта и Гильберта, но также и источниками, въ особенности надписями, какъ и слѣдовало ожидать отъ такого знатока ихъ. Обыкновенно въ концѣ каждаго параграфа помѣщены библіографическія указанія; но, имѣя въ виду иную цѣль, нежели Гильбертъ и Бузольтъ, предназначая свое руководство не для спеціалистовъ, а для «начинающихъ филологовъ» и даже «гимназистовъ старшихъ классовъ», В. В. Латышевъ ограничивается въ ссылкахъ и указаніяхъ лишь самымъ необходимымъ, дѣлаетъ выборъ изъ множества иностранныхъ работъ по тому или иному вопросу, и такой пріемъ оказывается, конечно, вполнѣ цѣлесообразнымъ, иначе недостаточно еще подготовленныя лица не могли бы разобраться въ той массѣ лите-

[1]) Небольшое «Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра» Н. И. Карѣева (Варш. 1882; 2-е изд. Спб. 1886) въ общихъ чертахъ характеризуетъ ходъ прогресса въ древности. Полезнымъ пособіемъ, въ особенности въ своемъ послѣднемъ изданіи, съ добавленіями А. Н. Щукарева, служитъ «Ист. Греціи» Я. Г. Гуревича.

[2]) Очеркъ греч. древностей. Ч. I. Государств. и воен. древности. Спб. 1897 (3-е изд.). Ч. II. Богослужебн. и сценич древн. Спб. 1899 (2-е изд.).

ратурныхъ указаній, какую находимъ, напр., у Бузольта и Гильберта. Зато В. В. Латышевъ обращаетъ большое вниманіе на русскую литературу и въ свои библіографическіе перечни внесъ указанія на русскія книги и статьи. Въ 3-мъ изданіи этого «Очерка», пересмотрѣнномъ А. Н. Щукаревымъ (1897), приняты во вниманіе данныя вновь открытыхъ источниковъ.

Э. Р. ф.-Штернъ.

Изъ другихъ нашихъ эллинистовъ здѣсь слѣдуетъ назвать Э. Р. ф.-Штерна и Ѳ. Г. Мищенка. Главные труды Э. Р. Штерна, профессора Одесскаго университета, на чисто историческія темы написаны, впрочемъ, на нѣмецкомъ языкѣ [1]). Но ему принадлежатъ, кромѣ того, многочисленныя и важныя изслѣдованія преимущественно по археологіи южной Россіи, большею частью на русскомъ языкѣ (о нихъ—далѣе).

Ѳ. Г. Мищенко.

Ѳ. Г. Мищенку, бывшему профессоромъ въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Казани (ум. въ 1906 г.) [2]), принадлежатъ многочисленные труды въ области греческой литературы, исторіи и древностей, кромѣ отдѣльныхъ крупныхъ работъ [3]). Его разнообразныя по содержанію статьи разсѣяны по разнымъ періодическимъ изданіямъ—«Кіевск. Унив. Изв.», «Журн. Мин. Нар. Просв.», «Зап. Казан. Унив.», «Филолог. Обозр.», «Русской Мысли» и въ «Энциклоп. Словарѣ» Брокгауза и Ефрона [4]).

Открытія 90-хъ годовъ XIX и начала XX в.

Открытіе папирусовъ.

90-е годы XIX и начало XX в. ознаменованы замѣчательными открытіями по части папирусовъ [5]), и съ этого момента папирологія становится рядомъ съ эпиграфикой.

---

[1]) Geschichte der spartanischen und thebanischen Hegemonie. Dorp. 1884, лучшее, основное сочиненіе по данному вопросу, и изслѣдованіе объ эфоратѣ (Zur Entstehung und ursprünglichen Bedeutung des Ephorats in Sparta. Berl. 1894, изъ Berliner Studien. XV, 2).

[2]) О немъ—ст. С. П. Шестакова въ Ж. М. Н. Пр., 1907, іюль.

[3]) Изъ нихъ, помимо переводовъ Страбона, Геродота, Ѳукидида и Полибія, слѣдуетъ особенно отмѣтить «Опытъ по исторіи раціонализма въ древней Греціи» (1881) и изслѣдованіе о Ѳукидидѣ, въ видѣ «Послѣсловія къ переводу» (1888)

[4]) Можно упомянуть еще о работахъ проф. Д. Ѳ Бѣляева, касающихся Еврипида и его воззрѣній (см. выше, стр. 25, прим.), и проф. Л. Ф. Воеводскаго—по греческой миѳологіи: «Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ» (Спб. 1879) и «Введеніе въ миѳологію Одиссеи» (Од. 1882).

[5]) Wilcken, Griech Papyri. Berlin. 1897; его-же, Der heutige Stand der Papyruskunde (N. Jahrb. f. d. klass. Altert., VII, 1901); Gradenwiz, Einführung in die Papyruskunde. Leipz. 1900; Mitteis, Aus den griech. Pa-

Начало открытія греч. папирусовъ

Отдѣльныя находки папирусовъ дѣлались уже давно. Но массовыя открытія начинаются съ 1877/8 г., когда въ Фаюмѣ, преимущественно въ Крокодилополѣ или Арсиноэ, туземцами найдено было, среди разныхъ отбросовъ, множество папирусовъ: они валялись здѣсь на мѣстѣ развалинъ и представляли, повидимому, остатки многочисленныхъ архивовъ и библіотекъ. Папирусы эти перешли частью въ Берлинъ, частью въ Вѣну, гдѣ они составили извѣстную коллекцію эрцгерцога Райнера.

Великія открытія 1891 г.

Но самыя поразительныя открытія въ этомъ родѣ относятся къ послѣднему десятилѣтію истекшаго столѣтія. Можно сказать, что со временъ гуманизма и Возрожденія не было такихъ находокъ по части древнихъ рукописей, какими ознаменовалось начало 90-хъ годовъ XIX в.[1])

Папирусы Фл. Петри

Уже извѣстный изслѣдователь Египта англичанинъ Флиндерсъ Петри (стр. 173) въ томъ-же Фаюмѣ сдѣлалъ интересную находку въ картоннажахъ, въ которые положены были муміи: картоннажи эти дѣлались изъ папирусовъ, служившихъ, очевидно, макулатурой; папирусы удалось отдѣлить и среди нихъ оказались очень древнія рукописи, III в. до Р. Х., въ томъ числѣ рукопись Платонова «Федона», на 1100 съ лишкомъ лѣтъ древнѣе самой старинной изъ извѣстныхъ намъ раньше; фрагменты изъ утраченной пьесы Еврипида—«Антіопы»; текстъ, касающійся Третьей Сирійской войны времени Птолемея Эвергета (247—6); отрывокъ изъ такъ назыв. νόμιμα βαρβαρικά, приписываемыхъ Аристотелю, и разнаго рода документы—завѣщанія, контракты, счета, росписки, судебныя рѣшенія, письма и т. под. Сообщеніе объ этой находкѣ появилось еще въ концѣ 1890 г., а въ 1891 г.

---

pyrusurkunden Leipz. 1900; Hohlwein, La papyrologie grecque. Louvain 1905; Egypt Exploration Fund. Archaelogical Report. 1892 сл. Перечни обнародованныхъ папирусовъ въ Archiv fur Papyrusforschung, въ Jahresbericht f. Altertumswiss; A. Bauer, Die Forschungen zur griech. Gesch. 1888—98. München. 1899, и его-же бюллетень въ Rev. histor., 1901, sept.—oct.; Couvreur, Inventaire sommaire... въ Rev. de philol., XX. 1896.—На рус. яз.—М. М. Хвостовъ, Кратк. отчетъ о загран. командир. (Зап. Каз. Унив., 1902, мартъ), и его-же: «Обзоръ публикацій греч. папирусовъ» (ibid.., 1904, апр); Д. П. Шестаковъ, Новѣйш. изученія древне-греч. литер. и жизни. 1904 (изъ «Зап. Каз. Ун.»); А. М. Придикъ, Греч. папирусы. Варш. 1907; Б. Н. Фрезе, О греко-римск папир. (Юрид. Зап. Демид. Лицея. 1908. I); Г. Ф. Церетели, Памятн. греч. письмен. изъ Ег. (Ж. М. Н. Пр., 1904, ноябрь).

[1]) Blass, Die Entdeckungen auf dem Gebiete d. klassisch. Phiologie im J. 1891. Kiel. 1892 (рѣчь).

Магаффи опубликовалъ 1-ю часть «Папирусовъ Флиндерса Петри» [1]).

Открытіе «Аѳ. Пол.».

Въ самомъ началѣ 1891 г. разнеслась вѣсть объ еще болѣе важной и неожиданной находкѣ: въ январѣ на столбцахъ Times вдругъ появилось сообщеніе, что Британскимъ музеемъ незадолго передъ тѣмъ пріобрѣтена была въ Египтѣ — изъ источника, который по нѣкоторымъ причинамъ неудобно называть (sic) [2]),— коллекція папирусовъ, содержаніе коихъ при покупкѣ не было извѣстно, и что при ближайшемъ изслѣдованіи среди нихъ оказался трактатъ объ аѳинской конституціи, приписываемый Аристотелю, — трактатъ, составлявшій часть знаменитыхъ «Политій», которыя, казалось, утрачены были навсегда и объ утратѣ которыхъ такъ скорбѣли историки и государствовѣды. Тутъ-же заявлялось, что изданіе найденнаго текста уже готово и черезъ нѣсколько дней будетъ опубликовано. Это извѣстіе, тотчасъ переданное телеграфомъ во всѣ концы культурнаго міра, взволновало спеціалистовъ и возбудило вниманіе образованнаго общества. Съ нетерпѣніемъ и нѣкоторымъ сомнѣніемъ ожидали исполненія обѣщанія—опубликованія драгоцѣнной находки. И дѣйствительно, въ самомъ концѣ января 1891 г. текстъ новообрѣтеннаго произведенія Аристотеля появился въ изданіи Kenyon'a (см. выше стр. 81), ассистента въ отдѣленіи рукописей въ Британскомъ музеѣ. Очевидно, изданіе подготовлялось уже въ теченіе нѣкотораго времени, но дѣло держалось въ строгой тайнѣ. Изданіе Кеніона встрѣчено было съ необычайнымъ интересомъ. Его требовали на-расхватъ, и уже черезъ нѣсколько дней понадобилось второе изданіе, а еще черезъ мѣсяцъ появилось и Facsimile папируса, которое окончательно должно было разсѣять всякія подозрѣнія въ фальсификаціи, если таковыя и существовали. Появился рядъ изданій текста «Аѳинской Политіи» и въ другихъ странахъ; многочисленные переводы ея быстро слѣдовали одинъ за другимъ; спеціальные ученые органы, популярные журналы и газеты, всѣ спѣшили наперерывъ ознакомить своихъ читателей съ замѣчательною находкою и выяснить значеніе ея, по вопросу о новооткрытой «Политіи» возникла цѣлая, почти необозримая, литература, о чемъ я уже говорилъ (стр. 82 сл.).

Кеніонъ въ томъ-же 1891 г. опубликовалъ литературные тексты и другихъ папирусовъ Британскаго музея (Classical texts

---

[1]) Mahaffy, On the Flinders Petrie Papyri. Dublin. 1891; 2-я ч.—1893, Appendix—1894.

[2]) Повидимому, пріобрѣтеніе это—одинъ изъ результатовъ «англійскаго хозяйничанья» въ Египтѣ.

from Papyri in the British Museum), между которыми оказались большой отрывокъ одной изъ утраченныхъ рѣчей Гиперида [1]) и комическія бытовыя сценки или миміамбы Герода (Геронда) [2]),—литературныя произведенія, о которыхъ раньше мы не имѣли никакого понятія. А въ 1897 г. Кеніономъ открыто и издано около 20 одъ или балладъ Бакхилида [3]).

Публикаціи Grenfell'я и Hunt'а.

Между тѣмъ въ Англіи-же начали появляться замѣчательныя публикаціи Grenfell'я (издаваемыя имъ большею частью совмѣстно съ Hunt'омъ и нѣкоторыми другими учеными). Такъ, въ 1896 г. опубликованъ былъ любопытный папирусъ, пріобрѣтенный Флиндерсомъ Петри и содержащій податной уставъ Птолемея Филадельфа 259/8 г. до Р. Х. [4]). Нечего и говорить, какъ важенъ этотъ документъ для хозяйственной исторіи Египта той эпохи.

Въ томъ-же году вышло другое изданіе Grenfell'я, заключающее въ себѣ отрывокъ александрійской поэмы эротическаго содержанія и иные папирусы, большею частью документы, касающіеся займовъ, купли-продажи и т. под. (An Alexandrian erot. fragm. and other Gr. Pap.).

Открытію и публикаціи новыхъ папирусовъ много содѣйствовало общество Egypt Exploration Fund, учредившее даже особую секцію со спеціальною цѣлью—открывать и изучать остатки греко-римской культуры въ странѣ фараоновъ [5]). По порученію этого общества Grenfell и Hunt произвели раскопки въ Оксиринхѣ (нын. Behneseh въ 120 англ. миляхъ къ югу отъ Каира, на границѣ Ливійской пустыни),—раскопки, сопровождавшіяся поразительными результатами. Въ первые годы здѣсь найдены цѣлыя тысячи папирусовъ самаго разнообразнаго содержанія, большая часть которыхъ уже опубликована [6]). Среди нихъ, кромѣ отрывковъ религіознаго характера (напр. λόγια Іисуса

Папирусы изъ Оксиринха и друг.

---

[1]) См. ст. А. Н. Шварца въ «Фил Обозр.», III, 1893.

[2]) На русск. яз. о нихъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій («Филол. Обозр.», II, 1892, и «Изъ жизни идей,» т. I), Л. Ф. Воеводскій (Одесса. 1894), Г. Ф. Церетели (Юрьевъ 1906, изъ «Зап. Юрьевск. ун.»).

[3]) The poems of Bacchylides. 1898; новѣйш. изд.—Jebb'a (Cambr. 1906); Wilamowitz, Bakchylides. Berl. 1898; франц. перев. d'Eichthal'я и Th. Reinach'a (P. 1898). О Бакхилидѣ на рус. яз.—Ѳ. Ф. Зѣлинскій (въ I т. «Изъ жизни идей»).

[4]) Grenfell and Mahaffy, The revenue laws of Ptolemy Philad. Oxf. 1896.

[5]) Съ 1892 г. общество издаетъ ежегодные отчеты (Arichaeological report) о раскопкахъ и находкахъ въ Египтѣ.

[6]) Grenfell and Hunt, The Oxyrhynchus-Papyri. 1898 сл. (вышло уже 6 т.).

Христа), имѣются раньше неизвѣстное стихотвореніе Сафо [1]); хронологическій обзоръ греческой, римской и восточной исторіи съ 355 по 315 г. до Р. Х. (см. выше, стр. 97); списки побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ, трактатъ или руководство по метрикѣ, приписываемое Аристоксену, и разные документы и частныя письма. Между прочимъ, сохранился изящный пригласительный билетъ на свадьбу приблизительно такого содержанія: «Такая-то (имя рекъ) проситъ тебя принять участіе въ обѣдѣ по случаю свадьбы ея дѣтей, въ ея домѣ, завтра, 5-го, въ 3 часа». Такой билетъ складывался и на оборотѣ писался адресъ съ обозначеніемъ имени приглашаемаго лица. Или, напр., одна домовладѣлица клятвенно увѣряетъ, что въ ея домѣ, «кромѣ вышепрописанныхъ лицъ, нѣтъ никого другого, ни александрійца, ни римлянина, ни египтянина»; очевидно, администрація требовала точныхъ свѣдѣній о жильцахъ. Интересно также, особенно для юристовъ, обширное прошеніе нѣкоей Діонисіи къ префекту (186 г. по Р. Х.) по дѣлу о приданомъ съ ссылками на прецеденты, проливающее свѣтъ на тогдашнее право и судопроизводство, и эдиктъ префекта (II в. по Р. Х.), касающійся веденія архивовъ. Есть и «курьезы» въ родѣ письма сына къ отцу, «баловнаго мальчика», съ трудомъ еще выводящаго буквы и плохо владѣющаго орѳографіей: мальчикъ огорченъ тѣмъ, что отецъ не взялъ его съ собою въ Александрію, и грозитъ, въ случаѣ неисполненія его желанія, не писать больше отцу, а по возвращеніи послѣдняго изъ Александріи не здороваться съ нимъ, не подавать ему руки, ничего ни ѣсть, ни пить.

Въ Оксиринхѣ же, зимою 1905—6 г., Grenfell и Hunt нашли массу разорванныхъ папирусовъ, повидимому остатки библіотеки какого-то ученаго. Здѣсь оказались неизвѣстныя дотолѣ стихотворенія, напр. пэаны Пиндара и большой отрывокъ изъ трагедіи Еврипида «Ипсипила», а изъ прозаическихъ произведеній особенное вниманіе обращаютъ на себя большіе отрывки изъ «Греческой исторіи» [2]), касающіеся событій 396—5 г.г. до Р. Х.,—начала такъ назыв. «Коринѳской войны». Написанъ текстъ на оборотной сторонѣ документа (земельной

---

[1]) Р. Х. Леперъ, Оксиринхская ода Сапфо (Ж. М. Н. Пр., 1901, и Сборн. въ часть П. В. Никитина. Спб. 1901).

[2]) Какъ пэаны, такъ и эти отрывки (съ обширнымъ введеніемъ, переводомъ и комментаріями), изданы въ V т. The Oxyrhynchus-Papyri (есть и отдѣльно: Hellenica Oxyrhynchia cum Theopompi et Cratippi fragmentis), а Hypsipyle—въ VI т. Объ этой трогедіи—ст. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго въ «Вѣстн. Евр.», 1909, іюль—авг.

описи); въ нѣкоторыхъ частяхъ столбцы сохранились хорошо, въ другихъ—почти совершенно разорваны. Дошедшій до насъ текстъ касается отношенія аѳинскихъ партій къ Спартѣ и къ тогдашнему политическому положенію, антиспартанскаго настроенія въ Греціи и причинъ его, но главнымъ образомъ—войны, похода Агесилая, дѣйствій Конона и т. д. Наиболѣе интересны его сообщенія о переворотѣ на о-вѣ Родосѣ и въ особенности объ организаціи беотійскаго союза, на которую онъ проливаетъ новый свѣтъ. Изложеніе вообще очень подробное, подробнѣе, чѣмъ, напр., у Ксенофонта, съ которымъ авторъ очень часто расходится; зато сообщенія Діодора нерѣдко согласуются съ свидѣтельствомъ новооткрытаго источника. Изъ самаго его изложенія и словъ можно заключить, что авторъ жилъ въ IV в., писалъ послѣ Анталкидова мира, но до завоеванія Персіи Александромъ Македонскимъ и даже до окончанія Священной войны, началъ свой трудъ съ 411—10 г., т. е. съ того момента, на которомъ остановился Ѳукидидъ. Тонъ его въ общемъ спокойный, объективный; авторъ только явно симпатизируетъ Конону и высказывается противъ аѳинскихъ демократовъ; однако это не мѣшаетъ ему отмѣтить, что союзъ противъ Спарты былъ вызванъ не подкупомъ, а подготовленъ раньше. Авторъ касается и причинъ излагаемыхъ имъ событій. Вообще, послѣ «Аѳинской Политіи» Аристотеля это наиболѣе крупная и важная находка текста историческаго содержанія. Но кто былъ авторомъ этихъ Hellenica мнѣнія расходятся: одни, напр., Э. Мейеръ, Виламовицъ, называютъ Ѳеопомпа [1]), другіе—Кратиппа [2]) (стр. 72) и проч. Помимо нѣкоторыхъ частностей,—стиль, языкъ, манера изложенія вновь открытаго историка отличается отъ того, что̀ мы знали до сихъ поръ о Ѳеопомпѣ. Вообще, вопросъ о новомъ источникѣ требуетъ еще изслѣдованій [3]).

Кромѣ того, Grenfell'ю и Hunt'ю принадлежатъ открытія и въ другихъ мѣстностяхъ Египта. Такъ, зимою 1899—1900 г., производя раскопки по порученію Калифорнійскаго университета, Grenfell и Hunt открыли развалины города Tebtunis и при этомъ въ муміяхъ священныхъ крокодиловъ нашли большое число

[1]) Къ такому выводу приходитъ и Busolt, Harmes, XLIII, 1908.

[2]) Walker, въ Klio, VIII, 1908; Mess, Rh. Mus., N. F., XLIII, 1908 (ср. XLIV, 1909); Goligher, Engl. Histor. Rev., 1908 apr.—Underhill (The Journ. of Hellen. Stud., XXVIII) ни Ѳеопомпа, ни Кратиппа не считаетъ авторомъ этихъ Hellenica; a de Sanctis указываетъ на аттидографа Андротіона (Atti della R. Accad. delle sz. di Torino, XLIII, 1908).

[3]) На рус. яз.—С. П. Шестаковъ, Оксиринхскій историкъ (Ж. М. Н. Пр., 1909, ноябрь сл.).—Только что вышелъ трудъ Э. Мейера Theopomps Hellenica. Halle.

свертковъ папирусовъ [1])—документовъ Птолемеевой эпохи, преимущественно съ 130 по 80 г. до Р. Х., освѣщающихъ внутреннюю исторію Египта, очень важны также документы, представляющіе опись земель одной деревни съ указаніемъ владѣльцевъ, лежащихъ на нихъ сборовъ, доходности земли и съ любопытными подробностями относительно солдатъ-поселенцевъ. А во время раскопокъ (1901/2 и 1902/3 г.) въ Hibeh, на правомъ берегу Нила, неподалеку отъ Оксиринха, Grenfell и Hunt извлекли изъ могилъ много папирусовъ, составлявшихъ картоннажи для завертыванія мумій,—большею частью документовъ временъ первыхъ Птолемеевъ [2]). Обращаетъ на себя вниманіе календарь, составленный около 300 г. до Р. Х. и въ особенности журналъ почтовой станціи или конторы, съ обозначеніемъ входящей и исходящей корреспонденціи къ царю и высшимъ сановникамъ, дня и часа прибытія почты, числа пакетовъ или посылокъ и т. под.

Поразительна и та быстрота, съ которою Grenfell и Hunt обнародывали свои богатыя находки.

Въ то-же время на континентѣ Европы одна публикація папирусовъ слѣдовала за другою.

Такъ, предпринято изданіе папирусовъ Берлинскихъ музеевъ, при участіи такихъ спеціалистовъ, какъ Wilcken, Viereck и друг.[3]) (среди этихъ папирусовъ обращаютъ на себя вниманіе документы, касающіеся банковъ, счетъ доходовъ и расходовъ храма Юпитера въ Арсиноэ, проливающій свѣтъ на обширныя денежныя операціи этого храма (III в. по Р. Х.), и счетъ управляющаго крупнымъ имѣніемъ, характеризующій хозяйство III в. по Р. Х., а изъ литературныхъ текстовъ—комментарій Дидима, о которомъ выше на стр. 99, прим. 2). Въ Вѣнѣ начато изданіе коллекціи эрцгерцога Райнера, подъ редакціей Wessely[4]); публикуются греческіе папирусы, хранящіеся въ Лейпцигѣ, въ Страсбургѣ, въ Женевѣ [5]); есть изданіе частныхъ писемъ эпохи Лагидовъ, сохранившихся на папирусахъ [6]). Во Франціи выходитъ тоже немало публикацій [7]) и т. д.

---

[1]) The Tebtunis Papyri. London. 1902—7, 2 ч.; о нихъ—ст. М. М. Хвостова, Ж. М. Н Пр., 1904, сент.

[2]) The Hibeh Papyri. Lond. 1906. I.—Grenfell'ю и Hunt'у принадлежатъ еще публикаціи Fayûm towns and their Papyri (изд. въ 1900 совмѣстно съ Hogarth'омъ) и «Папирусы лорда Amherst'а» (Amherst-Papyri. 1900-1 2 ч.).

[3]) Ägyptische Urkunden aus den königl Museen zu Berlin, 1892 сл., и Berliner Klassikertexte, 1904 сл.

[4]) Corpus Papyrorum Raineri Archiducis. 1895. I.

[5]) Лейпцигскіе папирусы изд. Mitteis, при участіи Wilcken'а (I т. 1906 г.), женевскіе—подъ ред. Nicole (1896—1900) (имъ-же изданъ (1898) новооткрытый отрывокъ изъ комедіи Менандра «Земледѣлецъ»).

[6]) Epistulae privatae graecae.... ed. Witkowski. Leipz. 1907.

[7]) Revillout и Eisenlohr положили начало изданію Corpus Papyrorum Aegypti; Th. Reinach, въ сотрудничествѣ съ Spiegelberg'омъ и

Среди находокъ послѣдняго времени надо отмѣтить еще нѣкоторыя, какъ очень важныя и интересныя.

«Персы» Тимоѳея

Въ 1902 г. Борхгардтомъ, по порученію Нѣмецкаго Восточнаго Общества, предприняты были раскопки въ Абуширѣ, неподалеку отъ Каира, при чемъ на древнемъ кладбищѣ, въ одномъ изъ гробовъ, въ головахъ покойника, по всей вѣроятности какого-то грека, найденъ папирусъ, содержащій значительную часть текста «Персовъ» Тимоѳея Милетскаго (ок. 400 г. до Р. Х.), до сихъ поръ извѣстнаго намъ, можно сказать, лишь по имени. Это—диѳирамбъ или, точнѣе, «номъ», касающійся Персидскихъ войнъ, на тему о пораженіи царя въ морскомъ сраженіи—конечно, при Саламинѣ—, первый дошедшій до насъ образчикъ произведеній подобнаго рода и древнѣйшая рукопись изъ всѣхъ сохранившихся на папирусахъ: она, вѣроятно, не позже конца IV в. до Р. Х., и лишь около полувѣка отдѣляетъ ее отъ смерти автора [1]).

Менандръ.

Еще болѣе важная находка сдѣлана недавно французомъ Лефебвромъ: въ одной деревнѣ, на мѣстѣ прежняго Афродитополиса, на лѣвомъ берегу Нила, среди развалинъ древняго жилища, имъ найденъ папирусъ изъ 17 листковъ—не въ видѣ обычнаго свитка, а въ видѣ книги или кодекса—, содержащій до 1300 стиховъ поэта IV в. Менандра. Папирусъ этотъ былъ тотчасъ же изданъ Лефебвромъ [2]). Въ немъ болѣе или менѣе крупные отрывки изъ 4 пьесъ Менандра—изъ «Героя» (какъ предполагаютъ; заглавіе этой пьесы въ папирусѣ не сохранилось), «Третейскаго суда» (Ἐπιτρέποντες), «Саміянки» и «Стриженной» или «Отрѣзанной косы» (Περικειρομένη). Особенно много стиховъ сохранилось изъ «Третейскаго суда»—болѣе 500, т. е. около

Seymour de Ricci, издалъ «Папирусы греческ. и демотич.» (1905), среди которыхъ обращаютъ на себя вниманіе контракты; опубликованы (въ Bull. de corr. hell., XXVI—XXVII, 1902—4) Papyrus de Magdôla,—изъ деревни на югѣ Фаюма, содержащіе жалобы царю,—интересный матеріалъ въ культурно-историческомъ отношеніи.

[1]) Рукопись хранится въ Берлинскомъ музеѣ. Фотографическій снимокъ съ самой рукописи, съ гроба и покойника—ея владѣльца—въ Wissenschaftliche Veröffentlichungen d. Deutsch. Orientgesellsch. Der Timotheos-Parypus. Leipz. 1903; комментированное изд. — Wilamowitz'a (Leipz 1903). На русск. яз. Г. Ф. Церетели, «Персы» Тимоѳея Милетск. (тутъ и перев.) въ Ж. М. Н. Пр., 1903, іюнь, и Д. П. Шестаковъ, «Персы» Тимоѳея. Каз..1904 (изъ Зап. Каз. Ун.).

[2]) Fragments d'un manuscrit de Ménandre, découverts et publiés par Gustave Lefebvre, Le Caire. 1907. Ср. изд. Leeuwen'a, Leiden. 1908. Открытые раньше отрывки изъ Менандра собраны Kretschmar'омъ, De Menandri reliqiis nuper repertis. Leipz. 1906.

половины комедіи, при чемъ уцѣлѣлъ почти весь второй актъ. Нечего и говорить, какъ важна такая находка [1]). Только теперь мы можемъ имѣть настоящее понятіе о Менандрѣ, о томъ, какъ развивалось у него дѣйствіе, каковы его пріемы, какъ обрисовывались характеры и изображалась аттическая частная жизнь съ ея нравами; это бросаетъ новый свѣтъ и на подражателей Менандра, римскихъ комиковъ и т. д.

Найдено и новое сочиненіе знаменитаго Архимеда—его посланіе къ Эратосѳену о нѣкоторыхъ теоремахъ механики [2]).

Есть тексты и историческаго содержанія, кромѣ упомянутаго уже большого отрывка изъ Оксиринха (стр. 192). Такъ, въ Вюрцбургской коллекціи папирусовъ имѣется фрагментъ Сосила [3]), Аннибалова спутника и учителя греческаго языка; въ фрагментѣ описывается морская битва между римлянами и карѳагенянами и по поводу этого вспоминается сходный эпизодъ битвы при Артемисіи. Раньше мы не имѣли ни одной строчки этого писателя. А среди папирусовъ В. С. Голенищева имѣется Александрійская христіанская «Всемірная хроника» съ миніатюрами [4]). Что касается «Страсбургскаго анонима», Anonymus Argentinesis, папируса, принятаго сначала за отрывокъ исторической хроники, которой издатель этого папируса Кейль посвятилъ цѣлую монографію (1902), гдѣ, стараясь возстановить на половину утраченный текстъ, высказалъ рядъ смѣлыхъ, остроумныхъ и, повидимому, блестящихъ догадокъ, комбинацій и выводовъ, то, какъ показалъ Вилькенъ[5]), это не есть историческая хроника, а, вѣроятно, комментарій къ рѣчи Демосѳена противъ Андротіона, и блестящія построенія Кейля, его смѣлыя возстановленія текста и выводы рушились.

Значеніе открытыхъ папирусовъ

Благодаря всѣмъ этимъ открытіямъ и публикаціямъ, общее число новообрѣтенныхъ текстовъ чрезвычайно возросло. Нечего, конечно, и говорить о томъ, какъ важны для насъ вновь открытыя произведенія, раньше считавшіяся совершенно утраченными или бывшія совершенно неизвѣстными. Но имѣютъ немалое значеніе и тѣ папирусы, которые содержатъ текстъ уже извѣст-

[1]) О новооткрытомъ Менандрѣ имѣется уже большая литература. См. Б. В. Варнеке, Нов. комедіи Менандра. Каз. 1909, гдѣ данъ и переводъ (прозаическій), стихотворный пер. «Третейскаго суда» и «Саміянки»— Г. Ф. Церетели, Ж. М. Н. Пр., 1908, окт., и 1909, іюнь. Нѣм. пер.— Robert'a (Berl. 1908); ср. его-же, Der neue Menander (Berl. 1908).— Небольшой отрывокъ изъ Менандра имѣется въ бывшей коллекціи В. С. Голенищева; см. ст. Г. Ф. Церетели въ Ж. М. Н. Пр., 1909, февр.

[2]) Heiberg und Zeuthen, Eine neue Schrift d. Archim. Leipz. 1907 (изъ Bibl. mathem.). Есть въ рус. пер. (Одесса. 1909).

[3]) Wilcken, Hermes, XLI, 1906.

[4]) Изд. A. Bauer и Strzygowski, Wien. 1905 (Denkschr d. Wien. Akad.).

[5]) Hermes, XLII, 1907; на рус. яз.—ст. гр. И. И. Толстого въ «Зап. Класс. Отд. Имп. Рус. Арх. Общ.», V. 1908.

ныхъ намъ раньше сочиненій, такъ какъ нерѣдко они представляютъ рукописи гораздо болѣе древнія, чѣмъ наши прежнія, иногда—лѣтъ на 800 и даже 1000 древнѣе извѣстныхъ намъ раньше кодексовъ. Есть рукописи, относящіяся къ III в. до Р. Х., и такимъ образомъ въ папирусахъ мы имѣемъ традицію, которая непрерывно тянется въ теченіе почти 1000 лѣтъ, съ III в. до Р. Х. и до VIII ст. по Р. Х. (Вилькенъ). Папирусы, слѣдовательно, важны и для установленія надлежащаго текста, для интерпретаціи и т. д. Что касается папирусовъ, содержащихъ документы, то, какъ мы уже говорили не разъ, это самый разнообразный матеріалъ, знакомящій съ государственнымъ устройствомъ, администраціей, судебными порядками, финансовой системой, хозяйствомъ и вообще съ состояніемъ Египта въ Александрійскую эпоху.

Въ настоящее время коллекціи папирусовъ находятся не только въ крупныхъ центрахъ (стр. 19); въ Германіи, напр., почти каждая порядочная университетская библіотека стремится имѣть свою коллекцію папирусовъ. Имѣются онѣ и въ Африкѣ (въ Каирѣ, Александріи), и въ Америкѣ (Чикаго). Существуютъ и частныя собранія. Въ виду разбросанности подобнаго рода матеріала, посвященныхъ ему публикацій и изслѣдованій, явилась настоятельная надобность въ какомъ-либо центральномъ органѣ, въ которомъ сосредоточивались бы свѣдѣнія по папирологіи. Такимъ органомъ является Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete (съ 1900 г.), основанный Вилькеномъ, однимъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ знатоковъ папирусовъ. Другой извѣстный спеціалистъ въ этой области Вессели основалъ журналъ Studien zur Paläographie und Papyruskunde. Мелькаетъ мысль и объ изданіи полнаго собранія папирусовъ, Corpus Papyrorum, наподобіе Corpus Inscriptionum; но осуществленіе ея признается преждевременнымъ, рискованнымъ, въ виду не прекращающихся крупныхъ и совершенно неожиданныхъ находокъ въ области папирологіи. Пока подготовляется «Хрестоматія папирусовъ», по образцу Sylloge inscript. graecarum Диттенбергера. Надъ разборомъ, изданіемъ и изслѣдованіемъ греческихъ папирусовъ въ настоящее время работаетъ рядъ ученыхъ [1]). И тѣмъ не менѣе издана лишь незначительная часть

---

[1]) Кромѣ названныхъ выше, слѣдуетъ отмѣтить имена Lumbroso, трудъ котораго—Recherches sur l'économie politique de l'Egypte sous les Lagides. 1870 – составилъ эпоху (его-же, L'Egitto dei Greci e dei Romani. 1895, 2-е изд.), и нѣмецкаго юриста Mitteis (Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römisch. Kaiserreichs. Leipz. 1891).

громаднаго матеріала; еще меньшая доля его разработана; остальное ждетъ еще публикацій и дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Ostraka. По характеру и содержанію близко стоитъ къ разсмотрѣннымъ публикаціямъ папирусовъ изданіе Вилькена: Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien (Leipz.-Berl. 1899, 2 т.). Въ Египтѣ черепки служили даровымъ писчимъ матеріаломъ; ими, между прочимъ, пользовались банковскіе чиновники и сборщики податей для квитанцій. Изданныя Вилькеномъ надписи и представляютъ подобнаго рода расписки. При всей незначительности каждой изъ нихъ въ отдѣльности, въ общемъ онѣ въ свою очередь проливаютъ немало свѣта на финансовое управленіе Египта въ греко-римскую эпоху [1]). Вилькенъ не только ихъ издалъ, но и снабдилъ обширнымъ введеніемъ, въ которомъ сумѣлъ выяснить все значеніе этого на первый взглядъ однообразнаго и скуднаго источника и освѣтить, съ помощью его, исторію финансоваго управленія греко-римскаго Египта.

Пергам. рукописн. Въ концѣ XIX и началѣ XX в. сдѣланы открытія не только по части папирусныхъ рукописей, но и иныхъ. Среди, напр., рукописей, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку отъ епископа Порфирія Успенскаго, В. К. Ернштедтъ открылъ на лоскуткахъ пергамента фрагменты изъ Менандра [2]). На одномъ свинцовомъ листкѣ Берлинскаго музея сохранилось «древнѣйшее греческое письмо» (V—IV в.). Есть нѣсколько свинцовыхъ пластинокъ съ надписями изъ Ольвіи.

Эпиграфика. Эпиграфика въ 90-хъ годахъ истекшаго и въ началѣ XX в. стояла, по сравненію съ папирологіею, какъ-бы на второмъ планѣ, но и она продолжала развиваться. Именно къ разсматриваемому періоду относится большинство тѣхъ изданій, которыя упомянуты раньше (стр. 17). Общее число извѣстныхъ теперь надписей доходитъ до 100000.

Изъ находокъ въ области эпиграфики за этотъ періодъ отмѣтимъ новый—и притомъ большой—отрывокъ «Паросскаго мрамора» или хроники, найденный на Паросѣ и содержащій хронологическій обзоръ отъ смерти Филиппа Македонскаго (336 г.) до 229 г. (стр. 16); самосскій законъ (нач. II в.) о покупкѣ хлѣба на общественный счетъ и объ его распредѣленіи; постановленіе корпораціи или «гильдіи» пѣвцовъ въ Милетѣ [3]) и друг. Въ Херсонесѣ, при раскопкахъ 1904 г., найденъ новый гимнъ въ честь Гермеса [4]), начертанный на благодарственномъ приношеніи одного гимнасіарха за побѣду на играхъ. Къ именамъ

[1]) См. ст. М. И. Ростовцева, Ж. М. Н. Пр., 1900, мартъ.

[2]) В. К. Ернштедтъ, Порфирьевскіе отрывки изъ аттич. комедіи. Спб. 1891.

[3]) Wiegand и Wilamowitz въ Sitz.-ber. d. Berl. Akad., 1904, XIX, XXVI.

[4]) В. В. Латышевъ, Ж. М. Н. Пр., 1905, май (и въ Pontica).

уже намъ извѣстныхъ знатоковъ надписей слѣдуетъ присоединить имена Hiller von Gaertringen и Вильгельма [1]), а у насъ—С. А. Жебелева, Р. Х. Лепера и др. Къ разсматриваемому періоду относится появленіе въ свѣтъ и крупныхъ работъ А. В. Никитскаго, которыя посвящены дельфійскимъ надписямъ (157—8), его «Критическихъ замѣтокъ» и другихъ статей по вопросамъ эпиграфики [2]), богатыхъ интересными методологическими замѣчаніями.

Институты.

Въ 1899 г. при Эпиграфическо-археологическомъ семинаріи въ Вѣнѣ образовался Археологическій Институтъ, органомъ котораго служатъ Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts in Wien, и австрійскіе ученые начали принимать болѣе дѣятельное участіе въ раскопкахъ въ предѣлахъ древне-греческаго міра. Италія, раньше не имѣвшая особаго учрежденія въ Аѳинахъ, теперь учредила тамъ Археологическій Институтъ. Основанный въ Константинополѣ Русскій Археологическій Институтъ (1894) имѣетъ болѣе въ виду византійскіе памятники; тѣмъ не менѣе и онъ содѣйствовалъ изученію памятниковъ классической древности, особенно въ лицѣ Б. Ф. Фармаковскаго, спеціалиста по классической археологіи, бывшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ секретаремъ Института, Р. Х. Лепера и друг.

Раскопки.

Въ концѣ XIX и началѣ XX в. раскопки [3]) продолжались почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производились онѣ и раньше; частью велись въ нѣкоторыхъ новыхъ.

Самыми замѣчательными изъ нихъ являются раскопки Дерпфельда въ Аѳинахъ и Троѣ, раскопки Французской школы въ Дельфахъ и особенно открытія англичанина Эванса (Evans) и итальянскихъ археологовъ на Критѣ.

Раскопки Дерпфельда.

Дерпфельдъ, архитекторъ и археологъ, сотрудникъ Шлимана, своими изысканіями въ Аѳинахъ пролилъ новый свѣтъ на строительную дѣятельность временъ Кимона и Перикла и поднялъ рядъ вопросовъ, отчасти еще не вполнѣ рѣшенныхъ и теперь. Между прочимъ, онъ изслѣдовалъ театръ Діониса и выставилъ новую теорію касательно устройства греческихъ театровъ вообще [4]), по которой актеры играли не на такъ назыв. проскеніи или сценѣ, а у проскенія, на орхестрѣ.

---

[1]) Наиболѣе крупные труды—его Urkunden dramat. Aufführungen in Athen. Wien. 1906 (по пов. этого—Б. В. Варнеке, Нов. докум. по ист. аттич театра, Каз. 1908) и Beiträge z. griech. Inschriftenkunde. Wien. 1909.

[2]) Въ Ж. М. Н. Пр., за 1900 г., 1903 и слѣд.

[3]) См. прим. 4 на стр. 158.

[4]) Dörpfeld und Reisch, Das griech. Theater. 1896. О греческомъ театрѣ—Alb. Müller, Lehrbuch d. griech. Bühnenalterthumer (въ нов. изд. Herman's Lehrbuch, о которомъ на стр. 136); новѣйшій трудъ—Groh'a (на чешск. яз. Praha. 1909).

XI городъ на Гиссарликѣ.

Еще важнѣе раскопки Дерпфельда на мѣстѣ древней Трои. Дерпфельдъ явился продолжателемъ дѣла Шлимана. Раскопки, которыя онъ велъ въ 1893 году на средства г-жи Шлиманъ, привели къ чрезвычайно важнымъ результатамъ и на слѣдующій годъ онъ ихъ возобновилъ уже на средства, данныя императоромъ Вильгельмомъ. Имъ былъ раскрытъ шестой слой на Гиссарликѣ. Оказалось, что это былъ большой городъ или, точнѣе, акрополь, равный тиринѳскому. Онъ окруженъ колоссальною каменною стѣною, подобною тѣмъ, какія существовали въ Микенахъ и Тиринѳѣ, но болѣе усовершенствованной кладки, изъ прекрасно пригнанныхъ одинъ къ другому камней. Стѣна идетъ полукругомъ, ломанною линіею, съ небольшими выступами на извѣстномъ разстояніи. Южная, восточная и отчасти западная сторона ея сохранились; сѣверо-западная же, повидимому, была разобрана еще въ древности на постройку сосѣднихъ городовъ. Въ стѣнѣ имѣлось по трое воротъ и по три башни, изъ которыхъ особенно интересна сѣверо-восточная большихъ размѣровъ, съ крѣпкими стѣнами и съ колодцемъ внутри. Самый акрополь поднимался террасами. Найдены развалины зданій, изъ коихъ нѣкоторыя изъ прекрасно тесанныхъ камней (вспомнимъ θάλαμοι ξεστοῖο λίθοιο у Гомера), и многочисленные сосуды (между ними огромные пиѳосы) и черепки микенской эпохи. Главный результатъ роскопокъ Дерпфельда тотъ, что если можно отождествлять какой-либо городъ на Гиссарликѣ съ Троей Гомера, то лишь этотъ шестой, несомнѣнно принадлежавшій къ микенскому періоду, а не второй, который былъ принятъ Шлиманомъ за гомерическую Трою, но который въ дѣйствительности гораздо древнѣе не только ея, но и микенской эпохи [1]).

Въ послѣдующіе годы Дерпфельдъ занятъ былъ изслѣдованіемъ Левкадіи, которая, по его мнѣнію, и есть гомерическая Итака [2]), родина Одиссея, и раскопками въ Пергамѣ.

---

[1]) Дерпфельдомъ, въ сотрудничествѣ съ другими лицами, обнародованъ (1902) обширный трудъ: «Troja und Ilion», въ которомъ въ ясной и сжатой формѣ излагаются результаты всѣхъ открытій на Гиссарликѣ, начиная съ первыхъ раскопокъ Шлимана и кончая 1894 г., и такимъ образомъ подводится итогъ всему сдѣланному и открытому; въ общемъ получается картина смѣны или развитія культуры на Гиссарликѣ въ теченіе долгаго періода существованія здѣсь разныхъ поселеній и городовъ.

[2]) По этому вопросу теперь цѣлая литература; обзоръ ея—въ ст. Draheim'a (Wochenschr. f. klass. Philol., 1906, № 49).

Раскопки въ Дельфахъ.

Древности Дельфъ[1]), этого общенаціональнаго греческаго святилища, «общаго очага Эллады», должны были, естественно, возбуждать къ себѣ особый интересъ археологовъ. Начало разысканіямъ въ Дельфахъ положилъ К. О. Мюллеръ (стр. 135—6). Затѣмъ другимъ піонеромъ здѣсь явился Фукаръ. Желая систематически изслѣдовать Дельфы, французы вступили въ переговоры съ греческимъ правительствомъ относительно раскопокъ и необходимаго для этой цѣли отчужденія земли. Но долго переговоры эти ни къ чему не приводили. Тѣмъ временемъ въ Дельфахъ произведены были изслѣдованія нѣмецкимъ ученымъ Pomtow'ымъ и нашимъ соотечественникомъ А. В. Никитскимъ. Наконецъ, въ 1891 г., когда во главѣ Французской школы въ Аѳинахъ сталъ Homolle, старанія французовъ увѣнчались успѣхомъ: французская палата вотировала кредитъ въ 500000 фр. на раскопки, и съ Греціей подписанъ былъ договоръ, предоставлявшій Франціи монополію археологическихъ разысканій въ Дельфахъ на 10 лѣтъ.

На первыхъ порахъ Французской школѣ, на которую выпало выполненіе задачи, приходилось бороться съ большими трудностями. Нужно было экспропріировать до 1000 домовъ или земельныхъ участковъ, цѣлую деревню (Кастри) перенести на другое мѣсто, проложить дороги по крутизнамъ. Мѣстные жители оказывали противодѣйствіе работамъ, и дѣло доходило даже до волненій и нападеній. Сначала приходилось вести раскопки подъ прикрытіемъ вооруженной силы... Тѣмъ не менѣе, начиная съ 1893 г. слѣдуетъ рядъ замѣчательныхъ открытій. Раскопаны священная дорога, терраса, поддерживавшая храмъ, развалины самаго храма и другихъ зданій. Храмъ, впрочемъ, не оправдалъ ожиданій и нѣсколько разочаровалъ французовъ: онъ почти ничего не далъ. Зато въ другихъ пунктахъ результаты оказались блестящими и во многихъ отношеніяхъ неожиданными. Такъ, открыто нѣсколько сокровищницъ,—сокровищница аѳинянъ, зданіе, очевидно, начала V в. до Р. Х., съ замѣчательными метопами, съ декретами, которыми исписаны были ея

[1]) Отчеты о раскопкахъ преимущественно Homolle въ Bull. de corr. hell. и въ Comptes-rendus de l'Acad. des inscriptions, а въ особенности—выходящее теперь монументальное (5 т.) изданіе Fouilles de Delphes.—Luckenbach, Olympia und Delphi. 1904; Pomtow, Beiträge z. Topographie von Delphi. Berl. 1889, и его-же ст. въ Rh. Mus., 49, 51—52; Mittheil, XX; Klio. 1907 сл.; Berl Phil. Wochenschr. 1906, 1909, № сл. и друг.; А. В. Никитскій, Дельфійск. эпиграфич. этюды. Одесса. 1894—5; Perdrizet, Die Hauptergebn. d. Ansgrab. in Delphi (N. Jahrb. f. d. klass. Altert., XXI, 1908).

стѣны, съ гимномъ Аполлону и со столькими архитектурными остатками, что оказалось возможнымъ ее реставрировать; сокровищница книдянъ съ ея фризами и фронтономъ, сикіонцевъ, фокидянъ, сифнійцевъ; фундаментъ лесхи книдянъ, которая была украшена живописью Полигнота. Открыты театръ, стадій, Касталіи, храмъ Аѳины Пронаи. Найдено множество произведеній искусства, изъ которыхъ, кромѣ уже упомянутыхъ метопъ и фризовъ, достаточно назвать бронзовую статую такъ назыв. «возницы» (держащаго въ рукѣ поводья; отъ колесницы и коней сохранились лишь фрагменты), аканѳовую колонну съ каріатидами, мраморныя копіи съ произведеній Лисиппа. Число найденныхъ надписей достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ (до 4500). Надписи эти хорошо знакомятъ съ гражданскимъ устройствомъ Дельфъ, съ ихъ властями, храмовымъ управленіемъ и персоналомъ, съ исторіей религіозныхъ учрежденій, съ топографіей и хронологіей, съ положеніемъ и отпущеніемъ рабовъ, съ связями Дельфъ съ Аѳинами, съ исторіей Этолійскаго союза. Между ними находятся такіе интересные документы, какъ, напр., уставъ фратріи Лабіадовъ или какъ рѣшеніе римскаго сената, вырѣзанное на цоколѣ сокровищницы аѳинянъ и касающееся распри между двумя обществами діонисовыхъ артистовъ; найденъ также декретъ въ честь Аристотеля за составленіе имъ списка побѣдителей на Пиѳійскихъ играхъ. Но что̀ особенно обратило на себя вниманіе среди дельфійскихъ находокъ, такъ это гимны къ Аполлону, даже съ музыкальными знаками.

Таковы въ общихъ чертахъ результаты раскопокъ въ Дельфахъ. 10 лѣтъ и болѣе 800000 фр. было употреблено на нихъ. Раздавались подчасъ жалобы—и не безъ основанія—на то, что французы слишкомъ медлятъ съ публикаціей открытыхъ ими сокровищъ. Въ настоящее время выходитъ въ свѣтъ капитальное изданіе, посвященное раскопкамъ въ Дельфахъ (Fouilles de Delphes), но и оно подвигается очень медленно.

Въ ознаменованіе юбилея Французской школы въ Аѳинахъ грекъ Сингросъ, на средства котораго воздвигнутъ музей въ Олимпіи, далъ средства на устройство подобнаго-же музея въ Дельфахъ.

Открытія на Критѣ.

Открытія начала XX в. на о-вѣ Критѣ [1])—едва-ли не величайшія изъ всѣхъ, сдѣланныхъ на греческой почвѣ со времени Шлимана.

---

[1]) Отчеты Evans'a въ Journ. of Hellen. Studies и въ Annual of the British School at Athens, а также отдѣльно: Evans, The palace of Knossos. Provisional report of the excavations... (изъ Annual of the Brit. School, VII.

Съ именемъ Крита связаны миѳы о Зевсѣ, въ образѣ быка похитившемъ прекрасную дочь Кадма, Европу, и уведшемъ ее на этотъ островъ, сказанія о Миносѣ, могущественномъ повелителѣ на морѣ и одномъ изъ трехъ судей въ подземномъ царствѣ, объ изобрѣтательномъ архитекторѣ Дедалѣ и построенномъ имъ лабиринтѣ, о чудовищѣ Минотаврѣ, Тезеѣ и Аріаднѣ. Островъ этотъ находился близъ восточныхъ культурныхъ странъ, на периферіи греческаго міра, такъ сказать, на перепутьѣ, при скрещеніи морскихъ путей въ восточной части Средиземнаго моря, и еще въ началѣ 80-хъ годовъ прошедшаго вѣка Мильхгеферъ[1]) указывалъ на Критъ, какъ на пунктъ, гдѣ надо искать разгадки микенскаго вопроса.

Въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка къ югу отъ Кандіи (или Геракліона), на мѣстѣ древняго Кносса, «великаго города», какъ называетъ его Одиссея, предполагаемой столицы Миноса, мѣстный купецъ Миносъ Калокэриносъ открылъ развалины древняго большого зданія и нѣсколько сосудовъ. Но что̀ это за зданіе, было тогда еще не ясно: нѣкоторые полагали, что это развалины лабиринта. Затѣмъ здѣсь намѣренъ былъ производить раскопки Шлиманъ; но онъ умеръ, не успѣвъ осуществить свое намѣреніе. Въ послѣдующіе годы, во время возстанія на Критѣ и политическихъ осложненій, не могло быть, конечно, и рѣчи о правильныхъ археологическихъ изслѣдованіяхъ на островѣ. Только послѣ его умиротворенія, въ самомъ концѣ XIX стол., представилась возможность приняться за такія изслѣдованія.

«Дворецъ Миноса».

Англичанинъ Артуръ Эвансъ, хранитель музея въ Оксфордѣ, еще въ 1894 и 1897 г. открывшій на Критѣ памятники древняго до-эллинскаго письма, въ цѣляхъ дальнѣйшихъ находокъ подобнаго рода, на частныя средства предпринялъ въ 1900 г. раскопки на мѣстѣ древняго Кносса, пріобрѣтя въ собственность участокъ, гдѣ находились развалины. Результаты

1900/1); Maraghiannis, Antiquités crétoises. 1907 сл.; Lagrange, La Crète ancienne. 1908; Burrows, The discoveries in Crete.. Lond. 1908 (3-е изд.); Mosso, Escursione nel Mediterraneo e gli scavi di Crete. Milano 1907; Noack, Ovalhaus und Palast zu Kreta. Leipz. 1908; его-же Homer. Paläste. Laipz. 1903; Dörpfeld, Die kret., myken. und homer. Palaste (Mitth. d. deutch. Arch. Instit., XXX, 1905); ст. Milchhofer въ Deutsche Rundschau, 1902, Juni; Gerland, N. Jahrb. f. d. kl. Altert., IX, 1902; Tittel, ibid., XI, 1903; Ѳ. И. Успенскій, въ «Вѣстн. Самообразов.», 1904, № 13; Е. Г. Кагаровъ въ «Гермесѣ», 1909, № 17 сл. Ср. прим. на стр. 159. О раскопкахъ итальянцевъ см. ниже.

[1]) Die Anfänge der Kunst in Griechenland. Leipz. 1883.

первыхъ же раскопокъ были изумительны. Оказалось, что нѣкогда здѣсь дѣйствительно существовалъ обширный дворецъ, по размѣрамъ далеко превосходившій дворецъ, открытый Шлиманомъ въ Тиринѳѣ. Онъ не былъ окруженъ циклопическою стѣною, подобно тому, какъ это было въ шестомъ городѣ на Гиссарликѣ, въ Микенахъ и Тиринѳѣ. Стѣны дворца построены преимущественно изъ хрупкаго матеріала, глиняныхъ кирпичей и т. под. Столбы были деревянные, и вообще дерево было въ большомъ употребленіи.

Не останавливаясь подробно на описаніи дворца, я отмѣчу лишь самое характерное. Такова, напр., зала съ тономъ. Находящееся передъ нею пространство было открыто во всю ширь; повидимому, здѣсь были колонны; вело въ это помѣщеніе 4 ступени; вдоль боковыхъ стѣнъ шли каменныя скамьи. Въ самой залѣ—сѣдалище изъ алебастра, въ видѣ трона, на 4 ножкахъ, съ высокою спинкою. Справа и слѣва отъ него тоже скамьи. На одной изъ стѣнъ, по бокамъ двери, изображено два грифа. Въ залѣ находилось нѣчто въ родѣ бассейна или водоема, и въ то время какъ одни считали эту залу «тронною», другіе видятъ въ ней купальню, а третьи сравниваютъ ее съ impluvium помпеянскихъ домовъ. Съ запада ко дворцу прилегалъ, вымощенный плитами, дворъ (другіе два двора, восточный и южный, были внутренніе, включены въ самое зданіе). Съ юга къ нему велъ длинный корридоръ, который Эвансъ назвалъ «корридоромъ процессіи»; по стѣнамъ его—фрески, сохранившіяся лишь въ нижнихъ частяхъ и изображавшія, повидимому, какія-то процессіи: нарисованы человѣческія фигуры въ натуральную величину, юноши въ пестрыхъ передникахъ, съ чашами въ рукахъ, мужчины въ праздничномъ нарядѣ и женщины; тѣла женщинъ изображены бѣлыми, а тѣла мужчинъ—темно-коричневыми. А въ другомъ корридорѣ имѣется изображеніе юноши съ длинными локонами, одѣтаго лишь въ пестрый передникъ; на шеѣ—ожерелья, на рукахъ—запястья, на ногахъ—тоже украшенія; онъ держитъ передъ собою чашу голубого цвѣта. Найдено также изображеніе мальчика, собирающаго на лугу цвѣты въ сосудъ. По типу, одеждѣ и аттрибутамъ фигуры эти сходны съ тѣми, которыя изображаютъ на египетскихъ памятникахъ вельможъ страны Кефта. Еще интереснѣе своего рода миніатюры, открытыя въ другихъ частяхъ дворца,—небольшія фигуры, на бѣломъ фонѣ, изображающія элегантныхъ «дамъ», кокетливо разряженныхъ, съ вычурною прическою, съ длинными, ниспадающими черными волосами, очень декольтированныхъ, съ перетянутою таліею, въ украшен-

ныхъ воланами платьяхъ голубого и желтаго цвѣта, съ широкими вздутыми рукавами, которые соединялись, повидимому, на спинѣ. Контуры фигуръ довольно рѣзко обрисованы черными линіями, такъ-что получается впечатлѣніе рисунка какъ-бы перомъ. Дамы сидятъ и, повидимому, ведутъ разговоръ. Вокругъ нихъ, на второмъ планѣ, изображены мужчины.—Имѣется также рисунокъ головы дѣвушки, бѣлой и румяной, съ черными «какъ смоль» локонами. Встрѣчаются и пейзажи.

Фрески эти впервые дали ясное понятіе о живописи микенской эпохи. Распространенный въ памятникахъ той эпохи мотивъ — скачущій быкъ, его ловля и усмиреніе, — мотивъ, который мы видимъ на фрескѣ въ Тиринѳѣ и на золотомъ кубкѣ изъ Вафіо, встрѣчается и въ Кноссѣ: одна фреска изображаетъ, напр., разъяреннаго или скачущаго быка, котораго схватываютъ за рога; здѣсь же изображены мужчина, готовящійся сдѣлать прыжекъ на спину быка, и женщина. Вообще въ Кноссѣ нерѣдки изображенія быка, иногда въ естественную величину, то въ видѣ фрески, то въ видѣ рельефа; есть раскрашенная скульптура головы быка.

Особенно часто во дворцѣ въ Кноссѣ встрѣчаются изображенія двойного топора; на камняхъ и другихъ предметахъ имѣются изображенія демоновъ или существъ съ звѣриными головами (по мнѣнію нѣкоторыхъ,—минотавра) и друг.

Изъ помѣщеній во дворцѣ обращаетъ на себя вниманіе рядъ магазиновъ или кладовыхъ съ корридорами. Еще въ моментъ открытія ихъ Эвансомъ въ нихъ стояли рядами вдоль стѣнъ огромные, въ человѣческій ростъ, кувшины или пиѳосы, служившіе, очевидно, для зерна, масла и проч. Въ полу устроены были особыя помѣщенія для храненія, повидимому, самыхъ цѣнныхъ предметовъ; они состояли изъ тонкихъ каменныхъ плитъ, обложенныхъ, кромѣ того, свинцомъ и прикрывались каменными плитами въ уровень съ поломъ. Къ сожалѣнію, они оказались пустыми... У магазиновъ и въ разныхъ помѣщеніяхъ найдены тысячи продолговатыхъ глиняныхъ табличекъ съ письменными знаками, подвергшихся дѣйствію огня и благодаря этому сохранившихся, сложенныхъ массами въ нѣкоторомъ порядкѣ. Это—уцѣлѣвшіе архивы. Найдены и глиняные предметы съ отверстіями, вѣроятно — для снурка; предметы эти, надо полагать, привѣшивались къ табличкамъ и служили печатями. Письмена критскія пока не разобраны; языкъ ихъ неизвѣстенъ; но полагаютъ, что таблички содержатъ въ себѣ разнаго рода инвентари, счета, квитанціи и т. под.

Въ слѣдующіе годы Эвансъ продолжалъ свои разысканія, которыя уяснили планъ дворца: открыта была другая половина его съ царскими покоями и обширными залами; обнаружены ясные слѣды существованія второго этажа, а можетъ быть и третьяго; центральную часть дворца составлялъ внутренній дворъ, окруженный лабиринтомъ многочисленныхъ комнатъ и всякаго рода ходовъ — галлерей, корридоровъ, лѣстницъ. Дворецъ былъ какъ-бы цѣлымъ городомъ: тутъ и дворы, и жилыя комнаты, и залы, и помѣщенія для культа, для администраціи, для храненія запасовъ, кладовыя и казнохранилища, и жилища для рабочихъ; было даже, повидимому, помѣщеніе и для школы, гдѣ изучалось письмо. Опять найдено много табличекъ съ до-историческими письменами. Между прочимъ, найдены шашки изъ слоновой кости, горнаго хрусталя съ украшеніемъ изъ золота и серебра; алебастровая ваза и громадная, каменная, по выраженію Эванса— «царь микенскихъ вазъ»; фрагменты человѣческихъ фигуръ изъ цвѣтного гипса. Особенно поражаетъ своею реальностью фрагментъ руки въ натуральную величину, съ изображеніемъ мускуловъ и даже жилъ.

Эвансъ открылъ въ Кноссѣ и древнѣйшій въ мірѣ театръ. При изслѣдованіи сѣверной части вымощеннаго двора, прилегающаго ко дворцу съ запада, онъ обнаружилъ двойной рядъ ступеней, которыя, образуя прямой уголъ, спускались внизъ. Ступени, очень широкія, по мнѣнію Эванса, служили мѣстомъ для сидѣнія, а дворъ, находящійся внизу, — мѣстомъ представленія. Такимъ образомъ, по Эвансу, мы имѣемъ здѣсь прототипъ, зародышъ всѣхъ послѣдующихъ театровъ. По его разсчету, этотъ примитивный театръ могъ вмѣщать около 500 зрителей.

Въ окрестностяхъ дворца открытъ городской кварталъ, большой домъ или «царская вилла», симметрично построенная, и некрополь съ могилами двухъ типовъ — шахтообразными и куполообразными; найдены небольшіе глиняные или терракотовые саркофаги съ костями, оружіе и разные предметы. Среди находокъ близъ «царской виллы» обращаютъ на себя вниманіе фаянсовыя статуэтки — женскіе идолы, между ними — изображеніе богини съ головнымъ уборомъ въ видѣ тіары, обвитой змѣей, и съ тремя змѣями, обвивающими туловище.

Эвансъ полагаетъ, что имъ открытъ дворецъ Миноса. Во всякомъ случаѣ дворецъ этотъ существовалъ за 2000—1500 и болѣе лѣтъ до Р. Х., въ микенскую и даже до-микенскую эпоху. Въ существованіи его, очевидно, было нѣсколько періодовъ

и онъ подвергался перестройкамъ и былъ созданіемъ нѣсколькихъ поколѣній; древнѣйшая постройка восходитъ къ неолитической эпохѣ [1]). Въ Кноссѣ найдена, между прочимъ, крышка изъ египетскаго алебастра съ именемъ и титулами одного изъ царей гиксовъ (приблизительно за 1800—1700 лѣтъ до Р. Х.), что̀ указываетъ на очень древнія сношенія Крита съ Египтомъ. На это въ свою очередь указываютъ критскіе глиняные сосуды, найденные Флиндерсомъ Петри въ Египтѣ, въ гробахъ временъ XII династіи, т. е. болѣе чѣмъ за 2500 лѣтъ до Р. Х. О сношеніяхъ съ Востокомъ свидѣтельствуетъ и найденная на Критѣ вавилонская печать въ видѣ цилиндра. Съ памятниками микенской культуры Кносскій дворецъ представляетъ много общаго.

Открытія въ Фестѣ и его окрестностяхъ

Въ то время, какъ Эвансъ сосредоточилъ свое вниманіе на Кноссѣ, итальянская археологическая экспедиція, подъ руководствомъ Halbherr'a и при участіи Savignoni, De Sanctis, Pernier и друг., занялась изслѣдованіемъ южной части Крита, гдѣ находился нѣкогда гор. Фестъ [2]). Здѣсь открыты развалины дворца еще болѣе грандіознаго по своимъ размѣрамъ нежели дворецъ въ Кноссѣ. Вокругъ обширнаго внутренняго двора расположена одна половина дворца,—разнаго рода службы и помѣщенія для слугъ, кухни, ванныя, широкимъ корридоромъ отдѣленныя отъ кладовыхъ, которыя въ свою очередь отдѣлены отъ семейныхъ покоевъ, куда ведетъ прекрасно устроенный ходъ съ полуколоннами и нишами по сторонамъ: эти покои, колоннады и портики, открытыя террасы обращены на сѣверъ, съ прекраснымъ видомъ на горы. Другая половина дворца для пріемовъ, съ обширными комнатами, находится, какъ и въ Кноссѣ, на западной сторонѣ. Дворецъ въ Фестѣ въ особенности характеризуютъ многочисленные корридоры и лѣстницы, что̀ отчасти объясняется мѣстоположеніемъ (онъ находился на горѣ). Особенно замѣчательна широкая лѣстница, которая отъ западнаго двора ведетъ вверхъ. Ступени ея, какъ предполагаютъ, служили сидѣніемъ для зрителей, а внизу, во дворѣ, происходили зрѣлища. Такимъ образомъ и въ Фестѣ, подобно тому, какъ въ Кноссѣ, повидимому, существовалъ въ глубокой древности театръ. Вообще, дворецъ устроенъ былъ съ большимъ комфортомъ и удобствами;

---

[1]) Поверхъ ея Эвансъ различаетъ три слоя или эпохи, которыя онъ называетъ «ранне-миносской», «средне-миносской», «поздне-миносской», подраздѣляя каждую еще на три періода.

[2]) Duhn, Italienische Entdeckerarbeit auf Kreta (Deutsche Rundschau, 1903, Sept.);оффиц. отчеты—въ Rendiconti della R. Accad. dei Lincei, v.VIII сл.; Monum. antichi publicati per cura della R. Accad. dei Lincei, v. IX сл.

для воды проведены были трубы и т. д. Подобно тому, какъ и въ Кноссѣ, имѣются фрески. Одна изъ фресокъ представляетъ рядъ цвѣтущихъ растеній, связанныхъ между собою спиралями; на другой весьма натурально изображены вѣтви съ листьями и цвѣтами, олеандры и т. под.; на четырехъ рельефахъ представлены человѣческія фигуры со звѣриными или птичьими головами.

Дворецъ въ Фестѣ—микенской эпохи; но подъ нимъ обнаружены развалины болѣе древняго, до-микенскаго дворца и даже неолитической стоянки. Открыто, между прочимъ, помѣщеніе съ гипсовыми скамьями, шедшими вдоль стѣнъ, а по серединѣ—столъ изъ грубой глины, повидимому, для жертвенныхъ возліяній, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ и въ глубокой древности. Тутъ же расписныя вазы изъ терракоты и камня. Открытъ и рядъ кладовыхъ, въ которыхъ сохранились на своихъ мѣстахъ сосуды, около 30 большихъ кувшиновъ много небольшихъ амфоръ и расписныхъ чашекъ, фрагменты каменныхъ предметовъ и костей животныхъ, а на глубинѣ 2½ метровъ найдена каменная утварь и различные керамическіе предметы.

Близъ Феста затѣмъ открыто 12 гробницъ, принадлежавшихъ, повидимому, особамъ царскаго рода. Неподалеку находятся и другія могилы, менѣе богатыя и нѣсколько болѣе поздняго времени.

На цѣпи холмовъ неподалеку отъ Феста, тамъ, гдѣ теперь стоитъ небольшая византійская церковь Св. Троицы (Hagia Triada), итальянцы открыли зданіе, которое они назвали лѣтнимъ дворцомъ царей Феста. Въ немъ, между прочимъ, большая зала съ колоннами и примыкающая къ ней комната, у входа въ которую стояли еще на своихъ мѣстахъ въ моментъ открытія два высокихъ каменныхъ канделябра. Передъ дворцомъ, въ сѣверо-западномъ углу,—открытая колоннада, съ которой открывался великолѣпный видъ на равнину, на высокія цѣпи горъ до самой Иды и на море. Въ одной комнатѣ оказались фрески тонкаго рисунка, весьма реально и въ живыхъ краскахъ изображающія природу. Предъ нами пейзажъ, животныя и птицы: то пестрый фазанъ сидитъ на вѣткѣ, а изъ-за куста выглядываетъ дикая кошка, стерегущая его жадными глазами; то темноватый быкъ пробирается чрезъ кустарникъ, между деревьями, и своими рогами раздвигаетъ вѣтви; то заяцъ бѣжитъ по полю, усѣянному цвѣтами, и проч. Одна фреска изображаетъ женщину, нарядно одѣтую въ платье небесно-голубого цвѣта, съ красной каймой, съ пестрыми воланами; она сидитъ, повидимому, на тронѣ, а вокругъ—яркая зелень..... Здѣсь же найдены многочисленные

глиняные идолы, таблицы съ письменами, глиняныя печати съ гербами, наподобіе іероглифовъ, куски мѣди (быть можетъ, «таланты»), бронзовая и глиняная утварь, каменныя вазы, изъ коихъ—три изъ стеатита, чудной, художественной работы, съ рельефными изображеніями.

Одно изъ нихъ обратило на себя особое вниманіе. Изображается какая-то процессія: мужчины шествуютъ или маршируютъ попарно; всѣ они обнажены по поясъ, безъ бороды и усовъ, на головѣ волосы стянуты какъ-бы тюрбаномъ, правая рука на груди, сложена въ кулакъ; на лѣвомъ плечѣ у каждаго какое-то вилообразное орудіе съ 3 зубьями. Впереди—фигура крупнѣе всѣхъ остальныхъ, съ обнаженною головою, съ длинными ниспадающими сзади волосами, съ изогнутою тростью на правомъ плечѣ, въ туникѣ или панцырѣ, который не прилегаетъ къ тѣлу, а отстаетъ внизу. Почти въ срединѣ процессіи идетъ человѣкъ съ широко открытымъ ртомъ,—очевидно, онъ громко, «во все горло», поетъ; въ рукахъ у него музыкальный инструментъ, похожій на египетскій «систръ»; а за нимъ три женщины, съ откинутыми назадъ головами, тоже громко поющія. По мнѣнію однихъ, это военное шествіе съ музыкой; болѣе основательно другое мнѣніе, по которому тутъ предъ нами религіозная процессія въ праздникъ жатвы подъ предводительствомъ жреца или жрицы. Но что бы ни изображалъ рельефъ, по выразительности и естественности—это замѣчательное художественное произведеніе, которое можно сравнить съ произведеніями флорентійскихъ мастеровъ временъ Возрожденія.

Въ Hagia Triada найденъ также замѣчательный древній (за 2000 съ лишкомъ лѣтъ по Р. Х.) саркофагъ, каменный, покрытый штукатуркой, на которой фрески: по узкимъ сторонамъ изображена богиня на колесницѣ, которую везутъ грифы, а по широкимъ сторонамъ—картины жертвоприношеній.

Открытія въ окрестностяхъ Феста тоже говорятъ о нѣкогда существовавшихъ тѣсныхъ сношеніяхъ Крита съ Египтомъ: въ одной богатой могилѣ найдена египетская печать съ именемъ царицы Ті, жены фараона Аменофиса III (XV в. до Р. Х.); вспомнимъ также о «систрѣ», египетскомъ музыкальномъ инструментѣ, изображеніе котораго мы встрѣтили на описанной выше вазѣ [1]).

По слѣдамъ Эванса и итальянцевъ ревностно работаютъ надъ открытіемъ древностей на Критѣ и другіе археологи: Британская школа ведетъ раскопки въ восточной части острова, въ

[1]) Предметы, найденные Эвансомъ и другими, помѣщаются теперь въ музеѣ въ Кандіи.

Пресѣ; ея раскопки въ Палеокастро привели къ открытію города съ микенскими предметами. Hogarth въ пещерѣ Zakro открылъ тоже остатки микенской культуры; двѣ молодыя американки производили раскопки въ Гурніи, какъ представительницы Американской школы. Такимъ образомъ, къ англичанамъ присоединились здѣсь и американцы.

Всѣ эти открытія, въ особенности Эванса, подтверждаютъ свидѣтельство древности о томъ преобладаніи, которымъ нѣкогда пользовался Критъ; они говорятъ о высокой техникѣ и высокой внѣшней культурѣ тогдашняго общества; они даютъ новый богатый матеріалъ для рѣшенія вопроса о микенской культурѣ, ея происхожденіи, характерѣ, ея носителяхъ, ея отношеніи къ культурѣ восточной и послѣдующей, часто эллинской. Они, наконецъ, помогутъ объяснить происхожденіе греческихъ сказаній о Миносѣ, лабиринтѣ [1]), Минотаврѣ и проч., связанныхъ съ Критомъ.

Раскопки въ Орхоменѣ и проч.

Съ критскими древностями, какъ теперь оказывается, имѣютъ связь и древности минійскаго Орхомена [2]) въ Беотіи. Въ преданіи грековъ обитателями окрестностей Копаидскаго озера были миніи, съ которыми связаны сказанія о золотомъ рунѣ и походѣ аргонавтовъ. Столицею ихъ считался Орхоменъ. Издавна извѣстна была здѣсь «Сокровищница царя Минія», на самомъ дѣлѣ бывшая куполообразною могилой, наподобіе тѣхъ, которыя встрѣчаются въ Микенахъ. Еще Шлиманъ производилъ тутъ раскопки. Въ 1893 г. въ восточной части Копаидскаго озера (которое англо-французская компанія осушила), на скалистомъ островѣ Gha или Gúlas, открыты развалины огромнаго древняго акрополя и дворца микенской эпохи, окруженнаго циклопическою стѣною, по размѣрамъ превосходящаго микенскій и тиринѳскій. Недавно Furtwängler (сконч. въ 1907 г.), въ сотрудничествѣ съ Bulle и Riezler'омъ, по порученію Баварской Академіи Наукъ и на пожертвованіе одного частнаго лица произвелъ раскопки въ Орхоменѣ, давшія важные реэультаты [3]). Въ верхнемъ слоѣ найдены остатки дворца микенской эпохи и образцы живописи, напоминающіе фрески Кносса и Тиринѳа, многочисленныя вазы, при чемъ на одной оказалась надпись большими буквами, наподобіе критскихъ письменъ,—первая найденная на почвѣ собственно Эллады. Подъ слоемъ микенской культуры открыты слѣды культуры болѣе древней и менѣе развитой, конца неолитической эпохи, и представляющей сходство съ

---

[1]) Нѣкоторые сопоставляютъ столь часто встрѣчающееся въ Кноссѣ изображеніе двойного топора съ названіемъ λάβρυς (греч., что̀ значитъ «топоръ»).

[2]) На островѣ Мелосѣ, въ Phylacopi, Британскою школою, подъ руководствомъ Hogarth'a, открыты также поселенія неолитической эпохи и слѣды культуры критской (миносской) и микенской (Excavat. at Phylacopi in Melos... Lond. 1904).

[3]) Bulle, Orchomenos. I. Münch. 1907.

находками въ южной Θессаліи[1]). Въ минійскомъ Орхоменѣ оказался рядъ поселеній, одно надъ другимъ; древнѣйшія восходятъ къ III тысячелѣтію до Р. Х. Различные изслѣдователи высказывали предположеніе о существованіи древняго типа кругловидныхъ построекъ. Это предположеніе оправдалось: въ древнѣйшихъ, до-микенскихъ, т. е. въ минійскихъ слояхъ найдены круглыя и овальныя строенія[2]), которыя послужили образцомъ для послѣдующихъ куполообразныхъ могилъ. Въ Орхоменѣ въ древне-микенскомъ слоѣ найдено погребеніе внутри домовъ покойниковъ, оказывается, хоронили въ сгорбленномъ положеніи.

Hiller von Gärtringen изслѣдовалъ о-въ Θеру[3]) съ его остатками древней культуры. Раскопки велись въ Аттикѣ; въ Коринѳѣ, гдѣ, между прочимъ, американцами открыты античныя водопроводныя сооруженія; въ Аргосѣ и около Аргоса на мѣстѣ храма Геры[4]). Извѣстный археологъ Furtwängler производилъ раскопки на о-вѣ Эгинѣ и пролилъ новый свѣтъ на то святилище, фронтонамъ котораго принадлежали знаменитые «эгинскіе мраморы»[5]). Находки дѣлаются и на днѣ морскомъ: занимающіеся ловлею губокъ нашли въ 1900 г. у острова Черигото (древн. Антикиѳера) на большой глубинѣ цѣлый грузъ бронзовыхъ и мраморныхъ статуй, разной утвари и другихъ предметовъ; это были античные памятники, очевидно, потонувшіе нѣкогда во время перевозки. Греческое правительство не жалѣло средствъ, чтобы извлечь драгоцѣнный грузъ со дна моря; при содѣйствіи Археологическаго Общества, это удалось благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ водолазовъ, изъ которыхъ многіе заболѣли, а одинъ даже умеръ, и теперь большая часть предметовъ извлечена, очищена и выставлена въ Національномъ музеѣ въ Аѳинахъ.

Но я не буду перечислять всѣхъ многочисленныхъ археологическихъ открытій конца XIX и начала XX в.[6]) и коснусь еще только нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся.

На Делосѣ Французская школа ведетъ свои раскопки въ послѣдніе годы[7]) на средства герцога де Луба́, который ассигновалъ на это большую сумму. Еще передъ тѣмъ изслѣдованы были

---

[1]) Греческіе археологи Стаисъ и Цунда открыли тамъ въ Димини и Сескло неолитическое поселеніе. О «доисторическихъ акрополяхъ» этихъ—книга Tsountas (на новогреч. 1908).

[2]) Въ послѣднее время и въ Олимпіи открыты остатки очень древняго поселенія съ круглыми и овальными постройками.

[3]) Thera. Untersuch., Vermessungen und Ausgrab. i. d J 1895—8... Berl. 1899 сл.

[4]) Waldstein, The Argive Heraeum. Boston-N.-York, 1902—5. 2 т.

[5]) Furtwängler, Aegina. Das Heiligtum der Aphaia. Münch. 1906 2 т.; ст. С. А. Жебелева въ Ж. М. Н. Пр., 1902, май сл.

[6]) С. А. Жебелевъ, Археол. хроника, въ «Филол. Обозр.» (до 1902 г.).

[7]) Отчеты въ Bull. de corr. hell. и Acad. des inscript. et Belles-Lettres. Comptes-rendus.

гавань, доки и частные дома, прекрасно сохранившіеся, богато украшенные, по свѣжести красокъ, роскоши и сохранности мозаикъ не уступающіе помпеянскимъ домамъ. Теперь мѣстность у подножія горы Кинта разрыта почти совершенно, и взору открывается древній городъ съ узкими, но хорошо вымощенными улицами, съ каменными домами, магазинами и лавками, съ прекраснымъ театромъ.

Въ Эфесѣ, гдѣ въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка открытъ былъ Wood'омъ знаменитый храмъ Артемиды, систематическія раскопки начались лишь съ середины 90-хъ годовъ[1]) Во главѣ этого дѣла стоитъ Австрійскій Археологическій Институтъ, главная же заслуга принадлежитъ Benndorf'у (сконч. въ 1906 г) и Heberdey. Особенно интересны здѣсь театръ, обширной, подковообразной формы, изъ дорогого матеріала (столбы—изъ полированнаго гранита и мрамора); агора, которую окружали крытыя колоннады; въ одной изъ нихъ, какъ оказывается изъ надписей, помѣщался городской архивъ, содержавшій акты рожденій и браковъ, юридическіе документы, протоколы и т. под.; библіотека (римской эпохи), украшенная статуями, изображающими науку, мудрость, добродѣтель, съ лѣстницею, барельефы которой представляютъ военныя сцены изъ сраженій римлянъ съ парѳянами.

Съ распространеніемъ политическаго и экономическаго вліянія Германіи въ М. Азіи идутъ рука объ руку и ученыя разысканія. Нѣмцы ведутъ ихъ въ Милетѣ, Пріэнѣ, Магнесіи на Меандрѣ, не говоря уже о Пергамѣ. На мѣстѣ древняго Милета, этой торговой метрополіи и какъ-бы столицы малоазіатскихъ грековъ, новѣйшія раскопки Wiegand'a и его сотрудниковъ, ведущіяся отъ имени Берлинскихъ Королевскихъ Музеевъ, дали богатые результаты [2]): изслѣдована стѣна, шедшая вокругъ города; открыты два рынка, изъ которыхъ бо́льшій, южный, окруженъ двухъ-этажною дорическою колоннадой и магазинами; роскошный «Нимфейонъ», съ бассейномъ и трубами для воды; гимназія, термы, булевтеріонъ—зданіе совѣта или думы съ пропилеями, переднимъ дворомъ, алтаремъ и главнымъ помѣщеніемъ, представляющимъ залу съ сидѣніями, наподобіе театральной, сохранившееся настолько, что его удалось возстановить, и такимъ образомъ впервые получилась ясная картина греческаго булевтеріона. Но въ особенности замѣчателенъ театръ, развалины котораго возвышаются на 30 м., имѣющій въ поперечникѣ 140 м., а въ окружности до 500, и вмѣщавшій до 25—30000 зрителей; театръ этотъ римской эпохи, но построенъ онъ на мѣстѣ болѣе древняго, греческаго, и съ его ступеней открывался величественный видъ на гавань, на море съ близъ лежащимъ островомъ Ладе; вершины Самоса и мысъ Микале окаймляли картину справа, а известковыя горы Каріи—слѣва... Въ Пріэнѣ открытъ цѣлый

[1]) Forschungen in Ephesos veröffentl. v. Oester. Arch. Instit. Wien. 1905 сл.

[2]) Milet. Ergebnisse d. Ausgrab. und Untersuch. seit d. J. 1899, hrsg. von. Wiegand. Berl. 1906 сл. Предварит. отчеты—въ Sitz.-ber. d. Berl. Akad.

городъ, съ ясными очертаніями улицъ и площадей, съ остатками окружной стѣны, храма, портиковъ, театра, частныхъ домовъ [1]). Нигдѣ картина греческаго города—эллинистической и римской эпохи—не представляется такъ ясно, какъ здѣсь: въ этомъ отношеніи Пріэну съ полнымъ основаніемъ называютъ «Малоазіатскою Помпеею». Разысканія Оссулье и Понтремоли, а затѣмъ Виганда на мѣстѣ святилища Аполлона Дидимейскаго (Бранхидскаго) раскрыли фасадъ и планъ этого колоссальнаго храма [2]).

Крупное открытіе сдѣлано на о-вѣ Косѣ [3]), гдѣ въ древности процвѣтала медицинская школа знаменитаго Гиппократа и господствовалъ культъ Асклепія. Здѣсь нѣмецкій ученый Herzog въ 1902 г. произвелъ раскопки въ получасовомъ разстояніи отъ города, у монастыря, гдѣ виднѣлись остатки древняго большого храма. Это и былъ храмъ Асклепія (Асклепіейонъ), котораго давно искали. Онъ построенъ (въ началѣ II в. до Р. Х.) весь изъ бѣлаго мрамора, окруженъ портиками и стоялъ на обширной террасѣ, къ которой вела большая мраморная лѣстница въ 60 ступеней. Ниже его—еще два храма и алтарь; одинъ изъ этихъ храмовъ—болѣе древній Асклепіейонъ. На нижней террасѣ открытъ прекрасый бассейнъ. Близъ него—большая площадь, служившая рынкомъ и въ то-же время мѣстомъ прогулки для паціентовъ. Благодаря открытію, теперь мы имѣемъ ясное представленіе объ Асклепіейонѣ.—Интересны также многочисленныя надписи, открытыя Герцогомъ, въ числѣ ихъ – благодарность критскаго правительства за присылку военнаго врача и вообще надписи въ честь врачей и третейскихъ судей, приглашавшихся изъ Коса въ другіе города,— очевидно Косъ славился въ древности какъ тѣми, такъ и другими—и проч.

На Родосѣ одно время производилъ изслѣдованія нашъ соотечественникъ С. А. Селивановъ [4]), а съ осени 1902 г. раскопки велись въ городѣ Линдосѣ «фондомъ Карлсберга» подъ руководствомъ датскихъ ученыхъ Blinkenberg'a и Kinch'a [5]): совершенно отрыты пропилеи и храмъ; найдено много надписей, большею частью касающихся исторіи искусства (онѣ содержатъ извѣстія о художникахъ), а одинъ камень даетъ полный списокъ всѣхъ должностныхъ лицъ и жрецовъ города.—На Кипрѣ изслѣдованія производилъ Ohnefalsch-Richter; потомъ сдѣсь пред-

---

[1]) Kön. Museen zu Berlin. Priene. Ergebn. d. Ausgrab. und Untersuch. i d. Jahren 1895—8, von Wiegand und Schrader Berl. 1904; Inschr. v. Priene... hrsg. von Hiller v. Gärtringen. Berl. 1906

[2]) Pontremoli et Haussoullier, Didymes. Fouilles de 1895 et 1896. P. 1903; ср. Haussoullier, Études sur l'histoire de Milet et du Didymeion. 1902 (Bibl. de l'Ecole des Hautes. Ét.).

[3]) Сообщенія Herzog'a, въ Mitth. XXIII. 1898; Archäol. Anzeiger, 1901, 1903, 1905; его-же, Koische Forschungen und Funde. Leipz. 1899.

[4]) Оч. древн. топогр. о-ва Родоса. Казань. 1892.

[5]) Explor. archéol. de Rhodes (изъ Bulletin de l'Acad.... de Danemark, начиная съ 1903 г.).

приняты были раскопки Британскимъ музеемъ, которыя велись подъ руководствомъ Murray [1]).

Раскопки на югѣ Россіи. Херсонесъ.

Продолжались раскопки и въ южной Россіи[2]).

Въ Херсонесѣ[3]) это дѣло продолжалъ вести, еще съ большимъ успѣхомъ, К. К. Косцюшко-Валюжиничъ (ум. въ 1907 г.), по словамъ котораго Херсонесъ можетъ быть названъ не только «русскою Помпеею, но и русскою Троею». Имъ изслѣдованы, между прочимъ, городскія стѣны громадной толщины съ башнями и воротами, греческой и римской эпохи; нижняя часть ихъ впослѣдствіи (въ I в. по Р. Х.) была искусственно засыпана землею и внутри этой засыпи были сложены склепы и проложены гончарныя трубы водопровода; изслѣдованъ также некрополь, въ нѣкоторыхъ могилахъ котораго нашлось немало урнъ и украшеній—золотыхъ бляшекъ, перстней, ожерелій, ушныхъ подвѣсокъ, лампочекъ, флаконовъ и т. под. Не говорю ужъ объ открытіи памятниковъ позднѣйшихъ эпохъ, напр., византійскаго храма. Изъ эпиграфическихъ находокъ послѣднихъ лѣтъ можно отмѣтить, напр., почетный декретъ римской эпохи въ честь нѣкоего гераклейскаго гражданина (Херсонесъ былъ колоніей Гераклеи Понтійской),—декретъ, сообщающій интересныя данныя относительно государственнаго устройства Херсонеса[4]).

Ольвія.

Съ 1902 г. начались, наконецъ, систематическія раскопки на мѣстѣ древней Ольвіи[5]). Ольвія—нѣкогда богатый городъ, основанный колонистами изъ Милета въ VII в. до Р. Х. у устьевъ Буга. Она насчитывала 1000 лѣтъ въ своемъ существованіи; разоренная гетами въ серединѣ I в. до Р. Х., она впослѣдствіи нѣсколько возрождается подъ римскимъ владычествомъ, пока не погибла окончательно (развалины ея находятся у нынѣшняго села Парутина). Еще въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка И. Е. Забѣлинъ пытался найти стѣны Ольвіи, которая, «заброшенная на край цивилизованнаго міра, окруженная варварами», должна была имѣть сильныя укрѣпленія,—но безуспѣшно. Теперь раскопки на мѣстѣ Ольвіи ежегодно ведетъ Б. В. Фармаковскій. Ему

---

[1]) Murray, Smith and Walters, Excavations in Cyprus. London. 1900.

[2]) См. «Отчеты» и «Извѣстія Императ. Археолог. Коммиссіи». Э. Р. ф. Штернъ, О знач. керамич. находокъ на югѣ Россіи... Од. 1899 (изъ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., XX), и его-же ст. въ Klio, IX, 2, 1909.

[3]) Литературу о Херсонесѣ см. на стр. 177, прим. 4.

[4]) В. В. Латышевъ, Ж. М. Н. Пр., 1907, мартъ, и Pontica, стр. 314 сл.

[5]) «Извѣстія» и «Отчеты Имп. Арх. Ком.»; ст. Б. В. Фармаковскаго въ «Гермесѣ», 1907, № 1—3, и его докладъ (на франц. яз.) на Арх. конгрессѣ въ Каирѣ («Изв. Имп. Арх. Ком.», вып. 33, 1909). Исторія Ольвіи написана В. В. Латышевымъ (1887).

удалось сперва найти остатки стѣнъ съ грандіозными башнями римской эпохи, составлявшихъ какъ-бы цитадель и занимавшихъ сравнительно небольшое пространство; мощеную улицу; слѣды большого зданія, быть можетъ храма Аполлона; многочисленныя могилы, а подъ большимъ курганомъ на берегу Буга—обширный погребальный склепъ (II—III в. по Р. Х.), состоящій изъ 2 комнатъ со сводомъ въ видѣ арки, хорошо сохранившійся, но разграбленный; интересную площадку (повидимому, дворъ), вымощенную разноцвѣтными камешками, образующими красивый ковровый узоръ съ фигурами животныхъ, напр., крылатаго льва, и остатки дома эллинистической эпохи, представляющаго аналогію греческому дому въ описаніи Витрувія и составляющаго какъ-бы средину между домами въ Пріэнѣ и на о-вѣ Делосѣ. Главная задача разрѣшена только въ 1907 г.: открыты большая выемка или ровъ, за нимъ слѣды древнѣйшихъ стѣнъ на широкихъ фундаментахъ, устроенныхъ—съ цѣлью укрѣпленія почвы—изъ слоевъ золы, перемѣшанной съ углемъ, и трамбованной глины, очень прочныхъ, и остатки двухъ башенъ у воротъ. Въ земляномъ полу одной изъ нихъ—склепъ изъ штучнаго прекраснаго камня. Въ древнѣйшую пору городъ занималъ обширную территорію, гораздо большую нежели въ римскую эпоху. Изъ находокъ обращаютъ на себя вниманіе художественые фрагменты, украшенія, напр., прекрасныя ушныя подвѣски и ожерелье іонійской работы, терракотовыя вазы съ рельефными изображеніями (одна изъ нихъ—эффектная амфора, представляющая unicum среди археологическихъ находокъ юга Россіи). Вообще сказывается сначала вліяніе Милета, потомъ Аѳинъ, наконецъ Александріи. Изъ ольвійскихъ надписей, найденныхъ за послѣднее время, въ историческомъ отношеніи важенъ декретъ въ честь одного «корабельщика», устанавливающій фактъ сношеній гражданъ Ольвіи съ Митридатомъ, которому она, повидимому, была подчинена и отъ котораго имѣла гарнизонъ[1]).

Пантикапея.

Въ Керчи (древней Пантикапеѣ) раскопки производилъ главнымъ образомъ В. В. Шкорпилъ, завѣдывающій Керченскимъ музеемъ древностей; имъ раскопанъ цѣлый рядъ гробницъ[2]). Вообще Керчь и ея окрестности по богатству памятниками декоративной живописи гробницъ занимаютъ едва-ли не первое

---

[1]) В. В. Латышевъ, «Изв. Арх. Ком.», вып. 18 (1906), стр. 96 сл.; М. И. Ростовцевъ, тамъ-же, вып. 23, 1907.

[2]) Его отчеты и статьи—въ «Изв. Имп. Арх. Ком.».

мѣсто среди другихъ центровъ греческой культуры. Памятники эти идутъ отъ IV в. до Р. Х. по IV в. послѣ Р. Х., почти непрерывно[1]).

Танаисъ. Наиболѣе далекимъ пунктомъ греческой колонизаціи въ предѣлахъ нынѣшней Россіи былъ Танаисъ, обширное торжище эллиновъ съ варварами, основанное боспорскими греками за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. въ низовьяхъ Дона (Танаиса). Но до послѣдняго времени мѣстоположеніе его не было въ точности опредѣлено: одни указывали на ст. Елисаветовскую, другіе—на Недвиговку. Раскопки 1908—9 г.г., ведшіяся у станицы Елисаветовской А. А. Миллеромъ и у Недвиговки Н. И. Веселовскимъ[2]), привели къ открытію могилъ и различныхъ находокъ и къ тому общему выводу, что Танаисъ древнѣйшій, разрушенный боспорскимъ царемъ Полемономъ въ концѣ I в. до Р. Х., находился тамъ, гдѣ теперь ст. Елисаветовская, а впослѣдствіи (во II в. по Р. Х.) возникъ новый или младшій Танаисъ у нын. Недвиговки; первый былъ обширнѣе, второй меньше.

«Трипольская культура» (Хвойко). Раскопки Э. Р. ф. Штерна. Извѣстно, что въ недавнее время В. В. Хвойко открылъ въ Кіевской губ. остатки своеобразной неолитической культуры, которую онъ назвалъ по мѣсту нахожденія ея «трипольскою» (отъ мѣстечка Триполье), но которую часто называютъ по его имени «культурою Хвойко». Въ ней можно было усмотрѣть нѣкоторыя черты сходства съ культурой троянской и микенской. Аналогичная культура обнаружена въ Россіи на большомъ пространствѣ—отъ Черниговской губ. къ Галиціи. Проф. Э. Р. ф. Штернъ открылъ ея слѣды, ведущіе къ Балканамъ[3]). Въ 1902—3 г. онъ произвелъ раскопки въ дер. Петрены (Бессараб. губ.), при чемъ имъ открыты «площадки» съ утрамбованной глиняной почвой и разные предметы чисто неолитической эпохи, въ томъ числѣ расписная керамика, интересная по сходству ея съ микенскою.

Но Э. Р. ф. Штернъ полагаетъ, что она возникла не подъ вліяніемъ микенской, не есть отраженіе послѣдней, а наоборотъ—является первоначальною ступенью, прототипомъ микенской

---

[1]) Живопись эту изслѣдовалъ М. И. Ростовцевъ (Ж. М. Н. Пр. 1906, май).

[2]) См. «Изв. Имп. Арх. Ком.», ст. А. А. Миллера въ «Гермесѣ», 1909, № 3, и Н. И. Веселовскаго тамъ-же, № 6.—Въ 50-хъ годахъ XIX ст. здѣсь производилъ изслѣдованія П. М. Леонтьевъ; его ст.—въ «Пропилеяхъ», т. IV, 1854.

[3]) «Доисторическая греч. культура на югѣ Россіи». М. 1906 (изъ I т. «Трудовъ XIII Арх. Съѣзда»).

вазовой живописи. Онъ предполагаетъ, что культурное движеніе идетъ въ данномъ случаѣ съ сѣвера на югъ; мы можемъ прослѣдить его путь съ Черниговской, Кіевской и Бессарабской губ. по Балканскому полуострову до Ѳессаліи (гдѣ открыта неолитическая стоянка съ подобною же расписною керамикою глубоко подъ слоемъ памятниковъ культуры микенской), по островамъ черезъ Трою до Крита (вазы типа Kamares). Племена, жившія первоначально въ этотъ неолитическій періодъ на югѣ Россіи, двигаются дальше на югъ и заселяютъ такъ назыв. греческій міръ, гдѣ и выработалась вскорѣ высокая эллинская культура.

Кромѣ того, Э. Р. ф. Штерномъ производились раскопки на о-вѣ Березани (близъ Очакова), гдѣ открыто греческое поселеніе VI и начала V в. съ характерными признаками іонійской колоніи; добыты предметы древне-милетской керамики и изслѣдованъ некрополь, дающій матеріалъ для выводовъ относительно способа погребенія (трупосожженіе подъ аттическимъ вліяніемъ уступаетъ мѣсто трупоположенію).

Надъ изученіемъ античныхъ древностей южной Россіи работали также А. Л. Бертье-Делагардъ, Ю. А. Кулаковскій, М. И. Ростовцевъ и друг.

Новѣйшіе труды по исторіи Греціи.

Вліяніе открытій на обработку греч исторіи.

Со времени открытій начала 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, въ особенности «Аѳинской Политіи», разработка греческой исторіи, въ частности аѳинской, вступила въ новый фазисъ; для нея началась новая эра. Исторію Греціи, преимущественно Аѳинъ, пришлось во многомъ передѣлывать, и 1891 г. составляетъ въ дѣлѣ ея разработки рѣзкую грань: всѣ труды, вышедшіе въ свѣтъ до этого года, сразу оказались устарѣлыми, по крайней мѣрѣ что́ касается отдѣла объ Аѳинахъ.

Какія понадобились переработки прежнихъ трудовъ для того, чтобы поставить ихъ въ уровень съ современнымъ научнымъ движеніемъ и быстро слѣдовавшими одно за другимъ открытіями, лучше всего показываетъ сравненіе перваго изданія «Греческихъ древностей» и особенно «Греческой исторіи» Бузольта со вторымъ. Во 2-мъ изданіи его «Griechische Geschichte» (1893—7) на изложеніе исторіи Греціи до Пелопоннесской войны вмѣсто прежнихъ 2 книгъ понадобилось 3; исторія «Пятидесятилѣтія», блестящаго промежутка между отраженіемъ персовъ и началомъ Пелопоннесской войны, занимавшая раньше лишь половину II тома, теперь составила цѣлую обширную книгу почти въ 600 стр., какъ I часть III тома. Такимъ образомъ «Griechiche Geschichte» Бузольта, это незамѣнимое пособіе и настольная книга для

всѣхъ занимающихся греческою исторіею, въ новомъ изданіи является по своему содержанію и громадному матеріалу еще болѣе богатою, чѣмъ въ первомъ. Въ 1904 г. Бузольтъ выпустилъ и 2-ю половину III т., огромную книгу, болѣе 1000 стр., посвященную исторіи Пелопоннесской войны.

Новѣйшее направленіе въ историч. наукѣ.

На ряду съ открытіями на новѣйшую обработку греческой исторіи должно было сильно повліять еще и другое обстоятельство. Извѣстно, что воззрѣнія на исторію, ея предметъ, задачи и основные факторы историческаго процесса мѣняются, и мнѣ уже въ началѣ настоящаго очерка приходилось указывать на ту тѣсную связь, которая существуетъ между состояніемъ общества, его строемъ и настроеніемъ, идеалами и умственными теченіями съ одной стороны и взглядами историковъ—съ другой[1]).

Было время, когда въ исторіи искали главнымъ образомъ «дѣяній»; интересовались по преимуществу «великими людьми»; въ нихъ видѣли главные, основные факторы историческаго процесса. Въ нашъ демократическій вѣкъ и историческая наука обнаруживаетъ тенденцію къ нѣкоторой, такъ сказать, нивеллировкѣ; она умаляетъ значеніе отдѣльной личности, роль «великихъ людей», и на первый планъ выдвигаетъ массу, общество. Идея эволюціи, имѣющая столь важное значеніе въ естественныхъ наукахъ, переносится и въ область наукъ общественныхъ и историческихъ. Статистическій методъ, съ такимъ успѣхомъ примѣняемый при изученіи явленій соціальной жизни, начинаетъ примѣняться и историками къ явленіямъ болѣе или менѣе далекаго прошлаго. Если прежде ограничивались исторіей внѣшней, военной и дипломатической, если затѣмъ интересъ сосредоточивался преимущественно на исторіи государства, государственныхъ учрежденій, политическихъ партій и ихъ борьбы и отчасти на исторіи культуры; то въ наше время, въ вѣкъ капитализма и рабочаго пролетаріата, могущества денегъ, развитія торговли и промышленности, когда вопросы и отношенія соціально-экономическія стоятъ на первомъ планѣ, интересуютъ и волнуютъ каждаго мыслящаго человѣка, и историческая наука при изученіи прошлаго обращаетъ особенное вниманіе на нихъ, на состояніе общества и общественныхъ классовъ, на борьбу этихъ классовъ, на отношеніе къ ней государства.

Соціально-экономическое направленіе можно считать теперь господствующимъ въ исторической наукѣ. Оно впадаетъ

---

[1]) Ср. Д. М. Петрушевскій, Тенденціи современ. исторической науки («Образованіе», 1899, № 5—6); мою ст. въ «Русск. Мысли», 1900, февр.

иногда даже въ такую крайность и односторонность, какъ такъ назыв. «экономическій» или «историческій матеріализмъ». Онъ явился протестомъ противъ идеалистическаго пониманія исторіи; онъ попытался свести весь сложный историческій процессъ къ одному началу—къ экономическому фактору. Фундаментомъ исторіи онъ призналъ производственныя отношенія: по словамъ Маркса, способъ производства матеріальныхъ средствъ жизни обусловливаетъ соціальный, политическій и духовный жизненный процессъ вообще; не сознаніемъ людей опредѣляется бытъ, а, наоборотъ, ихъ общественнымъ бытомъ опредѣляется сознаніе. Говоря словами его послѣдователей, направляющимъ и опредѣляющимъ моментомъ въ послѣдней инстанціи является производство; экономическое состояніе—базисъ; все остальное—надстройка, среди условій, при которыхъ совершается исторія, экономическія въ концѣ концовъ являются рѣшающими и ими обусловливается историческій процессъ; политическое, юридическое, философское, религіозное, художественное и всякое иное развитіе покоится на экономическомъ и т. д. Но это есть грубое искаженіе исторіи, и въ настоящее время сами послѣдователи историческаго матеріализма уже дѣлаютъ оговорки и уступки. Они признаютъ значеніе политическихъ и иныхъ условій; они допускаютъ, что эти условія развиваются по свойственнымъ имъ законамъ; они отстаиваютъ лишь положеніе, что въ историческомъ процессѣ экономическіе факторы наиболѣе важные, что ихъ вліяніе на прочія отношенія сильнѣе, чѣмъ вліяніе послѣднихъ на экономію.

Не буду, наконецъ, говорить о томъ критицизмѣ, который свойственъ новѣйшей наукѣ.

Отраженіе его въ области изученія греч. исторіи

Естественно, что общее движеніе исторической науки, перемѣны во вглядахъ на нее, на ея предметъ и задачи, на факторы историческаго процесса, въ связи съ перемѣной общественнаго настроенія, идеаловъ и интересовъ,—все это не могло не отразиться и на обработкѣ греческой исторіи. По вѣрному замѣчанію Р. Ю. Виппера, напр., «типичный нѣмецкій историкъ эпохи, предшествующей войнамъ 1866—70 годовъ, считалъ кульминаціоннымъ пунктомъ греческой исторіи Греко-Персидскія войны; онъ сравнивалъ ихъ съ освободительнымъ движеніемъ своей родины противъ Наполеона въ 1808—14 гг.; въ демократіи середины V в. до Р. Х. онъ видѣлъ главный плодъ греческой національной борьбы, потому что онъ признавалъ первою цѣлью своего времени достиженіе равенства политическихъ правъ, потому что онъ или самъ бился въ 1848 г. за политическую вольность,

или сочувствовалъ борьбѣ за принципы народнаго верховенства»[1]). Въ эпоху реакціи первой половины XIX стол., подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о французской революціи, историки часто склонны были выступать съ нападками противъ демократіи. Побѣда либерализма привела къ противоположному воззрѣнію. Въ греческой демократіи стали видѣть образецъ и осуществленіе идеаловъ, которыми увлекались. Это настроеніе нашло себѣ, какъ извѣстно, выраженіе въ трудѣ Грота[2]). Въ настоящее время историки подходятъ къ греческой древности съ иной точки зрѣнія, съ иными запросами и интересами. То новѣйшее направленіе въ исторической наукѣ, о которомъ я говорилъ, нашло себѣ отраженіе, въ бо́льшей или меньшей степени, и въ области обработки греческой исторіи. Главными представителями его являются Beloch, Eduard Meyer и Pöhlmann. Самый типичный изъ нихъ вообще—Белохъ; болѣе умѣренный, чуждый односторонности и въ то-же время самый крупный ученый—Э. Мейеръ, а самый яркій представитель изученія соціально-экономическихъ вопросовъ античнаго міра—Пельманъ.

Белохъ. Юліусъ Белохъ, нѣмецъ по національности, профессоръ древней исторіи въ Римскомъ университетѣ, пріобрѣлъ извѣстность прежде всего своею монографіею объ аттической политикѣ со времени Перикла («Die attische Politik seit Perikles». 1884), въ которой онъ чрезвычайно сурово отнесся къ вождямъ аѳинской демократіи, и затѣмъ своимъ изслѣдованіемъ о численности населенія греко-римскаго міра («Historische Beiträge zur Bevölkerungslehre». I. Th. «Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt.» 1886), гдѣ примѣнилъ въ широкихъ размѣрахъ статистическій методъ къ древней исторіи. Пріемы и выводы Белоха вызвали сильныя возраженія[3]); дѣйствительно, пріемы его иногда слишкомъ смѣлы, а выводы шатки и гипотетичны; но имъ впервые собранъ обширный матеріалъ, все, что̀ можетъ пролить свѣтъ на статистику населенія древняго міра, и впервые этотъ матеріалъ подвергнутъ критикѣ.

Самый крупный трудъ Белоха—«Греческая исторія», въ которой отражаются всѣ наиболѣе характерныя черты его направленія[4]). Въ ней Белохъ сперва (1893—1897) въ 2 томахъ

---

[1]) Очерки историч. мысли XIX в. (Міръ Бож., 1901, мартъ).

[2]) Pohlmann, Aus Altert und Gegenw., стр. 246—7.

[3]) Seeck, въ Jahrbücher f. Nationalökon. und Statistik, 3-te F., XIII, 1897. Отвѣтъ Белоха—ibid.

[4]) Griechische Geschichte. Strassb.; русск. перев. М. О. Гершензона (первыхъ 2 т.). М. 1897—9. 2 т. (есть 2-е изд. пер., сокращенное).

довелъ изложеніе до завоеванія Персіи Александромъ Македонскимъ включительно, но потомъ продолжилъ: вышедшій въ 1904 г. III т. заканчивается битвой при Селласіи и появленіемъ римлянъ въ Иллиріи[1]). «Griechische Geschichte» Белоха предназначается не столько для спеціалистовъ, сколько для образованныхъ читателей, интересующихся исторіей. Этимъ обусловливается ея объемъ, характеръ и изложеніе. На исторію самостоятельной Греціи отведено всего 2 тома [2]). Тутъ нѣтъ многочисленныхъ и обширныхъ примѣчаній, подробныхъ библіографическихъ указаній; Белохъ ограничивается лишь самымъ необходимымъ. Его «Греческая исторія» отличается прекраснымъ изложеніемъ, читается легко и съ интересомъ. Она представляется характерною по воззрѣніямъ, по плану и по тому, какія стороны исторической жизни грековъ въ ней преимущественно затронуты или выдвинуты на первое мѣсто.

Главными дѣятелями въ исторіи Белохъ теоретически признаетъ народныя массы. «Кто видитъ движущую силу историческаго развитія въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ «великихъ людяхъ», а не въ народныхъ массахъ, стремленія которыхъ воплощаются въ этихъ герояхъ, тотъ пусть лучше не прикасается къ древней исторіи», замѣчаетъ онъ. Но нельзя сказать, чтобы Белохъ послѣдовательно проводилъ эту точку зрѣнія. На практикѣ онъ отступаетъ отъ своей теоріи и впадаетъ въ противорѣчіе съ собой, приписывая отдѣльнымъ личностямъ слишкомъ большое значеніе, возлагая на нихъ отвѣтственность за такія явленія, которыя были результатомъ цѣлаго сложнаго процесса, многихъ условій и причинъ. Такъ, напр., Пелопоннесская война, по мнѣнію Белоха, вспыхнула по винѣ Перикла, который стремился къ ней по соображеніямъ внутренней политики и по эгоистическимъ мотивамъ.

У Белоха исторія Греціи не сводится, какъ это часто бываетъ, преимущественно къ исторіи Спарты и Аѳинъ: Аѳины и Спарта не стоятъ у него на первомъ планѣ, заслоняя собою всю остальную Грецію. Напротивъ, ихъ исторія введена, такъ сказать, въ общую рамку, излагается не отдѣльно, не какъ особые отдѣлы, подъ особыми рубриками, а въ неразрывной и органической связи съ исторіей всего греческаго міра, съ ея постепеннымъ развитіемъ и съ точки зрѣнія общегреческой.

---

[1]) 2-ая часть этого тома касается источниковъ, хронологіи и отдѣльныхъ спеціальныхъ вопросовъ.

[2]) III т. отличается, впрочемъ, болѣе подробнымъ изложеніемъ, а 2-й отдѣлъ его носитъ нѣсколько спеціальный характеръ.

Белохъ не отводитъ перваго мѣста политической исторіи; отдѣлы, посвященные ей отличаются сравнительною краткостью. Это—«не histoire bataille». Уже изъ поставленныхъ въ заголовкѣ I и II тома частныхъ заглавій («Bis auf die sophistische Bewegung und Peloponnes. Krieg.» I т. и «Bis auf Aristoteles und die Eroberung Asiens» II т.) видно, какое значеніе Белохъ придаетъ исторіи умственнаго движенія и факты какой категоріи выдвигаетъ онъ на первый планъ: какъ конечный предѣлъ для I т. ставится прежде всего «софистическое движеніе», для II—«Аристотель», а потомъ уже «завоеваніе Азіи».

Впрочемъ, на умственную жизнь и вообще культуру Греціи обращали большое вниманіе и другіе историки, напр. Курціусъ. Но что̀ составляетъ особенность «Греческой исторіи» Белоха, отличающую ее отъ всѣхъ предшествовавшихъ и общую ей съ трудомъ Э. Мейера и «Очеркомъ» Пельмана, о которомъ мы еще скажемъ, такъ это то, что въ ней выдвинута соціально-экономическая сторона жизни древней Греціи. Белохъ отнесся къ фактамъ изъ этой области съ полнымъ вниманіемъ, и у него мы найдемъ цѣлые отдѣлы, посвященные описанію перемѣнъ въ хозяйственномъ быту грековъ,– очерки торговли, промышленности, сельскаго хозяйства, свѣдѣнія о положеніи разныхъ классовъ населенія, особенно рабовъ, и т. д., т. е. найдемъ то, чего до тѣхъ поръ не было въ другихъ общихъ трудахъ по исторіи Греціи или что̀ затрогивалось въ нихъ мимоходомъ. Уже въ виду этого «Griechische Geschichte» Белоха представляетъ особый интересъ и для спеціалистовъ.

Другая характерная черта Белоха—это его крайній, можно сказать разрушительный, критицизмъ, слишкомъ скептическое отношеніе къ преданію, къ источникамъ. Белохъ врагъ авторитетовъ. По его мнѣнію, легенда оказала слишкомъ большое вліяніе на греческую исторіографію, которая охотно черпала изъ этого источника, чтобы пополнять пробѣлы дѣйствительнаго историческаго преданія, не боясь въ то-же время недостающее возмѣщать собственными комбинаціями, пока не получалось, наконецъ, подобіе прагматическихъ разсказовъ, и потому своею ближайшею задачею Белохъ считаетъ «разрушеніе этихъ произвольныхъ построеній». И дѣйствительно, его критика радикальная. Самымъ яркимъ примѣромъ служитъ то, что онъ и въ своей «Греческой исторіи» повторяетъ гипотезу, развитую имъ въ одной изъ предшествовавшихъ статей (Rhein. Mus. за 1890 г.) и отвергающую фактъ дорянскаго вторженія въ Пелопоннесъ, признавая преданіе объ этомъ вторженіи лишеннымъ всякой

достовѣрности и сложившимся сравнительно поздно. Сообразно съ этимъ онъ относитъ господство микенской культуры въ Греціи къ сравнительно позднему времени; эта культура по убѣжденію Белоха господствовала въ Греціи до VIII стол. Онъ отвергаетъ вліяніе въ древности финикіянъ и существованіе ихъ поселеній на островахъ и континентѣ Греціи; торговыя сношенія ихъ съ греками тоже относитъ къ сравнительно позднему времени, къ VIII—VII в. Белохъ не высокаго мнѣнія объ авторитетѣ Ѳукидида и Аристотеля (въ «Аѳинской Политіи»); онъ не только отрицаетъ существованіе Драконовой конституціи (какъ о ней говоритъ 4-я глава «Аѳин. Пол.»),—съ чѣмъ нельзя не согласиться—, но онъ, напр., отрицаетъ существованіе совѣта 400 при Солонѣ; отвергаетъ, чтобы ареопагъ усилился послѣ Саламинскаго сраженія и проч. Этотъ крайній скептицизмъ и гиперкритика составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ интереснаго труда Белоха.

И въ оцѣнкѣ лицъ и явленій Белохъ нерѣдко отступаетъ отъ общепринятой точки зрѣнія. Еще въ своей монографіи «Die attische Politik seit Perikles» онъ пришелъ къ отрицательному взгляду на Перикла, какъ полководца и государственнаго дѣятеля. И въ своей «Греческой исторіи» онъ повторяетъ его, хотя въ болѣе умѣренной формѣ. Софистовъ Белохъ, подобно Гроту, беретъ подъ свою защиту; для него софистическое движеніе—синонимъ научнаго просвѣщенія. Преклоняясь предъ наукой и просвѣщеніемъ, Белохъ готовъ набросить тѣнь на Сократа и Платона, какъ на «реакціонеровъ». Почти всюду чувствуется, что авторъ имѣетъ въ виду аналогію съ современными явленіями, что онъ, такъ сказать, модернизуетъ греческую исторію. Мѣстами проглядываетъ нѣкоторая поверхностность. Но въ отсутствіи оригинальности и смѣлости Белоха никоимъ образомъ нельзя упрекнуть: это—ученый съ самостоятельными взглядами, съ новыми пріемами изслѣдованія античной древности, и его «Греческая исторія» вовсе не простая компиляція популярнаго характера. Спеціалистъ найдетъ въ ней немало интересныхъ точекъ зрѣнія, хотя и не со всѣмъ можно согласиться; а то, что Белохъ обратилъ такое вниманіе на явленія соціально-экономической жизни Греціи, составляетъ положительную его заслугу.

По своему сравнительно небольшому объему, интересному живому содержанію и прекрасному изложенію, «Греческая исторія» Белоха является какъ нельзя болѣе подходящимъ пособіемъ для

всякаго образованнаго читателя; нужно только имѣть въ виду, что Белохъ не свободенъ отъ крайностей и увлеченій.

Эд. Мейеръ. Съ «Греческою исторіею» Белоха имѣетъ сходныя черты «Geschichte des Alterthums» Эд. Мейера (теперь занимающаго каѳедру въ Берлинѣ), II—V томы которой касаются главнымъ образомъ греческой исторіи (II томъ ея вышелъ почти одновременно съ I т. Белоха). Сходство это обнаруживается въ пріемахъ, въ томъ вниманіи, какое удѣляетъ Э. Мейеръ соціально-экономическимъ явленіямъ, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ или выводахъ и даже въ частностяхъ. Но при всемъ сходствѣ въ научномъ отношеніи трудъ Э. Мейера стоитъ выше труда Белоха—по строгости метода, по основательности, по свободѣ отъ крайностей и односторонности, по обширности и разносторонности знаній автора, по широтѣ универсально-историческаго взгляда. «Geschichte des Alterthums» Э. Мейера—трудъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе крупный и капитальный, нежели «Греческая исторія» Белоха.

I т. «Geschichte des Alterthums» Э. Мейера появился въ 1884 [1]) г. и былъ посвященъ исторіи древняго Востока. Онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ по этому отдѣлу. Почти черезъ 10 лѣтъ послѣ I тома вышелъ II-й (1893); затѣмъ опять послѣ долгаго промежутка—III-й (1901), за которымъ быстро послѣдовали IV-й и V, заканчивающійся битвою при Мантинеѣ. Во всѣхъ этихъ томахъ, начиная со II-го, исторія Греціи занимаетъ главное мѣсто; исторія Востока, а тѣмъ болѣе Рима и Карѳагена, стоитъ на заднемъ планѣ. Тѣмъ не менѣе у Мейера—универсально-историческая точка зрѣнія. Э. Мейеръ рѣшительно возстаетъ противъ тсй крайней спеціализаціи, которая вообще свойственна XIX в. Спеціализація эта и «раздѣленіе труда», говоритъ онъ, являются, конечно, необходимымъ слѣдствіемъ развитія науки, непомѣрно увеличившагося матеріала и роста литературы, и въ значительной мѣрѣ обусловливаютъ это развитіе; но онѣ имѣютъ и свою вредную сторону. Благодаря спеціализаціи почти совершенно рушилось единство исторической науки: изслѣдователю въ области среднихъ вѣковъ и новаго времени обыкновенно не достаетъ универсально-историческаго интереса и дѣйствительнаго знанія древности. По мнѣнію Э. Мейера, настоятельно необходимо, чтобы историческое изслѣ-

[1]) Недавно I т. вышелъ въ новомъ изданіи въ 2 отдѣленіяхъ (1907—9), изъ которыхъ 1-е содержитъ «Введеніе. Элементы антропологіи», а 2-е даетъ исторію древнѣйшихъ народовъ и культуръ до XVI ст. до Р. Х.

дованіе—здѣсь, какъ и вездѣ—снова возвысилось до болѣе универсальной точки зрѣнія. Спеціализація должна служить только средствомъ для великихъ задачъ историческаго изслѣдованія вся надежда въ томъ, чтобы оно снова сознало свой универсальный характеръ какъ въ современной, такъ и въ античной области.

«Geschichte des Alterthums» Э. Мейера по темѣ напоминаетъ аналогичный трудъ Макса Дункера. Но разница между ними большая, показывающая, какой шагъ сдѣлала наука за послѣднія десятилѣтія. Притомъ Э. Мейеръ обладаетъ всѣми данными для такого широкаго построенія и всесторонняго изученія: онъ—оріенталистъ и эллинистъ, историкъ и лингвистъ; онъ прекрасно знаетъ и политическую экономію. Немногіе изъ современныхъ ученыхъ имѣютъ такія всестороннія знанія, какъ Э. Мейеръ. одинъ критикъ справедливо о немъ выразился, что Мейеръ можетъ разсуждать, какъ самостоятельный изслѣдователь, съ Оппертомъ о текстѣ сузскихъ клинообразныхъ надписей, съ ассиріологами—о вавилонскихъ контрактахъ на табличкахъ, съ Велльгаузеномъ и другими критиками Ветхаго Завѣта—объ Эзрѣ, Неэміи, книгѣ Эсфири и проч., съ филологами-классиками—о возникновеніи Ѳукидидова труда.

Методъ Э. Мейера можетъ быть названъ сравнительнымъ. Мейеръ нерѣдко прибѣгаетъ къ аналогіи, приводитъ примѣры изъ новой исторіи. Вообще онъ сближаетъ древность и новое время, находитъ много сходства и аналогіи въ ихъ историческомъ развитіи. По его мнѣнію, и въ древней Греціи были свои «средніе вѣка»[1]), имѣющіе много общаго съ германскимъ средневѣковьемъ. Это—періодъ, начинающійся переселеніями племенъ, вторженіемъ дорянъ, эпоха Гомера и Гесіода,—«эпоха могущества знати, рыцарскихъ подвиговъ и героической пѣсни». Состояніе Греціи во времена, напр., Гомера и Гесіода—это состояніе христіанско-германскаго средневѣковья: рѣзкое разграниченіе наслѣдственныхъ сословій, господствующее положеніе землевладѣльческой военной знати, все усиливающаяся зависимость крестьянства, начиная отъ смягченныхъ формъ крѣпостничества или подданичества до полнѣйшей закабаленности, наконецъ

---

[1]) Примѣненіе этого термина въ греческой исторіи мы встрѣчаемъ еще у Bergk'a въ его «Griechische Litteraturgeschichte». Сравненіе между концомъ среднихъ вѣковъ на западѣ и эпохой тиранніи въ Греціи, какъ вѣкомъ «новеллы», находимъ мы въ статьѣ Erdmannsdörffer'a, Das Zeitalter der Novelle in Hellas (Preuss. Jahrb., XXV, 1869).

презираемое и мало развитое ремесло[1]). Словомъ, по Мейеру, гомерическая эпоха стоитъ на одномъ уровнѣ съ первой эпохой въ исторіи христіанско-германскихъ народовъ и, подобно этой послѣдней, можетъ быть названа «средневѣковьемъ» («das griechische Mittelalter»). Цвѣтущая пора древности соотвѣтствуетъ новому времени. VII и VI в.—XIV-му и XV-му ст., V-ый—XVI-му, а культура эллинизма можетъ быть сравнимаема съ современною.

Тутъ въ сущности заключается цѣлая, новая концепція всемірно-историческаго процесса, совершенно отличная отъ обычной, съ ея дѣленіемъ всемірной исторіи на древнюю, среднюю и новую (а иногда и новѣйшую), при чемъ каждый изъ этихъ періодовъ представляется продолженіемъ развитія предыдущаго. По мнѣнію Э. Мейера, единаго, непрерывнаго прогрессивнаго развитія нѣтъ, а есть два параллельныхъ процесса, два параллельныхъ періода въ исторіи развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря[2]): съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова; оно опять возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже были пройдены,—воззрѣніе, кстати сказать, нѣсколько напоминающее идеи Вико (XVIII в.), автора «Новой Науки». Древній міръ, говоритъ Э. Мейеръ, погибъ не вслѣдствіе какого-нибудь разрушительнаго внѣшняго переворота, а благодаря дѣйствію внутреннихъ силъ,—«вслѣдствіе разложенія совершенно выработанной и по своему существу вполнѣ современной культуры, умершей естественной смертію». «Средневѣковой міровой порядокъ во второй разъ сталъ господствовать». Такимъ образомъ, человѣчество, по этому воззрѣнію, какъ-бы обречено на своего рода Сизифову работу... Э. Мейеръ забываетъ то, что онъ самъ говорилъ на первыхъ страницахъ своего труда, а именно, что въ исторіи ни одинъ періодъ не можетъ быть тождественъ съ другимъ; онъ опускаетъ изъ виду или не считаетъ нужнымъ отмѣтить два важныхъ обстоятельства: во-первыхъ, при всемъ параллелизмѣ и аналогіи въ историческомъ развитіи древности съ одной стороны, среднихъ и новыхъ вѣковъ съ другой тутъ нѣтъ полнаго тождества и повторенія; въ христіанскомъ, западноевропейскомъ средневѣковьѣ наблюдаются новыя черты и элементы, которыхъ нѣтъ въ античной древности, которые послѣдней совершенно чужды; и, во-вторыхъ, предшествующій періодъ

[1]) Кромѣ Gesch. d. Alterth., см. его-же Die Sklaverei im Alterthum. Dresden. 1898 (есть русск. пер.).

[2]) См. его Die wirtschaftliche Entwickelung d. Alterthums. Jena. 1895 (русск. пер. Спб 1898).

развитія не прошелъ безслѣдно: въ наслѣдіе отъ него осталось многое, что̀ пережило вѣка и вліяло на послѣдующее развитіе,—нѣкоторыя идеи, учрежденія, культура. Э. Мейеръ какъ-бы отрицаетъ здѣсь могущество и преемственность исторической традиціи[1]).

Онъ признаетъ сходство и въ хозяйственномъ развитіи древности и новаго времени: по Мейеру, Греція въ этомъ отношеніи прошла въ сущности чрезъ тѣ-же стадіи и уже въ ней существовали высшія формы экономическихъ отношеній; напр., Аѳины въ V и IV в. стоятъ такъ-же подъ знаменіемъ капитализма, какъ и Англія съ XVIII ст. или Германія съ XIX (III, 550).

Естественно послѣ этого, что Э. Мейеръ не могъ сочувствовать господствовавшей еще недавно теоріи примитивности хозяйственныхъ формъ древности, по которой древнее хозяйство было будто-бы хозяйствомъ οἶκος'а, т. е. автономнымъ хозяйствомъ «дома», собственными силами удовлетворяющимъ всѣ свои потребности. Теорія эта еще въ 60-хъ годахъ была высказана Родбертусомъ, а затѣмъ уже въ 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія развита и нѣсколько видоизмѣнена извѣстнымъ ученымъ Карломъ Бюхеромъ (въ его «Происхожденіи народнаго хозяйства»)[2]), по которому народное хозяйство не древнѣе современнаго государства и вся древность, равно какъ и первая половина среднихъ вѣковъ (приблизительно до начала текущаго тысячелѣтія), относится къ первому періоду въ исторіи экономическаго развитія,—періоду «замкнутаго домашняго хозяйства», «чистаго производства на себя», «хозяйства безъ обмѣна», гдѣ «продукты потребляются въ томъ-же хозяйствѣ, которое ихъ производитъ», такъ-что «весь хозяйственный оборотъ, отъ производства до потребленія, совершается въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода)» и о народномъ хозяйствѣ, о постоянной торговлѣ и торговомъ классѣ, объ экономическомъ расчлененіи общества не можетъ быть и рѣчи. Противъ этой теоріи и выступилъ Э. Мейеръ въ своемъ докладѣ (1895 г.)—«Объ экономическомъ развитіи древняго міра». Рядомъ фактовъ онъ опровергаетъ положеніе Родбертуса и его послѣдователей и показываетъ, что уже въ древности существовали высшія формы экономическихъ

[1]) Въ своемъ трактатѣ: «Zur Theorie und Methodik d. Geschichte» Halle. 1902 (см. ниже), Мейеръ однако признаетъ, что западно-европейское средневѣковье переняло и сохранило остатки высшей культуры отъ болѣе ранней эпохи, а съ ними и идею универсальности, религіознаго и политическаго единства человѣчества.

[2]) Die Entstehung der Volkswirtschaft. 1-е изд.—1893, 5-е—1906. Есть русск. пер.

отношеній, что уже тогда промышленность, торговля, деньги, капиталъ играли чрезвычайно важную роль, существовалъ классъ промышленниковъ и купцовъ, были даже и товарищескія предпріятія, торговыя общества и т. д. Съ этимъ тѣсно связанъ вопросъ о рабствѣ, о числѣ рабовъ и роли рабскаго труда въ древности. Въ лекціяхъ, посвященныхъ этому вопросу[1]), Э. Мейеръ приходитъ къ выводу, что въ древности число рабовъ не было особенно велико, что рабство въ экономическомъ отношеніи играло лишь весьма подчиненную роль, не представляло господствующаго фактора экономической жизни античнаго міра и что, кромѣ рабовъ, существовалъ многочисленный классъ свободныхъ рабочихъ. По Э. Мейеру, свободный трудъ—не преемникъ рабства, а возникаетъ въ тотъ моментъ, когда и рабство начинаетъ выступать въ качествѣ экономически значительнаго фактора· это лишь двѣ различныя конкуррирующія между собою формы, въ которыхъ ищетъ удовлетворенія одна и та-же экономическая потребность и въ которыхъ выражается одинъ и тотъ-же экономическій переворотъ. Капиталъ нуждается въ дешевыхъ рабочихъ силахъ, которыя старается использовать въ возможно полномъ объемѣ, а правовая форма, въ которой онѣ ему предлагаются, стоитъ экономически на второмъ планѣ. Э. Мейеръ и тутъ усматриваетъ аналогію между развитіемъ древности и новаго времени. Эпохой развитія рабства, по его словамъ, была эпоха расцвѣта демократіи, и рабство этого періода вызвано тѣми-же причинами, что̀ и свободный трудъ новаго времени: онѣ стоятъ на одной линіи.

Вообще, по Э. Мейеру, «въ древности преобладали, хотя на гораздо меньшемъ пространствѣ и въ иныхъ формахъ, тѣ-же вліянія и противоположности, которыя управляютъ и современнымъ развитіемъ».

Воззрѣнія эти, хотя и въ иной, болѣе краткой формѣ, высказываетъ Э. Мейеръ и въ своей «Geschichte des Alterthums».

Уже изъ предыдущаго видно, что Мейеръ обращаетъ большое вниманіе на соціально-экономическіе вопросы[2]). Ему, наравнѣ съ Белохомъ и Пельманомъ, мы болѣе всего обязаны выясненіемъ этой стороны въ исторіи Греціи. Въ своей «Geschichte des Alterthums» онъ отводитъ надлежащее мѣсто соціально-

---

[1]) Die Sklaverei im Alterth. 1898; см. русск. перев.

[2]) Э. Мейеру принадлежитъ ст. о финансахъ Греціи въ Handwörterbuch d. Staatswiss. II Suppl.-b. 1897 (имѣется и въ русск. пер.—въ «Очеркахъ изъ экономич. и соціальн. исторіи древн. міра и средн. вѣк.». Пер. подъ ред. В. Э. Дена. Спб. 1897).

экономическимъ факторамъ, но безъ крайностей и односторонности. Онъ далекъ отъ «экономическаго матеріализма», отъ того, чтобы все объяснять экономическими мотивами, и съ такимъ-же вниманіемъ и глубиной изучаетъ политическую, религіозную и вообще культурную жизнь грековъ, какъ и ихъ общественную и хозяйственную. Очерки религіозныхъ воззрѣній грековъ, на ряду съ очерками хозяйственнаго быта, принадлежатъ къ лучшимъ мѣстамъ въ трудѣ Мейера. Политическая исторія излагается тоже подробно. Словомъ, не забыта ни одна сторона; каждой удѣлено подобающее мѣсто, и явленія въ различныхъ сферахъ приводятся въ тѣсную, органическую связь между собою, взаимно обусловливаютъ другъ друга, а не представляются изолированными или лишь механически сопоставленными.

«Geschichte des Alterthums» Мейера интересна и въ методологическомъ отношеніи. У Мейера мы находимъ тщательный, мастерской анализъ историческихъ конструкцій и свидѣтельствъ традиціи. Критика Мейера вообще осторожнѣе, умѣреннѣе и въ то-же время глубже критики Белоха. Его скептицизмъ не простирается такъ далеко. И тѣмъ не менѣе у него много новаго, оригинальнаго во взглядахъ на цѣлые періоды, отдѣльныя лица и событія. Мы видѣли, напр., какъ смотритъ Э. Мейеръ на ходъ историческаго и хозяйственнаго развитія древности. Онъ же показалъ, что новыя идеи второй половины V в., идеи «просвѣщенія», находили себѣ сочувствіе преимущественно у аристократіи, а демосъ въ сущности былъ ихъ противникомъ, что демократія и «имперіализмъ» въ аѳинской политикѣ тѣсно были связаны между собой, и т. д. Необходимо отмѣтить еще одну черту Мейера: широта взгляда у него соединяется съ рѣдкою основательностью знанія; на ряду съ широкими построеніями онъ обнаруживаетъ интересъ къ самымъ кропотливымъ, детальнымъ изслѣдованіямъ, казалось бы, самыхъ мелкихъ вопросовъ, напр. въ области хронологіи[1]).

«Исторія древности» Э. Мейера принадлежитъ къ тѣмъ трудамъ, которые не только подводятъ итогъ предыдущимъ

[1]) Такимъ детальнымъ изслѣдованіямъ по болѣе спеціальнымъ вопросамъ Мейеръ отводитъ мѣсто преимущественно въ своихъ «Forschungen zur alten Geschichte» (1892—9, 2 т.). Эти «Forschungen» служатъ какъ-бы дополненіемъ или приложеніемъ къ его «Geschichte des Alterthums»; въ нихъ вошли экскурсы и изслѣдованія по такимъ вопросамъ, на которыхъ Мейеръ считалъ неудобнымъ подробно останавливаться въ своей «Исторіи», не желая уклоняться въ сторону, прерывать нить изложенія или нарушать пропорціональность и историческую перспективу.

изслѣдованіямъ, но и пролагаютъ новые пути. Это—новѣйшій, лучшій трудъ по исторіи Греціи, вполнѣ удовлетворяющій требованіямъ современной науки. Я бы сказалъ, что мы въ немъ имѣемъ «послѣднее слово науки», если бы это выраженіе не было такимъ тривіальнымъ. Въ настоящее время онъ выходитъ новымъ изданіемъ.

Въ заключеніе этой характеристики Э. Мейера нельзя не остановиться на томъ, что въ своей «Исторіи древности» онъ явился представителемъ новѣйшаго направленія въ исторической наукѣ, но по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ на исторію, ея предметъ, задачи и дѣйствующія въ ней силы онъ примыкаетъ скорѣе къ прежнимъ направленіямъ, особенно въ своихъ «историко-философскихъ изслѣдованіяхъ»: «Zur Theorie und Methodik der Geschichte» (Halle. 1902)[1]), и въ новомъ изданіи I т. своей «Исторіи древности», гдѣ теоретическимъ вопросамъ отводится немало мѣста. По мнѣнію Э. Мейера, историческихъ законовъ нѣтъ и быть не можетъ, и это коренится въ самой сущности исторіи: все, что въ природѣ и въ человѣческой жизни совершается закономѣрно, въ исторіи просто предполагается какъ данное; предметомъ исторіи всегда является изслѣдованіе и изображеніе частныхъ единичныхъ фактовъ того, что обозначается терминомъ «индивидуальное». Въ теоріи господствующее мѣсто Э. Мейеръ отводитъ исторіи политической, которая, по его словамъ, остается центромъ исторіи, пока человѣческая жизнь не измѣнитъ совершенно своей сущности, и въ концѣ резюмируетъ свой взглядъ такъ: «сколько стараній ни было приложено къ тому, чтобы навязать исторіи совершенно новое содержаніе и новыя задачи, какъ бы съ теченіемъ времени ни мѣняли объектъ историческаго интереса,—не смотря на все это, есть и всегда будетъ только одинъ типъ исторіи и одинъ методъ изслѣдованія историческихъ проблемъ—тотъ, совершенный и до сихъ поръ не превзойденный, образецъ котораго представилъ аѳинянинъ Ѳукидидъ». Въ своей «Исторіи древности» Э. Мейеръ, какъ мы видѣли, придаетъ большое значеніе матеріальнымъ и инымъ общимъ условіямъ и интересамъ. Но, говоритъ онъ (III, 440), какъ-бы сильно ни дѣйствовали хозяйственные факторы, политическіе интересы, общее настроеніе,—рѣшающее значеніе повсюду имѣли руководящіе государственные дѣятели, которые реформировали государственный строй и опредѣляли политическое направленіе государства.

---

[1]) Рус. пер.—«Теоретич. и методологич. вопросы исторіи». М. 1904.

Тѣмъ не менѣе Э. Мейеръ своимъ трудомъ показалъ, какъ на практикѣ примиряется старое направленіе школы Ранке и то новое, представителемъ котораго является современный нѣмецкій историкъ Лампрехтъ, называющій свое направленіе «коллективистическимъ» и противополагающій его прежнему, «индивидуалистическому».

Третій крупный представитель новѣйшаго направленія въ обработкѣ греческой исторіи, самый ревностный поборникъ изслѣдованія ея соціально-экономической стороны—Pöhlmann, профессоръ въ Мюнхенѣ. **Пельманъ.**

Въ 1884 г. Пельманъ выпустилъ въ свѣтъ монографію, нѣсколько соприкасающуюся по темѣ съ одной изъ монографій Белоха, — «Die Uebervölkerung der antiken Groszstädte mit der Gesamtentwicklung städtischer Civilisation», а затѣмъ для коллекціи Iw. Muller'a далъ очеркъ греческой исторіи («Grundzüge der politischen Geschichte Griechenlands»; 1-е изд. — 1888). Въ 1-мъ изданіи этого очерка онъ ставилъ себѣ цѣлью представить обзоръ исключительно внѣшней, политической исторіи Греціи. Это — обзоръ чрезвычайно сжатый, краткій и сухой, конспективный, но систематическій и дѣльный, строго-фактическій и объективный, съ очень обстоятельными литературными указаніями. Въ 1896 г. «Очеркъ» Пельмана, подобно трудамъ Бузольта и Гильберта, вышелъ въ совершенно передѣланномъ видѣ. Сохраняя за нимъ попрежнему назначеніе—дать критическій обзоръ важнѣйшихъ событій, который бы помогалъ ориентироваться и служилъ путеводною нитью среди лабиринта фактовъ и мнѣній, давая вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыя литературныя указанія, Пельманъ значительно распространилъ свой очеркъ, который въ новомъ изданіи утратилъ свою прежнюю сухость и конспективность; онъ довелъ изложеніе до временъ римской имперіи (точнѣе—до Веспасіана), прибавилъ обстоятельные обзоры источниковъ въ началѣ каждой главы и на ряду съ политической стороной выдвинулъ соціальную, удѣливъ большое вниманіе борьбѣ общественныхъ классовъ въ древней Греціи. Сообразно съ этимъ и самое заглавіе было нѣсколько измѣнено: «Grundriss d. griechischen Geschichte nebst Quellenkunde»,—такъ называется очеркъ Пельмана во 2-мъ изданіи. Въ 1906 г. появилось новое (3-е) изданіе «Очерка» Пельмана съ нѣкоторыми дополненіями[1]), а въ концѣ 1909 г.—4-е. Въ этомъ новомъ видѣ, какъ во 2-мъ, такъ въ особенности въ 3-мъ и 4-мъ изданіи, трудъ Пельмана

[1]) Русск. пер. со 2-го изд. вышелъ въ 1906 г.. а съ 3-го помѣщенъ въ коллекціи «Общая исторія европ. культуры» (Спб. 1908).

можетъ служить однимъ изъ лучшихъ новѣйшихъ пособій по греческой исторіи, особенно для начинающихъ заниматься ею.

Но Пельманъ преимущественно занимается исторіей соціальнаго вопроса въ древности. Ему принадлежитъ «Исторія античнаго коммунизма и соціализма» [1]) и цѣлая серія статей на сродныя темы, большая часть которыхъ собрана въ отдѣльной книгѣ подъ заглавіемъ: «Aus Altertum und Gegenwart» (München. 1895). Основная идея Пельмана та, что тѣ великіе жизненные вопросы, предъ которыми стоитъ современное общество, волновали уже древнихъ. Пельманъ указываетъ на существованіе уже въ Греціи капитализма и его спутниковъ—пауперизма, пролетаріата, борьбы имущественныхъ классовъ, соціальнаго вопроса, и сближаетъ эти явленія съ соотвѣтствующими современными явленіями. Вездѣ онъ проводитъ аналогію между древностью и нашимъ временемъ; онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, показалъ, насколько древность въ сущности намъ близка и сколько поучительнаго для насъ въ ея исторіи. Пельманъ доказываетъ, что соціально-экономическій элементъ былъ могущественнымъ факторомъ и въ исторіи Греціи, что имъ въ значительной мѣрѣ обусловливался ходъ этой исторіи, борьба партій, перевороты, самое паденіе греческой независимости и торжество Македоніи. Въ нашихъ литературныхъ источникахъ, у древнихъ авторовъ оказался богатый и почти непочатый матеріалъ, освѣщающій общественныя и экономическія отношенія и воззрѣнія грековъ.

Изученіе экономической и соціальной исторіи Греціи.

Вообще въ теченіе послѣднихъ лѣтъ 20 обнаруживается особый интересъ къ изученію экономической и соціальной исторіи Греціи. Такъ, французскій ученый P. Guiraud, ученикъ Фюстель де Куланжа, написалъ обширный трудъ о поземельной собственности [2]), а затѣмъ монографію о промышленности въ древней Греціи [3]). На послѣднюю тему имѣется еще болѣе обстоятельный трудъ извѣстнаго бельгійскаго ученаго Francotte [4]), вышедшій

---

[1]) Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. München. 1893—1901. 2 т. (рус. пер. въ коллекціи «Общая исторія европ. культ.» Спб. 1910).

[2]) La propriété foncière en Grèce. P. 1893.

[3]) La main-d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. P. 1900 (Bibliothèque de la faculté des lettres); его-же сборникъ статей подъ заглав.: Études économiques sur l'antiquité. P. 1905. Изъ болѣе раннихъ работъ въ этой области можно назвать Büchsenschütz, Besitz und Erwerb im griech. Alterthum. Halle. 1869, и «Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klass. Alterthums» Блюмнера (Leipz. 1869).

[4]) L'industrie dans la Grèce ancienne. Bruxelles. 1900—1. 2 т. Изъ работъ Франкотта отмѣтимъ еще L'organisation de la cité athén. et la

почти одновременно съ книгой Гиро. Есть немало работъ о рабочемъ классѣ и о рабахъ, объ экономическихъ отношеніяхъ и соціальномъ вопросѣ въ древности. Русскіе ученые тоже начинаютъ обнаруживать интересъ къ экономической исторіи древнегреческаго міра; укажу, напр., на работы М. И. Ростовцева[1]) и М. М. Хвостова, которому, кромѣ статей[2]), принадлежитъ большой трудъ: «Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта» (Каз. 1907).

Буркгардтъ.

Совершенно въ сторонѣ отъ этого направленія стоитъ «Griechische Kulturgeschichte» Буркгардта. Это—лекціи, много разъ читанныя Буркгардтомъ въ 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ годовъ и изданныя послѣ его смерти въ теченіе 1898—1902, въ 4 томахъ [3]). Появленіе «Культурной исторіи Греціи», вышедшей изъ-подъ пера Буркгардта, должно было вызвать особый интерссъ. Буркгардтъ (1818—1897), долгое время бывшій профессоромъ въ Базелѣ,—едва-ли не главный представитель культурнаго направленія въ исторіографіи второй половины XIX в., авторъ такихъ произведеній, какъ монографія о времени Константина Великаго, «Cicerone» и въ особенности замѣчательные очерки по «Культурѣ Ренессанса въ Италіи», въ которыхъ онъ путемъ скорѣе дивинаціи устанавливаетъ ту точку зрѣнія на сущность гуманизма, какую потомъ развилъ и обосновалъ русскій ученый, проф. М. С. Корелинъ (въ своемъ «Раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ и его исторіографіи»). Свой взглядъ на значеніе культурной исторіи Буркгардтъ высказываетъ и во введеніи къ «Griechische Kulturgeschichte». Его задача—дать исторію греческаго міровоззрѣнія, стремиться къ познанію тѣхъ живыхъ силъ, созидающихъ и разрушающихъ, которыя дѣйствовали въ греческой исторіи. Онъ имѣетъ въ виду преимущественно исторію греческаго духа. Единичное, отдѣльное должно быть приводимо лишь въ свидѣтельство объ общемъ, а не ради самого себя. Культурная исторія имѣетъ въ виду постоянное, типичное;

---

réforme de Clisthènes. Paris et Brux. 1893, и нѣкоторыя другія, вошедшія теперь въ составъ его книги «La polis grecque». Paderborn. 1907 (изъ Studien z. Gesch und Kultur d. Altertums).

[1]) Капитализмъ и народн. хозяйство въ древн. мірѣ («Рус Мысль», 1900, мартъ); Нов. данныя по исторіи финансов. управл. греко-римск. Египта (Ж. М. Н. Пр., 1900, мартъ). Ср. его книгу «Государств. откупъ въ Римѣ» и ст. въ «Arch. f. Papyrusforsch.»

[2]) Сисахтія Солона и разложеніе эвпатридскаго землевладѣнія («Фил. Обозр.», XIII. 1807), Изуч. экономическ. быта древн. (Ж. М. Н. Пр, 1900, іюнь), Хозяйств. переворотъ въ древн. Спартѣ (Зап. Каз. Ун., 1901, ноябрь).

[3]) Berlin-Stuttgart (безъ обозначенія года). Есть уже 4-е изд. (1908).

это постоянное величественнѣе и важнѣе моментальнаго, важнѣе отдѣльнаго дѣянія: мы познаемъ «вѣчнаго» грека, типъ его, вмѣсто отдѣльнаго, единичнаго фактора и т. д.

Не смотря на признаніе оригинальности и геніальности греческаго народа и его заслугъ въ дѣлѣ культуры, Буркгардтъ далекъ отъ прославленія грековъ, отъ какого-либо преклоненія предъ ними; въ сущности въ своихъ воззрѣніяхъ на нихъ онъ является скорѣе пессимистомъ. Въ числѣ основныхъ положеній его мы встрѣчаемъ и слова Бека, что «греки были несчастнѣе, нежели большинство думаетъ»; Олимпію и Дельфы онъ называетъ «музеями національной ненависти», выставляетъ на видъ политическую рознь грековъ, ихъ нравственные недостатки, особенно лживость, и проч.

«Griechische Kulturgeschichte» Буркгардта вызвала противоположные отзывы. Одни встрѣтили ее съ большими похвалами, другіе съ неодобреніемъ, чуть не съ негодованіемъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, она не оправдала тѣхъ ожиданій, которыя вызывало имя Буркгардта. Задумана она, конечно, прекрасно; многія замѣчанія и наблюденія и оригинальны, и мѣтки, хотя бы, напр., о пессимизмѣ грековъ; такіе отдѣлы, какъ подведеніе «общаго баланса греческой жизни», какъ характеристика грека въ разныя эпохи его историческаго существованія, дающая вмѣстѣ съ тѣмъ характеристику нравовъ, быта и даже обзоръ всей греческой жизни, начиная съ героической эпохи и кончая временемъ діадоховъ,—такіе отдѣлы должны представлять большой интересъ. И тѣмъ не менѣе все это иногда тонетъ въ массѣ болѣе или менѣе общеизвѣстнаго. Отдѣлъ, напр., о греческомъ «Polis» представляетъ несомнѣнный интересъ для историка и по темѣ нѣсколько совпадаетъ съ «La cité antique» Фюстель де Куланжа; но вмѣстѣ съ тѣмъ какая разница! какъ онъ блѣденъ по сравненію съ этимъ послѣднимъ произведеніемъ! А главное, Буркгардтъ сознательно, съ умысломъ, игнорируетъ новѣйшую литературу, и понятно, это не могло не отразиться невыгодно на его трудѣ. Наконецъ, лекціи Буркгардта изданы почти въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ остались въ его бумагахъ, безъ существенной переработки или добавленій со стороны редактора; а составлены онѣ, какъ мы видѣли, въ 70-хъ и въ первой половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка. Поэтому во многомъ онѣ оказываются уже устарѣлыми; напр., не привлечены даже такія данныя, какъ сообщенія «Аѳинской Политіи» Аристотеля. Редакторъ заявляетъ, что онъ преднамѣренно не воспользовался ими, полагая, что читателю доставитъ удовольствіе

самому это сдѣлать и тѣмъ углубить или видоизмѣнить находящіяся въ издаваемомъ трудѣ воззрѣнія!.

Культурной исторіи посвященъ коллективный трудъ—«Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwickelung und ihre Ziele», издаваемый съ 1905 г. подъ редакціей Hinneberg'a по чрезвычайно широкому масштабу, охватывающій религію и философію, литературу и языкъ, искусство и науку, государство и общество, право и хозяйство, въ ихъ прошломъ, настоящемъ и отчасти даже въ будущемъ. Въ составленіи этого громаднаго труда принимаютъ участіе болѣе 150 ученыхъ. Соотвѣтствующіе отдѣлы принадлежатъ перу выдающихся спеціалистовъ; напр., краткій, но блестящій очеркъ греческой литературы написанъ Виламовицемъ-Меллендорффомъ. **Другіе труды по культурной исторіи.**

Не блещетъ оригинальностью, но оказывается очень хорошимъ, полезнымъ пособіемъ, стоящимъ на уровнѣ современной науки, прекрасно изданная съ многочисленными иллюстраціями «Эллинская культура» трехъ авторовъ – Баумгартена, Поланда и Вагнера (на нѣмецкомъ языкѣ[1]); есть въ русск. перев.). Поландъ обработалъ отдѣлы, касающіеся государства и религіи, Баумгартенъ—главы, посвященныя искусству, а Вагнеръ далъ характеристику умственной жизни и литературы. Своею цѣлью авторы поставили представить въ цѣльномъ изложеніи выводы современныхъ изслѣдованій въ доступной для каждаго образованнаго читателя и удобочитаемой формѣ. Это пособіе въ Германіи имѣетъ большой успѣхъ[2]).

Говоря о разработкѣ греческой исторіи въ наше время, нельзя не остановиться на выдающемся современномъ нѣмецкомъ филологѣ-классикѣ Виламовицѣ-Меллендорффѣ (род. въ 1848), преемникѣ Э. Курціуса въ Берлинѣ и предсѣдателѣ коммиссіи по изданію греческихъ надписей. Это—одинъ изъ самыхъ талант- **Виламовицъ.**

[1]) Leipz.—Berl. 1905 (2-е изд.—1907). Рус. пер. изданъ сначала отдѣльною книгою (Спб. 1906), съ такимъ же числомъ иллюстрацій, что̀ и нѣмецкій подлинникъ, потомъ перепечатанъ въ 1 т. «Общ. ист. европ. культ.», при чемъ число иллюстрацій очень ограничено.

[2]) По культурной исторіи Греціи имѣются еще: Guhl und Koner, Leben d. Griechen und Römer (нѣсколько изд.; 6-е—1893); Forbiger und Winckler, Hellas und Rom. 1876—82. 3 т.; Falke, Hellas und Rom Stuttg. 1878 (рус. пер.—Спб. 1880—1), W. A. Becker, Charikles. Bilder altgriech. Sitte... (1840; съ тѣхъ поръ нѣсколько изд.; есть русск пер. 1876 г.); Вегнеръ, Эллада (пер. съ нѣм; нѣск. изд.; 4-е русск. изд. Спб. 1899); Ф. Ф. Велишскій, Бытъ грековъ и римлянъ. Пер. съ чешск. Прага. 1878, и проч. О книгахъ Mahaffy и Guiraud (La vie privée et la vie publ. des Grecs) уже было упомянуто. Сюда можно отнести и руководства по частнымъ греческимъ древностямъ. Очень полезны «Таблицы» С. О. Цыбульскаго—иллюстраціи быта древн. грек. и римлянъ, изд. въ сотруднич. съ извѣстн. спеціалистами, съ объяснительнымъ текстомъ.

ливыхъ, оригинальныхъ и плодовитыхъ ученыхъ, замѣчательный, глубокій знатокъ греческой древности и литературы, оказавшій сильное вліяніе на ихъ изученіе. Въ Виламовицѣ прежде всего поражаетъ разносторонность его свѣдѣній въ области греческой филологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова и разнообразіе темъ его работъ, начиная съ изданій и критики текста и кончая поэтическими переводами греческихъ трагиковъ и задачами чисто-историческими. Самымъ крупнымъ трудомъ Виламовица, ближе всего касающимся греческой исторіи, является его монографія «Aristoteles und Athen» (1893), въ 2 томахъ, о которой уже приходилось упоминать (стр. 84—85). Посвящена она главнымъ образомъ трактату Аристотеля объ аѳинскомъ государственномъ строѣ, но содержаніе ея чрезвычайно богато и разнообразно; въ ней затрогивается множество вопросовъ изъ области греческихъ древностей, исторіи и литературы.

Виламовицъ отличается удивительною начитанностью въ памятникахъ, знаніемъ и пониманіемъ самаго духа греческой древности. Онъ необыкновенно живо представляетъ себѣ эту древность. Онъ обладаетъ замѣчательнымъ даромъ комбинаціи, богатствомъ идей; въ его произведеніяхъ разсѣяно много интересныхъ, блещущихъ смѣлостью и оригинальностью мысли, гипотезъ, замѣчаній и тонкихъ наблюденій. Но въ то-же время на читателя непріятно дѣйствуетъ отсутствіе простоты, какая-то манерность и притенціозность изложенія, явное стремленіе къ оригинальности, тонъ оракула, намеки, часто неясные, на другихъ ученыхъ, мнѣнія которыхъ Виламовицъ не раздѣляетъ, и на явленія современной политической жизни. Кромѣ того, Виламовицъ игнорируетъ новѣйшую литературу и открыто сознается въ этомъ, какъ-бы гордясь и выставляя на показъ свое пренебрежительное отношеніе къ ней; а такое игнорированіе не всегда проходитъ безнаказанно; иногда это ведетъ къ тому, что Виламовицъ приписываетъ себѣ то, что̀ принадлежитъ другимъ,— открытія и выводы, уже сдѣланные другими—, и такимъ образомъ, хотя и невольно, нарушаетъ правило suum cuique. Обращаетъ на себя вниманіе также отсутствіе системы и послѣдовательности въ изложеніи у Виламовица, и этотъ видимый безпорядокъ, несоотвѣтствіе заглавія статьи или главы съ ея содержаніемъ, вовсе не случайны и не результатъ спѣшности работы: здѣсь скрывается та-же манерность и стремленіе къ оригинальности. Этимъ отличается и его «Aristoteles und Athen». Распредѣленіе матеріала и изложеніе страдаетъ здѣсь повтореніями и отсутствіемъ строгой связи, что̀ до нѣкоторой степени

сознаетъ и самъ авторъ. Напр., во II т. одна изъ главъ носитъ заглавіе «3000 Hopliten von Acharnai», но о 3000 ахарнянъ говорится тутъ всего лишь на одной страницѣ, въ самомъ концѣ, а раньше, на нѣсколькихъ страницахъ, рѣчь идетъ по поводу сообщенія трактата о разныхъ категоріяхъ гражданъ, получавшихъ содержаніе отъ государства.

Виламовицъ проникнутъ идеализмомъ; это—натура поэтическая; онъ глубоко симпатизируетъ Гомеру и Пиндару, великимъ трагикамъ и Платону, такимъ историкамъ, какъ Геродотъ; къ болѣе трезвымъ реалистамъ, къ Ѳукидиду и Аристотелю, онъ не чувствуетъ такой симпатіи. По Виламовицу, главные источники древняго времени — поэты. Тѣмъ характернѣе, что Виламовицъ выступилъ съ требованіемъ создать, наконецъ, исторію государственнаго права Аѳинъ. Онъ считаетъ это главною задачею, стоящею на очереди и ждущею разрѣшенія.

Э. Роде.

Другой выдающійся филологъ-классикъ, главные труды котораго принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ въ области культурной исторіи Греціи и интересны не для однихъ спеціалистовъ-филологовъ,—Erwin Rohde. Въ молодости на него оказала сильное вліяніе философія Шопенгауэра, дружба съ Ницше, вмѣстѣ съ которымъ онъ слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ, и съ композиторомъ Вагнеромъ. Ницше, столь прославленный впослѣдствіи философъ, какъ извѣстно, по спеціальности сначала былъ филологомъ, и когда въ 1872 г. онъ издалъ свое произведеніе: «Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik»[1]), изъ-за котораго поднялся горячій споръ, то Роде выступилъ на защиту своего друга, между прочимъ и противъ Виламовица; но впослѣдствіи между ними стало обнаруживаться отчужденіе и пути ихъ постепенно разошлись въ разныя стороны. Роде принадлежатъ два замѣчательныхъ труда: одинъ посвященъ греческому роману («Der griechische Roman und seine Vorläufer.» 1876; 2-е изд.—1900), другой подъ заглавіемъ «Psyche» (1890 – 4; есть 2-е и 3-е изд.) даетъ исторію вѣрованій грековъ въ безсмертіе души[2]). Первый важенъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи романа вообще, и едва-ли нужно распространяться объ интересѣ этой темы; второй интересенъ не только для историка или филолога-классика, но и для этнолога и психолога. Оба труда написаны прекраснымъ языкомъ и имъ обоимъ предшествовали продолжительныя подготовительныя работы Роде.

Узенеръ.

Культурной исторіи, преимущественно миѳологіи, касаются труды и боннскаго профессора Узенера, занимавшаго видное мѣсто между современными нѣмецкими учеными-филологами и скончавшагося въ 1905 г., послѣ полувѣковой ученой дѣятельности. Его крупный трудъ, «Die Götternamen» (Bonn. 1896),

[1]) Есть въ русск. пер.

[2]) На рус. яз. есть популярная книжка Ю. А. Кулаковскаго, Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древн. грек. Кіевъ. 1899.

представляетъ новую попытку основать науку о религіи на изученіи языка: чтобы изучить религіозныя понятія въ ихъ генезисѣ, Узенеръ обращается къ языку, исходя изъ того, что «имена боговъ» едва-ли не самое древнее, что̀ мы знаемъ о богахъ, а потому, излѣдуя эти имена, мы излѣдуемъ и образованіе религіозныхъ понятій[1]).

Э. Целлеръ

Наконецъ, слѣдуетъ назвать еще Эдуарда Целлера (1814—1908), автора извѣстной «Philosophie der Griechen», въ которой представлено историческое развитіе греческой философской мысли въ различныхъ ея системахъ и направленіяхъ, собранъ и критически разработанъ громадный матеріалъ. «Philosophie der Griechen» Целлера впервые появилась въ 1844—52 г.г. и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ переиздавалась, сохраняя за собою въ теченіе всего этого долгаго времени значеніе первостепеннаго, самаго обстоятельнаго, капитальнаго труда по исторіи греческой философіи.

Изъ справочныхъ пособій въ современной нѣмецкой литературѣ главное мѣсто занимаетъ Paulys Real-Encyclopädie d. classischen Altertumswissenschaft, вышедшая въ 1839—52 г., въ 6 т., и издаваемая теперь (1893 сл.) въ совершенно новой переработкѣ подъ редакціей Wissowa, при участіи многихъ спеціалистовъ: она представляетъ, такъ сказать, кодификацію современныхъ свѣдѣній по классической древности[2]).

Французская литература.

Во французской литературѣ за послѣдніе годы, какъ и за предыдущіе, нельзя указать какого-либо крупнаго общаго труда по исторіи Греціи[3]). Центръ тяжести во французской литературѣ попрежнему падалъ на отдѣльныя монографіи и изслѣдованія[4]).

Англійская литература.

Въ Англіи первою болѣе или менѣе значительною «Исторіею Греціи» послѣ Грота явилась «History of Greece» Abbot'a (3 т. 1888—1900). Новѣйшая общая исторія Греціи въ англійской литературѣ принадлежитъ Bury—«History of Creece to the death of Alexander the Great» (1900). По всесторонности, знанію литературы и источниковъ, по сравнительно небольшому объему (въ 1-мъ изд. въ одномъ томѣ—вся исторія Греціи до смерти Александра Македонскаго), наконецъ, по изложенію,—это одно

---

[1]) По поводу этого изслѣдованія—ст. кн. С. Н. Трубецкого въ Сборн. въ честь Ѳ. Е. Корша (Χαριστήρια. М. 1896); ср. его этюды по исторіи греч. религіи («Научн. Сл.», 1903).

[2]) По древностямъ есть также словарь Любкера, имѣющійся въ 2 русск. переводахъ.

[3]) Книжка A. Croiset, Les Démocraties antiques. P. 1909, слишкомъ поверхностна и не свободна отъ ошибокъ.

[4]) Кромѣ уже отмѣченныхъ (стр. 171) слѣдуетъ назвать работы Glotz'a (L'ordalie dans la Grèce primitive. P. 1904; La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P. 1904; Etudes sociales et juridiques sur l'antiquité grecque. P 1906) и монографію Colin, Rome et la Grèce de 200 à 146 av. J. Ch. P. 1905.

изъ лучшихъ и наиболѣе удобныхъ общихъ пособій. О Магаффи уже было упомянуто (стр. 186).

Изъ сочиненій на итальянскомъ языкѣ самымъ крупнымъ за послѣдніе годы является De Sanctis, «Ἀτθίς. Storia della republica Ateniese dalle origini alle riforme di Clistene» (1898), имѣющее однако немало недостатковъ (Санктисъ—ученикъ Белоха и находится подъ сильнымъ вліяніемъ его). Итальянская.

Въ русской литературѣ, кромѣ упомянутыхъ уже трудовъ Э. Р. ф. Штерна, Ѳ. Г. Мищенка и друг., мы должны прежде всего отмѣтить работы безвременно скончавшагося (1900) московскаго профессора В. А. Шеффера, которому, кромѣ довольно многочисленныхъ статей, принадлежатъ диссертаціи—«De Deli insulae rebus» (Berlin. 1889), основная монографія по данному вопросу, одна изъ лучшихъ въ ряду, теперь довольно длинномъ, работъ по мѣстной исторіи Греціи, и «Аѳинское гражданство и народное собраніе» (М. 1891). Планъ послѣдней задуманъ былъ широко, но была выполнена только часть его. Для насъ наибольшій интересъ здѣсь представляетъ II глава, въ которой подробно излагается исторія родового строя въ Аѳинахъ и борьба территоріальнаго принципа съ родовымъ; особенно же обстоятельно разсматривается реформа Клисѳена. Едва-ли не главное значеніе этого труда В. А. Шеффера заключается въ томъ, что авторъ одинъ изъ первыхъ воспользовался только-что открытымъ тогда трактатомъ Аристотеля [1]). Русская. В. А. Шеффер.

Среди современныхъ русскихъ спеціалистовъ по греческой исторіи видное мѣсто занимаетъ С. А. Жебелевъ. Въ своемъ лицѣ онъ соединяетъ археолога, эпиграфиста, историка и филолога-классика. Наиболѣе крупные его труды [2]) посвящены детальному изслѣдованію темныхъ, еще не разработанныхъ вопросовъ времени упадка Греціи и носятъ очень спеціальный характеръ. Такова его магистерская диссертація: «Изъ исторіи Аѳинъ. 229—31 г.г. до Р. Х.» (Спб. 1896), написанная на основаніи преимущественно документальныхъ источниковъ—надписей. Другой, еще болѣе крупный трудъ С. А. Жебелева—его «ΑΧΑΙΚΑ. Въ области древностей провинціи Ахаіи» (Спб. 1903), рядъ этюдовъ, посвященныхъ вопросамъ опять-таки мало изслѣдованнымъ,—о времени организаціи провинціи Ахаіи, о ея территоріи, перемѣнахъ въ административномъ положеніи, общинахъ, союзахъ; о государственномъ устройствѣ Спарты въ эпоху римской имперіи, о С. А. Жебелевъ.

[1]) Посмертнымъ трудомъ В. А. Шеффера была его большая ст. о демократіи, въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclop., Supplem. 1903.

[2]) Изъ болѣе раннихъ его работъ слѣдуетъ отмѣтить «Религ. врачев. въ древн. Греціи». Спб. 1893 (изъ Зап. Импер. Рус. Археолог. Общ.).

жречествахъ и празднествахъ императорскаго культа провинціи Ахаіи и о государственномъ строѣ послѣдней. Всѣ вопросы изслѣдованы съ обычною у С. А. Жебелева осторожностью и обстоятельностью.

Н. И. Карѣевъ

Совершенно инымъ характеромъ отличаются работы Н. И. Карѣева—«Государство-городъ античнаго міра» (Спб. 1893), «опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ», и «Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра» (Спб. 1904), «очеркъ политической, экономической и культурной эволюціи древняго міра подъ господствомъ универсальныхъ монархій». Это—курсы, которые читаны были авторомъ на экономическомъ отдѣленіи Петербургскаго политехникума и, слѣдовательно, имѣютъ въ виду не ученыхъ спеціалистовъ, а учащуюся молодежь и вообще широкій кругъ читателей; это—книги популярнаго характера. Въ томъ и другомъ курсѣ Н. И. Карѣевъ разсматриваетъ извѣстный историческій типъ: въ одномъ — государство-городъ у грековъ и римлянъ, въ другомъ—монархіи древности. Тема первой книжки—та-же, что̀ и у Фюстель де Куланжа; но, помимо уже всего остального, схема, точки зрѣнія и выводы иные: Н. И. Карѣевъ не раздѣлялъ основныхъ воззрѣній Фюстель де Куланжа на значеніе религіи; затѣмъ, Фюстель де Куланжъ, какъ извѣстно (стр. 151), исходилъ изъ мысли о несходствѣ античнаго міра съ новымъ европейскимъ, а Н. И. Карѣевъ, напротивъ, старается показать, какъ близокъ намъ античный міръ. Если тема первой книжки не нова, то совершенно новы и оригинальны тема и планъ второй: она показываетъ, что̀ отъ монархій древняго Востока воспринято было эллинистическими царствами, а отъ послѣднихъ—римскою имперіей. Н. И. Карѣевъ—спеціалистъ по новой исторіи, а не по древней; но это имѣетъ и свою хорошую сторону: онъ могъ взглянуть на исторію древности съ свѣжей, съ иной и болѣе широкой точки зрѣнія; онъ могъ пользоваться сравнительнымъ методомъ, приводить много аналогій и дѣлать сравненія. Н. И. Карѣевъ пользуется преимущественно пособіями (изъ источниковъ онъ чаще всего, конечно, цитируетъ Аристотеля); но лучшія изъ новѣйшихъ сочиненій ему хорошо извѣстны, въ особеености труды Белоха и Э. Мейера. Словомъ, обѣ его книжки, вовсе не претендующія на самостоятельность научныхъ изслѣдованій, являются полезными популярными пособіями и достигаютъ той цѣли, о которой заявляетъ самъ авторъ,—«возбудить въ читателѣ интересъ къ античности, къ которой, къ сожалѣнію, всѣмъ хорошо извѣстныя обстоятельства внушаютъ

большею частью только чувства, противоположныя всякому желанію подойти къ предмету ближе».

«Лекціи» Р. Ю. Виппера.

Новѣйшій общій курсъ греческой исторіи въ русской литературѣ принадлежитъ московскому профессору Р. Ю. Випперу[1]) («Лекціи по исторіи Греціи». М. 1905; 2-е изд.—1906). Пока вышла только I-я часть, заканчивающаяся кризисомъ демократіи въ концѣ V в. Цѣль курса Р. Ю. Виппера—«дать основу для университетскихъ занятій по исторіи Греціи, т. е. намѣтить главные вопросы въ изученіи соціальнаго и политическаго развитія греческихъ общинъ и указать важнѣйшія мѣста въ источникахъ, на основаніи которыхъ можно выяснить существенныя черты этого развитія». На первомъ планѣ ставится «возсозданіе соціальныхъ отношеній».

Въ «Лекціяхъ» Р. Ю. Виппера есть нѣкоторые пробѣлы; оставлена съ сторонѣ, напр., микенская эпоха, такъ какъ, по мнѣнію автора, многочисленный матеріалъ, открытый благодаря раскопкамъ, относится главнымъ образомъ къ исторіи искусствъ, технической и внѣшней культурѣ и мало даетъ для «возсозданія соціальныхъ отношеній», между тѣмъ какъ въ дѣйствительности этотъ матеріалъ даетъ картину пышно расцвѣтшей цивилизаціи, проливаетъ свѣтъ на политическія, торговыя и вообще культурныя связи, и на основаніи его можно даже сдѣлать выводъ объ общемъ типѣ государствъ той эпохи; Спарта стоитъ слишкомъ ужъ далеко на заднемъ планѣ; о сицилійскихъ городахъ почти ни слова не сказано; почти ничего нѣтъ и о греческой религіи, искусствѣ. Зато прекрасно освѣщена другая сторона—политико-соціальная. Современная историческая наука отличается большимъ натурализмомъ, и Р. Ю. Випперъ стремится изобразить жизнь грековъ какъ можно реальнѣе и прозаичнѣе. Въ этомъ и достоинство, и недостатокъ его «Лекцій». Въ его курсѣ много оригинальнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и спорнаго. Курсъ этотъ отличается слишкомъ ужъ скептическимъ отношеніемъ къ нашимъ источникамъ, къ исторической традиціи. Авторъ нерѣдко впадаетъ въ гиперкритику. Въ свидѣтельствѣ Аристотеля и Плутарха о бѣдственномъ положеніи земледѣльческаго населенія Аттики передъ реформою Солона Р. Ю. Випперъ, напр., видитъ «формулу и программу, слишкомъ явно напоминающія характеръ общественныхъ отношеній и настроеній во многихъ греческихъ общинахъ въ эпоху соціальнаго кризиса Пелопоннесской войны». Раздѣлъ земель (γῆς ἀναδασμός) и кассированіе долговъ (χρεῶν ἀποκοπή) составляли, по его словамъ, формулу, лозунгъ радикально-соціалистическихъ

[1]) Моя подробная рецензія—въ Ж. М. Н. Пр., 1905, окт.

партій конца V в. Но Аристотель и Плутархъ въ своемъ свидѣтельствѣ цитируютъ отрывки самого Солона, говорятъ его словами, и картина, изображаемая ими, въ общемъ, если исключить нѣкоторыя не совсѣмъ вѣрныя подробности, соотвѣтствуетъ тому, что̀ говоритъ и Солонъ, современникъ и участникъ-очевидецъ.

Но «Лекціи» Р. Ю. Виппера отличаются и большими достоинствами. Это—трудъ талантливый, во многомъ оригинальный и во всякомъ случаѣ интересный. Положеніе и отношеніе классовъ населенія, общественная организація и т. под. изображаются здѣсь мастерски. Удачно выбранными цитатами и отрывкими изъ литературныхъ произведеній грековъ авторъ ярко и мѣтко характеризуетъ настроеніе, явленіе. Очень хороши главы объ Аѳинахъ и ихъ демократіи, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что̀ говоритъ Р. Ю. Випперъ о сдерживающихъ началахъ въ этой демократіи, о реформѣ ареопага и т. д. Онъ справедливо отмѣчаетъ въ какой степени элементъ контроля былъ развитъ въ аѳинской политической жизни. «Это былъ», по его выраженію, «очень сложный, тонкій, осмотрительно выработанный порядокъ.... Аѳинскій многоголовый государь не былъ капризнымъ деспотомъ, онъ былъ весьма добросовѣстнымъ и точнымъ въ исполненіи обязанностей конституціоннымъ правителемъ». Подобно Н. И. Карѣеву, Р. Ю. Випперъ—спеціалистъ преимущественно по новой исторіи, и онъ внесъ въ изученіе греческой исторіи свѣжесть, широту и непредубѣжденность взгляда, чуждаго рутины, хотя, нужно сказать, онъ нерѣдко впадаетъ въ излишній модернизмъ. Р. Ю. Випперъ широко пользуется аналогіей, дѣлая частыя сопоставленія между явленіями греческой исторіи и исторіи другихъ эпохъ и народовъ.

«Исторія аѳинской демократіи».

«Исторіи аѳинской демократіи» посвящена моя книга, вышедшая въ 1909 г. (Спб.). При изложеніи этой исторіи я имѣлъ въ виду не только самый строй и учрежденія, но и среду, воззрѣнія, настроенія. Свою книгу я предназначалъ не столько для спеціалистовъ, сколько для болѣе широкаго круга—для университетскихъ слушателей, для ищущихъ самообразованія, для интересующихся исторіей, въ особенности исторіей политическихъ формъ. Поэтому я избѣгалъ вдаваться въ мелкія подробности, пускаться въ сколько-нибудь рискованныя гипотезы.

Ѳ. Ф. Зѣлинскій.

Разнообразныхъ темъ изъ области греческой литературы религіи, нравственности, мысли и культурной исторіи вообще касается профессоръ Петербургскаго университета Ѳ. Ф. Зѣлинскій въ своихъ блестящихъ статьяхъ, собранныхъ имъ

подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ жизни идей» (Спб. 1905—7; есть 2-е изд.), въ 3 т., при чемъ послѣдній томъ носитъ еще и особое заглавіе—«Соперники христіанства»: разумѣются здѣсь «тѣ теченія античной религіозной и міросозерцательной мысли, которыя въ большей или меньшей степени удовлетворяли тѣмъ же потребностямъ человѣческой души, какъ и христіанство, и поэтому должны были вступить съ ними въ борьбу». Ѳ. Ф. Зѣлинскій — широко образованный, глубокій знатокъ античности [1]), блестящій стилистъ, и его статьи, написанныя къ тому же мастерски, представляютъ особый интересъ. Не смотря на разнообразіе темъ, почти всѣ онѣ задуманы какъ составныя части единаго зданія. Для автора античный міръ «не тихій и отвлекающій отъ современной жизни музей, а живая часть новѣйшей культуры»; онъ видитъ «преимущественное значеніе античности въ томъ, что она была родоначальницей тѣхъ идей, которыми мы и нынѣ живемъ. Изучая, такимъ образомъ, античность, если можно такъ выразиться, съ наклономъ къ современности, я», говоритъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій, «намѣтилъ планъ гигантскаго научнаго зданія, которое бы обнимало и біографію, и біологію тѣхъ идей, совокупность которыхъ составляетъ современную умственную культуру».

Всемірныя исторіи.

Пособіемъ при ознакомленіи съ греческой исторіей могутъ служить, разумѣется, и «Всеобщія» или «Всемірныя исторіи» (напр. Вебера, Іегера, Гельмольта). Въ русской литературѣ, если оставить въ сторонѣ учебники и пособія, имѣющіе въ виду главнымъ образомъ потребности средней школы, можно отмѣтить «Лекціи по всемірной исторіи» проф. М. Н. Петрова (т. I. «Исторія древняго міра», обработанная А. Н. Деревицкимъ. 2-е изд. Спб. 1907). Лекціи эти представляютъ общій краткій курсъ, читанный покойнымъ профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ въ теченіе 70-хъ и первой половины 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія и оставшійся послѣ его смерти въ видѣ литографированныхъ записокъ слушателей. А. Н. Деревицкій, гдѣ нужно, исправилъ и внесъ много добавленій, что̀ требовало большого труда въ виду значительной отсталости курса; пополнилъ библіографическія указанія, помѣстивъ ихъ въ началѣ каждой главы и въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. М. Н. Петровъ преимущественно слѣдилъ за связью фактовъ, стараясь представить самый «механизмъ историческаго движенія». Не будучи самостоятельнымъ изслѣдователемъ въ области древней исторіи, основываясь на трудахъ иностранныхъ ученыхъ, М. Н. Петровъ умѣлъ однако отлично сгруппировать, освѣтить и осмыслить факты.

---

[1]) Ему принадлежатъ многочисленные труды, въ томъ числѣ на нѣм. яз.—Die Gliederung d. altattisch. Komödie. Leipz. 1885.

Прибавимъ къ этому образцовый по сжатости, выразительности и изяществу языкъ, что̀ вполнѣ гармонируетъ съ даваемымъ М. Н. Петровымъ опредѣленіемъ исторіи, какъ научнаго и вмѣстѣ художественнаго воспроизведенія прошлаго....

Хронологія и географія.

Историку постоянно приходится имѣть дѣло съ хронологіей. Помимо спеціальныхъ изслѣдованій по тому или другому вопросу касательно греческой хронологіи, мы располагаемъ и общими справочными трудами, каковы «Fasti Hellenici» Клинтона (въ обраб. Kruger'a. Lips. 1830) и «Хронологическія таблицы» Петера (пер. съ нѣм. В. В. Смирновымъ. М. 1893) [1].—По географіи древней Греціи извѣстны труды Киперта [2]), Бурзіана[3]), Неймана и Партча[4]), и атласы того-же Киперта и Шпрунера-Менке[5]).—Труды по исторіи литературы, философіи и искусства отмѣчены мною въ примѣчаніяхъ, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Заключеніе.—Общій характеръ современнаго научнаго движенія въ области греческой исторіи.

Подведемъ теперь, такъ сказать, итогъ,—резюмируемъ сказанное и охарактеризуемъ въ общихъ чертахъ современное научное движеніе въ области древне-греческой исторіи[6]).

Въ обществѣ широко распространено мнѣніе, что въ древней исторіи все уже изучено до послѣднихъ подробностей, что все здѣсь давно уже извѣстно и изслѣдователю, работающему въ этой области, ничего не остается, какъ только повторять зады, старое, избитое. Нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго мнѣнія. Наоборотъ, ни въ одной, быть можетъ, сферѣ историческаго знанія не замѣчается въ настоящее время такого оживленія, не совершается такого быстраго движенія, не дѣлается такихъ открытій, какъ въ греческой исторіи. При этомъ тутъ наблюдается интересное совпаденіе: съ одной стороны, мѣняются вообще воззрѣнія на историческій процессъ и его факторы; обращается вниманіе на такія явленія исторической жизни, которыя до сихъ поръ оставлялись въ пренебреженіи, въ тѣни; къ исторіи, какъ къ наукѣ, предъявляются новыя требованія, ей ставятся новыя задачи; съ другой стороны, открывается новый матеріалъ для рѣшенія этихъ задачъ въ области греческой исторіи.

[1]) Къ хронологіи имѣютъ отношеніе и труды Авг. Моммзена· Chronologie. Untersuchungen über das Kalendarwesen d. Griechen. Leipz· 1883; Feste d. Stadt Athen im Alterth. Leipz. 1898.

[2]) Kiepert, Lehrbuch d. alten Geographie. Berlin. 1878.

[3]) Bursian, Geographie von Griechenland. 2 Bde. Leipz. 1862—72.

[4]) Physikal. Geogr. Griechenl. Breslau. 1885.

[5]) Атласъ древн. въ новой обраб. Sieglin'a (Gotha. 1893—5).

[6]) Ср. мою ст. въ «Русской Мысли», 1900, февраль.

Начало современнаго движенія въ изученіи греческой исторіи относится къ 70-мъ годамъ XIX в., и первое, что̀ характеризуетъ его, есть именно чрезвычайный ростъ матеріала, открытіе новыхъ данныхъ. Ростъ матеріала.

Этимъ мы обязаны прежде всего археологіи—тѣмъ замѣчательнымъ раскопкамъ, которыя начались съ 70-хъ годовъ.

Можно сказать, что въ настоящее время почти всѣ націи образованнаго міра, начиная съ нѣмцевъ и кончая практическими янки,—отдѣльныя лица, ученыя общества и учрежденія, правительства,—всѣ соперничаютъ другъ съ другомъ на этомъ поприщѣ, употребляютъ громадныя средства, иногда сотни тысячъ, и каждая изъ націй имѣетъ обыкновенно какъ-бы свой излюбленный районъ, гдѣ преимущественно ея представителями или на ея счетъ производятся раскопки.

Среди матеріала для исторіи Греціи особенно видное мѣсто заняли надписи, имѣющія для нея то-же значеніе, что̀ для новой—архивные документы. Это—какъ-бы «каменный архивъ» Эллады. Надписями интересовались и раньше. Ими пользовался Бекъ для своего извѣстнаго труда о «Государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ»; онъ-же положилъ начало научному изданію ихъ и явился основателемъ особой дисциплины—эпиграфики. Но все-же это были скорѣе исключенія, единичныя явленія, и послѣ Бека до самаго конца 60-хъ гг. XIX в. надписями, говоря вообще, пользовались сравнительно мало; ихъ оцѣнили не сразу, и, какъ историческій источникъ, онѣ долго еще стояли на заднемъ планѣ. Вполнѣ надписи оцѣнены и на нихъ обращено надлежащее вниманіе лишь съ 70-хъ годовъ; за послѣднія лѣтъ сорокъ эпиграфика сдѣлала громадные успѣхи, достигла блестящаго развитія, и въ изученіи греческой исторіи возобладало эпиграфическое направленіе, съ ея нерѣдко крайностями и односторонностями.

На ряду съ археологическими раскопками и разысканіями шли изслѣдованія по топографіи Греціи, которымъ наука обязана новыми данными для исторіи и географіи древней Эллады, частью подкрѣпляющими, частью исправляющими свидѣтельства древнихъ авторовъ.

Наконецъ, поразительно увеличился и матеріалъ рукописный, особенно за послѣднія два десятилѣтія. Найдена масса папирусовъ, содержащихъ разнаго рода документы, отрывки и даже цѣлыя произведенія древнихъ авторовъ, между ними такія, которыя раньше были не извѣстны намъ или считались утраченными навсегда. Наступила эпоха «папирологіи».

Отношеніе къ матеріалу.

Но не только чрезвычайно возросъ матеріалъ по греческой исторіи; измѣнилось и самое отношеніе къ матеріалу.

Во-первыхъ, между тѣмъ какъ прежде исторію Греціи излагали, основываясь почти исключительно на древнихъ авторахъ, теперь первое мѣсто нерѣдко отводится надписямъ и—въ послѣднее время—папирусамъ, т. е. матеріалу по преимуществу документальному, въ своемъ родѣ архивному. Такимъ образомъ, исторія Греціи получила характеръ документальный. Другими словами, въ ея разработкѣ совершилась такая-же перемѣна, какая въ разработкѣ новой исторіи произошла гораздо раньше, еще въ 20-хъ годахъ XIX ст. Было время, когда, напр., и исторію Западной Европы въ XV и XVI вв. излагали по историческимъ сочиненіямъ Гвиччіардини, Бокера и т. п. Подобно тому, какъ изслѣдователи новой исторіи обращаются къ наполненнымъ бумагами архивамъ, такъ и новѣйшіе историки Греціи обращаются къ «каменному архиву» Эллады, и какъ въ области разработки новой исторіи «архивное направленіе» подчасъ вырождается въ крайность и односторонность, такъ и въ области разработки древней увлеченіе эпиграфическимъ матеріаломъ заходитъ иногда слишкомъ далеко, и изъ-за этого матеріала слишкомъ пренебрегаются источники литературные.

Измѣнился въ послѣднее время и взглядъ на древнихъ авторовъ. Въ 60-хъ и отчасти въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія господствовала такъ называемая Einquellentheorie, т. е. мнѣніе, будто древніе авторы, подобные Плутарху и Діодору, клали въ основу своего изложенія каждый разъ лишь одинъ какой-нибудь источникъ, списывая его механически или дословно. Въ сущности это было распространеніе на античную исторіографію того положенія, которое было примѣнимо къ средневѣковой. По большей части это была безплодная работа, и въ настоящее время Einquellentheorie можетъ считаться ужъ оставленною, какъ совершенно невѣрная по отношенію къ древнимъ авторамъ.

XIX вѣкъ отличается, между прочимъ, высокимъ развитіемъ исторической критики. Послѣдняя доходитъ иногда даже до крайности, до натяжекъ и ухищреній, превращается въ гиперкритику и въ излишній скептицизмъ. Такое направленіе отразилось и на разработкѣ греческой исторіи. Оно выразилось, во-первыхъ, въ оцѣнкѣ древнихъ историковъ (напр., въ нападкахъ Мюллеръ-Штрюбинга на Ѳукидида, въ отзывахъ объ открытомъ трактатѣ Аристотеля). Во-вторыхъ, крайности критики проявлялись также въ отношеніи къ фактамъ и въ отзывахъ объ

историческихъ дѣятеляхъ древней Греціи (въ непризнаніи факта вторженія дорянъ у Белоха, въ нападкахъ на Перикла, въ отношеніи Ю. Шварца къ аѳинской демократіи).

Но рядомъ съ такимъ скептицизмомъ и гиперкритикой существовало и иное, болѣе умѣренное направленіе, и оно въ настоящее время восторжествовало. Многіе вопросы были пересмотрѣны вновь, и нападки и сомнѣнія представителей крайняго критическаго направленія оказались далеко не во всемъ основательными. Вообще мы склонны теперь относиться довѣрчивѣе къ исторической традиціи грековъ. Новѣйшія великія открытія, какъ ни поразительны ихъ результаты, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подтвердили, однако, свидѣтельство поэтовъ и историковъ и должны были подѣйствовать умѣряющимъ образомъ на нашъ скептицизмъ, внушить больше довѣрія къ античной традиціи. Открытія Шлимана и друг. показали, что въ гомерическомъ эпосѣ не все ложь и вымыселъ: на мѣстѣ древняго Иліона, какъ оказалось, дѣйствительно былъ городъ, во многомъ похожій на гомерическую Трою; Микены дѣйствительно были резиденціей владыкъ и «златообильными», какъ ихъ называетъ поэтъ. Преданія о вліяніи культурныхъ странъ древняго Востока тоже нашли себѣ подтвержденіе въ данныхъ археологіи. Затѣмъ оказалось, что документальныя свидѣтельства, которыя могли лечь въ основу исторической традиціи грековъ, восходятъ къ сравнительно болѣе древнему времени; напр., уже въ VI в. въ Аѳинахъ имѣлись начертанныя на камнѣ надписи, и слѣдовательно, аттическіе хронисты могли пользоваться ими.

А въ результатѣ рѣзкихъ нападокъ на аѳинскую демократію и ея дѣятелей, подобныхъ, напр., Периклу, вмѣсто прежняго, нерѣдко слѣпого, преклоненія предъ ними, явилось болѣе безпристрастное отношеніе къ нимъ, болѣе сознательное признаніе ихъ заслугъ, при чемъ роль отдѣльныхъ личностей въ дѣлѣ развитія аѳинской демократіи пришлось значительно ограничить и признать замѣчательную послѣдовательность, закономѣрность и, такъ сказать, органичность этого развитія.

Къ тому-же общее направленіе исторической науки должно было отразиться и на изученіи исторіи древней Греціи.

Умаленіе роли личности.

Наблюдаемое въ наше время стремленіе къ умаленію роли личности отражается и въ разработкѣ греческой исторіи. Мы видѣли его, напр., у Белоха; господствуетъ также взглядъ, по которому въ Спартѣ вовсе не было «великаго законодателя», давшаго ей государственное устройство. Въ этомъ устройствѣ видятъ частью созданіе глубокой древности, сохранившееся

только въ Спартѣ, частью продуктъ постепеннаго развитія, подъ вліяніемъ и взаимодѣйствіемъ различныхъ факторовъ; а личность Ликурга признается миѳическою.

Идея эволюціи.

Идея эволюціи находитъ себѣ примѣненіе и въ исторіи Греціи. А нашъ новый матеріалъ какъ археологическій, такъ и литературный, даетъ ей новую опору. Благодаря ему, открываются промежуточныя звенья между періодами и явленіями, не имѣющими, казалось бы, ничего общаго между собою, раздѣленными, повидимому, цѣлою пропастью, и устанавливается неразрывная связь тамъ, гдѣ ея прежде и не подозрѣвали. Такъ, открытая Шлиманомъ микенская культура на первыхъ порахъ поразила своею своеобразностью и отличіемъ отъ культуры позднѣйшей, чисто-эллинской; а благодаря новѣйшимъ раскопкамъ и находкамъ, между ними открываются все новыя точки соприкосновенія и переходныя ступени. Противопоставленіе Кимона и Перикла въ отношеніи строительной дѣятельности оказывается невѣрнымъ, и одинъ является продолжателемъ другого. Многое изъ того, что̀ признавалось созданіемъ отдѣльной личности и болѣе поздняго времени, при ближайшемъ изслѣдованіи и благодаря новымъ даннымъ, оказывается созданіемъ чисто-народнымъ, существовавшимъ уже гораздо раньше. Въ этомъ отношеніи важенъ и недавно открытый трактатъ Аристотеля: изъ него мы видимъ, съ какою послѣдовательностью, безъ скачковъ, чисто органически, развивался государственный строй Аѳинъ.

Интересъ ко второстепеннымъ общинамъ.

Съ общимъ направленіемъ современной исторической науки, съ ея нивеллирующей тенденціей, съ ея стремленіемъ изучать исторію народной массы, а не только «великихъ людей», обращать вниманіе больше на «состояніе», чѣмъ на «событія», можетъ быть поставлено отчасти въ связь и то обстоятельство, что въ послѣднее время изслѣдователи стали особенно интересоваться жизнью и судьбою даже второстепенныхъ и третьестепенныхъ греческихъ городскихъ общинъ, а также исторіей Аѳинъ во времена ихъ упадка и утраты политической самостоятельности. Въ этомъ отношеніи характерна «Исторія Греціи» Белоха, въ которой Спартѣ и Аѳинамъ вовсе не отводится такого главнаго, можно сказать привилегированнаго, мѣста, какъ обыкновенно. Кромѣ того, появился цѣлый рядъ спеціальныхъ монографій и изслѣдованій, посвященныхъ исторіи разныхъ второстепенныхъ государствъ или Аѳинъ III—II в. до Р. Х.

Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что пробужденіе такого интереса къ этой исторіи находится въ прямой связи съ открытіемъ новыхъ надписей: именно надписи впервые дали для нея

надлежащій матеріалъ. Прежніе изслѣдователи, если бы даже и интересовались судьбою и жизнью второстепенныхъ городскихъ общинъ Эллады, ничего не могли бы сдѣлать въ этой области просто за недостаткомъ матеріала. Теперь же надписи пролили свѣтъ на внѣшнія отношенія и положеніе этихъ городовъ и на исторію Аѳинъ времени македонскаго и римскаго владычества. Такимъ образомъ, для изслѣдователей открылась новая, еще не разработанная область, и естественно, что они обратили сюда свое вниманіе.

Интересъ къ соціально-экономической сторонѣ.

Современную историческую науку особенно интересуетъ соціально-экономическая сторона. Интересъ къ ней обнаружился—преимущественно съ начала 90-хъ годовъ прошедшаго вѣка—и въ области изученія греческой исторіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ монографій и изслѣдованій, появившихся въ послѣднее время и касающихся соціальныхъ и экономическихъ отношеній въ древней Элладѣ. Но для выясненія этой стороны въ исторіи Греціи болѣе всего сдѣлали Белохъ, Э. Мейеръ и Пельманъ, которые вообще являются главными представителями современнаго направленія въ изученіи исторіи древняго міра. До тѣхъ поръ въ общихъ трудахъ по исторіи Греціи соціально-экономическая сторона обыкновенно игнорировалась или оставалась слишкомъ въ тѣни. Англійскій историкъ Гротъ, современникъ парламентской реформы, самъ политическій дѣятель, либералъ и приверженецъ Манчестерской школы съ ея девизомъ «laissez faire, laissez passer», интересовался преимущественно политическою исторіей и политическою борьбой партій. Курціусъ писалъ свою «Греческую Исторію» больше какъ археологъ и эстетикъ. Белохъ впервые удѣлилъ надлежащее мѣсто соціально-экономическимъ отношеніямъ въ исторіи Греціи. Большое вниманіе на эту сторону обращаетъ также Э. Мейеръ, прекрасно выясняющій значеніе соціально-экономическихъ факторовъ въ исторіи Греціи, хотя онъ и чуждъ всякой крайности и односторонности и далекъ отъ «экономическаго матеріализма», а въ теоріи примыкаетъ даже къ старому направленію. Особенно же интересуется соціально-экономическою исторіей древняго міра Пельманъ.

Но если теперь обращается такое вниманіе на хозяйственныя отношенія древнихъ грековъ, то и тутъ, кромѣ общаго преобладающаго теченія въ современной исторической наукѣ, вліяло также открытіе новаго матеріала, именно—надписей, безъ которыхъ многіе вопросы и стороны хозяйственной жизни Эллады оставались бы попрежнему невыясненными и даже не

могли быть изучаемы. Какъ было уже упомянуто, надписи не только знакомятъ насъ съ положеніемъ и устройствомъ финансовъ, но и сообщаютъ, напр., свѣдѣнія о величинѣ процентовъ, арендной и заработной платы, объ урожаяхъ, о цѣнахъ на хлѣбъ, масло и другіе продукты, о стоимости скота, одежды, жилыхъ помѣщеній, строительнаго матеріала и проч. Слѣдовательно, и здѣсь мы видимъ совпаденіе и, такъ сказать, взаимодѣйствіе между новыми открытіями и новыми воззрѣніями въ исторической наукѣ: надписи даютъ матеріалъ для рѣшенія многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые ставитъ современная наука.

Такимъ образомъ, въ настоящее время интересъ сосредоточивается преимущественно на исторіи общества и общественныхъ классовъ.

Модернизація греч. исторіи.

При подобной точкѣ зрѣнія невольно напрашивалось сравненіе древности съ новыми вѣками, съ нашимъ временемъ. И дѣйствительно, одной изъ главнѣйшихъ особенностей современнаго направленія въ разработкѣ греческой исторіи является черта, которую я бы назвалъ модернизаціей этой исторіи,— сближеніе и сопоставленіе ея съ современностью, проведеніе аналогіи между развитіемъ древняго міра и новаго времени. Но такая модернизація имѣетъ, конечно, свою опасную сторону: тутъ легко впасть въ крайность и натяжки, усмотрѣть сходство тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ или гдѣ оно только кажущееся; сосредоточивая все вниманіе на аналогичныхъ моментахъ, изслѣдователь легко можетъ оставить въ сторонѣ и недостаточно оттѣнить особенности, специфически свойственныя древности и отличающія ее отъ новаго времени, или упустить изъ виду характерныя черты послѣдняго.

Была пора, когда въ грекахъ видѣли «аристократовъ человѣческой породы», героевъ и людей, витавшихъ лишь въ сферѣ «возвышеннаго», «великаго», «прекраснаго»; на нихъ долго господствовала романтическо-сентиментальная точка зрѣнія; предъ ними слѣпо преклонялись и идеализировали ихъ; въ греческой жизни искали и видѣли одну «гармонію». Жанъ Поль Рихтеръ, напр., полагалъ, что «современное человѣчество опустилось бы въ бездонную пропасть, если бы юношество на пути къ ярмаркѣ жизни не проходило черезъ тихій храмъ великой классической старины». По выраженію Виламовица, въ представленіи прежнихъ историковъ Греція являлась страною «прекрасныхъ, возвышенно настроенныхъ мужей и юношей, которые поклонялись красотѣ и жили въ мірѣ грезъ о прекраснѣйшей жизни, между тѣмъ какъ надъ ними улыбалось вѣчно голубое

небо». Правда, уже Бекъ въ своемъ «Государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ» заговорилъ о такихъ прозаическихъ вещахъ, какъ финансы, доходы и расходы, стоимость жилищъ, хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, и т. п., а Гротъ и другіе изслѣдователи тщательно изучали политическій строй Греціи. Но все-же древность казалась чѣмъ-то очень далекимъ отъ насъ, и мы съ трудомъ могли представить себѣ грековъ въ ихъ дѣйствительной, обыденной жизни, съ ихъ прозаическими, повседневными потребностями, заботами и интересами. Въ сущности для этого и надлежащаго матеріала было мало. Едва-ли не единственнымъ источникомъ, кромѣ—тогда еще сравнительно немногочисленныхъ—надписей, служилъ Аристофанъ, который въ своихъ комедіяхъ, дѣйствительно, даетъ типы заурядныхъ аѳинскихъ гражданъ, вводитъ въ ихъ жизнь, съ ея повседневными интересами и обыденными явленіями, и изображаетъ эту жизнь наглядно и ярко съ ея грубой, подчасъ даже циничной, стороны.

Послѣднія десятилѣтія XIX в. характеризуются стремленіемъ къ натурализму; мы видимъ его проявленіе и въ тогдашней литературѣ, и въ искусствѣ. Современное направленіе исторической науки тоже отличается большимъ реализмомъ, стремится изучить реальную жизнь. Да и матеріалъ нашъ для знакомства съ дѣйствительною жизнью древнихъ грековъ значительно увеличился за послѣднее время. Кромѣ Аристофана, мы теперь имѣемъ бытовыя сцены Герода. Въ томъ-же направленіи вліяютъ и археологическія находки. Вспомнимъ хотя бы о «танагрскихъ фигурахъ», этихъ статуэткахъ, которыя изображаютъ грековъ, въ особенности женщинъ и дѣтей, за ихъ повседневными занятіями, играми, туалетомъ и т. п. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны и недавно открытыя въ Кноссѣ миніатюрныя фрески, изображающія нарядныхъ декольтированныхъ дамъ, въ платьяхъ съ воланами и широкими, вздутыми рукавами. «Какой археологъ или художникъ», говоритъ по поводу ихъ современный французскій изслѣдователь, «представляя себѣ Федру или Пасифаю, помыслилъ бы сблизить ея образъ съ образомъ своей бабушки въ бальномъ костюмѣ, танцовавшей при дворѣ Карла X или Луи Филиппа?». Не говорю уже о надписяхъ, число которыхъ такъ увеличилось въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ и которыя даютъ такой богатый матеріалъ для знакомства съ хозяйственною жизнью грековъ. Немудрено поэтому, что греческая древность уже не кажется намъ теперь столь чуждой и далекой; она представляется намъ во многомъ близкой и понятной, подчасъ носящей отпечатокъ какъ-бы современности.

И вотъ, если въ 70-хъ годахъ Фюстель де Куланжъ въ своей извѣстной книгѣ: «La cité antique», исходилъ изъ мысли о радикальномъ, существенномъ различіи между античнымъ и современнымъ обществомъ, говоря, что «въ новое время нѣтъ ничего похожаго на Грецію и Римъ, ничего похожаго не можетъ быть и въ будущемъ», то господствующее теперь теченіе въ области греческой исторіи, въ лицѣ преимущественно Э. Мейера и Пельмана, напротивъ, сближаетъ древность и новое время и особенно выставляетъ на видъ аналогію и параллелизмъ въ ихъ историческомъ развитіи.

По Э. Мейеру, какъ мы видѣли, единаго, непрерывнаго прогрессивнаго развитія въ исторіи народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, нѣтъ, а есть два параллельныхъ процесса, два параллельныхъ періода: съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова. И Э. Мейеръ примѣняетъ названіе «средневѣковье», «средніе вѣка» и въ исторіи Эллады. Терминъ этотъ употребляетъ и другой представитель новѣйшаго направленія въ изученіи греческой исторіи—Пельманъ. Между западноевропейскимъ и греческимъ средневѣковьемъ оба усматриваютъ сходство во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ, въ государственномъ, общественномъ и экономическомъ строѣ ихъ. Нѣкоторые историки идутъ далѣе и возстаютъ вообще противъ той всемірно-исторической концепціи, которая видитъ въ отдѣльныхъ исторіяхъ народовъ древняго и новаго міра одно непрерывное цѣлое, исторію единаго человѣчества, а въ исторіи каждаго отдѣльнаго народа—ступень, фазисъ въ общемъ развитіи цѣлаго. Съ точки зрѣнія сторонниковъ новой концепціи «древность», «средніе вѣка», «новое время», это—соціологическіе или историческіе типы, не періоды въ послѣдовательной исторіи культурнаго человѣчества, какъ цѣлаго, а фазисы въ развитіи отдѣльныхъ обществъ или народовъ[1]). Безспорно, въ основаніи такой концепціи лежатъ вѣрныя наблюденія; но эта точка зрѣнія не охватываетъ всего историческаго процесса; она имѣетъ въ виду только одну сторону его и иногда упускаетъ изъ виду другую—несомнѣнно существующую преемственность и связь

---

[1]) См., напр., Д. М. Петрушевскій, Очерки изъ исторіи средневѣков. общества и государства. М. 1908 (2-е изд.); ср. и Р. Ю. Випперъ, Преподав. древн. исторіи и нов. историч. наука. М. 1899 (изъ «Вѣстн. Воспит.»); Нѣск. замѣч. о теоріи историч. познанія. (Вопр. филос. и психол., 1900, май—іюнь). Въ защиту всемірно-исторической точки зрѣнія—ст. Н. И. Карѣева въ «Рус. Школѣ», 1904.

между послѣдующимъ и предыдущемъ развитіемъ, между отдѣльными народами и странами, ихъ взаимодѣйствіе, наслѣдіе и вліяніе историческаго прошлаго, силу исторической традиціи и т. д.

Мейеръ выступаетъ и противъ теоріи Родбертуса и Бюхера о примитивности хозяйственныхъ формъ древности. На смѣну другому ходячему мнѣнію, связанному съ теоріей Родбертуса и принимавшемуся почти за аксіому, а именно, будто античное общество покоилось исключительно на рабскомъ трудѣ, не знало—совершенно или почти совершенно—свободныхъ рабочихъ,—на смѣну этому мнѣнію является теперь совершенно иной взглядъ, проводимый тѣми-же представителями новѣйшаго направленія въ области изученія греческой исторіи—Белохомъ, Пельманомъ, Э. Мейеромъ—, по которому рабство не было такимъ экономически важнымъ факторомъ въ жизни грековъ и на ряду съ нимъ развивался свободный трудъ, при чемъ и тутъ проводится аналогія между античною древностью и новыми вѣками: рабство въ эпоху расцвѣта демократіи сопоставляется съ свободнымъ трудомъ новаго времени. Другой новѣйшій авторъ (Wetzel) сравниваетъ роль рабовъ въ древности съ ролью машинъ въ наше время и по этому поводу вспоминаетъ слова Аристотеля, что если бы ткацкіе челноки ходили сами собой, то больше не было бы надобности и въ рабахъ.

«Въ древности преобладали, хотя на гораздо меньшемъ пространствѣ и въ иныхъ формахъ, тѣ-же вліянія и противоположности, которыя управляютъ и современнымъ развитіемъ», говоритъ, какъ мы видѣли, Э. Мейеръ. «Древній міръ волновали тѣ-же жизненные вопросы, которые еще и теперь, отчасти нерѣшенные, занимаютъ каждаго мыслящаго человѣка», такова основная идея, которая красною нитью проходитъ и черезъ работы Пельмана, касающіяся древности. По воззрѣніямъ Пельмана и другихъ представителей новѣйшаго направленія въ изученіи греческой исторіи, язвы, отъ которыхъ страдаетъ современное общество, далеко не специфическая черта новаго времени, лишь ему свойственная. Пельманъ придаетъ большое значеніе введенію въ сферу историческаго изслѣдованія понятія общества и анализа отношенія къ нему государства. Въ этомъ, равно какъ и въ сознаніи назначенія государства, какъ посредника между общественными классами и представителя общаго интереса въ противовѣсъ отдѣльнымъ, эгоистическимъ классовымъ стремленіямъ, онъ видитъ лишь возвращеніе къ воззрѣніямъ Платона и Аристотеля. Проводится и далѣе аналогія между древностью и нашимъ време-

немъ: сопоставляютъ стремленіе къ «опрощенію», восхваленіе «натуральнаго» состоянія, среди утонченно-развитой цивилизаціи тогда и теперь; сравниваются взгляды, напр., Дикэарха изъ Месанны, ученика Аристотеля, и идеи Руссо и гр. Л. Н. Толстого; утопіи древности и утопіи новаго времени, имѣющія какъ-бы свой прообразъ въ соціальной поэзіи грековъ; нѣкоторыя воззрѣнія греческой философской мысли и новѣйшія научныя теоріи; даже способы тогдашней и нынѣшней медицины; космополитизмъ въ древности и космополитизмъ новаго времени и т. д.

Если допустить параллелизмъ и аналогію (хотя-бы и не въ такой мѣрѣ), то изученіе греческой исторіи представляетъ не одинъ только чисто-научный, теоретическій интересъ; оно получаетъ и практическое значеніе: исторія эта дѣлается глубокопоучительною для насъ. Такъ и смотритъ на нее Пельманъ: по его словамъ, во многихъ своихъ стадіяхъ она является типическою.

Сравнительная, общеисторическая точка зрѣнія.

Сближая древность съ такъ называмыми «средними» и «новыми» вѣками, Э. Мейеръ и Пельманъ уже тѣмъ самымъ становятся на сравнительную, обще-историческую точку зрѣнія, и это стремленіе выйти изъ рамокъ узкой спеціализаціи, это возвращеніе къ болѣе универсально-исторической точкѣ зрѣнія, на которой настаивалъ, между прочимъ, еще и Нибуръ, является въ свою очередь одною изъ характерныхъ особенностей новѣйшаго движенія въ области изученія греческой исторіи.

Историкъ или филологъ долженъ заниматься древнею исторіей.

Послѣ всего изложеннаго на предыдущихъ страницахъ едва-ли есть надобность подробно останавливаться на вопросѣ, который иногда подымался: кто долженъ заниматься древнею исторіей—филологъ или историкъ? Дѣло, вѣдь, не въ словахъ, не въ ярлыкѣ. Филологи и историки въ области изученія древности могутъ и должны идти рука объ руку. Вѣдь исходною точкою для каждаго историка-изслѣдователя служитъ текстъ, все равно—будетъ ли то документъ или свидѣтельство какого-либо автора, и первое условіе—умѣть точно и правильно понимать текстъ, на которомъ основываются историческія построенія и выводы. Историкъ греческой древности долженъ обладать надлежащимъ знаніемъ античной литературы, археологіи, эпиграфики. Съ другой стороны, филологу не должна быть чужда широкая историческая точка зрѣнія. И примѣры показываютъ, что въ дѣлѣ разработки греческой исторіи мы многимъ обязаны какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Гротъ и Э. Мейеръ—историки, Бекъ и Виламовицъ—филологи. Весьма важно и участіе юристовъ, которые напрасно до послѣдняго времени пренебрегали изученіемъ греческой исторіи

и греческаго права[1]). Недаромъ Моммзенъ говорилъ, что необходимо, чтобы за исторію государственнаго строя грековъ взялся юристъ, и недаромъ даже Виламовицъ, съ его поэтической натурой и симпатіями къ идеализму,—тотъ самый Виламовицъ, который стоитъ за исключительную привилегію филологовъ заниматься античною исторіей,—настаиваетъ на необходимости создать исторію государственнаго права Аѳинъ.

Таковы наиболѣе характерныя черты научнаго движенія въ области греческой исторіи за послѣднія десятилѣтія. Какъ быстро идетъ разработка этой исторіи, видно хотя бы изъ того, что всѣ труды, вышедшіе до 1891 г., оказываются во многихъ частяхъ уже совершенно устарѣлыми. Разрастается матеріалъ, мѣняются воззрѣнія, расширяются задачи историческаго изслѣдованія...

При томъ быстромъ научномъ движеніи, которое замѣчается въ разработкѣ греческой исторіи, понятно, что многія изъ общепринятыхъ и, казалось бы, твердо обоснованныхъ воззрѣній и гипотезъ скоро устраняются и замѣняются другими, новыми. Но это не должно смущать изслѣдователя и дѣйствовать на него подавляющимъ образомъ. Новый матеріалъ не только подрываетъ прежніе взгляды и обличаетъ наши ошибки: часто онъ блистательно подтверждаетъ догадки и мнѣнія, высказанныя раньше на основаніи лишь скудныхъ данныхъ или слабыхъ намековъ источниковъ. И такихъ примѣровъ немало. Изслѣдователь съ бодростью и энергіей можетъ работать въ области греческой исторіи: это—область интересная и благодарная, далеко еще не вполнѣ, со всѣхъ сторонъ, изслѣдованная.

---

[1]) Изъ изданій и работъ, касающихся права, назовемъ: Thonissen, Le droit pénal de la républ. Athén. Brux. 1875; «Этюды» Caillemer (Études sur les antiquités juridiques d'Athènes; le droit de succession légitime à Athènes. 1879); обширный 4-томный трудъ Beauchet (Hist. du droit privé de la république athén. 1897); новѣйшія работы Glotz'a (стр. 238, прим. 4). Вообще французскіе юристы сравнительно ранѣе начали интересоваться греческой исторіей (преимущественно Дарестъ, который принялъ участіе и въ изданіи греческихъ юридическихъ надписей). Изъ нѣмецкихъ филологовъ знатокомъ права является Липсіусъ (переработавшій «Der attische Process» Мейера и Шемана; ср. его-же Das attische Recht und Rechtsverfahren. Leipz. 1905—8. 2 ч.), который особенно настаиваетъ на необходимости тщательнѣе изучить греческое право; Hirzel, Themis, Dike und Verwandtes. Ein Beitrag z. Gesch. d. Rechtsidee bei den Griechen. Leipz. 1907; очень важны труды юриста Mitteis'a (стр. 197, прим.). На рус. яз. объ аѳинскомъ правѣ ст. г. Бурзи (въ «Изв. Истор.-Фил. Институт. кн. Безбородко». Нѣж. 1903, янв.—февр.).

УКАЗАТЕЛЬ [1]).

Абботъ (Abbot) 238.
Абу-Симбелъ 10 173.
Абуширъ 195
Авлъ Геллій 123.
Адлеръ 167. 168.
Акрополь см. Аѳины.
Аландскій П. И 186—187.
Александръ Полигисторъ 99.
Алкей 23.
Альбэръ см. Гальбгерръ.
Андокидъ 29. 94.
Андротіонъ 77.
Anonymus Argentinensis (Анонимъ Страсбургскій) 196.
Антіохъ (Сирак. или Сицил.) 51. 76.
Аполлодоръ 99. 116.
Аполлонъ, святилище А. Бранхидскаго (Дидимейскаго) 213.
Аратъ 98. 109.
Аргосъ 14. 211.
Аристобулъ 97. 98.
Аристодемъ 124.
Аристоксенъ 192.
Аристотель 28. 42. 62. 77—96. 109. 125. 130. 189. 190. 193. 202. 236. 237. 240. 241: 242. 246. 248 253
Аристофанъ 26—27. 251.
Арріанъ 97. 98.
Арсиноэ (Крокодилополь) 189. 194.
Архимедъ 196.
Ассосъ 173.
Атрей 163.
Аттидографы, Аттиды 34—35. 77. 93. 94. 96.
Аттика 6. 172 173. 211.
Афродитополисъ 195.
Аѳиней 123
Аѳины 6. 11—14 170—174. 199.

Бабстъ И. К. 155.
Бакидъ 44.
Бакхилидъ 23. 191.
Бартелеми (аббатъ) 131.
Бартелеми-С.-Илеръ 83.
Баумгартенъ 237.
Бауэръ Ад 37. 83. 95. 122.
Бауэръ В. В. 155.
Бекъ (Böckh) 16—17. 18. 132—134. 144. 155. 156. 234. 245. 251. 254.
Белохъ 139. 146. 220—224. 228. 229. 239. 240. 247. 248. 249. 253.
Бенндорфъ (Benndorf) 173. 212.
Бентлей 129.
Березань 217.
Бертье-Делагардъ А. Л. 217.
Бларамбергъ 174.
Blinkenberg 213.
Борхардтъ 195.
Брекеръ (Bröcker) 116.
Брейтенбахъ 65.
Брея 13.
Брунъ Ф. К. 176.
Бузольтъ 12. 181. 183—185. 187. 188. 217—218. 231.
Bulle 210.
Бунарбаши 161.
Бурачковъ П. О. 7.
Бурзіанъ 244.
Буркгардтъ 233—234.
Бѣляевъ Д. Ѳ. 188.
Bury 238.
Бюхеръ 227 253.

Вагнеръ 235.
Ваксмутъ Куртъ (Curt Wachsmuth) 178.
Васильевскій В. Г. 111. 155.
Вафіо 205.
Веберъ 243.
Вейль (Weil) 83.
Велькеръ 137 144.
Вендландъ 139.
Веселовскій Н. И. 216.
Wessely 194 197.
Вигандъ (Viegand) 212—213.
Виламовицъ (Wilamowitz - Möllendorff) 84—85. 93. 193. 235—237. 250. 254. 255.

[1]) Географическія названія указываются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ экспедиціяхъ, раскопкахъ, надписяхъ, вообще древностяхъ и т. под. Дополненіемъ къ указателю можетъ служить оглавленіе.

Вильгельмъ 199.
Вилькенъ (Wilcken) 194. 196—198.
Villoison 131.
Винкельманъ 130.
Виноградовъ П. Г. 84.
Випперъ Р. Ю. 219. 241—242
Wissowa 185. 238.
Воеводскій Л. Ф. 188.
Вольфъ Ф. А. 21. 131. 132 133. 141.
Wood 173. 212.

Гаria Тріада 208.
Гальбгерръ, Альбэръ (Halbherr) 10. 157. 207.
Gha (Gúlas) 210.
Гарпократіонъ 81. 125.
Heberdey 212.
Гекатей (Милетскій) 33—34. 44. 46. 74.
Гелланикъ 33—35. 51.
Гельмольтъ (Helmolt) 243.
Гера, храмъ Г. Аргосской 211.
Гердеръ 130.
Германъ Готфр. 21.
Германъ К. Фр 136.
Гермиппъ, комикъ 25.
Геродотъ 32. 34. 35—49. 51. 56. 59. 66. 72. 73. 74. 76. 78. 91. 93. 100 109. 116. 118. 126. 237.
Геродъ (Геронъ) 191. 251.
Герцбергъ 185.
Герцогъ (Herzog) 213.
Гершензонъ М. О. 85.
Гесихій 125.
Геciодъ 23. 225.
Гете 130.
Hibeh 194.
Hicks 18. 157.
Гильбертъ 184—185. 187. 188. 231.
Hiller von Gaertringen 199. 211.
Гиляровъ А. Н. 181.
Hinneberg 235.
Гиперидъ 31. 191.
Гипподамъ 80.
Гиппократъ 62.
Гиро (Guiraud) 185. 232—233.
Гиссарликъ 161—162. 200. 204.
Glotz 238.
Hogarth 210.
Holdsmith 131.
Голенищевъ В. С. 196.
Гольмъ (Holm) 60. 116. 122. 139. 181—183.
Гомеръ 20—22. 31. 130. 161. 163. 165. 225. 237.
Гомперцъ (Gomperz) 83.
Гортина 10—11. 157.
Grenfell 191—194.
Groh 178.
Гротъ (Grote) 21. 139—145. 149. 178. 183. 220. 223. 249. 251. 254.
Гуманъ (Humann) 168—169
Hunt 191—194.
Гуревичъ Я. Г. 187.
Гурнія 210.
Гутшмидъ 121. 185.

Daremberg 185.
Дарестъ 83. 255.
Делосъ 6 170—171. 211. 215.
Дельфы 6. 7. 170. 171 201—202.
Демосѳенъ 30—31. 94.
Демофилъ 73.
Деревицкій А. Н. 84. 243.
Дерпфельдъ (Dörpfeld) 162. 165. 172. 199—200.
Дидимъ 99.
Дикэархъ 96. 254. 256.
Джиллисъ (Gillies) 131.
Дильсъ (Diels) 83.
Димини 211.
Димитрій Фалерск. 96. 109.
Диттенбергеръ (Dittenberger) 18. 156. 197.
Діогенъ Лаэртій 122.
Діодоръ Сиц. 76. 97. 113—117. 121. 122. 124. 182. 246.
Діонъ Хрисостомъ 123.
Додона 175.
Дройзенъ Іог Густ. 137—139. 148.
Дункеръ Максъ 147—149. 178—182. 225.
Дюбрюксъ 177.
Дюммлеръ Ферд. 93.
Дюмонъ (Dumont) 170.
Дюрюи (Duruy) 154.

Евгемеръ 4.
Евменъ 97. 98.
Евполидъ 25.
Еврипидъ 24—25. 40. 130. 189. 192.
Евсевій 124.
Египетъ 17. 19. 173. 189—194. 197. 198. 207. 209.
Елисаветовская ст. 216.
Ернштедтъ В. К. 198.

Жебелевъ С. А. 199. 239—240.
Жираръ Поль (Girard Paul) 171.

Забѣлинъ И. Е. 214.
Зѣлинскій Ѳ. Ф. 242—243.

Иліада 20—22. 45. 131.
Исократъ 30. 73. 75 76. 78. 94.
Италія 17.

Іегеръ 243.
Іеронимъ Блаж. 124.
Іеронимъ изъ Кардіи 98.
Іонъ 72.
Judeich 178.

Каввадій 174.
Кавказъ 17. 157.
Кадмъ 33.
Кайбель (Kaibel) 84.

Каллисѳенъ 96—97. 109.
Калокэриносъ 203.
Карапанъ 175.
Карія 173.
Карѣевъ Н. И. 187. 240. 242.
Каупертъ 172.
Кауэръ (Cauer) 83
Квинтъ Курцій Руфъ 97.
Кейль (Keil) 83. 84. 196.
Келеръ (Köhler) 12. 156. 172.
Келеръ акад. 176.
Кеніонъ (Kenyon) 81—83. 85. 190—191.
Керстъ (Kaerst) 139.
Керчь см Пантикапея.
Kinch 213.
Кипертъ (Kiepert) 244.
Кипръ 172. 213.
Кирхгофъ (Kirchhoff) 37. 156.
Кирхнеръ 18.
Климентъ Александрійскій 99.
Клинтонъ 244.
Клитархъ 97.
Кноссъ 203—207. 210. 251.
Коллиньонъ (Collignon) 171.
Comparetti 157.
Кондаковъ Н. П. 176.
Константинъ (Багрянор.) 124.
Конце (Conze) 168.
Копаидское озеро 6. 210.
Коринѳъ 211.
Корнелій Непотъ 75. 113.
Косъ 213.
Косцюшко-Валюжиничъ К. К. 177. 213.
Кратеръ 96.
Кратинъ 25.
Критиппъ 72. 75. 193.
Критій 70. 78. 93.
Критъ 6. 17. 199. 202—210. 217.
Ксенофонтъ 63—70. 75. 92. 98. 109. 117. 182. 193.
Ктесій 73. 124.
Кулаковскій Ю. А. 217.
Куль-Объ 177.
Курціусъ Э. (Curtius) 143. 144—147. 149. 166. 168. 172 178. 182. 235. 249.
Куторга М. С. 154.

Ларфельдъ (Larfeld) 18.
Латышевъ В. В. 17. 157. 158. 176. 187—188.
Лахманъ 21.
Le Bas 156.
Левкадія 200.
Леонтьевъ П. М. 216.
Леперъ Р. Х. 85. 199.
Лессингъ 130.
Лефебвръ (Lefebvre) 195.
Ликъ (Leake) 136.
Линдосъ 213.
Липсіусъ (Lipsius) 143. 255.
Лисій 30. 65. 94.
Лобекъ 136.
Логографы 32—36. 44. 51.
Лоллингъ (Lolling) 178.
Луба герц. де 211.
Лукіанъ 123.
Lumbroso 197.
Лунинъ М. М. 155.
Любкеръ 238.
Люгебиль К. Я. 155.
Люперсольскій П. И. 155.

Магаффи (Mahaffy) 185—186. 190. 239.
Magdôla 195.
Магнесія 212.
Македонія 17.
Маклаковъ В. А. 85.
Малая Азія 17. 173.
Мандесъ М. И. 116.
Мантинея 14.
Марксъ 219.
Meier M. H. E. 255.
Мейеръ Эд. (Ed. Meyer) 59. 60. 122. 146. 193. 220. 222. 224—231. 240 249. 252—254.
Мелосъ 210.
Менандръ 195—196. 198.
Мениди 6.
Менке 244.
Меурзій 129.
Микены 6. 159. 163—165. 173. 174. 200. 204. 210.
Милетъ 6. 198. 212.
Миллеръ А. А. 216.
Milchhöfer 203.
Миній 6. 210; миніи ibid.
Миносъ, дворецъ М. 203—207.
Mitteis 197. 255.
Митфордъ (Mitford) 131. 140.
Michel 18.
Мищенко Ѳ. Г. 40. 85. 154. 188. 235.
Моммзенъ Теод. 143. 146. 179. 225.
Моммзенъ Августъ 244.
Мурзакевичъ Н. Н. 157.
Murray 213.
Мусей 44.
Мюллеръ К. О. 4. 36. 134—136. 144. 200.
Мюллеръ-Штрюбингъ Г. 59. 60. 178. 246.
Мюллеръ Максъ 4.
Iw. Müller 178. 184. 231.

Навкратисъ 6. 10. 173.
Неархъ 97.
Недвиговка 216.
Нейманъ 244.
Нибуръ Бартольдъ Георгъ 60. 61. 62. 74. 132—133. 254.
Низе (Niese) 139.
Никитинъ П. В. 158.
Никитскій А. В. 157—158. 199. 201.

Николай Дамасскій 113.
Нитчъ 21.
Ницше 179. 237.
Новосадскій Н. И. 157.
Нов. Илионъ 161.
Ньютонъ (Newton) 157. 173.

Оветтъ (Hauvette) 171.
Одиссея 20—22.
Оксиринхъ 19. 97. 191—194. 196.
Олимпія 6. 7. 10. 17. 145. 147 165—166. 202. 211.
Олло (Holleaux) 170.
Ольвія 6. 15. 177. 214.
Омолль (Homolle) 170. 171. 201.
Ohnefalsch-Richter 173. 213.
Орхоменъ 6. 210—211.
Орѣшниковъ А. В. 7.
Оссулье (Haussoullier) 171. 213.

Павсаній періэгетъ 125—127. 163.
Палеокастро 210.
Пантикапея 6. 177. 215.
Паросъ («Паросскій мраморъ») 15. 16. 198.
Партчъ (Partsch) 244.
Парутино см. Ольвія.
Парѳенонъ 6. 135.
Pauly 185. 238.
Пелопоннесъ 17.
Пельманъ (Pöhlmann) 220. 222. 228. 231—232. 249. 252—254.
Пергамъ 6. 17. 166. 167—170. 200. 212.
Перицоній 129.
Pernier 207.
Перро (Perrot) 171.
Петеръ 244.
Петрены 216.
Петровъ М. Н. 243—244.
Пиндаръ 23. 192. 237.
Пирръ 98.
Платея 173.
Платонъ 28—29. 79. 109. 189. 237. 253.
Плутархъ 46. 76. 81. 97. 113. 115. 117—122. 123. 131. 182. 241. 242. 246.
Покровскій А. И. 29. 110.
Покровскій М. М. 85. 93.
Поландъ 235.
Полемонъ 127.
Полибій 98. 99—112. 116. 124.
Поліэнъ 123.
Поллуксъ 81. 125.
Pomtow 201.
Помяловскій И. В. 17. 157. 176.
Понтремоли 213.
Посидоній 111. 116.
Поттье (Pottier) 171.
Пресъ 210.
Пріэна 6. 212—213. 215.
Протогенъ 15.
Птолемей Лагъ 97. 98.
Птолемей Филад. (податной уставъ П. Ф.) 19. 191.

Райнеръ 19. 189. 194.
Ramsay 173.
Рангави 156.
Ранке 60. 61 231.
Рауль-Рошеттъ 176.
Ревилью (Revillout) 194.
Reinach Th. 93. 194.
Reinach S. 171.
Риттеръ К. 144.
Riezler 210.
Родбертусъ 227. 253.
Роде (Rohde Erwin) 4. 237.
Родосъ 213.
Розе 83. 85.
Рославскій-Петровскій А. П. 155.
Россъ (Ross) 136.
Ростовцевъ М. И. 217. 233.
Рюль (Rühl) 83. 84.

Savignoni 207.
Saglio 185.
Сандисъ (Sandys) 84—85.
Де Санктисъ (De Sanctis) 207. 239.
Санторинъ (Ѳера) 6.
Сафо 192.
Свида 37. 125.
Селивановъ С. А. 213.
Seymour de Ricci 195.
Сескло 211.
Сигоній 129.
Сикіонъ 173.
Симонидъ 23.
Сингросъ 167. 202.
Сирія 17
Сицилія 17.
Скалигеръ 129.
Соколовъ Ѳ. Ѳ. 155. 157.
Солонъ 23. 94. 242.
Сосилъ 196.
Софоклъ 24—25. 40.
Спата 6.
Стаисъ 211.
Стасюлевичъ М. М. 155.
Стесимбротъ 73.
Стефанъ Визант. 125.
Страбонъ 97. 113. 125—126.
Сэйсъ 46.

Танагра 6. 173. 174—175. 251.
Танаисъ 216.
Tebtunis 19. 193—194.
Телеклидъ 25.
Тимей 75. 76. 109. 116.
Тимоѳей Милетскій 195.
Тиринѳъ 6. 159. 164—165. 200. 204. 205 210.
Thirlwall 140.
Тиртей 23.
Толстой И. И. гр. 176.

Триполье, трипольская культура 216.
Трогъ Помпей 76 113.
Троя 6. 159—163. 199—200 217. 247.
Трубецкой С. Н. кн. 238. 256.

Убо Эммій 129.
Уваровъ А. С. гр 176.
Узенеръ (Usener) 4. 237—238.
Ульрихъ 51
Успенскій, еп. Порфирій 198.

Фабриціусъ 10. 157.
Фармаковскій Б. В. 199. 214.
Фаюмъ 189 195.
Фестъ 207—209.
Филархъ 98. 109.
Philacopi 210.
Филистъ 76.
Филохоръ 77.
Viereck 194.
Флиндерсъ Петри (Flinders Petrie) 19. 173 186. 189—191. 207.
Volquardsen 115.
Фоссъ 130.
Фотій 73. 124. 125.
Francotte 232
Фригія 173.
Фриманъ 185—186.
Фринихъ 70.
Фукаръ (Foucart) 157. 170. 171. 201.
Фуртвенглеръ (Furtwangler) 210—211.
Фюстель де Куланжъ 149—153. 171. 185. 232. 240. 252.

Халкида 11—12.
Хвойко В. В. 216.
Хвостовъ М. М. 233.
Херсонесъ 6. 7. 15. 177—178. 198. 213.

Zakro 210.
Целлеръ 238.
Цунда (Tsountas) 211.
Цыбульскій С. О. 235.

Черное море, побережье 77. 158. 176.
Cesnola 173.

Шварцъ А. Н. 71.
Шварцъ Юл. (Schvarcz) 180. 18[illegible] 247.
Шелль (Scholl) 83.
Шеманъ (Schömann) 143—144. 147. 255.
Шефферъ В. А. 84. 95 239.
Шиллеръ 130.
Шкорпилъ В. В. 215.
Шлегели, братья 230.
Шлиманъ Генр. 5. 142. 158—166. 174. 199. 200 202. 203. 204. 210 247. 248.
Шпрунеръ 244.
ф. Штернъ Э. Р. 84. 188. 216—217. 239
Шульцъ Г. Ѳ. 85.

Щукаревъ А. Н. 157. 188.

Эвансъ (Evans) 5. 199 203—207. 209. 210.
Эгина, эгинскіе мраморы 135.
Eisenlohr 194.
Элевсинъ 173. 174.
Элида 10. 14.
Эліанъ 123.
Эпидавръ 17. 173. 174.
Эратосѳенъ 99. 196.
Эргардтъ (Erhardt) 21.
Эрехѳейонъ 14; Эрехѳейская фила 14.
Эриѳры 11.
Эсхилъ 24—25.
Эсхинъ 31. 94.
Эфесъ 6. 173. 212.
Эфоръ 73—74. 76. 92. 100. 109. 113. 115. 117. 182.

Юлій Африканъ 124.
Юргевичъ В. Н. 157.
Юстинъ 113.

Ѳемистогенъ 67.
Ѳеогнидъ 23.
Ѳеопомпъ 72 73. 74—76. 109. 113. 116. 124. 182. 193.
Ѳеофрастъ 96.
Ѳера (Санторинъ) 6. 17. 211.
Ѳераменъ 93.
Ѳессалія 6. 17. 211. 217.
Ѳукидидъ 11. 15. 29. 49—64. 66. 72. 75. 76. 78. 87. 88. 92. 93. 100. 103. 109. 111. 116. 178. 193. 230. 237. 246.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе III

Добавленія и поправки VII

I.

Обзоръ источниковъ (стр. 1—127).

Понятіе объ источникахъ 1.

1) **Языкъ** (стр. 2).

2) **Преданія (миѳы и сказанія)** (стр. 3).

Значеніе миѳовъ и сказаній.—Толкованіе ихъ 3.

3) **Памятники вещественные** (стр. 5).

Значеніе вещественныхъ памятниковъ 5.—Важнѣйшіе памятники 6.

Монеты 7.

4) **Надписи и другіе документы** (стр. 8).

Значеніе и содержаніе надписей 8.—Недостатки надписей, какъ источника 9.—Важнѣйшія надписи 10.—Эпиграфика 16.—Сборники надписей 16.—Рукописные документы.—Папирусы 19.

5) **Литературныя произведенія** (стр. 19).

Значеніе литературныхъ произведеній, какъ историческаго источника 19.—Гомерическій эпосъ 20.—Гесіодъ.—Лирика 23.—Трагики 24.—Комедія 25.

Философы 27.—Ораторы 29.

Историки (стр. 31).

Логографы 32

Характеристика логографовъ 32.—Гекатей 33.—Гелланикъ 34.

Геродотъ 35

Геродотъ и логографы.—Біографія Геродота 36.—Содержаніе его труда 37.—Міровоззрѣніе 38.—Примѣры раціонализма 41.—Политическія симпатіи Геродота.—Отношеніе къ варварамъ 42.—Источники 43.—Историческая критика у Геродота 45.—Недостатки Геродота и ихъ объясненіе 46.—Значеніе труда Геродота 48.

Θукидидъ 49

Θукидидъ и Геродотъ 49.—Біографія Θукидида 50.—Источники Θукидида.—Характеристика его труда 51 —Критика и пріемы 52.—Методъ реконструкціи 53.—Рѣчи 54 —Идея причинности и законосообразности 55 —Рационализмъ 56.—Политическія воззрѣнія 57.—Объективность 58.—Θукидидъ и современная критика 59.—Θукидидъ и историческая наука XIX в. 61.

Ксенофонтъ 63

Біографія Ксенофонта 63.—Hellenica 64.—Вопросъ о пристрастіи Ксенофонта 65 —Ксенофонтъ, какъ историкъ 66.—Анабасисъ 67 — Другія произведенія Ксенофонта 68.

Псевдо-Ксенофонтова «Аѳинская Политія» 70.

Историки V—IV в, произведенія которыхъ сохранились лишь въ отрывкахъ 72

Кратиппъ 72.—Іонъ.—Стесимбротъ —Ктесій 72.—Риторическое направленіе.—Эфоръ 73.—Ѳеопомпъ 74.—Сицилійскіе историки 76.—Аттиды и аттидографы 77.

Аристотель 77

Начало политической литературы 77.—Аристотель 79.—«Политика» 79 —«Политіи».—«Аѳинская Политія» 81.—Вопросъ объ «Аѳ. Пол.» въ современной литературѣ 82.—«Политія»—произведеніе Аристотеля 85 —Характеристика «Аѳ. Пол.» 86.—Причины недостатковъ 89 —Воззрѣнія Аристотеля въ «Политіи» и въ «Политикѣ» 89.—Источники «Аѳ. Пол.» 91 —Значеніе «Политіи» 95.

Перипатетики и ихъ современники 95.—Источники по исторіи Александра В. и его преемниковъ 97.—Представители Александрійской образованности 99.

Полибій 99

Біографія Полибія 100.—«Исторія» Полибія.—Ея содержаніе 101. — Ея универсальность. — Планомѣрность историческаго процесса 102.—Судьба 103.—Божество 104.—Факторы историческаго процесса 105,— «Прагматическая исторія».—Польза исторіи.—Правда — Рѣчи 106.—Важность причинъ 107 —Требованія отъ историковъ — Подготовка, личный опытъ и источники Полибія 108.—Вліяніе стои 109.— Безпристрастіе Полибія 110. — Политическія воззрѣнія 111 — Значеніе Полибія 112.

Посидоній 112.—Трогъ Помпей.—Корнелій Непотъ 113.

Діодоръ Сицилійскій 113

«Историч. Библіотека» Діодора 113.—Взглядъ Діодора на исторію.—Характеристика «Истор. Библіотеки» 114.—Хронологія Діодора.—Источники Діодора и его отношеніе къ нимъ 115.

Плутархъ 117

Біографія и личность Плутарха 117.—Его сочиненія — Moralia. — «Жизнеописанія» 118 — Плутархъ, какъ біографъ 119 — «Теорія единаго источника» 121.

Діогенъ Лаэртій 122.—Діонъ Хрисостомъ.—Аѳиней и Эліанъ.—Поліэнъ.—Лукіанъ.—Хронографы 123.—Юлій Африканъ.—Евсевій.—Фотій.—Сборникъ эксцерптовъ 124—Лексикографы 125.

ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ-ПЕРІЭГЕТЫ (стр. 125).

Страбонъ 125.—Павсаній 126.

II.

Очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX и въ началѣ XX в. (стр. 128—255).

Новое «Возрожденіе классической древности» въ XVIII и въ началѣ XIX в. 129

Ученые XVI—XVII в.—Начало новаго «Возрожденія» 129.—Винкельманъ—Лессингъ и друг.—Гете и Шиллеръ.—Романтизмъ 130.—Франція.—Англія 131.

Отъ Вольфа, Нибура и Бека до Грота 131

Начало новой эпохи 131—Вольфъ.—Нибуръ 132.—Бекъ 133.—К. О. Мюллеръ 134.—Труды по греч. древностямъ 136.—Дройзенъ 137.—Новѣйшіе труды по исторіи эллинизма 139.

Отъ Грота до конца 60-хъ годовъ 139

Гротъ.—«Исторія Греціи» 140.—Ея недостатки 142.—Шеманъ 143.—Э. Курціусъ 144.—«Греческая исторія» 145.—Максъ Дункеръ 147.—Фюстель де Куланжъ.—Его взглядъ на исторію 150.—«La cité antique» 151.—Противорѣчія у Фюстель де Куланжа 153.—Дюрюи.—М. С. Куторга 154.

Развитіе эпиграфики и раскопки 70-хъ и 80-хъ годовъ . . 155

Начало новаго періода.—Corp. Inscr. Attic. и друг. 156.—Эпиграфика въ Россіи 157.—В. В. Латышевъ.—Раскопки 158.—Шлиманъ 159.—Раскопки на Гиссарликѣ 161.—Микены 163.—Тиринѳъ 164.—Раскопки въ Олимпіи 166.—Раскопки въ Пергамѣ 167.—Гуманъ 168.—Французская школа въ Аѳинахъ.—Раскопки на Делосѣ 170—Нѣмецкій Институтъ въ Аѳинахъ 172.—Британская школа и общества.—Американская школа.—Австрійскія экспедиціи.—Греческое Археолог. Общество.—Раскопки въ Аѳинахъ 173.—Элевсинъ.—Эпидавръ.—Микены.—Танагрскія фигуры 174.—Открытіе Додоны.—Открытія древностей въ южной Россіи 175.

Обработка греческой исторіи въ 70-хъ—80-хъ годахъ . . . 178

Общій характеръ обработки.—Послѣдніе томы «Ист. древн.» Дункера 178.—Юліусъ Шварцъ 180.—Вторая половина 80-хъ гг.—Гольмъ 181. Бузольтъ 183.—Гильбертъ 184.—Французская литература 185—Фриманъ.—Магаффи.—П. И. Аландскій 186.—В. В. Латышевъ 187.—Э. Р. ф. Штернъ.—Ѳ. Г. Мищенко 188.

Открытія 90-хъ годовъ XIX и начала XX в. 188

Открытія папирусовъ (188).

Начало открытія греч. папирусовъ.—Великія открытія 1891 г.—Папирусы Фл. Петри 189.—Открытіе «Аѳ. Пол.» 190.—Публикаціи Grenfell'я и Hunt'a.—Папирусы изъ Оксиринха и друг. 191.—«Персы» Тимоѳея.—Менандръ 195.—Значеніе открытыхъ папирусовъ 196.—Ostraka.—Пергам. рукописи 198.

Эпиграфика 198.—Институты 199

Раскопки (199).

Раскопки Дерпфельда въ Аѳинахъ 199.—VI городъ на Гиссарликѣ 200.—Раскопки въ Дельфахъ 201 —Открытія на Критѣ 202.—«Дворецъ Миноса» 203—Открытія въ Фестѣ и его окрестностяхъ 207.—Раскопки въ Орхоменѣ и проч 210 —Раскопки на югѣ Россіи.—Херсонесъ —Ольвія 214 —Пантикапея 215 —Танаисъ —«Трипольская культура» (Хвойко) —Раскопки Э. Р. ф Штерна 216.

Новѣйшіе труды по исторіи Греціи . . 217

Вліяніе открытій на обработку греч. исторіи 217 —Новѣйшее направленіе въ историч наукѣ 218 —Отраженіе его въ области изученія греч исторіи 219 —Белохъ 220.—Эд Мейеръ 224 —Пельманъ 231.—Изученіе экономической и соціальной исторіи Греціи 232 —Буркгардтъ 233 —Другіе труды по культур исторіи —Виламовицъ 235 —Э Роде —Узенеръ 237.—Э Целлеръ —Французская литература —Англійская литература 238. —Итальянская —Русская —В А. Шефферъ.—С А Жебелевъ 239.—Н. И. Карѣевъ 240.—«Лекціи» Р. Ю. Виппера 241.—«Исторія аѳинской демократіи».—Ѳ. Ф. Зѣлинскій 242.

Всемірныя исторіи 243 —Хронологія и географія 244.

Заключеніе —Общій характеръ современнаго научнаго движенія въ области греческой исторіи 244

Ростъ матеріала 245.—Отношеніе къ матеріалу 246.—Умаленіе роли личности 247 —Идея эволюціи —Интересъ ко второстепеннымъ общинамъ 248.—Интересъ къ соціально-экономической сторонѣ 249 —Модернизація греч исторіи 250 —Сравнительная, общеисторическая точка зрѣнія —Историкъ или филологъ долженъ заниматься древнею исторіей? 254.

Указатель 256

Добавленія къ поправкамъ.

Стр 14, стр. 14. Вм. снабженія слѣд. снаряженія.

Стр. 18, стр. 1. Вм. надписей, извлеченныхъ изъ рукописей на черепкахъ слѣд. надписей на черепкахъ.

Стр. 21, стр. 18. Вм. ингерполяціями слѣд интерполяціями

Стр. 73, стр. 9—10 Вм. Аѳинянамъ слѣд Аѳинамъ.

Стр. 93, стр. 21. Вм. времени слѣд. имени.

Стр. 103, стр. 4. Вм. судьбъ слѣд судебъ

Стр. 172, прим. 1, въ нач. Пропущено Michaelis

Стр. 195, прим. 2. Прибавить· Korte, Menandrea. Leipz. 1910.

Стр. 196, прим. 2. Прибавить: Simon, Gesch d Mathematik im Altert . Berl. 1909.—О медицинск. папирусахъ В. С. Голенищева ст. А. Г. Бекштрема въ Ж. М. Н. Пр., 1909, ноябрь.